

К. В. КРАЙНЮКОВ

ОТ
ДНЕПРА
ДО
ВИСЛЫ

**Константин Васильевич
КРАЙНЮКОВ**

Генерал-полковник
К. В. КРАЙНЮКОВ

ОТ ДНЕПРА ДО ВИСЛЫ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1971

Крайнюков К. В.

К78 От Днепра до Вислы. Серия «Военные мемуары». М., Воениздат, 1971.

344 с.

Осенью 1943 года генерал К. В. Крайнюков был назначен членом Военного совета 1-го Украинского фронта. Повествуя о героической днепровской переправе, освобождении Киева и боевых действиях войск фронта за рубежом, автор знакомит читателей с интересными историческими фактами и малоизвестными подробностями, рассказывает, как разрабатывались и обсуждались в Ставке Верховного Главнокомандования, а затем претворялись в жизнь планы фронтовых наступательных операций.

В книге тепло говорится о прославленных полководцах Н. Ф. Влутинне, И. С. Коневе, И. Д. Черняховском и других военачальниках, о руководящих политработниках и рядовых бойцах партии, самоотверженных солдатах, проявивших в борьбе с врагом беспримерное мужество.

Автор не ставил перед собой цель подробно описывать оперативно-тактическую обстановку и боевые действия войск фронта. Это делалось главным образом в связи с тем, чтобы лучше показать многогранную деятельность военных советов, командиров и политорганов, разнообразные формы и методы партийно-политической работы в различных условиях.

ДОРОГА К ДНЕПРУ.

Над выжженной степью густо клубилась седая пыль, поднятая колоннами пехоты, гусеницами танков, колесами автомашин и обозных повозок. Бурный поток советских войск днем и ночью неудержимо двигался мимо обгоревших «тигров», «пантер» и «фердинандов», мимо разбитых немецких грузовиков и опрокинутых зарядных ящиков. Разгромив врага под Орлом и Белгородом, под Харьковом, Богодуховом и Ахтыркой, наши войска преследовали отступавших к Днепру гитлеровцев.

В те горячие сентябрьские дни сорок третьего года мне довелось быть членом Военного совета 40-й армии, которая входила в состав Воронежского фронта, наступавшего на киевском направлении.

Вместе с генерал-полковником Кириллом Семеновичем Москаленко и генерал-майором Алексеем Алексеевичем Епишевым мы спешили в передовые части, которые вели упорные бои с противником, сбивая его с промежуточных оборонительных рубежей, уничтожая многочисленные засады и заслоны.

Погруженный в думы, командующий молчал. И без того худощавый и бледный, он за дни наступления еще больше осунулся. Сняв фуражку, Кирилл Семенович старательно вытер платком высокий с пролысынами лоб и, окинув взглядом заполонившую шоссе солдатскую рать, задумчиво произнес:

— Устали войска. Устали. А медлить нельзя: надо как можно быстрее выйти к Днепру и с ходу форсировать его, не дать неприятелю возможности закрепиться.

— Не такое время, чтобы медлить, — подтвердил Алексей Алексеевич. — Полагаю, это понимают и солдаты и командиры. Днепр сейчас огромная притягательная сила, воодушевляющая войска на подвиг.

— Вот именно, — согласился Кирилл Семенович. — Идти таким стремительным маршем после многодневных боев, идти упорно, как говорят, на энтузиазме, — это подвиг.

«А ты и сам, Кирилл Семенович, — подумал я, — большой энтузиаст. С тебя и берут пример наши воины».

И в самом деле, увидев командующего, фронтовики подтягивались, бодрились: рядом с ними неутомимый командарм!

Днепр. Эта одна из крупнейших рек в Европе представляла собой основу стратегического оборонительного рубежа — так называемого Восточного вала. Гитлер, как нам стало позднее известно, клятвенно заверил сборище нацистов в Берлине, что скорее Днепр потечет вспять, нежели русские преодолеют его.

Мы знали, что битва здесь будет тяжелой, что наиболее сильное сопротивление врага следует ожидать на киевском направлении, особо важном в политическом, оперативном и стратегическом отношении. Вот почему командующий и Военный совет 40-й армии принимали все меры к тому, чтобы движение наших войск к Днепру проходило в быстром темпе, чтобы не дать возможности неприятелю организованно занять оборону.

Подъехав к голове полка, двигавшегося по шоссе, К. С. Москаленко спросил пехотинцев:

— Ну как, друзья, есть ли порох в пороховницах, крепка ли сила солдатская?

Один из бойцов в тон командующему задорно ответил:

— Нам не впервой вот так шагать. Уж если у солдата ноги да поясница поразомнуты, тогда только версты считай!

Когда затих смех, вызванный шуткой, боец вскинул на командующего глаза и уже серьезным тоном произнес:

— Откровенно говоря, притомились мы. Но отдыхать некогда, особенно мне. За Днепром, под Киевом, семья ждет меня. — Солдат нахмурился и невесело,

словно сам с собой рассуждая, добавил: — А может, никого и не застану в живых. Фашист всю лютует...

— Вот поэтому мы должны спешить, чтобы и вашу семью спасти, и тысячи других людей из тяжелого плена выволнить, — заключил командующий.

Из-за реки Удай, к которой мы подъезжали, все явственнее доносилась перестрелка. Это наш передовой отряд, ворвавшийся в Пирятин, довершал бой, подавляя последние очаги сопротивления.

Из пыльной завесы, клубившейся над степью, внезапно появились «тридцатьчетверки» и, обгоняя пехоту, устремились к Днепру. В сражение вступала 3-я гвардейская танковая армия, только что переданная из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в состав Воронежского фронта.

Въезжая в Пирятин, мы повстречали командующего танковой армией генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко. С удивительной для его полноты подвижностью Павел Семенович соскочил с машины и с шумными, радостными возгласами крепко, по-товарищески обнял меня. Мы были с ним давними друзьями. В 1929—1930 годах Рыбалко командовал кавалерийским полком, а я в той части был секретарем партийного бюро. Я тогда не раз благодарил судьбу за то, что во главе полка стоял перешедший на командную работу боевой комиссар гражданской войны. Павел Семенович помогал мне дружескими советами, делился богатым опытом боевой и политической работы в Первой Конной армии. Жили мы дружно, трудились слаженно. Почти одновременно пошли на учебу. Затем беспокойная армейская жизнь надолго разлучила нас.

Перед Отечественной войной, весной сорок первого года, мы снова повстречались. Я служил тогда во Львове заместителем командира 2-го кавалерийского корпуса по политической части. Признаюсь, немало удивился, увидев великого оптимиста Рыбалко сумрачным и озабоченным. Но тому были свои причины...

После окончания академии Павел Семенович находился на военно-дипломатической работе в сопредельных с нами государствах. Затем его перевели в Москву, в центральный аппарат Наркомата обороны. С ответственными поручениями он прибыл и в наш край, в приграничные районы Украины.

— Что там в столице говорят о фашистской Германии? — спросил я Рыбалко. — Слухи ходят всякие, порой тревожные...

— Да, слухи ходят всякие, — медленно повторил Павел Семенович. Он задумчиво потер подбородок и многозначительно произнес: — Гляди, Константин Васильевич, в оба, будь начеку. На переднем крае, можно сказать, находишься, на боевом направлении.

Затем мой собеседник доверительно сообщил, что железнодорожный транспорт у немцев работает по графику военного времени, что к нашим границам перебрасываются все новые и новые дивизии вермахта, что в приграничной полосе беспокойно — подозрительно ожились закордонные лазутчики, участились случаи нарушения воздушного пространства.

— Не исключено, что фашистская Германия может напасть на нас, — заключил П. С. Рыбалко.

В тот же вечер Павел Семенович уехал в Москву, и я долго ничего не слышал о нем. А война и в самом деле вскоре началась. Как и десяткам тысяч наших воинов, автору этих строк довелось вместе с конниками принять боевое испытание утром 22 июня 1941 года. Но в бой мы вступили не на львовском направлении, а на советско-румынской границе, куда в самый канун войны перебросили 2-й кавалерийский корпус.

И вот несколько лет спустя, неожиданно встретившись на фронтовой дороге, мы сидим с Павлом Семеновичем Рыбалко на окраине Пирятина и вспоминаем обо всем значительном, что произошло в нашей жизни за время войны.

Беседу прервал офицер штаба армии, передавший генералу П. С. Рыбалко донесение о том, что танкисты вошли в соприкосновение с противником. Отдав необходимые распоряжения, Рыбалко уточнил у генерала К. С. Москаленко данные о противнике, ознакомился в общих чертах с боевой задачей 40-й армии, с которой гвардейцам-танкистам предстояло взаимодействовать, и сразу же заспешил к своим передовым частям. А мы с Кириллом Семеновичем тотчас же направились в войска, продвигавшиеся с боями от Пирятина к Днепру.

У околицы небольшого селения к нам подошел командир передового отряда и доложил обстановку: по данным разведки и показаниям пленных, противник,

прикрывая отход сильными боевыми заслонами, спешит быстрее переправить на западный берег Днепра живую силу и технику. Наш передовой отряд, сбивая неприятеля и охватывая его заслоны с флангов, успешно двигался к реке.

Мимо нас неожиданно промчался какой-то странный пестрый грузовик, набитый фанерными щитами.

— Это что за машина? — удивился командарм. — Куда держит путь?

Грузовик остановился невдалеке, и люди, находившиеся в кузове, проворно соскочили на землю, водрузив на обочине дороги щит с надписью: «Днепр совсем близко. Вперед!» На втором щите было написано: «Герои Волги и Дона, вас ждет Днепр! Преследуйте врага, не давайте ему передышки!» На третьем: «До Днепра — один переход. Вперед, советские воины!»

— Оказывается, своих не признал, — усмехнулся Кирилл Семенович. — Молодцы политотдельцы!

Агитмашина политического отдела 40-й армии двигалась непосредственно с передовыми частями. Политработники средствами наглядной агитации пропагандировали боевые задачи, стоявшие перед армией, мобилизовывали воинов на ратные подвиги.

Перед началом битвы за Днепр Военный совет 40-й армии рассмотрел и утвердил план партийно-политической работы, охватывавший все этапы операции. В обсуждении этого важного документа приняли участие командарм (он же председатель Военного совета) генерал-полковник К. С. Москаленко, член Военного совета армии генерал-майор А. А. Епишев, начальник политотдела полковник П. В. Севастьянов и автор этих строк.

Надо заметить, что форма и содержание всей нашей агитации и пропаганды вытекали из самой сути наступательных операций. В плане были предусмотрены специфические особенности подготовки и проведения предстоящего сражения. Войска впервые встречали на своем пути крупную водную преграду. Опыт форсирования рек у нас был незначительный, поэтому его приходилось собирать буквально по крупицам. Полки и дивизии, прошедшие с боями через всю Левобережную Украину, были сильно утомлены. Это в известной мере отражалось на настроении воинов. Перед командирами и по-

литорганами стояла нелегкая задача — вдохнуть бодрость в солдатские сердца, еще выше поднять боеготовность войск.

Военный совет совместно с политическим отделом армии наметил меры по пропаганде директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года. Этот документ обязывал командиров и начальников представлять к присвоению звания Героя Советского Союза и награждению орденами тех солдат, сержантов и офицеров, которые первыми переправятся через Днепр и успешно будут вести бой за захват и расширение плацдармов.

Директива Ставки подчеркивала, что форсирование Днепра и захват плацдармов является первейшей боевой задачей. Ей, этой главной задаче, была подчинена организаторская деятельность командарма и Военного совета, осуществлявших волю партии в войсках, повседневная деятельность командиров всех степеней и политорганов.

Военный совет обязал политотдел 40-й армии выпустить совместно со штабом памятку о форсировании рек. Предложено было развернуть широкую пропаганду способов преодоления водных преград, в том числе и с помощью подручных средств.

Лучшими проводниками передового опыта и активными агитаторами по праву считались бывалые солдаты, чье слово представляло особый авторитет. Молодежь прислушивалась, тянулась к ним, подражала им. Как-то по пути к Днепру я увидел группу воинов, остановившихся на короткий привал. Солдаты внимательно слушали рассказ старшего сержанта. По обилию нашивок, обозначающих легкие и тяжелые ранения, и медалям, сверкавшим на его выгоревшей гимнастерке, нетрудно было понять, что старший сержант многое испытал на своем боевом пути. Увидев меня, ветеран подал команду: «Встать. Смирно!» — и доложил, что он, старший сержант Коваль, проводит беседу о предстоящем форсировании.

— Продолжайте, — сказал я Ковалю.

— Самое главное — не мешкай, не маячь на берегу перед глазами противника, — назидательно говорил старший сержант. — Не жди, пока тебе мостик построят или катер подадут. Война — это не воскресная прогулка по рске на пароходе с буфетом, пивом и лимонадом.

Солдаты дружно засмеялись, а Коваль продолжал:

— На войне смекалка нужна, находчивость. Подошел к реке — сразу же готовься к переправе. Коль нет на берегу лодок, надо связать плот из бревен и досок или же соорудить самодельный понтон из пустых бочек. Наконец, можно набить плащ-палатку сеном, соломой или же сухим камышом. На таком индивидуальном «плоту» можно вплавь перебраться и через Днепр, сохранив личное оружие сухим и готовым к бою. Смелому и умелому солдату река не помеха. Он сумеет все одолеть и добыть победу.

Когда агитатор умолк, я спросил его слушателей:

— Не заробеее перед днепровской ширью?

— Нет, — дружно ответили солдаты. — Переплывем.

Военный совет рекомендовал командирам частей и соединений при форсировании реки шире использовать местные и подручные переправочные средства, так как понтонных парков и других табельных средств в войсках не хватало. Воины саперных и хозяйственных подразделений заготавливали в освобожденных населенных пунктах металлические скобы, канаты и веревки, бревна и доски для оборудования плотов. Собрав на малых реках лодки и баркасы, они смолили и конопатили их и, отремонтировав, транспортировали в район будущих переправ.

Командиры брали на учет смелых и выносливых пловцов, способных ночью бесшумно переплыть Днепр и выполнить разведывательное задание. Словом, к форсированию реки мы готовились всесторонне, зная что это дело не легкое.

Самые трудные дела, как и всегда, возлагались на коммунистов. Штурмовые группы и отряды, роты и батальоны, которые должны были первыми переправиться на правый берег и захватить там плацдарм, на 50—70 процентов состояли из членов партии и комсомольцев.

Дни нашего наступления к Днепру были примечательны не только боевыми событиями, но и бурным ростом партийных рядов. Только за первые две декады сентября 1943 года партийные бюро и парткомиссии частей и соединений 40-й армии рассмотрели более 2 тысяч заявлений о приеме в члены и кандидаты ВКП(б). Причем наибольший приток заявлений наблюдался не во время фронтового затишья, а в период самых трудных

испытаний. В суровый час перед наступлением многие воины писали: «Хочу идти в бой коммунистом».

Уместно заметить, что в годы Великой Отечественной войны армейские парторганизации росли и пополнялись главным образом за счет закаленных и проверенных в огне сражений солдат, сержантов и офицеров.

Важную роль в усилении роста партийных рядов сыграли Постановления ЦК ВКП(б) от 19 августа и 9 декабря 1941 года. Первое из них устанавливало, что «красноармейцы и начальствующий состав действующей Красной Армии, особо отличившиеся в боях, показавшие образцы героизма и изъявившие желание вступить в партию, могут представлять рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае вступающие в партию представляют боевую характеристику политического руководителя подразделения или комиссара части»¹.

Второе постановление разрешало «политорганам Красной Армии принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа»².

Вступая в ряды ленинской партии, боец-фронтовик знал, что принадлежность к ВКП(б) не дает ему никаких привилегий, кроме одной: первому подниматься в атаку и увлекать за собой других, насмерть стоять на завоеванных рубежах, не щадя себя, сражаться с врагом. И партийные ряды не только не редели, а умножались, пополнялись стойкими людьми из неиссякаемого источника, имя которому великий и героический советский народ.

Только в сентябре 1943 года партийные организации Воронежского фронта приняли в свои ряды 11 782 солдата, сержанта и офицера. Ко времени форсирования Днепра в войсках фронта насчитывалось около четверти миллиона коммунистов и комсомольцев.

Все честное, передовое, испытанное в огне сражений тянулось к партии. Армейские коммунисты пользовались огромным доверием беспартийных воинов, а вера и любовь к партии Ленина были поистине безграничны.

¹ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Изд-во политической литературы. М., 1970, стр. 55.

² Там же, стр. 61.

20 сентября в 40-ю армию прибыл командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин. Невысокий, коренастый и плечистый генерал, добродушно прищурившись, долго смотрел на двигавшиеся через село войска. Иногда он вступал в короткие разговоры, задавал вопросы солдатам и офицерам, спрашиваясь о самочувствии и настроении личного состава. Затем командующий войсками фронта сказал генералу К. С. Москаленко:

— А пожалуй, ваша армия может выйти к Днепру раньше запланированного срока. Темп наступления не следует снижать.

Николай Федорович пригласил нас с генералом А. А. Епишевым принять участие в беседе и продолжал:

— Приближается кульминационный момент битвы. Военному совету и политотделу армии нужно мобилизовать всю энергию людей для того, чтобы они сумели превозмогнуть усталость и смогли решительным броском достичь Днепра, с ходу форсировать его.

Генерал армии отметил, что это необходимо еще и потому, что нашим войскам при преследовании не удалось упредить отступавшего противника и захватить переправы через Днепр. 3-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко, до последнего момента находившаяся в резерве Ставки под Тулой и Курском, из-за недостаточной пропускной способности железнодорожного транспорта с запозданием была переброшена в район боевых действий. Лишь к вечеру 20 сентября танкисты начали выдвижение в общем направлении на Яготин, Переяслав. В течение суток им надо было преодолеть расстояние более 100 километров и к исходу 21 сентября передовыми частями форсировать Днепр, захватив плацдарм на его западном берегу. Войска 3-й гвардейской танковой армии наступали в высоком темпе, но все же не смогли упредить немцев и захватить переправы. Неприятелю удалось отвести большинство частей и подразделений за водный рубеж и разрушить мосты.

— Будем полагаться на свои силы и возможности, вплоть до использования подручных средств, — сказал Н. Ф. Ватутин. — Форсировать Днепр надо немелленно и на широком фронте. Противник вынужден будет ме-

таться, распылять силы. Это облегчит нашу задачу по захвату плацдармов. Сейчас мы прочно овладели боевой инициативой и упускать ее не имеем права. Настал такой момент, когда промедление поистине смерти подобно, ибо от этого зависит не только освобождение Киева, но и всей Правобережной Украины. Вот почему Ставка Верховного Главнокомандования придает исключительно важное значение быстрому и решительному форсированию реки на широком фронте.

Николай Федорович отметил, что 40-й армии выпала честь одной из первых на фронте начать переправу через Днепр. Пожелав нам боевого успеха, воинского счастья, командуящий весело, по-молодому улыбнулся. А улыбался он, надо заметить, не часто. Видно, поэтому улыбка так преобразила его лицо, подчеркнув открытый и простой русский характер.

После отъезда Н. Ф. Ватутина мы на Военном совете еще раз рассмотрели предстоящие боевые задачи. Заседание проходило накоротке, без протокольной записи. Сама боевая обстановка не раз диктовала нам такую оперативную форму работы. Командарм К. С. Москаленко, как председатель Военного совета, высоко ценил коллективный разум и опыт этого руководящего органа, всегда прислушивался к мнению и предложениям его членов.

Мы были озабочены нехваткой понтонно-мостовых парков, а также горючего и боеприпасов. Скоростное строительство деревянных мостов на малых реках позволило снять с промежуточных водных рубежей понтонные парки и немедленно двинуть их к Днепру, одновременно подтянув туда и отставшие колонны зенитной артиллерии. Военный совет предусмотрел и меры по улучшению боепитания войск и обеспечению передовых частей горючим и продовольствием.

Здесь я считаю необходимым отметить, что военным советам фронтов и армий, флотов и флотилий принадлежала видная роль в руководстве боевыми операциями по разгрому германского фашизма. Направляя деятельность командиров и политорганов, осуществляя военное и политическое руководство войсками, военные советы несли ответственность перед партией и правительством за обучение и воспитание, воинскую дисциплину и политико-моральное состояние личного состава,

формирование, укомплектование и материально-техническое обеспечение войск, их боеспособность и боеготовность. Обладая на территории фронта, армии всей полнотой государственной власти, они постоянно следили за поддержанием общественного порядка и государственной безопасности, способствуя укреплению прифронтового тыла и направляя все его усилия на помощь действующей армии.

ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны придавали большое значение военным советам, как органу, сочетающему в себе военные, политические и административные функции. За годы Великой Отечественной войны они накопили большой опыт, имеющий и ныне немаловажное значение. Жаль, что в исторических трудах, да и в мемуарной литературе скупо освещена деятельность военных советов. Если порой и упоминается о них, то лишь в общей связи, мимоходом, в силу чего молодые командные и политические кадры не очень отчетливо представляют себе практику работы военных советов в годы войны, их значительный вклад в дело победы.

Всесторонне обсудив на заседании Военного совета необходимые вопросы, генерал К. С. Москаленко отдал затем войскам армии приказ форсировать Днепр на широком фронте в наиболее выгодных местах, используя для этой цели все переправочные средства, в том числе и подручные. А Военный совет в свою очередь сделал все для того, чтобы приказ командующего был выполнен образцово.

Мы знали, что предстоит тяжелая битва и что многое в ней решает моральный фактор, наступательный порыв и стойкость воинов. Военный совет и политотдел 40-й армии созвали на вспомогательном пункте управления у Сошников совещание начальников политотделов соединений. На нем присутствовали: от 47-го стрелкового корпуса — полковник Ф. Ф. Туликов, от 52-го стрелкового корпуса — полковник А. В. Карцев, от дивизий — полковники М. М. Бикрицкий, Н. Ф. Ведехин, М. А. Гуцало, Н. С. Косович, В. П. Прокофьев и подполковник А. Н. Ярославцев.

На совещании шла речь о непрерывности политработы на всех этапах операции: перед форсированием Днепра, в момент переправы и на плацдармах. Началь-

ник политотдела 40-й армии полковник П. В. Севастьянов подчеркнул, что противник занимает господствующий правый берег, все видит и простреливает. Поэтому приказано форсировать реку ночью, скрытно подведя войска к пунктам переправ.

— В таких сложных условиях, — продолжал П. В. Севастьянов, — особенно необходимы высокая дисциплина, организованность, отличная маскировка. Как известно, успех политработы в бою, операции во многом зависит от того, сколь точно определено ее главное звено и правильно расставлены силы. В данном случае важнейшими участками работы следует считать места переправ и плацдармы. Именно там надо сосредоточить лучшие силы коммунистов, агитаторов.

Военный совет и политотдел армии обратили внимание участников совещания на такие насущные вопросы, как обеспечение войск устойчивой связью, боеприпасами, продовольствием. Мы потребовали, чтобы политорганы взяли под особый контроль эвакуацию раненых на левый берег, не допуская их скопления на плацдармах и не подвергая новым опасностям. Для этой цели предлагалось использовать обратные рейсы лодок и паромов.

На мою долю выпала задача ознакомить присутствовавших с решением Военного совета, в котором говорилось о том, чтобы все внимание было сосредоточено на форсировании реки, чтобы начальники политорганов лично обеспечивали неколебимую стойкость войск, способных не только преодолеть Днепр и захватить плацдармы, но и значительно расширить их. На заключительном этапе операции предлагалось еще более усилить пропаганду основных положений директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года, обязывавшей командиров представлять воинов, которые первыми переправятся через Днепр, к присвоению звания Героя Советского Союза и награждению орденами. Военный совет рекомендовал политорганам вести строгий учет ратных подвигов, поднимать на щит славы героев, заботиться о том, чтобы отличившиеся без промедления представлялись к правительственным наградам.

В заключение выступил командующий армией. Он выразил надежду, что совещание поможет политработ-

никам лучше уяснить особенности операции, позволит четко спланировать свою деятельность на различных этапах наступления.

В эти напряженные сентябрьские дни, предшествовавшие днепровской переправе, политорганы, партийные и комсомольские организации работали инициативно, с особым подъемом и творческим огоньком. В войсках чувствовался огромный наступательный порыв. Все были охвачены одной мыслью: «Скорее форсировать Днепр!» Каждый солдат был полон решимости и патриотического стремления первым выйти к реке и с ходу преодолеть ее.

Путь к Днепру пролегал по земле, истерзанной гитлеровскими вандалами. Куда ни глянь — пепел, руины, дым пожарищ. Захватчики применили варварскую тактику «выжженной земли», превращая цветущие районы Советской Украины в «зону пустыни». Сама обстановка способствовала воспитанию ненависти к врагу.

Горел древний Переяслав — родина Богдана Хмельницкого, полыхали окрестные села и деревни.

— Вы видите, товарищи, что творят гитлеровские палачи? — говорили бойцам командиры и политработники. — Поспешим на выручку нашим родным людям!

И воины, забыв про усталость, с боями стремительно двигались вперед.

В полосе боевых действий армии наши политорганы совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций освобожденных городов и сел составляли акты о злодеяниях фашистов. Эти официальные документы печатались в газетах, выпускались отдельными листовками.

Не могу забыть Переяслав-Хмельницкий того времени. Огромный плакат, водруженный на окраине истерзанного города, гласил:

«900 человек гитлеровцы расстреляли и повесили в первые же месяцы своего хозяйничанья в Переяславе.

5300 юношей и девушек отправлено на немецкую кавергу.

90 процентов всех домов гитлеровцы сожгли, взорвали и разрушили. 452 лучших здания города, в том числе

исторические памятники, превращены в развалины. Свыше 200 жителей погребено под обломками домов в результате варварской бомбежки.

В окрестных селах десятки грудных и малолетних детей зарублены и брошены в колодцы.

Кровь Переяслава, его пепел, его руины зовут к священной мести. Вперед, воин! Отомсти за слезы и горе наших граждан. Смерть немецким оккупантам!»

ДАЕШЬ ПРАВЫЙ БЕРЕГ!

К исходу 22 сентября передовые отряды 40-й армии на участке Кийлов, Гусенцы, Андруши вышли к Днепру. На правом берегу глухо бухали орудия, и к нам с воем и свистом летели снаряды и мины, разметая взрывами мокрый песок. Однако большинство вражеских огневых точек, расположенных на заднепровских кручах, пока еще молчало.

Началась непосредственная подготовка к форсированию. Солдаты вязали плоты из бревен, хвороста и досок, ремонтировали найденные в прибрежных кустах рыбацьи челны и лодки, мастерили самодельные понтоны.

— Пока есть время, пройдемся к Днепру, — предложил мне генерал К. С. Москаленко. — Проведем предварительную рекогносцировку.

Мы оставили машину в укрытии и пошли по зыбким пескам, поросшим лозняком. В лицо ударил резкий сырой ветер, и взору открылась необъятная водная гладь.

— Ну, здравствуй, родной ты наш Днепр, — тихо проговорил Кирилл Семенович и тяжело вздохнул: — Нелегко был путь к тебе, ох, как нелегок!..

В памяти вставали тяжелые бои в августе 1941 года. Тогда я был членом Военного совета 6-й армии, прикрывавшей подступы к Днепропетровску. Неимоверно трудно было отражать бешеный натиск танковых соединений фон Клейста. В 6-й армии, формирование которой было еще не завершено, не хватало танков и артиллерии. Ведя непрерывные бои, войска испытывали острую

нехватку боеприпасов. Иногда положение было критическим, и тогда командарм генерал-майор Р. Я. Малиновский, член Военного совета бригадный комиссар И. И. Ларин, начальник штаба армии комбриг А. Г. Батюня, все члены Военного совета, начальник поарма полковой комиссар П. Г. Степанов, его заместитель Ф. Я. Лисицын и другие руководящие работники штабов и политотделов армий и соединений направлялись на самые опасные участки, организуя отражение атак врага.

В ту пору штаб армии часто получал тревожные донесения. Помню, как командир 169-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Зелинский докладывал: «Танки противника потеснили наш левый фланг. Бой идет непосредственно рядом с моим командным пунктом. Держимся до последнего!» Войска, возглавляемые командирами и комиссарами, стояли насмерть, ибо нужно было любой ценой задержать бронированную лавину чужеземцев.

И вот после двух с лишним лет, пройдя великий ратный путь и закалившись в огне сражений, мы вернулись на берега Днепра. Здесь фактически завершался начатый под Сталинградом коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны.

Этот великий перелом в смертельной борьбе с темными силами фашизма обеспечила героическая партия коммунистов, партия великого Ленина. В годы суровых испытаний еще ярче и полнее раскрылась ее направляющая и организующая роль, еще более упрочилось монолитное единство партии и народа. Проявив величайшую твердость, героизм и стойкость в борьбе, ВКП(б) показала непревзойденное умение сплачивать массы, быстро перестраивать боевые ряды, мобилизуя все силы на разгром врага.

— Теперь времена другие, — задумчиво проговорил генерал К. С. Москаленко. — Стратегическая инициатива сейчас принадлежит Красной Армии. Теперь мы диктуем свою волю неприятелю.

Командарм, укрывшись в кустарнике, долго рассматривал в бинокль противоположный крутой берег реки. Противник на какое-то время прекратил артобстрел, и установилась непривычная тишина.

— Притаились фашисты, выжидают, — заметил Кирилл Семенович. — По данным фронтовой разведки, за Днестром сосредоточены крупные силы. А вот что враг замыслил, как построил свою оборону, какие сюрпризы нам приготовил, хотелось бы еще раз выяснить и уточнить.

Командующий вызвал начальника разведывательного отдела армии полковника С. И. Черных, приказал ему отобрать смелых разведчиков, умеющих отлично плавать, и послать их на западный берег с задачей прощупать противника, его огневую систему, добыть пленных.

Руководящие работники штаба и политотдела находились в войсках. Мне в тот вечер довелось побывать на переправах 309-й Пирятинской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Д. Ф. Дремин, а также в приданном 10-м танковом корпусе. Беседуя с политработниками частей, я напомнил им требования Военного совета, сформулированные для войск в канун форсирования реки: «Захватил плацдарм, стойко его обороняй! Ни шагу назад, вперед и только вперед!» Под этим девизом проходили митинги солдат, партийные и комсомольские собрания.

Перед форсированием Днестра вступившим в ряды ВКП(б) вручались партийные документы. Герои-фронтовики клялись, что не пощадят ни крови, ни самой жизни в боях за освобождение Правобережной Украины и всей Отчизны.

В Днепровскую битву мы вступили, имея вполне сложившиеся полнокровные и боеспособные первичные партийные и комсомольские организации. Этому весьма способствовало постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». Если раньше первичные организации имелись в полках, то теперь они были образованы в батальонах, дивизионах и равных им подразделениях. Новая структура полностью себя оправдала и сохранила свою жизненность на протяжении всей войны.

Во время подготовки войск к наступлению мы получили директиву Главного политического управления Красной Армии от 7 сентября 1943 года, в которой изла-

гались конкретные задачи политорганов по улучшению руководства работой партийных и комсомольских организаций. Она обязывала политорганы уделять исключительное внимание идейному воспитанию партийных кадров, создать резерв кандидатов на должность парторгов и комсоров рот, батальонов и обучить их практической деятельности.

Партийно-политическая работа, указывалось в директиве, только тогда приносит свои плоды, когда она неразрывно связана с очередными задачами, которые решаются частью, подразделением. Только выполнение этих задач и будет свидетельствовать о подлинной, а не формальной перестройке партийной работы в Красной Армии, как того требует ЦК ВКП(б).

Этот документ сыграл большую роль в повышении качества партийно-политической работы в войсках как в дни битвы за Днепр, так и в последующих наступательных операциях.

Велико было влияние партии на солдатские массы, на все стороны ратной деятельности войск. В бою оно осуществлялось силой личного примера и большевистского слова членов ВКП(б) и ВЛКСМ, их бесстрашием и беззаветной отвагой. Коммунисты брали на себя выполнение наиболее ответственных заданий: первому переправиться через реку, добровольно вызваться в разведку или штурмовую группу для уничтожения вражеского дзота или дота и, конечно, первому подняться в атаку, пламенным призывом увлечь за собой других.

Политработники использовали самые разнообразные идеологические средства, в том числе песни и стихи. В 7—8 километрах от Днепра, в укрытом месте я встретил бригаду артистов красноармейского ансамбля песни и пляски. Притихшие бойцы с волнением слушали солиста, который под аккомпанемент баяна исполнял «Песню о Днепре» (слова Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина):

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр, отец-река...
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.

Песня будила у воинов благородные патриотические чувства и звала на бой. Призывно звучали заключительные ее слова:

Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Когда песня смолкла, кто-то из солдат крикнул: «Даешь Днепр!» В ответ раздалось дружное «ура». И я убедился (в который раз!), сколь велико воздействие боевой песни на солдатские массы и как много делали для победы над врагом наши поэты и композиторы. За годы войны политорганы научились искусству подбирать песенный репертуар, отвечающий моменту и специфике боя, операции. Песня шагала вместе с Красной Армией по трудным фронтовым дорогам, воспитывая в солдатах чувство гордости за нашу Родину, горячую любовь к ней и страстную ненависть к фашизму.

Вечером 22 сентября войскам 40-й армии было зачитано обращение Военного совета Воронежского фронта.

«Славные бойцы, сержанты и офицеры! — говорилось в нем. — Перед вами — родной Днепр. Вы слышите плеск его седых волн. Там, на западном берегу, — древний Киев — столица Украины. Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров. Тяжел, но славен ваш путь...

Наступил решающий час борьбы. Сегодня мы должны преодолеть Днепр. Разве есть преграда для армии героев, армии освободителей, разве можно остановить полки, которые борются за Родину, за счастье и жизнь человечества!»¹

К тому времени у танкистов Рыбалко, действовавших с нами в одной и той же полосе, обозначился первый успех. В районе Григоровки уже форсировали Днепр мотострелки из 51-й гвардейской танковой

¹ Архив МО СССР, ф. 417, оп. 8673, д. 1, л. 60.

бригады и захватили небольшой плацдарм. Радостная весть об успехе соседей быстро облетела Левобережье. Это еще больше подняло наступательный дух воинов.

Мне хорошо памятна холодная ночь 22 сентября, когда войска нашей армии начали героическую переправу южнее Киева. Как только сгустились сумерки, к реке двинулись из укрытий первые штурмовые группы и десантные отряды численностью от взвода до усиленного батальона, а порой даже и полка.

Но и враг не дремал. Он усилил артиллерийский обстрел. В воздухе непрерывно гудели немецкие самолеты, сбрасывая фугасные и осветительные бомбы. Однако это не могло остановить наступательного порыва наших воинов. Вот один из многих примеров.

Когда лодка с десантом, возглавляемым заместителем командира стрелкового батальона по политической части капитаном Михаилом Ивановичем Борисовым (957-й стрелковый полк 309-й Пирятинской стрелковой дивизии), была пробита осколками снарядов и начала тонуть, политработник не растерялся.

— Спокойствие! — крикнул он. — Добираться всем вплавь. За мной, на врага!

Солдат, получивший ранение, безуспешно пытался преодолеть оставшиеся пятнадцать—двадцать метров. Капитан выручил раненого бойца из беды, помог ему добраться до берега, а сам устремился на фашистов. За ним последовали подчиненные.

В результате южнее Ржищева был захвачен небольшой плацдарм.

С первыми десантами переправлялись на противоположный берег и другие политические работники, которые так же, как Борисов, воодушевляли бойцов личной отвагой. Это яркий образец действенности агитации в бою, партийного влияния на солдатские массы.

Мне памятен давний спор о том, можно ли организовывать политработу непосредственно в бою. Некоторые товарищи пытались доказать, будто в период боевых действий ничего сделать невозможно. Практика опровергла подобные суждения. В годы Великой Отечественной войны партийно-политическая работа велась непрерывно. Речь идет не о времени суток, а о различной обстановке. В любых условиях изыскивались эффек-

тивные формы и методы политического воздействия на личный состав подразделения, части.

В боях за Днепр широкий размах приняла пропаганда военной присяги. Так, перед посадкой на плоты воинов из 11-й мотострелковой бригады 10-го танкового корпуса заместитель командира батальона по политчасти Александр Карпович Болбас громко зачитал текст солдатской клятвы. Затем капитан сказал:

— Кто любит Родину и умеет ненавидеть врагов всеми силами души, тот будет беспощадно истреблять фашистских захватчиков на правом берегу.

В момент переправы, проходившей под ураганным огнем, Александр Карпович воодушевлял бойцов призывным словом, солдатской шуткой, своим бесстрашием. А когда плот причалил, капитан с возгласом «За Родину, за партию, вперед!» увлек за собой воинов в дружную, стремительную атаку.

Доложив старшему начальнику по радио о захвате небольшого плацдарма, он всю ночь руководил действиями подразделения. Противник, во много крат превосходявший численностью, предпринимал атаку за атакой, намереваясь сбросить храбрецов в реку. Но заместитель командира мотострелкового батальона по политчасти и составлявшие основу десантного отряда коммунисты и комсомольцы стояли непоколебимо, прикрывая переправу других подразделений. Получив подкрепление, А. К. Болбас возглавил наступательный бой по расширению плацдарма, который завершился захватом села Балык.

О мужественных делах этого офицера и других героях Днепра рассказала фронтовая и армейская печать. Политотдел 10-го танкового корпуса посвятил отважному воину специальную листовку «Вперед, за Болбасом!».

«Четвертые сутки, — говорилось в листовке, — храбрые воины идут вперед по Правобережной Украине, метр за метром освобождают родную землю. И нет той силы, которая может задержать героев земли советской. Впереди — капитан Александр Карпович Болбас.

Слава тебе, неустрашимый герой. Имя твое с любовью будет произноситься всем народом, всей Советской страной»¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 19419, д. 2, л. 219.

Те, кто первым переправился через Днепр, располагали лишь автоматами, пулеметами, гранатами да противотанковыми ружьями. Почти вся артиллерия, все наши танки и другое тяжелое вооружение оставались на левом берегу, потому что встретились серьезные трудности с переброской их через реку. И тем не менее врагу не удалось ликвидировать наши маленькие плацдармы.

Наряду с другими смельчаками героически сражались бронебойщик Сергей Лаптев и его товарищи из 494-го армейского минометного полка, оборонявшие важную высоту за Днепром. Не раз дело доходило до рукопашных схваток. Получив тяжелое ранение в голову, красноармеец Лаптев не оставил позиции и из противотанкового ружья подбил три фашистских танка. Не считаясь с потерями, противник продолжал наступать. Отважный воин вторично был ранен. Обливаясь кровью, он до последней возможности отстреливался от приближавшихся гитлеровцев. Силы уже оставляли Сергея Лаптева, когда сзади раздалось «ура». Подоспела подмога. Переправившиеся через реку подразделения с ходу атаковали врага и отбросили его. Лишь после этого самоотверженный солдат покинул поле боя.

Военный совет 40-й армии направил раненому герою в госпиталь письмо: «Вы как истинно русский патриот сражались за Правобережную Украину. Ваши стойкость, мужество и воинское умение восхищают всех. Благодарим за честную солдатскую службу Родине. Желаем скорого выздоровления. Представляем Вас к высокой правительственной награде»¹.

Кстати, приветственные письма богатырям днепровской переправы стали действенной формой поощрения воинов, пропаганды героических подвигов и заняли видное место в политработе.

Вскоре Президиум Верховного Совета СССР присвоил красноармейцу Сергею Петровичу Лаптеву высокое звание Героя Советского Союза.

Образцово действовали подразделения 20-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона, которым командовал капитан И. П. Петухов. В числе первых батальон со всей своей техникой вышел к Днепру. Воины во главе со старшим лейтенантом Х. А. Рус-

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 123863, д. 1, л. 77.

ских тотчас спустили на воду понтоны и начали переправу войск. Они быстро оборудовали тяжелый паром, способный перевозить танки, автомашины и артиллерию. Ничто — ни бомбежки вражеских самолетов, ни артиллерийский обстрел, ни пулеметный огонь — не смогло запугать отважных понтонеров.

Игнатий Петрович Петухов, удостоенный за бои на Днестре звания Героя Советского Союза, как-то показал мне на причаливший к пристани понтон со следами залатанных пулевых и осколочных пробоин и с гордостью заявил:

— Место сему понтону в музее славы советского оружия. На нем младший сержант Василий Высоких первым среди понтонеров пересек в районе Букринской излучины реку Днестр. Только за двадцать третье сентября сорок третьего года он совершил под огнем врага двадцать семь рейсов.

Я уже говорил, что войска, захватившие за Днестром «плятчики», встретились с различными трудностями и неожиданностями. Нелегко было с доставкой боеприпасов. Еще сложнее оказалось поддерживать с плацдармов бесперебойную проволочную связь, а радиосредств у нас не хватало. Военный совет хорошо понимал, что устойчивость частей и подразделений на занятых рубежах во многом зависит от четкого и непрерывного управления ими, и потребовал, чтобы командиры, политработники, штабы приблизили руководство к войскам и при первой возможности переносили командные пункты на западный берег. Эти меры, помимо всего, оказывали благотворное влияние на боеспособность войск.

Пять дней и ночей 132-й гвардейский стрелковый полк майора П. И. Шурухина (42-я гвардейская Прилукская стрелковая дивизия) удерживал захваченный им плацдарм, отбивая бесчисленные атаки танков и пехоты врага. Фашистская авиация и артиллерия перепархивали бомбами и снарядами маленький плацдарм. Танки противника, сопровождаемые автоматчиками, штурмовали позиции гвардейцев. Но воины, руководимые смелым и волевым командиром-коммунистом, стояли непоколебимо.

Павел Иванович Шурухин — авторитетный и влиятельный командир-единоначальник. Не теряясь ни при каких обстоятельствах, он своим мужественным поведением и распорядительностью, твердостью и хладнокро-

вием умел вселить в солдат уверенность в своих силах и возможностях, воодушевить подчиненных, укрепить их моральный дух. Опытный руководитель и организатор боя знал, когда необходимо оказать подразделениям поддержку огнем артиллерии, своим резервом, а когда подбодрить подчиненных словом, личным примером. Нередко он сам был организатором политработы.

За мужество, проявленное при форсировании Днепра, П. И. Шурухин был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Но еще большую отвагу, стойкость и личное геройство он проявил при удержании плацдарма. Командующий 40-й армией, наблюдавший за умелыми и энергичными действиями храброго и полевого офицера, внес в наградной лист существенные коррективы, написав, что командир 132-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор Павел Иванович Шурухин достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Когда мне впервые довелось встретиться с П. И. Шурухиным, мое внимание привлекла сверкавшая на его груди медаль «Партизан Отечественной войны».

— Да, жизнь заставила побывать и в партизанах, — перехватив мой взгляд, скупой улыбнулся Павел Иванович и рассказал историю этой награды.

В июле 1941 года, когда создалось тревожное положение на Западном фронте, 1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием полковника Я. Г. Крейзера была выдвинута на рубеж Березины, где нанесла сильный контрудар по наступавшим гитлеровцам. В жарком бою П. И. Шурухин, командовавший тогда батальоном, был ранен.

Не дожидаясь, пока заживут раны, Павел Иванович возглавил партизанский отряд и развернул активные боевые действия в тылу врага. Был вторично ранен.

После выздоровления майор П. И. Шурухин принял под свое командование стрелковый полк. Павел Иванович отличился не только в Днепровской битве, но и в других операциях. Недаром он впоследствии был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

В советском человеке, советском воине заложены поистине неиссякаемые запасы мужества и отваги. В ночь на 23 сентября 1943 года заместитель командира 1850-го истребительно-противотанкового полка 40-й ар-

мни капитан Василий Степанович Петров переправил на самодельных плотах через Днепр орудия и снаряды. Едва артиллеристы успели занять огневые позиции, как им пришлось вступить в жестокий, неравный бой с превосходящими силами противника. Не считаясь с потерями, гитлеровцы бешено рвались к орудиям, намереваясь смять храбрецов, опрокинуть их в реку. У орудий оставалось уже по одному-два человека. Капитан Петров тоже встал за панораму и прямой наводкой расстреливал врага.

В бою Василия Степановича тяжело ранило. Однополчане, участники этого жестокого боя, считали его убитым. Но всем смертям наперекор капитан Петров выжил, хотя врачи вынуждены были ампутировать ему обе руки. Молодой офицер победил тяжкий недуг и, несмотря на полную, казалось, инвалидность, добился разрешения вернуться в полк, в свою родную 32-ю отдельную истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду. Он затем участвовал во многих боях, умело и мужественно руководя артиллерийским огнем подразделений, и закончил войну дважды Героем Советского Союза. В послевоенные годы Василий Степанович Петров стал генералом, кандидатом военных наук.

Дважды Героем Советского Союза завершил войну и отличившийся при форсировании Днепра Н. И. Гoryшкин.

В ночь на 23 сентября вместе с двенадцатью пехотинцами переправилась на первой лодке через Днепр и ротная санитарка из 835-го стрелкового полка 237-й Пирятинской стрелковой дивизии комсомола Мария Щербаченко. Когда во время сильного артобстрела лодка села на мель, а до правого берега было уже недалеко, она прыгнула в воду и с криком «Вперед!» увлекла бойцов в атаку. Промокшие, перепачканные в тине, возбужденные и ожесточенные боем солдаты с криком «ура» преодолели обрывистый берег и сбили вражеское охранение, захватив небольшой плацдарм. Под прикрытием горстки храбрецов успешно форсировали реку и другие подразделения. Десять дней шли кровопролитные бои на плацдарме. Красноармеец Мария Щербаченко перевязывала раненых, ободряла солдат, а когда враг переходил в контратаки, порой и сама стреляла из автомата. Оказывая медицинскую помощь бойцам, отважная ком-

сомолка вынесла с поля битвы и персправила за реку 120 раненых. Марии Захаровне Щербаченко и ее товарищам, что первыми пересекли Днепр, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Крохотные плацдармы-«пяточки». Сколько их очерчено красным карандашом на старенькой фронтовой карте, которую я и поныне бережно храню! Особенно памятны те, что на заречной территории в Букринской излучине Днепра. Там войска 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и 40-й армии генерала К. С. Москаленко вели очень тяжелую борьбу с врагом.

Вместе с гвардейцами-танкистами сражался за Григоровку, Бучак, Зарубенцы, Трахтомиров и другие населенные пункты 47-й стрелковый корпус (командир генерал-майор С. П. Меркулов, начальник политотдела корпуса полковник Ф. Ф. Туликов). В состав корпуса входили 38-я (командир полковник А. В. Богданов, начподив подполковник А. Н. Ярославцев), 337-я (командир генерал-майор Г. О. Ляскин, начподив полковник Н. С. Косович) и 253-я (командир генерал-майор Е. В. Бедин, начподив полковник М. М. Бикрицкий) стрелковые дивизии.

Одновременно 52-й стрелковый корпус (командир генерал-майор Ф. И. Перхорович, начальник политотдела корпуса полковник А. В. Карцев) захватил небольшой плацдарм — Щучинка, Монастырек, Гребенки, отметку 185,7 и южную окраину Стайки. В составе корпуса сражались 68-я (командир генерал-майор Г. П. Исаков, начальник политотдела полковник Н. Ф. Ведехин), 42-я (командир генерал-майор Ф. А. Бобров, начальник политотдела подполковник Б. А. Питерский) гвардейские стрелковые и 237-я (командир полковник П. М. Мароль, начальник политотдела полковник В. П. Прокофьев) стрелковая дивизии.

Войска 3-й гвардейской танковой и 40-й армий, овладев Вел. Букрином, расширили плацдарм на 10—12 километров по фронту и около 6 километров в глубину. В ходе ожесточенных боев к нему удалось подсоединить еще несколько небольших соседних плацдармов.

Форсировав Днепр на широком фронте, Красная Армия одержала выдающуюся победу. Значительных успехов достигли и соединения 3-й гвардейской танковой и

40-й армий, которые первыми среди войск Воронежского фронта переправились через Днепр в районе Букринской излучины, захватив плацдарм.

Надо заметить, что в первые 3—4 дня под Букрином у противника не было крупных сил. Только примерно к 27 сентября он сосредоточил на этом участке 7-ю танковую дивизию, 20-ю гренадерскую мотодивизию и другие части. Располагая наши войска достаточными переправочными средствами, мы сумели бы с 23 по 25 сентября перебросить на правый берег Днепра больше танков и артиллерии. Это позволило бы быстро развить успех, значительно расширить букринский плацдарм и наступать на Кагарлык и Белую Церковь. Но из-за нехватки переправочных средств наращивание наших сил на плацдарме проходило медленнее, чем мы хотели. Да и сильно пересеченная местность под Букрином затрудняла маневр войск, особенно танков.

Следует откровенно сказать, что условия борьбы на заднепровских плацдармах южнее Киева сложились для нас не совсем выгодно. Подтянув новые резервные соединения, в том числе и танковую дивизию СС «Рейх», противник потеснил нас северо-западнее Ржищева. Никак не поддавались слиянию и очаги щучинского плацдарма, где натиск врага был особенно силен. Необычайным упорством отличались бои у Григоровки.

Начальник политотдела 38-й стрелковой дивизии подполковник А. Н. Ярославцев докладывал, что ценой больших потерь гитлеровцам удалось вклиниться в расположение подразделений и потеснить их к реке. Создалось тревожное положение. В критический момент боя заместитель командира батальона по политической части старший лейтенант И. Г. Тарадейко возглавил атаку. Окинув взором воинов, он бросил призыв: «Коммунисты, вперед!» — и первым поднялся в контратаку.

Как один, двинулись на врага коммунисты, а за ними и все солдаты. Враг не выдержал дерзкой и решительной контратаки. Советские воины не только вернули утраченные позиции, но даже продвинулись вперед, расширив плацдарм.

Паромы на переправах работали круглосуточно и с предельной нагрузкой. И все-таки они не могли полностью обеспечить переброску войск и техники. Требовались прочные и надежные мосты, обладающие большой

грузоподъемностью. Особенно нуждалась в них 3-я гвардейская танковая армия, у которой основная масса боевых машин и техники застряла на левом берегу.

Сразу же после того, как наши войска форсировали Днепр, в районе села Козинцы инженерные части начали строить мост большой грузоподъемности. На помощь войскам пришло более двух тысяч трудящихся Переяславского района. Руководил ударной стройкой член Военного совета 3-й гвардейской танковой армии гвардии генерал-майор танковых войск Семен Иванович Мельников.

Саперы 40-й армии тоже строили мостовые переправы, но они были рассчитаны на меньшую грузоподъемность. Вот почему мы были заинтересованы в скорейшем окончании строительства главного моста. Побывав на этой стройке, я познакомился с генералом С. И. Мельниковым. Он был в окружении пожилых крестьян, пришедших с холщовыми сумками, топорами и пилами. Неподалеку от воздвигаемого моста рвались снаряды, били зенитки, а высоко в небе с надрывным стоном гудели вражеские самолеты.

— Ну как, отцы, не привыкли еще к фронтовым концертам? — шутливо спросил он строителей. — У всех душа на месте?

— А мы, товарищ генерал, — хитровато подмигнул бородатый крестьянин, — готовы проложить мосты до самого Берлина, лишь бы скорее Гитлера доконали...

— Это Мусий Божко, отменный плотник, мастер на все руки, артельный тамада и запевала в работе, — представил мне его Мельников.

За одиннадцать суток военные саперы и крестьяне из близлежащих сел проложили через Днепр 700-метровый добротный мост, по которому на Правобережье двинулась танковая армия.

Многие мостостроители были награждены орденами и медалями. Члену Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генералу С. И. Мельникову, который возглавил строительство моста и отличился при форсировании Днепра, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Фронтная обстановка, как известно, быстро сближает людей. На букринском плацдарме мы с Семеном Ивановичем Мельниковым оказались соседями, а наши

блиндажи были расположены совсем рядом. В минуты затишья мы не раз встречались и беседовали. Генерал С. И. Мельников — человек, влюбленный в политработу, в танковую технику и, конечно, в героев-танкистов. Обладая необыкновенной памятью, он мог в любой момент подробно охарактеризовать многих командиров бригад и батальонов, точно описать их боевую деятельность и нравственные качества. Командарм Рыбалко очень ценил члена Военного совета и тепло отзывался о нем.

Позже я видел Семена Ивановича и в более трудных условиях боя. Как-то среди мотострелков одной из частей 3-й гвардейской танковой армии, испытывавшей контрудар врага, произошло замешательство. В критическую минуту боя в боевых порядках появился генерал С. И. Мельников. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, он спокойно шел, призывая воинов твердо стоять на рубежах и крушить врага. Хладнокровным поведением, силой воли и абсолютным презрением к смерти он вселял в солдат и командиров спокойствие и уверенность в победе.

Советские войска прочно обосновались на букринском плацдарме. Кроме 40-й и 3-й гвардейской танковой армий в октябре здесь развернулась 27-я армия. Левее ее, на плацдарме в районе Бучак, действовала 47-я.

Немецко-фашистское командование пыталось сильными контрударами восстановить линию обороны по Днепру. Как-то мне пришлось допрашивать немецкого офицера, взятого в плен в октябре 1943 года.

«Мы пережили два страшных удара, — признался пленный. — Сталинград и Курск. Сейчас русские находятся на правом берегу Днепра. Это третий удар, и скажу прямо — самый страшный. Впереди у нас почти уже нет мощных естественных рубежей. — После долгого тягостного молчания немец с горечью вымолвил: — Разве что Висла...»

Наши разведчики фиксировали появление новых немецких частей. Гитлеровцы, занимавшие выгодные естественные рубежи, успели основательно укрепиться. Но, пожалуй, не меньше, чем упорство сильного и коварного врага, продвижение наших войск, и особенно танков, сдерживала чрезвычайно пересеченная местность. Куда

ни глянешь — холмы, поросшие лесом и густым кустарником, крутые обрывы да глубокие овраги. Естественные препятствия были усилены инженерными заграждениями, минными полями, прикрыты огневыми средствами.

В октябре ударная группировка Воронежского фронта дважды предпринимада наступательные операции, однако прорвать глубоко эшелонированную оборону врага и выйти на оперативный простор так и не удалось.

Немецкие самолеты постоянно совершали налеты на мосты и переправы, на боевые порядки наших войск. В отдельные дни авиация противника совершала до 2200 вылетов.

14 октября по Козинскому мосту всю ночь шли на плацдарм автомашины и танки. Это радовало нас. В то же время тревожила и мысль, что гитлеровцы предпримут массированный налет на этот важный объект. Именно так и случилось. С запада показались вражеские самолеты. Их было несколько групп. Но гитлеровцам не удалось прицельно бомбить мост. Воздушная вражеская армада была дерзко атакована восьмеркой «лавочных». Рассыпалась головная девятка «юнкерсов», рассеялась и вторая. Вот резко пошел на снижение фашистский бомбардировщик, затем задымил еще один и еще...

Как я потом узнал, восьмерку советских истребителей, сбивших на наших глазах десять вражеских бомбардировщиков, возглавлял старший лейтенант С. Горелов.

В дни боев на Днепре ярко засияла слава И. Кожедуба, А. Куманичкина, В. Бородачева, Н. Худякова и многих других соколов-героев из 2-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский.

Яростные схватки шли в воздухе и на земле. Докладывая о беспримерной отваге и стойкости воинов, начальник политотдела 68-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Н. Ф. Ведехин сообщил, что только с 24 сентября по 3 октября подразделения и части соединения отбили 91 неприятельскую контратаку, уничтожив при этом более 2 тысяч солдат и офицеров. Так же самоотверженно и стойко защищали свои рубежи подразделения и части 309-й Пирятинской стрелковой

дивизии. С 27 сентября по 2 октября это соединение отбило 84 вражеские контратаки, уничтожив 1817 гитлеровцев.

Вся страна следила за битвой на Днестре и славилась героев. 17 октября 1943 года газета «Правда» в передовой статье писала:

«Много великих дел, совершенных во славу Родины, видел на своих берегах седой Днестр. Много витязей — защитников Руси купали коней своих в его водах, героическими преданиями овеяна его старина. Но меркнули все бывшие подвиги перед подвигами воинов Красной Армии. Еще не бывало такого на берегах Днестра, что совершается там теперь бесстрашными советскими воинами.

Не владеть гитлеровским разбойникам берегами старого Днестра!

Смерть им в днестровских водах!

Слава героям Днестра!»

Высокая оценка ратных подвигов участников Днестровской битвы вселяла бодрость и способствовала наращиванию ударов по врагу. Передовую газеты «Правда» перепечатали все дивизионные, армейские и фронтовые газеты. Политуправление фронта издало ее отдельной листовкой.

Патриотизм, мужество, высокий моральный дух воинов Красной Армии представляли собою сильнейшее оружие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

18 октября наша ударная группировка снова перешла в наступление. Н. Ф. Ватутин находился на наблюдательном пункте 40-й армии и лично руководил боевыми действиями войск. Однако, как и в прошлый раз, наступление желаемого результата не принесло: узкий и холмистый плацдарм сковывал действия танковых соединений.

Затребовав сводки боевых потерь и выслушав доклады командармов К. С. Москаленко и П. С. Рыбалко, командующий войсками Воронежского фронта тут же, на КНП 40-й армии, высказал мысль:

— А целесообразно ли продолжать усилия с Букринского плацдарма? Не поискать ли иное решение — скажем, севернее Киева? Букрин же использовать для вспомогательного удара.

Условия для этого уже созрели. Войска 38-й армии под командованием генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, наступавшие севернее Киева, сумели под Лютежем значительно расширить свой плацдарм. Теперь и лютежский плацдарм мог вместить крупную ударную группировку фронта. Там местность была более ровная, чем под Вел. Букрином, и благоприятствовала маневру подвижных войск. Все явственнее вырисовывалась возможность именно там, севернее Киева, добиться оперативного успеха.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Октябрь сорок третьего года был сырой и ненастный. Пронзительный ветер рвал с деревьев прелые листья, беспрестанно сыпал унылый мелкий дождь, превративший дороги в сплошное месиво.

В трудных осенних условиях войска продолжали настойчиво расширять плацдарм. Руководя боевыми действиями, командиры и политработники не забывали и о бытовом устройстве людей: о горячем питании, снабжении крепкой обувью, ремонте обмундирования, о землянках, банях, санпропускниках и многом другом, без чего трудно жить и воевать фронтовику. Все это существенным образом влияет на политико-моральное состояние войск и в известной мере на ход и исход боевых действий.

Проверив в одной из частей организацию солдатского быта, я вернулся на командный пункт армии.

— А тебя, Константин Васильевич, по ВЧ Москва вызвала, — сообщил командующий.

— Кто и по какому поводу?

Но Кирилл Семенович лишь пожал плечами.

Впрочем, вечером снова раздался звонок. К аппарату потребовали меня и сообщили:

— С вами будет разговаривать товарищ Щербаков.

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) и начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А. С. Щербаков поинтересовался положением дел на букринском плацдарме, подробно расспрашивал о боевых делах армии, о том, как рабо-

тают Военный совет и политорганы. В конце беседы он сообщил, что ГлавПУР рассматривает вопрос о моем новом назначении. Я попросил А. С. Щербакова, если возможно, пока не трогать меня.

Однако 19 или 20 октября последовал новый звонок. На этот раз из Военного совета фронта. Мне предлагалось незамедлительно прибыть в Требухово, где размещались Военный совет и штаб Воронежского фронта.

В порядке предварительной разведки я связался с начальником политуправления генерал-майором С. С. Шатиловым. Сергей Савельевич отвечал уклончиво, но порекомендовал на всякий случай захватить с собой походный чемоданчик с вещами.

Когда я прибыл в Требухово, мне сказали, что из Государственного Комитета Обороны поступил документ о моем новом назначении и что этот документ находится у члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Н. С. Хрущева. У него я ознакомился с приказом Ставки Верховного Главнокомандования о переименовании с 20 октября 1943 года Воронежского фронта в 1-й Украинский и Постановлением Государственного Комитета Обороны о назначении меня членом Военного совета этого фронта.

Обстоятельства назначения таковы. В связи с тем, что многие области Украины уже были освобождены от немецко-фашистских захватчиков и на повестку дня встал вопрос о Киеве, несколько членов Военного совета фронта, в том числе Председатель Совета Народных Комиссаров УССР Л. Р. Корниец, должны были переключиться на республиканские дела и заняться восстановлением разрушенного народного хозяйства в освобожденных районах и областях. Вместо Л. Р. Корнильца членом Военного совета по тылу стал генерал-майор Н. Т. Кальченко.

Назначение членом Военного совета 1-го Украинского фронта, явившееся для меня неожиданностью, не могло не вызвать чувства серьезной озабоченности. Ответственность огромная. Но вместе с тем доверие партии воодушевляло и окрыляло.

Командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин встретил меня дружеской улыбкой как старого знакомого.

— Нашего полку прибыло, — пожимая мне руку, сказал Николай Федорович. — Уверен, что работать будем дружно. Надеюсь на помощь действенную и постоянную.

Командующий повел разговор о сложном и многогранном процессе — управлении войсками в современном бою, операции. Он подчеркнул, что управление войсками имеет не только организационную и техническую сторону, но и политическую, в том числе поддержание высокого боевого накала, крепкого политико-морального состояния войск, неослабеваемой бдительности и постоянной боевой готовности частей и подразделений.

— Кто должен этого добиваться? — спросил Николай Федорович и тут же ответил: — Командиры, штабы и политорганы тесной, дружной, согласованной работой.

Командующий сообщил, что он совместно со штабом завершает разработку плана предстоящей Киевской наступательной операции, и кратко ознакомил меня с теми вопросами, которые предстояло решить Военному совету в ближайшие дни.

16 октября на должность заместителя командующего войсками 1-го Украинского фронта был назначен генерал-полковник А. А. Гречко. После разгрома гитлеровцев в районе Тамани Андрей Антонович Гречко сразу же включился в напряженную работу по подготовке Киевской наступательной операции.

Передо мной также стояла задача как можно быстрее включиться в работу, изучить оперативную обстановку в полосе наших войск, найти свое место в огромном и сложном фронтовом организме. Не теряя времени, я решил ближе познакомиться с работниками политуправления и штаба, ибо с ними мне предстояло совместно трудиться. Начальника политического управления фронта генерал-майора С. С. Шатилова я знал больше других. Во время боев на Дону, под Белгородом и Харьковом, на Курской дуге и Днепре мы не раз встречались с ним в 40-й армии, куда Сергей Савельевич частенько наезжал. Этот инициативный, мужественный и опытный политработник помог мне войти в курс многих дел и событий.

Познакомился я и с членом Военного совета по тылу генерал-майором Н. Т. Кальченко. Никифор Тимофеевич оказался простым, открытой души человеком, который

никогда не унывал и умел не только трудиться, но и остроумной шуткой, добродушным юмором поднять настроение других.

— Я ведь никогда не собирался быть военным, — улыбаясь, признался мне Кальченко. — Специальность моя самая что ни на есть мирная — агроном. Я люблю эту хорошую профессию, но война заставила постигать военное дело и думать, как лучше обеспечить войска всем необходимым для боя.

Перед Отечественной войной Н. Т. Кальченко, выдвинутый партией на руководящую работу, был председателем исполкома Одесского областного Совета депутатов трудящихся. Никифор Тимофеевич находился в осажденном городе-герое до последних дней его легендарной обороны. Затем Н. Т. Кальченко стал членом Военного совета армии, действовавшей на Кавказе, и уже оттуда прибыл на 1-й Украинский фронт.

Добрые товарищеские отношения установились у меня и с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Семеном Павловичем Ивановым, человеком могучего сложения, знающим свое дело руководителем, умеющим, когда это надо, проявить волю и требовательность. Я частенько заглядывал к нему и советовался по многим оперативным вопросам, стремясь понять многообразную механику штабного организма фронта.

Без знания военного дела, военного искусства, законов, способов и форм вооруженной борьбы нельзя глубоко понимать сложную динамику боя, операции, невозможно квалифицированно вести и организовывать политработу в различных условиях боевой обстановки. И мы, политработники, настойчиво учились военному делу у командиров и работников штабов, у начальников родов войск. Наряду с этим и политработники передавали свой опыт командным кадрам. Шло взаимное обогащение знаниями, что способствовало нашим успехам в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами.

В то время командующим артиллерией фронта был генерал С. С. Варенцов, начальником инженерных войск — генерал-майор инженерных войск Ю. В. Благовослов, начальником тыла — генерал-лейтенант интендантской службы В. Н. Власов, а командующим бронетанковыми и механизированными войсками — генерал-лейтенант танковых войск А. Д. Штевнев.

Андрея Дмитриевича Штевнева я хорошо знал еще с начала войны по Южному фронту. Впервые я встретился с ним осенью сорок первого года под Мелитополем, где вела тяжелые бои наша 9-я армия. Мы оба наблюдали за боевой стрельбой впервые появившихся на нашем участке прославленных «катюш». После залпа гвардейских минометов позиции противника окутались клубами дыма и огня. Ошеломленные действием нового оружия, гитлеровцы дрогнули. Наши подразделения, поднявшиеся в атаку, отбили у противника один населенный пункт, затем другой, третий. Это был отрадный успех.

— Что ж, может, и удержим Мелитополь? — в радостном возбуждении проговорил тогда Андрей Дмитриевич Штевнев и тут же пояснил мне, что Мелитополь — его родной город. Здесь он кочегарил, работал в железнодорожном депо и в 1918 году вступил в партию. Его военная биография тоже началась в мелитопольском красногвардейском отряде.

Однако мечтам Андрея Дмитриевича не суждено было сбыться. В сорок первом году, как известно, Мелитополь удержать не удалось. А в октябре 1943 года, когда у берегов Днепра мы снова встретились с генералом А. Д. Штевневым, у нас опять зашла речь о его городе.

— Войска 4-го Украинского фронта ворвались в Мелитополь и ведут уличные бои, — с радостью сообщил мне Андрей Дмитриевич. — Хотелось бы в родных местах побывать, да здесь, под Киевом, боевых дел и забот очень много...

20 октября состоялось заседание Военного совета 1-го Украинского фронта. Впервые в его работе принял участие и я. В тот день обсуждался очень важный вопрос. Открывая заседание, командующий сказал:

— Я, товарищи, окончательно убедился в том, что надо отказаться от букринского плацдарма как главного и использовать его лишь для вспомогательного удара. Основные же усилия фронта следует перенести на правый фланг, на лютежский плацдарм. Так, думаю, мне, успешнее и быстрее мы сумеем освободить столицу Советской Украины.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин напомнил, что Военный совет фронта еще 18 октября донес в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что развитие успе-

ха севернее Киева значительно облегчило бы прорыв с букринского плацдарма, и в связи с этим просил Ставку усилить правое крыло фронта, действовавшее севернее Киева, резервной танковой армией, а также выделить определенное количество боевых машин для укомплектования танковых корпусов.

Командующий и штаб фронта развернули подготовку наступательной операции севернее Киева. Н. Ф. Ватутин торопил командующих 38-й и 60-й армиями, но именно за эту излишнюю поспешность основательно досталось от Ставки и ему самому и Военному совету.

Операция была спланирована и назначена на 25 октября. Днем раньше командующий 1-м Украинским фронтом Н. Ф. Ватутин выехал в войска, сосредоточенные на лютетском плацдарме, чтобы на месте уточнить некоторые вопросы и отдать последние распоряжения по осуществлению намеченной задачи. Когда Ватутин проводил совещание командармов, ему доложили, что по ВЧ его вызывает товарищ Иванов (условный фронтовой псевдоним И. В. Сталина).

Николай Федорович доложил Сталину о готовящемся наступлении с лютетского плацдарма с целью овладения Киевом. Верховный Главнокомандующий заявил, что такая операция обречена на неудачу, ибо удар будет недостаточно мощным. Он приказал операцию отменить и ожидать директиву, в которой будут указаны фронту время, силы, средства и задачи, а впредь не назначать какого-либо наступления без одобрения Ставки.

— Что ж, товарищ Сталин поправил нас вовремя, — нарушив долгое молчание, произнес Николай Федорович. — Его замечания меня многому научили. Торопливость к добру не приводит.

После разговора Н. Ф. Ватутина с Москвой мне, молодому члену Военного совета фронта, стала еще более ощутима и ясна роль Ставки Верховного Главнокомандования, которая твердой рукой держала все нити управления фронтами и непосредственно руководила вооруженной борьбой наших войск на огромнейшем театре военных действий.

В такой тяжелой и большой войне, как Великая Отечественная, была совершенно необходима высокая

централизация руководства фронтами. Ставка выдвигала перед войсками военно-политические цели, ставила конкретные оперативные задачи, руководила совместными действиями фронтов и флотов и координировала эти действия, умело используя имеющиеся силы и средства для достижения победы над врагом.

В послевоенные годы отдельные товарищи не совсем правильно освещали роль Ставки, пытаясь даже умалить ее значение. Это, естественно, не соответствует истине. Под руководством Ставки были осуществлены выдающиеся операции и кампании, завершившиеся всемирно-исторической победой советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией. Эта победа продемонстрировала не только мощь и необоримую силу советского народа, нашего государственного и общественного строя, руководящую роль ленинской партии, она явила собой также и торжество советской передовой военной мысли, образец оперативного и стратегического искусства Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, командующих фронтами и армиями.

Я не помню случая, чтобы Ставка опекала руководство фронта по мелочам. Наоборот, она предоставляла немалую инициативу, поддерживая все ценное и полезное. Обычно фронт по указанию Ставки разрабатывал план операции, вносил предложения, которые, если они соответствовали обстановке и задачам, внимательно рассматривались в Генштабе и затем утверждались Ставкой.

В ночь на 25 октября 1943 года поступила директива, официально подтвердившая указания и распоряжения И. В. Сталина, сделанные во время переговоров по ВЧ с Н. Ф. Ватутиным. В директиве говорилось:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии. Ссылка на недостаток боеприпасов не основательна, так как Степин¹, имея не больше боеприпасов, чем Николаев², но

¹ Условная фамилия И. С. Конева.

² Условная фамилия Н. Ф. Ватутина.

правильно используя свои войска и действуя на несколько более благоприятной местности, успешно выполняет свою задачу.

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1 Украинского фронта с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей — разгром киевской группировки противника и овладение Киевом».

В этом документе конкретно указывалось, как именно усилить правое крыло и создать на лютежском плацдарме перевес в силах и средствах. Ставка предложила перевести с букринского плацдарма на участок севернее Киева 3-ю гвардейскую танковую армию, используя ее здесь совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. Верховное Главнокомандование требовало провести переброску войск незаметно для противника, применив средства маскировки, в том числе макеты танков.

По замыслу Ставки соединения, оставшиеся на букринском плацдарме, также должны были вести наступательные действия и притянуть на себя как можно больше сил противника, а при благоприятных условиях прорвать оборону врага и двигаться вперед.

Директива содержала конкретные указания и по поводу усиления правого крыла фронта стрелковыми дивизиями. К перегруппировке приказано было приступить немедленно, а наступление начать 1—2 ноября 1943 года.

Правда, командующий войсками фронта Н. Ф. Ватутин, как мне помнится, не хотел ослаблять букринский плацдарм и намеревался сохранить там 3-ю гвардейскую танковую армию, а для лютежской ударной группировки надеялся заполучить танковую армию из резерва Ставки. Николай Федорович был уверен, что для осуществления такой крупной, стратегически важной операции, как Киевская, Ставка Верховного Главнокомандования не покусится резервами и выделит 1-му Украинскому фронту достаточное количество сил и средств. Он полагал, что наступление с лютежского плацдарма ударной группировки, усиленной танковой армией из резерва Ставки, неизбежно вынудит немецко-фашистское командование оттянуть части, расположенные южнее Киева. Это в свою очередь позволило бы быстрее прорвать оборону противника на букринском плацдарме.

ме и где-то в районе Белой Церкви соединиться с подвижными частями лютежской ударной группировки.

Но Ставка Верховного Главнокомандования, воздержавшись от передачи 1-му Украинскому фронту танковой армии из своего резерва, иначе решила вопрос о силах и средствах. Сосредоточение на лютежском плацдарме 3-й гвардейской танковой армии, а также ряда стрелковых и артиллерийских соединений позволило создать севернее Киева мощную ударную группировку, способную разгромить противостоявшего врага и освободить Киев.

НАКАНУНЕ КИЕВСКОЙ ОПЕРАЦИИ

В ту беспокойную ночь, когда была получена директива Ставки, в Военном совете, штабе и управлениях фронта никто не спал. Гвардии генерал-лейтенант С. П. Иванов и его подчиненные сразу же занялись разработкой основных маршрутов и графика переброски войск с букринского плацдарма под Лютеж.

Командующий приказал начальнику инженерных войск генералу Ю. В. Благославову взять под контроль оборудование ложных районов сосредоточения танков, а также днепровские переправы, по которым будут перебрасываться войска. Поскольку понтонно-мостовых парков было маловато, он порекомендовал сманеврировать переправочной техникой, но непременно обеспечить быструю рокировку соединений фронта. Генералу А. Д. Штевневу было приказано выехать в 3-ю гвардейскую танковую армию, которой предстояло совершить большой и трудный марш-маневр. Конкретные задания получили и руководители различных служб.

Самый действенный метод руководства — личное общение с войсками. Ведь штаб фронта от переднего края все же далеко, а по телефону всего не скажешь. На месте же многое можно решить. Направляя руководящих работников штаба и политуправления фронта в части и соединения, генерал армии Н. Ф. Ватутин сказал:

— Если мы не сумеем скрытно и в срок перегруппировать войска, то успеха нам не видать. Пусть каж-

дый командир и политработник поймет, что от строгого сохранения военной тайны, соблюдения всех мер маскировки, от высокой дисциплины и организованности войск во многом зависит исход Киевской операции.

На заместителя командующего войсками фронта генерал-полковника А. А. Гречко была возложена ответственность за своевременную перегруппировку и сосредоточение войск на лютетжском плацдарме.

Для подготовки операции отводилось всего лишь каких-нибудь 7—8 суток. Дорог был каждый день, каждый час. И уже в ночь на 26 октября началась крупная перегруппировка войск. На букринском плацдарме незаметно снимались с позиций танковые бригады и артиллерийские части. Вместо убывших боевых машин расставлялись макеты танков, оборудовались ложные огневые позиции батарей и дивизионов. Войска и штабы уходили с плацдармов, а многие радиостанции на прежнем месте продолжали вести обычный радиообмен. Оставшиеся в районе Букрина артиллерийские подразделения стремились поддерживать прежний режим огня. Войска на плацдарме продолжали оборонительные инженерные работы, углубляя траншеи, совершенствуя позиции.

Создавалась видимость, что все идет прежним чередом. А на самом деле с букринского плацдарма на север двинулись 3-я гвардейская танковая армия, 7-й артиллерийский корпус прорыва, 23-й стрелковый корпус, а также минометные и инженерные части. Войска шли ногами, в кромешной темноте, под проливным дождем, по раскисшим полевым дорогам.

Немало трудностей представляли и переправы через реки. Так, например, соединением 3-й гвардейской танковой армии, совершившим почти 200-километровый марш вдоль линии фронта, пришлось дважды переправляться через Днепр и один раз через Десну, преодолеть немало других препятствий.

Большую помощь танкистам и другим войскам оказали инженерные части. В трудных погодных условиях, под огнем врага они очень быстро навели через Днепр понтонный мост и соорудили два деревянных моста с настилом ниже уровня воды, что делало их почти незаметными с воздуха. Оборудовались и ложные переправы, которые так же, как и действовавшие, прикрывались дымовыми завесами. Дополнительно были развернуты

паромные переправы. Надо заметить, что переброска войск на лютежский плацдарм проходила быстрее, организованнее и успешнее, чем под Букрином в первые дни форсирования Днепра. Однако трудностей было немало, и войны ежедневно и ежечасно проявляли ратный и трудовой героизм.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко впоследствии писал об этом:

«В последних числах октября мы с генералом П. С. Рыбалко прибыли в район Сваромья, где находились основные переправы через Днепр. Основной мост, по которому на лютежский плацдарм переправлялись танки и тяжелая артиллерия, подвергался постоянно авиационному и артиллерийскому воздействию, особенно днем. Часто прямые попадания бомб и снарядов разрушали мост, и требовались невероятные усилия для его восстановления под огнем противника.

Подъехав к мосту, мы увидели около левого берега реки развороченный настил, вздыбленные бревна опор. Только что отбомбились вражеские пикировщики. Указав саперам на остановившиеся недалеко танки, мы попросили их всемерно ускорить восстановительные работы. Больше не потребовалось ни бесед, ни приказов.

Дружно закипела работа, и через несколько часов тяжелые машины снова двинулись по мосту на плацдарм»¹.

В условиях интенсивных действий вражеской авиации мосты с настилом ниже уровня воды отличались большой живучестью. Практически они оказались неуязвимыми для немецких самолетов. Настоячиво стремясь прорваться к нашим переправам, над которыми часто кипели ожесточенные воздушные бои, немцы не раз бомбили на букринском плацдарме макеты танков, ложные артиллерийские позиции и ложные переправы. Это свидетельствовало о том, что меры дезинформации противника в ряде случаев нам удавались.

Скрытая перегруппировка огромной массы войск в основном прошла успешно. Сыграли свою роль и разработанные штабом фронта меры по оперативной маски-

¹ «Военно-исторический журнал», 1963, № 11, стр. 8.

ровке. Но противник все же почувствовал неладное и на ряде участков предпринял разведку боем. Немецко-фашистское командование, разумеется, догадывалось о готовящемся советском наступлении и понимало, что наши войска нацелены на Киев. Однако где и когда будет нанесен главный удар, противник, конечно, не знал и пытался разгадать наш оперативный замысел. Вот почему вражеские лазутчики так настойчиво пытались проникнуть за линию Днепра, на наше Левобережье, а также на правобережные плацдармы. Усилилось и наблюдение с воздуха.

Вспоминаю, с какой настороженностью и сосредоточенностью командующий фронтом брал в руки очередную разведсводку, вчитываясь в каждую строку и придирчиво задавая вопросы начальнику разведывательного отдела штаба генерал-майору И. В. Виноградову. Узнав, что противник активизировал все виды разведки, Николай Федорович задумчиво проговорил:

— Манштейн сейчас, должно быть, рвет и мечет, требует точных данных о советских войсках, о сосредоточении наших ударных группировок. У гитлеровцев есть еще немало боеспособных дивизий, в том числе и танковых. Сражение будет жестоким...

Когда пехотинцы 38-й армии форсировали Днепр севернее Киева и завязали бой за лютежский плацдарм, Н. Ф. Ватутин приказал 5-му гвардейскому танковому корпусу немедленно прийти на помощь стрелковым частям, чтобы удержать захваченный за рекой «пяточок».

— На пути к Днепру, — предупредил генерал армии Н. Ф. Ватутин командира танкового корпуса А. Г. Кравченко, — серьезным препятствием является Десна. Восемь — десять суток уйдет на постройку моста большой грузоподъемности. Время упустим и потеряем плацдарм. Надо постараться преодолеть Десну вброд.

Разведка показала, что глубина брода почти в два раза превышает норму, установленную для «тридцатьчетворок».

На помощь танкистам пришли местные старожилы, посоветовавшие переправляться в районе села Летки. Комсомольцы Семен Кривенко и Иван Горбунов неслучайно раз ныряли в студеные воды Десны, промеряя дно, разведывая характер грунта. Совместно с местными жителями танкисты обозначили маршрут веш-

ками. Гвардейцы задраили люки боевых машин, проконопатили щели паклей, пропитанной солидолом, залили их смолой. Танкисты удлиннили выхлопные трубы промасленными брезентовыми рукавами, что обеспечило выход отработанных газов. Для доступа воздуха оставался открытым башенный люк, через который командир экипажа мог вести наблюдение и указывать маршрут механику-водителю, управляющему машиной вслепую.

И вот танки один за другим двинулись по дну реки Десна. Сейчас, как известно, имеются плавающие танки и бронетранспортеры, а также танки, приспособленные для подводного вождения. Теперь форсирование реки с ходу не представляет особого труда. Но во время Отечественной войны такой техники мы не имели, если не считать ограниченного числа легких автомобилей-«амфибий». В данном же случае по дну Десны переправлялись многотонные средние танки Т-34. Когда танк достигал середины реки, вода подступала к самому верху башни, брызги и волны порой перехлестывали через люк. Иногда вода пробивалась сквозь паклю, заливала людей. Проявив мужество, выдержку и стойкость, участники переправы за восемь часов провели по дну Десны на ее противоположный берег более 70 боевых машин.

Танкисты устремились к Днепру на выручку советской пехоте. На лютетжском плацдарме наш танковый корпус появился гораздо раньше, чем это мог предположить противник. Положение на плацдарме упрочилось.

Великая Отечественная война, не подчиняющаяся «классическим» буржуазным канонам, таила для немецко-фашистских оккупантов бесчисленное множество неожиданностей. Это и партизанские налеты на гарнизоны гитлеровцев, и засады на дорогах, и пущенные под откос фашистские эшелоны...

В битве за Днепр и Киев ярко проявился всенародный характер Отечественной войны. Коммунистическая партия объединила усилия советского народа и его воинов. В тылу врага активизировали свои действия отважные партизаны и герои большевистского подполья. Они наносили удары по коммуникациям противника и помогали советским войскам при форсировании Десны и Днепра. Военный совет фронта поддерживал самую тес-

ную связь с начальником Украинского штаба партизанского движения Тимофеем Амвросиевичем Строкачем, в прошлом пограничником и опытным чекистом.

При планировании боевых операций наши военачальники учитывали и партизанскую силу, и множество других особенностей народной войны. Главное же внимание сосредоточивалось на подготовке войск фронта.

На основе директивных указаний Ставки быстро и организованно была осуществлена сложная перегруппировка войск 1-го Украинского фронта. Умелая маскировка, скрытный маневр, строгое хранение военной тайны способствовали достижению стратегической внезапности.

Немецко-фашистскому командованию мало что удалось узнать о характере нашей перегруппировки. Это подтверждает следующий факт. В то время как 3-я гвардейская танковая армия уже полностью ушла из-под Букрина и сосредоточивалась под Лютежем, противник по-прежнему считал букринский плацдарм наиболее опасным и даже начал отводить туда из-под Киева одну из танковых дивизий. Сообщение об этом обрадовало нас.

— Перехитрили-таки нацистскую лису Манштейна! — воскликнул Николай Федорович Ватутин.

Во время подготовки Киевской наступательной операции генерал армии Н. Ф. Ватутин поражал нас всех огромной трудоспособностью, умением увлечь работой и других. Как-то, показав членам Военного совета карту, на которой графически был запечатлен оперативный замысел наступления на киевском направлении и отражены ближайшие и последующие задачи фронта, Николай Федорович сказал:

— Я ведь, товарищи, зримо представляю все эти высоты, рощицы и населенные пункты, которые предстоит освобождать нашим войскам. В бытность начальником штаба Киевского особого военного округа мне довелось исколесить все эти места вдоль и поперек. При разработке операции знание местности в какой-то мере помогало мне. Все, что возможно, старался учесть. Прошу и вас, товарищи, поразмыслить над картой, критически рассмотреть проект плана. Надеюсь, что вы подскажете мне ценные мысли и предложения, дадите свои замечания и поправки. Прежде чем принять окончатель-

ное решение, я постараюсь внести в план и ваши коррективы.

Николай Федорович довольно часто обсуждал возникшие замыслы со своим заместителем, начальником штаба, членами Военного совета и командармами. Порой он откладывал свои наброски и изучал разработки оперативного отдела штаба, развивая и углубляя предложенное решение.

Планирование операции — очень большой и трудоемкий процесс, который в наше время под силу только большому коллективу штаба и начальников родов войск. При разработке Киевской операции, равно как и любой другой, требовалось рассчитать соотношение сил во фронтовой полосе и на участке прорыва, определить темпы наступления, спланировать режим артиллерийского огня, высчитать, какое количество боекомплектов понадобится на каждое орудие, отработать вопросы взаимодействия войск по времени, месту и целям, предусмотреть многое другое. Вот почему полководец физически не в состоянии все единолично рассчитать, спланировать и предусмотреть. Вместе с командующим большой вклад в разработку плана Киевской наступательной операции внесли генералы и офицеры штаба фронта, руководимые гвардии генерал-лейтенантом С. П. Ивановым. Это был хорошо спаянный и работоспособный коллектив, умевший образцово решать сложные задачи.

В канун операции Военный совет был озабочен затруднениями с материально-техническим обеспечением войск. На Левобережной Украине, где недавно кипели жаркие бои, железнодорожное сообщение хотя и было в основном восстановлено, но пропускная способность дорог, и особенно узловых станций, продолжала оставаться низкой. На днепровском рубеже железнодорожное сообщение полностью обрывалось, что создавало трудности в снабжении войск. В конце октября 1943 года на станции Бахмач скопилось 687 вагонов, адресованных фронту. Для их разгрузки и доставки в войска у нас не хватало автотранспорта.

28 октября Военный совет заслушал информацию начальника тыла фронта генерал-лейтенанта интендантской службы Владимира Николаевича Власова. Он трудностей не скрывал и говорил суровую правду. Накопление потребного для операции количества боеприпасов

проходило медленно. Еще хуже обстояло дело с автобензином. Фронтной запас горюче-смазочных материалов составлял 1,5 заправки, а непосредственно в войсках и того меньше — в среднем 0,5 заправки на машину.

Перед началом операции на фронте насчитывалось 700 самолетов, 675 танков и самоходно-артиллерийских установок. Без горючего они стали бы небоеспособны. Необходимо было иметь и по несколько боекомплектов снарядов на каждый ствол. А их, орудийных и минометных стволов, насчитывалось 7 тысяч единиц.

Основная масса войск и боевой техники сосредоточилась на лютетском плацдарме. Требовалось непременно к началу операции, к 2 ноября, обеспечить войска материально. Чрезвычайно трудно было это сделать за такой короткий срок. Пришлось мобилизовать все средства для доставки в войска всего необходимого.

38-я армия, составившая общевойсковую основу ударной группировки фронта, усиливалась 23-м стрелковым корпусом, переданным из 47-й армии, а также управлением 21-го стрелкового корпуса. В распоряжение командарма поступили также 7-й артиллерийский корпус прорыва, 3-я гвардейская минометная дивизия, 21-я зенитно-артиллерийская дивизия, 9-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 83-й гвардейский минометный полк и другие части.

Незадолго до наступления произошли изменения в руководстве 38-й армии. В командование ее войсками вступил генерал-полковник К. С. Москаленко, а членом Военного совета был назначен генерал-майор А. А. Епишев. Их обоих я хорошо знал по совместной боевой работе в 40-й армии.

Сослуживцы с глубоким уважением относились к командарму, ценили его мужество, волю, умение руководить операциями. К. С. Москаленко часто бывал там, где создавалась наиболее напряженная обстановка. За год совместной боевой работы я хорошо узнал Кирилла Семеновича. Он был несколько горяч, но вместе с тем не кичлив, прямодушен. Признаюсь, эта прямота нравилась мне. Не приукрашивая действительности, он всегда говорил подчиненным и старшим начальникам суровую, нелюбимую правду. Когда генерал К. С. Москаленко был глубоко убежден в целесообраз-

ности тех или других решений, он смело их отстаивал перед вышестоящими начальниками.

Приведу такой пример. В конце 1942 года, когда советские войска под Сталинградом успешно окружили и громили крупнейшую группировку врага, 40-я армия вела оборонительные бои на Дону в районе Воронежа. Мы все радовались великим победам Красной Армии на Волге, но одновременно и тяготились пассивным характером боев на нашем участке фронта. Воины прямо-таки рвались в наступление. Но, пожалуй, более других был охвачен этим порывом сам командарм, человек активного действия. Кирилл Семенович Москаленко всесторонне обдумывал план наступательной операции на Дону со сторожевского плацдарма.

Когда командарм ознакомил меня со своим замыслом, я ответил, что план очень интересный. Генерал К. С. Москаленко решил послать его на рассмотрение командующему Воронежским фронтом, а в порядке исключения доложить непосредственно в Ставку.

Военный совет 40-й армии направил свое предложение командующему Воронежским фронтом. Одновременно генерал К. С. Москаленко позвонил Верховному Главнокомандующему и доложил ему о замысле наступательной операции. Сталин выслушал командарма и кратко ответил:

— Ваши предложения будут изучены и учтены.

Позднее выяснилось, что руководство Воронежского фронта и Генштаб в то время разрабатывали план наступательной операции по разгрому противостоящей нам вражеской группировки силами правофланговых армий фронта.

21 декабря 1942 года Ставка дала указание командующему Воронежским фронтом генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову о разработке плана Острогожско-Россошанской наступательной операции. Затем соответствующее распоряжение поступило из штаба фронта в 40-ю армию, которой в наступлении отводилась важная роль. В целях оказания практической помощи и проверки готовности операции 40-ю армию посетил начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский.

В результате совместных творческих усилий Ставки, Генштаба, фронта и армии был детально разработан и

в январе 1943 года осуществлен план Острогожско-Россошанской операции, отличавшийся смелым и оригинальным замыслом, рассчитанным на окружение и уничтожение крупной группировки противника. Затем последовали Воронежско-Касторненская и Харьковская наступательные операции, в которых 40-я армия, руководимая генералом К. С. Москаленко, принимала самое деятельное участие.

Военачальник ярко выраженного наступательного направления, К. С. Москаленко вместе с тем был осмотрителен, учитывал реально сложившуюся боевую обстановку. Предложения, которые он вносил командованию фронта, были продуманными, отличались точным расчетом и смелостью оперативного мышления. Генерал армии Н. Ф. Ватутин высоко ценил эти замечательные качества Кирилла Семеновича. И вот теперь, когда на повестку дня встал вопрос об освобождении столицы Советской Украины, Государственный Комитет Обороны по предложению Военного совета фронта назначил генерал-полковника К. С. Москаленко командующим 38-й армией, которой в предстоящей наступательной операции отводилась весьма ответственная роль.

Разрабатывая операцию, наши военачальники неизменно руководствовались мудрым ленинским положением о том, что законом военных успехов является наличие подавляющего перевеса сил в решающий момент в решающем пункте. Надо заметить, что в то время 1-й Украинский фронт почти не имел превосходства над противником. По самолетам силы оказались примерно равными, по артиллерии наше превосходство было всего лишь в 1,1 раза, а по танкам — в 1,6 раза.

В результате перегруппировки войск и ослабления второстепенных участков наше командование обеспечило на лютежском плацдарме значительный перевес в силах и средствах. На 6-километровом участке прорыва было сосредоточено более 2 тысяч орудий и минометов калибра 76 мм и выше и до 500 установок реактивной артиллерии. Это позволило создать плотность более 300 орудий и минометов на 1 километр фронта прорыва. Наступление с лютежского плацдарма нашей главной ударной группировки должна была поддерживать всей своей боевой мощью 2-я воздушная армия, которой командовал генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский.

Особенность Киевской операции заключалась в том, что усилиями одного фронта решалась стратегическая задача по разгрому крупной, почти равной нам вражеской группировки и овладению важным политическим, административным и экономическим центром Советской Украины — Киевом. Сущность замысла Киевской наступательной операции заключалась в том, чтобы ударом с севера разгромить киевскую группировку противника, обходным маневром освободить столицу УССР и в дальнейшем выйти в тыл немецкой группы армий «Юг», создав благоприятные условия для освобождения всей Правобережной Украины.

38-й армии, сосредоточенной на лютетжском плацдарме, предстояло совместно с 5-м гвардейским танковым корпусом и 7-м артиллерийским корпусом прорыва нанести главный удар в южном направлении, имея задачу овладеть городом Киев. На второй день операции планировалось в полосе 38-й армии ввести в прорыв подвижные войска фронта: 3-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Севернее лютетжского плацдарма должна была наступать 60-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского, обеспечивая с запада действия нашей главной ударной группировки.

КРЕПЛА ПАРТИЙНАЯ СИЛА

Занимаясь подготовкой Киевской наступательной операции, Военный совет и политуправление 1-го Украинского фронта особое внимание уделяли усилению активности партийно-политической работы в войсках как действенного оружия партии, обеспечивающего боевые успехи. Мы всегда помнили, какое огромное значение политработе придавали ЦК партии и лично В. И. Ленин. Еще в годы гражданской войны Владимир Ильич обязывал реввоенсоветы следить за политработой, не ослаблять ее, требовал сообщать ему о том, «какие меры приняты... для улучшения политической работы, для внесения бодрости и сознательности в подкрепления»¹.

Во время Великой Отечественной войны с особой силой звучали слова В. И. Ленина: «...Где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед»².

Командиры и политорганы успешно осуществляли ленинский принцип единства идеологической и организаторской работы. Коммунистическая партия, взрастившая военачальников нового типа, научила наших командиров сочетать в себе черты военных и политических руководителей, быть не только мастерами вождения войск, но и мастерами воспитания людей, формирования у них высоких морально-боевых качеств.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 271.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 56.

Командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, как я убедился, прекрасно сочетал в себе эти важнейшие качества. Чем ближе я узнавал Николая Федоровича, тем больше раскрывался передо мной духовный мир этого скромного, работающего человека. Он был глубоко партийным, нравственно цельным и требовательным к себе военачальником. Командующий и на фронте находил время, порой урывая его от сна, для совершенствования политических и военных знаний и требовал того же от командармов и командиров всех степеней.

Как-то мы с Н. Ф. Ватутиным собирались в поездку на лютетжский плацдарм. Николай Федорович положил в портфель рабочую тетрадь, необходимые документы, а затем выдвинул из-под походной кровати чемоданчик и достал книгу М. В. Фрунзе «Статьи и речи».

— Люблю читать Фрунзе, — сказал он.

По пути следования к днепровской переправе командующий продолжил начатый разговор о Фрунзе. Когда в 1921 году Ватутин учился в Полтавской пехотной школе, Михаил Васильевич приезжал туда и выступал перед курсантами. Из рук выдающегося пролетарского полководца Николай Ватутин получил удостоверение краскома. М. В. Фрунзе напутствовал молодых командиров Красной Армии, вступающих в большую военную жизнь.

— Мне хорошо запомнились выступления и беседы Фрунзе с курсантами, — рассказывал Н. Ф. Ватутин. — Михаил Васильевич убедительно и доходчиво разъяснял, как после победоносного окончания гражданской войны будет строиться первое в мире государство рабочих и крестьян. Он подчеркивал, что для защиты молодой Советской республики и мирного социалистического строительства необходима сильная и могучая Красная Армия.

Я тоже поделился воспоминаниями о пролетарском полководце. Как и Николаю Федоровичу, мне впервые довелось увидеть М. В. Фрунзе в 1921 году, когда наш бронепоезд № 61 направлялся на уничтожение банд Махно. Перед выходом на боевую операцию к нам приехал Михаил Васильевич и произнес перед красноармейцами и командирами яркую напутственную речь. Несколько позднее я слушал его доклад на партийном активе в Виннице, а также его выступление на окружной партийной конференции.

— Фрунзе — выдающийся военный теоретик, испытанный боец ленинской гвардии, — заключил Николай Федорович. — В совершенстве владея марксистско-ленинским методом, он четко и с исчерпывающей полнотой определил сущность советской военной доктрины. А как высоко он оценивал роль политработы и как образно, ярко характеризовал деятельность политорганов в гражданской войне!

И Николай Федорович почти дословно привел известное высказывание М. В. Фрунзе о политических органах. Они вносили элементы порядка и дисциплины в ряды молодых красных полков, налаживали тыл армии, насаждали там Советскую власть, обеспечивая тем самым быстрое и успешное продвижение наших армий вперед, настойчивой и упорной работой разлагали вражеские войска, расстраивали неприятельские тылы.

— Так было в годы гражданской войны, — продолжал Н. Ф. Ватутин, — когда в полках коммунистов насчитывалось не больше, чем сейчас мы имеем в ротах и батареях. Теперь политорганы могут и должны работать еще лучше, ибо в войсках сосредоточена могучая партийная сила, способная творить чудеса.

Перед началом Киевской наступательной операции в партийных организациях 1-го Украинского фронта насчитывалось свыше 135 тысяч членов и кандидатов партии. Эта армия коммунистов проводила большую работу по сплочению воинов под лозунгами Коммунистической партии. Призывы ЦК ВКП(б) к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, опубликованные перед началом Киевской операции, словно набат, будоражили солдатские сердца, воодушевляли на разгром врага.

«Доблестные воины Красной Армии! — говорилось в призывах Центрального Комитета партии. — Вас ждут как освободителей миллионы советских людей, изнывающих под немецко-фашистским игом. Крепче бейте врага, истребляйте немецких захватчиков. Вперед, на запад, за полное освобождение советской земли!»

Завершая подготовку к наступлению, Военный совет конкретизировал и боевые лозунги фронта. Теперь они звучали так: «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября!», «Выполним приказ Родины — вызволим Киев из фашистской неволи!».

Подготовка к наступлению совпала со знаменательной датой — 25-летием ленинского комсомола. Поздравив комсомольцев и молодежь фронта со славным юбилеем, Военный совет и политическое управление призвали молодых патриотов ознаменовать годовщину ВЛКСМ героическими делами. В канун юбилея была издана листовка о подвиге первых героев Днепра комсомольцев 3-й гвардейской танковой армии В. Н. Иванова, Н. Е. Петухова, И. Д. Семенова, В. А. Сысолятина. Она открывалась приветствием Военного совета фронта. Листовки о героях и подвигах массовым тиражом выпускали и политотделы армий.

Большой популярностью у бойцов и командиров пользовались многокрасочные «Окна ТАСС», готовившиеся при политуправлении фронта. «Вперед, за родной Киев!» — так назывался первый агитплакат, созданный художником В. Брискиным и поэтом А. Безыменским. Хорошо отзывались солдаты об «Окнах сатиры». Словом, все формы политической работы воспитывали у воинов наступательный порыв, стойкость, мужество, уверенность в победе.

В конце октября 1943 года на экраны страны вышел документальный фильм Александра Довженко «Битва за нашу Советскую Украину». Известный кинорежиссер, прошедший с войсками фронта большой боевой путь, создал вместе с режиссером Юлией Солнцевой и группой операторов документальную кинокартину, которая содержала немало эпизодов, повествовавших о боевых делах нашего фронта. Здесь и знаменитое танковое сражение у Прохоровки, и бои за Харьков и другие города и села Украины. Рассказывалось о подвигах партизан, о мужестве, стойкости и непоколебимой воле советского народа, поднявшегося под водительством ленинской партии на Отечественную войну. Заключительные кадры картины запечатлели плавно бегущие волны Днепра и советских воинов-освободителей, пришедших на его берега. Мы зачислили этот фильм в арсенал действенных политических средств.

Перед Киевской операцией наши части и соединения пополнялись молодыми бойцами. Призывники из освобожденных районов Украины шли в армию с большой охотой и горели желанием в бою рассчитаться с нена-

вистными фашистами, принесшими советскому народу муки, горе и страдания.

Но среди новичков были такие, которые страдали танко- и самолетобоязнью. Надо было помочь им побороть эту боязнь, укрепить их морально-боевые качества, подготовить к суровым испытаниям войны. Ветераны делились опытом борьбы с танками и самолетами врага, знакомили молодых солдат с новыми образцами оружия, рассказывали о боевых традициях и главнейших требованиях военной присяги.

В массово-политической работе мы учитывали, что отдельные новобранцы испытали ярмо немецкой оккупации, что их сознание два года отравлялось ядовитой фашистской пропагандой. Командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы рассказывали им об огромных переменах, происшедших за два года в Советской стране, о героях фронта и тыла, о важнейших решениях партии и правительства.

Новички внимательно прислушивались к авторитетному слову бывалых воинов и стремились брать с них пример. Ветераны были хорошими агитаторами, опорой командиров, костяком подразделений. Об одном из них — участнике трех войн коммунисте В. Ульянове хочется рассказать подробнее. Ульянову было уже под пятьдесят, когда он добровольно вступил в боевой строй. В беседе с молодежью он вспоминал:

— Приехали мы на фронт. Привели нас к присяге. Читал я вслух ее слова, расписывался под ее текстом и думал: «Ты, Ульянов, член партии, старый русский солдат, отец двух сыновей-фронтовиков. Смотри не осрамишься, не отстань от молодых!» В первом же бою мне пришлось вспомнить это свое размышление. Приняли мы бой, помнится, возле Кривой рощи. Хлещет дождь, рычат немецкие танки... Кое-кому, вижу, не по себе стало. И только стихнет канонада на пару минут, я напоминаю ребятам, как в шестнадцатом году на Карпатах мы действовали под шрапнелью, как в гражданской войне пуль не боялись. Слушают они, и вроде от сердца у них отлегает. А ты шутку бросишь, сделаешь вид, будто не заметил, как молодой солдат от разрыва вздрогнул, кинешься помочь тому, кто замешкался, — глядишь, помогает. Когда бой кончился, всем расчетам объявили, что батарея наша три танка сожгла и пятнадцать ав-

томашины препратила в щепы. И уже в других боях наша молодежь увереннее держалась. Молодые солдаты настоящими пушкарями сделались.

Воспитательной работой с пополнением занимались командиры и полнтработники, огромная армия наших агитаторов. Автору этих строк тоже не раз приходилось выступать перед призывниками.

Однажды я повстречал маршевое подразделение молодых солдат, направлявшихся в 1-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал гвардии генерал-лейтенант В. К. Баранов. С призывниками у меня завязался продолжительный разговор. В первые месяцы войны я был комиссаром этого соединения, называвшегося тогда 2-м кавкорпусом. Мне довелось быть очевидцем подвигов конников 22 июня 1941 года, отразивших на границе вероломный удар превосходящих сил врага. В Отечественной войне конники своими героическими делами в числе первых заслужили гвардейское звание.

Рассказав о боевых традициях и славной истории 1-го гвардейского кавкорпуса, я направился с колонной в ближайшее село, где временно были расквартированы конники. Там встретил боевых друзей, заслуженных ветеранов. Мне хорошо был знаком командир корпуса Виктор Кириллович Баранов. Перед войной он командовал 5-й кавдивизией имени Блинова, входившей в наш корпус. В боях с немецко-фашистскими захватчиками Виктор Кириллович зарекомендовал себя смелым и решительным командиром.

В июле 1941 года 5-я кавдивизия под командованием В. К. Баранова вела очень тяжелый бой в районе Котовска. Силы были явно неравными. Фашистские танки непрерывно атаковали боевые порядки конников, обходили полки, стремясь окружить и уничтожить наши части. Когда один из командиров полков доложил, что не может устоять и вынужден отойти, комдив В. К. Баранов ответил: «Держите рубеж до последнего. Я к вам сейчас прибуду!»

И когда Виктор Кириллович появился в боевых порядках конников, воины встретили его восторженными возгласами. По цепи передавалось: «Пришла подмога. К нам сам комдив Баранов прибыл!» Появление авторитетного, храброго и любимого командира вселило в

подчиненных бодрость, стойкость, уверенность в своих силах. Отразив атаки врага под Котовском, кавалеристы В. К. Баранова разгромили под Балтой штаб 198-й немецкой дивизии и нанесли гитлеровцам большой урон.

Командир-коммунист, умевший найти путь к сердцу солдата, широко поощрял мужественных воинов. После одного из боев В. К. Баранов собрал отличившийся эскадрон, расцеловал храбрецов и объявил о представлении их к правительственным наградам.

Сам же он за мужество, проявленное в приграничном сражении 1941 года, был награжден орденом и впоследствии стал Героем Советского Союза.

В. К. Баранов участвовал в защите Москвы, в легендарном рейде конников генерала П. А. Белова по тылам врага. Потом он принял от Павла Алексеевича Белова командование 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. И вот теперь это прославленное соединение готовилось принять участие в Киевской наступательной операции и пополняло свои ряды молодыми солдатами.

Учитывая, что личный состав войск фронта обновился, командиры и политорганы усилили пропаганду присяги, разъясняя молодежи, только что призванной в армию, сущность воинского долга, главнейшие требования Родины, предъявляемые к ее защитникам. «Верность присяге — вот что наполняет собой жизнь наших воинов, — за несколько дней до наступления писала фронтовая газета «За честь Родины». — Верностью присяге мы побеждали от Волги до Днепра. Верность присяге — вот глубочайший корень массового героизма на Днестре. Верностью присяге каждого воина — бывалого и молодого, старшего и рядового — мы выиграем Киевскую битву, добьем ненавистных фашистских оккупантов».

Во время боев на днепровских плацдармах редакция фронтовой газеты «За честь Родины» направила воинам письма, обратившись к ним с вопросом: «Как ты выполняешь присягу?» К письму был приложен конверт с напечатанным на нем адресом редакции и чистым листом бумаги. Бойцы, командиры и политработники очень активно откликнулись на запрос редакции.

Полюбившуюся фронтовикам газету «За честь Родины» редактировал с октября 1943 года и до победных дней полковник С. И. Жуков, сменивший на этом посту полковника Л. И. Троскунова.

В связи с тем что на нашем фронте было особенно много воинов-украинцев и войска пополнялись главным образом за счет населения освобождаемых районов УССР, Главное политическое управление Красной Армии разрешило нам издавать ежедневную фронтовую газету на украинском языке «За честь Батьківщини» (ответственный редактор Т. Р. Одудько). Кроме того, редакцией «За честь Родины» еженедельно выпускались газеты на узбекском, казахском и татарском языках.

Пропагандируя идеи партии, ее важнейшие решения, фронтовая печать гибко и оперативно откликалась на самые злободневные вопросы боевой жизни. Призывы ЦК ВКП(б), напечатанные в газетах, быстро становились достоянием войск. Каждодневно разговаривая со многими тысячами солдат, сержантов и офицеров, «За честь Родины» по праву считалась боевым другом и наставником воинов.

Фронтовая печать постоянно пропагандировала героические подвиги. Геронизм — важнейшая сторона победы. Наша славная партия, взрастившая за годы мирного строительства могучую когорту героев труда, так же заботливо и любовно растила героев боев. Было немало специальных решений, направленных на воспитание в армии и народе военной гордости и ратной доблести. Большое значение имели салюты Москвы, прославлявшие победы Красной Армии, благодарности Верховного Главнокомандующего частям и соединениям, массовое награждение отличившихся в боях, учреждение советской гвардии. Это в свою очередь вызвало к жизни немало новых форм партийно-политической работы по воспитанию воинов в духе советского патриотизма, преданности Родине и народу, великим идеалам коммунизма.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года, предписывавшая за успешное форсирование крупных водных преград и закрепление на плацдармах представлять отличившихся воинов к присвоению звания Героя Советского Союза и к награждению орденами, способствовала укреплению морального духа войск.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1943 года 136 солдатам, сержантам, офицерам и генералам 40-й армии, проявившим отвагу при

форсировании Днепра, было присвоено звание Героя Советского Союза. В почетном списке встретились имена знакомых мне людей — командиров соединений генералов Е. В. Бедина, Д. Ф. Дремина, Г. П. Исакова, командиров полков подполковников И. Е. Давыдова, В. Н. Федотова, командиров подразделений старших лейтенантов С. А. Толстого и А. В. Шафарова, сержанта Н. А. Черных, младшего сержанта А. В. Ларина, рядовых С. И. Козлова, Б. Д. Ларионова и многих других. Золотой Звездой Героя Отчизна отметила и командующего 40-й армией генерал-полковника К. С. Москаленко.

Почти одновременно появились Указы о присвоении звания Героя Советского Союза большому числу отличившихся воинов 13, 60, 38-й армий, 3-й гвардейской танковой армии и других частей и соединений, входивших в состав 1-го Украинского фронта.

Поднимая на щит славы героев Днепра, командиры и политработники, партийные и комсомольские организации, наша фронтовая печать, пропагандисты и агитаторы распространяли их передовой опыт и на высоких примерах учили молодых солдат ратному умению, воспитывали в них мужество, стойкость, выносливость.

В годы войны ярко проявилось мудрое предвидение В. И. Ленина, пророчески предсказавшего, что Россия способна давать не только героев-одиночек — она сможет выдвинуть этих героев сотнями, тысячами.

В последних числах октября 1943 года политотдел 38-й армии, возглавляемый полковником П. А. Усовым, созвал совещание начальников политотделов корпусов и дивизий, а также заместителей командиров отдельных бригад и полков по политчасти. На совещании обсуждались вопросы о приведении соединений и частей в полную боевую готовность, о повышении бдительности и моральной подготовке войск к наступательной операции. Совещанием руководил член Военного совета 38-й армии генерал А. А. Епишев.

Присутствующие были предупреждены, что в канун наступления в каждую дивизию поступят листовки с текстом обращения Военного совета к войскам фронта и что его надобно довести до каждого бойца.

Кстати об обращении. Начальник политуправления фронта генерал-майор С. С. Шатилов представил Военному совету первоначальный проект этого документа.

Прочитав его, генерал армии Н. Ф. Ватутин отметил, что обращение написано суховато и текст желательно переделать, привлечь к этой работе писателей и журналистов. Он порекомендовал в проекте обращения ярче, образнее и доходчивее сказать, что киевляне и все население Правобережной Украины стонут под сапогом немецкой оккупации и с нетерпением ждут Красную Армию — освободительницу, что фашистские варвары предадут огню и уничтожают древний Киев, истребляют мирное население.

— Этот важный политический документ надо так написать, — заключил командующий, — чтобы каждое слово вдохновляло солдата, звало его на бой, будоражило душу воина, чтобы он был готов немедленно ринуться на врага.

При подготовке окончательного текста документа мы обратились к трудам В. И. Ленина, к руководящим указаниям партии. В основу обращения Военного совета, подчеркивавшего особенности и специфику Киевской операции, были положены призывы ЦК ВКП(б) к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, выражавшие главные задачи и требования военного времени.

Надо заметить, что ни одна фронтовая или армейская операция не проходила без обращения Военного совета и командиров к войскам, и это являлось одной из непременных и действенных форм политработы. Государственный Комитет Обороны еще в начале войны в постановлении от 10 июля 1941 года указывал: «Обязать главкомов почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей»¹.

Сейчас в Архиве Министерства обороны СССР бережно хранятся многие обращения военных советов направлений, фронтов, армий и командиров соединений и частей к войскам перед началом операции, решающего боя, сражения. Эти яркие документы и теперь нельзя читать без полнения. Может быть, стоит издать некоторые из них отдельным сборником, что, несомненно, ока-

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 28, лл. 2—3.

жет помощь молодым офицерам, не прошедшим суровых испытаний войны.

Наши командиры и политорганы, партийные организации стремились донести до сознания каждого воина великие идеи, призывы, указания партии, боевые задачи и требования командования, глубокий смысл обращений военных советов и других руководящих документов. Всеми формами политработы они стремились поднять моральный дух войск, воспитать и укрепить в солдатах волю, мужество, уверенность в победе.

Так было и на этот раз. Листовки с обращением Военного совета 1-го Украинского фронта поступили в войска в канун наступления. Но час «Ч», дата наступления не для всех войск были одинаковыми. Наша букринская группировка, расположенная южнее Киева, перешла в наступление 1 ноября 1943 года. После 40-минутной артиллерийской подготовки войска 40-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко и 27-й армии, которой командовал генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, атаковали вражеские позиции, но успеха почти не имели. Лишь на отдельных участках они продвинулись до полутора километров. Прорвать глубоко эшелонированную оборону противника им так и не удалось. Да, собственно, особых надежд на букринскую группировку мы и не возлагали. Она наступала на труднопроходимой местности, не имея никакого превосходства в силах и средствах. Это был, скорее, отвлекающий удар второстепенного значения, имевший целью ввести врага в заблуждение.

А тем временем на лютежском плацдарме наша ударная группировка готовилась к решающему наступлению. В войсках нарастал боевой подъем.

Совсем недалеко от переднего края противника, в районе села Ново-Петровцы, саперы оборудовали командно-наблюдательный пункт фронта. Отсюда хорошо просматривалась местность на направлении главного удара.

Перед наступлением Военный совет фронта собрал накоротке командиров войсковых соединений, сосредоточенных на лютежском плацдарме. Генерал армии Н. Ф. Ватутин уточнил боевую задачу ударной группировки и отдал последние распоряжения.

В войска направились заместитель командующего

фронтом генерал-полковник А. А. Гречко, член Военного совета по тылу генерал-майор Н. Т. Кальченко, начальник политуправления генерал-майор С. С. Шатилов и другие руководящие работники. Я выехал в 60-ю армию. На окраине колхоза «Приднепровский» я разыскал командующего 60-й армией генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского. Вместе с ним находились член Военного совета генерал-майор В. М. Оленин, начальник штаба генерал-майор Г. А. Тер-Гаспарян и начальник политотдела армии генерал-майор К. П. Исаев.

Об Иване Даниловиче Черняховском как о талантливом и растущем военачальнике я слышал раньше, но видеть его довелось впервые. Иван Данилович был свежевыбрит, подтянут, ладно сидело на нем обмундирование. Подчиненные стремились ему подражать. Всюду чувствовалась войсковая четкость. Генерал Черняховский протянул мне руку и поздоровался, будто с давним знакомым.

— В обиде я на вас, фронтовые товарищи, — блеснув темно-кариими глазами, заявил Черняховский. — Так и передайте Николаю Федоровичу. Он знает, как настойчиво я рвался на 1-й Украинский фронт, надеясь, что с 60-й армией буду непосредственно участвовать в освобождении Киева. А нас подальше от города отодвинули. — Иван Данилович помолчал, размеренно постукивая ладонью по карте, и, вздохнув, произнес: — Ведь с Киевом связаны лучшие годы моей жизни. Вся моя молодость там прошла.

Потом я узнал, что тринадцати лет И. Д. Черняховский остался сиротой. Советская власть воспитала его. Иван Данилович учился в Киеве, окончил там артиллерийскую школу, а затем получил академическое образование. И. Д. Черняховский был человеком обаятельным, и встреча с ним произвела на меня большое впечатление.

Добрым словом хочется вспомнить члена Военного совета 60-й армии генерал-майора Василия Максимовича Оленина. Кадровый политработник, воспитанник Военно-политической академии имени В. И. Ленина, он с 1929 года находился в рядах Красной Армии. Будучи военкомом 4-го воздушнодесантного корпуса, он в начале 1942 года принимал участие в десантной операции под Вязьмой и в труднейших условиях действовал во

вражеском тылу, сражаясь с превосходящими силами гитлеровцев. В июле 1943 года Василий Максимович был назначен членом Военного совета 60-й армии. Он хорошо проявил себя в Курской битве и при форсировании Днепра. Опытный политработник умел находить ключ к солдатской душе, и фронтовики любили его.

Когда мы с генералом В. М. Оленниным пришли в подразделение 75-й гвардейской стрелковой дивизии (командир генерал-майор В. А. Горишный, начальник политотдела полковник И. А. Власенко), бойцы встретили Василия Максимовича как хорошего знакомого. Послышались одобрительные возгласы: «Наш комиссар прибыл!» Попросту, с вологодским говорком на «о» Василий Максимович начал душевную беседу. Бесстрашный политработник, человек действия, он требовал от коммунистов личного примера в бою.

— Скоро начнется атака, — говорил генерал В. М. Оленин на партийном собрании перед началом операции. — Коммунисты призваны показать боевой пример. Помните, что все солдаты смотрят на вас. Если ненароком оробеешь перед атакой, сразу потеряешь авторитет. Большевику надобно собрать в себе всю волю и смело идти вперед, воодушевляя других словом и делом. Помните о своей главной партийной обязанности: в бою первый шаг делают коммунисты.

После собрания мы с Василием Максимовичем по установившемуся обычаю обошли перед началом наступления траншеи переднего края. Как показал боевой опыт, обход войск перед атакой является одной из эффективных форм политической работы. Так, например, на лютежском плацдарме на участке предполагаемого прорыва траншеи переднего края обходили командарм К. С. Москаленко и член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев. Их появление на решающем участке и беседы с солдатами, готовившимися к атаке, еще более ободрили войска.

Когда мы с генералом В. М. Оленниным находились на передовых позициях, Василий Максимович зачитывал обращение Военного совета 1-го Украинского фронта. Вот что говорилось в нем:

«Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашего Отечества. Здесь много веков назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в

руках отстаивали свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и матери, наши деды и прадеды...

На этой земле расцвела культура народа Богдана Хмельницкого и Тараса Шевченко. Фабриками и заводами, театрами и университетами, школами и садами украсился Киев за время Советской власти... 25 месяцев фашистские варвары издеваются, грабят и убивают советских граждан, жгут и уничтожают фабрики и заводы, прекрасные здания и зеленые улицы, оскверняют и поганят памятники и могилы борцов нашей священной земли...

К героическим подвигам, к самоотверженности в бою зовет нас великий Киев. К мужеству, отваге и храбрости зовет нас многомиллионный советский народ»¹.

Обращение заканчивалось пламенными словами: «За нашу Советскую Родину, за нашу свободу и счастливую жизнь, за Украину, за Киев вперед, на разгром врага!»

Там, где позволяла обстановка, прошли короткие митинги. Каждый из нас не раз убеждался, что митинги перед боем являются одной из действенных форм политического воспитания, укрепления наступательного порыва воинов.

Не могу забыть митинг в одном из батальонов 75-й гвардейской стрелковой дивизии. Помню, слово взял рядовой Антипов.

— Было это дней десять назад, когда мы ворвались в село Копытинцы, — сказал солдат. — Вы сами видели, что фашист сжег его дотла. Наш взвод ворвался в центр села. Продвигаюсь вперед, по канаве. Вдруг вижу, трупы лежат: старики и женщины. И вот из груды трупов выбирается окровавленная девочка. Маленькая такая, не больше десяти лет. «Папа, спаси. Немцы убивают нас!» — жалобно закричала она. Этот крик и сейчас в моих ушах звенит. Пусть он всколыхнет и ваши сердца. Даю клятву перед вами и перед осиротевшей девочкой, что буду без пощады истреблять фашистских гадов.

До глубины души взволнованные рассказом однопол-

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 315337, д. 1, л. 65.

чанина, воины решительно произнесли: «Смерть фашистским убийцам!»

Я смотрел на суровые лица фронтовиков, на горящие от гнева глаза и думал: «Атака бойцов будет яростна и неукротима. Они бесстрашно ринутся на врага. Перед ними фашисты не устоят». А еще думал о том, как много таких пламенных агитаторов воспитала наша партия, как велико воздействие яркого, образного слова на солдатские сердца.

Велика и почетна роль агитаторов на войне. Они имелись в каждой роте, батарее и эскадрилье, в каждом взводе и звене, в каждом отделении, расчете, экипаже, охватывая политическим влиянием всю солдатскую массу. В различных условиях боя, в наступлении и обороне, они использовали короткие минуты затишья и непосредственно в траншее, землянке или блиндаже, в лесу у походного костра проводили беседы с воинами, мобилируя их на выполнение боевых задач. Хорошо зная солдат и сержантов подразделения, агитаторы умели поговорить с ними по душам, используя примеры и факты из боевой жизни родной части. В большинстве своем они умели говорить ярко, самобытно, доходчиво и в то же время кратко, потому что свободных минут на войне бывает слишком мало.

Политорганы постоянно учили агитаторов искусству большевистской работы в массах, и они достойно выполняли почетную роль активных проводников идей партии, помогая командирам и политработникам воспитывать воинов-патриотов, крепить в войсках дисциплину и организованность.

Сама фронтовая действительность поднимала в войсках волну ненависти к фашистским захватчикам. Перед нами стоял измученный и истерзанный немецкими оккупантами Киев. Через линию фронта к нам проникали вести о фашистском терроре и варварском разрушении столицы Советской Украины. Порой с риском для жизни пробирались к нам бесстрашные киевляне.

«Вчера днепровский плес переплыла девушка, — общала фронтовая газета «За честь Родины». — Она рассказывала, что немцы взрывают дома вместе с людьми, загоняют в подвалы жителей и бросают туда гранаты. Они привезли в крытый рынок сотни людей, обреченных на смерть... Дорог не только каждый час — минута!

Вспомним страшный рассказ киевской девушки. На час, на минуту раньше ворвемся в город — и сотни, тысячи наших братьев и сестер останутся на земле для жизни, для счастья, для радости. Скорее, скорее, на выручку!»

Все наши войска, готовые к штурму вражеских укреплений и освобождению Киева, были охвачены невиданным наступательным порывом и непреклонной волей к победе.

В НАСТУПЛЕНИЕ!

Утром 3 ноября 1943 года началось сражение за Киев. Робко занимался рассвет, когда на вражеские позиции обрушился шквал огня. Сорок минут била артиллерия по переднему краю обороны врага, узлам сопротивления и важным целям. И вот огневой вал перенесен в глубину. Взлетели сигнальные ракеты, по траншеям прокатился призывный клич: «За Родину, за славный Киев, в атаку — вперед!» Солдаты хлынули из траншей и, не дав противнику опомниться, бросились на его позиции.

— Хорошо пошли! — воскликнул командарм Черняховский, наблюдая за началом наступления. — Атака дружная.

После мощной и эффективной артиллерийской подготовки наша пехота на первых порах продвигалась почти беспрепятственно. Но затем сопротивление неприятеля возросло на всем участке 60-й армии. Усилился и минометно-артиллерийский обстрел. Пытаясь восстановить положение, гитлеровцы неоднократно переходили в контратаки.

На участке главного удара действовали 24-й стрелковый корпус, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор Н. И. Кирюхин, и 30-й стрелковый корпус, возглавляемый генерал-майором Г. С. Лазько. Прорвав оборону врага на фронте 20 километров, войска армии заняли населенные пункты Федоровка, Глебовка, Сычевка, Ровы, Ростесно и к вечеру завязали бой за овладение районным центром Дымер. Об этом командарм И. Д. Черняховский и я сообщили по ВЧ генералу армии Н. Ф. Ватутину. Командующий войска-

ми фронта воспринял это с удовлетворением, но подчеркнул, что темпы продвижения надо увеличить, ибо от действий 60-й армии во многом зависит и успех 38-й армии, наступавшей непосредственно на Киев. Задача дня, указал Н. Ф. Ватутин, непременно должна быть выполнена.

В свою очередь и Николай Федорович поделился с нами новостями. 38-я армия, действовавшая на главном направлении, прорвала сильно укрепленную вражескую оборону и овладела дачами Пуща-Водица. Но противник оказывал ожесточенное сопротивление, вводил резервы, предпринимал яростные контратаки.

4 ноября я вернулся из 60-й армии в Ново-Петровцы. На КП фронта Н. Ф. Ватутин давал указания командующему 3-й гвардейской танковой армией генералу П. С. Рыбалко.

— Настал твой час, Павел Семенович, — сказал командующий войсками фронта. — Пора вводить в сражение и 3-ю гвардейскую танковую. Ты сам, видимо, не раз убеждался, что чистого прорыва обычно не бывает. Танкистам приходится помогать пехоте прорывать неприятельскую оборону, а затем вводить в прорыв и свои главные силы. Медлить нельзя. Танковый кулак у тебя мощный. Громыхни им так, чтобы все тылы и коммуникации противника затрещали. Надеюсь на успех.

Второй день наступления отличался возросшим напряжением. Не считаясь с потерями, противник лихорадочно закрывал бреши, маневрировал резервами, вводил в бой новые части и соединения. Как мы и предполагали, находившаяся в ближайшем резерве 7-я немецкая танковая дивизия 4 ноября была брошена в контратаку и причинила нашим войскам немало хлопот. Особенным ожесточением отличались бои в районе дач Пуща-Водица. Стойко дрались в полуокружении подразделения 20-й гвардейской танковой бригады, возглавляемой гвардии полковником С. Ф. Шутовым, и другие наши части.

Данные воздушной разведки свидетельствовали о том, что из районов Белой Церкви и Корсунь-Шевченковского на север, к лютетжскому плацдарму, двигались большие колонны немецко-фашистских войск. Надо было предупредить врага.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин, неослабно державший в своих руках все нити управления войсками, был спо-

коен, энергичен, находчив и тверд в решениях. Настойчиво и последовательно он наращивал удар на главном направлении, стремясь быстрее завершить прорыв тактической обороны гитлеровцев.

Если в первый день нашего наступления вместе с пехотинцами отличились артиллеристы, то во второй день героями наряду с пехотой и артиллерией стали танкисты.

Перед вводом подвижных частей в прорыв командующий войсками фронта 4 ноября направил танковым военачальникам следующую телеграмму:

«Успешное выполнение задачи зависит в первую очередь от стремительности, смелости и решительности ваших действий. Ваша цель — не боясь оторваться от пехоты, стремительно двигаться вперед, смело уничтожать отдельные очаги противника, навести панику среди его войск. Стремительно преследовать их, с тем чтобы к утру 5 ноября 1943 г. нам занять Киев. Командирам всех степеней быть со своими частями и лично вести их для выполнения задачи»¹.

Выполняя приказ командующего фронтом, генерал П. С. Рыбалко ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию. В первом эшелоне наступали 9-й механизированный корпус и часть сил 6-го гвардейского танкового корпуса. Вслед за ними следовал 7-й гвардейский танковый корпус.

Но это было лишь на первых порах. Когда удалось завершить прорыв тактической обороны противника и перед нашими войсками открылся оперативный простор, 7-й гвардейский танковый корпус, возглавляемый генерал-майором танковых войск К. Ф. Сулейковым, обогнал боевые порядки наступавших стрелковых частей и танков, поддерживавших пехоту, и начал стремительно развивать наступление. В середине дня корпус овладел населенным пунктом Берковец, а к 23 часам его передовые подразделения вышли в районе Святошино к шоссе Киев — Житомир.

Появление советских танков в тылу неприятеля, несомненно, оказало сильное психологическое воздействие на его войска, оборонявшие Киев. Генерал П. С. Рыбалко доносил, что подразделения 7-го гвардейского танко-

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 22834, д. 8, л. 367.

вого корпуса дополнили внезапную ночную атаку световыми и шумовыми эффектами. Танки, развернувшись в линию, двигались вперед, прорезая ночную тьму ярким светом множества фар, ослепляя метавшихся в панике гитлеровцев. Включив воюющие сирены и стреляя из пушек и пулеметов, наши экипажи ворвались в Святошино.

В течение всей ночи шел ожесточенный бой. К утру 5 ноября гвардейцы-танкисты окончательно перерезали шоссе Киев — Житомир, лишив противника важной коммуникации.

В районе Святошино, на подступах к городскому району Киева, проходил последний оборонительный рубеж врага. Оправившись от внезапного натиска, немцы дрались с ожесточением. Но танкисты во взаимодействии с подразделениями 50-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор С. С. Мартиросян, разгромили оборонявшихся в этом районе гитлеровцев. Успешно действовала и 167-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Мельникова, ворвавшаяся на западную окраину Киева в районе кинофабрики.

Утром 5 ноября с букринского плацдарма пришло сообщение, что противник снимает часть своих сил и, видимо, готовится перебросить их в район Киева. Но поздно спохватились немецкие генералы. Исход Киевской операции в основном был уже предрешен.

5 ноября в сражение вступил и 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова. Одновременно командующий 38-й армией генерал К. С. Москаленко ввел в бой свой второй эшелон — 23-й стрелковый корпус, которым командовал генерал Н. Е. Чуваков. Но попытки этих соединений с ходу форсировать реку Ирпень и развить наступление в западном направлении успеха не имели.

На этот участок выехал заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник А. А. Гречко. Он предпринял все необходимые меры для того, чтобы быстрее прорвать вражескую оборону на реке Ирпень и полностью снять угрозу вражеского контрудара с северо-запада по нашей группировке, наступавшей непосредственно на Киев.

В бой вступила и 1-я отдельная чехословацкая бригада. Военный совет фронта с особым вниманием и заботой относился к чехословацкой бригаде. Лишь после на-

стойчивых просьб и ходатайств командира бригады Л. Свободы было дано разрешение ввести ее в бой.

Под прославленным стягом бригады, на котором начертаны пламенные слова Яна Гуса «Правда победит!», полковник Людвик Свобода призвал чехословацких воинов:

— Сражайтесь за Киев так, как вы стали бы сражаться за Прагу и Братиславу. Именем наших народов и тысяч убитых и замученных — беспощадно истребляйте врага!

Здесь, в боях за Киев, продолжала крепнуть боевая дружба советских воинов с воинами 1-й отдельной чехословацкой бригады.

Вот что писал в газете «Правда» участник боев за Киев подпоручик Бедржих Райцин:

«Братство по оружию, скрепленное кровью, уже в первых совместных боях наших частей не знает различия между серой шинелью красноармейца и зеленой — чехословака. Вот залегли рядом советский пехотинец и чехословацкий автоматчик. Распределяют задачи между собой оба взвода. Советский сержант исполняет приказ наших ротных, наш свободник восклицает: «Есть, товарищ сержант!» — и молниеносно отбегает с донесением. Русский старший лейтенант принимает пулемет у раненого словацкого воина Копичка, упавшего у его ног. Через минуту и он падает. Его кровь смешивается с кровью наших солдат. Но немцы уже не продвинулись ни на шаг. Их контратака сорвана, и наша пехота — советская и чехословацкая — идет вперед»¹.

Ввод в сражение 23-го стрелкового корпуса и других частей второго эшелона, в том числе и 1-й чехословацкой бригады, позволил наступающим войскам смять контратакующие части врага и ворваться на окраину Киева. Ломая сопротивление противника, решительно наступал и 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко. Его 20-я танковая бригада овладела совхозом «Арсенал», а 22-я танковая бригада — территорией завода «Большевик». Экипажи 5-го гвардейского танкового корпуса ворвались в Киев с севера и запада.

¹ «Правда», 21 ноября 1943 г.

Соединения 51-го и 50-го стрелковых корпусов вели ожесточенные уличные бои, уничтожая вражеские опорные пункты. В битве за Киев вновь отличилась 240-я стрелковая дивизия (командир Герой Советского Союза полковник Т. Ф. Уманский, начальник политотдела полковник П. Г. Терентьев). Подразделения этого соединения в числе первых форсировали Днепр севернее Киева и под Лютежем захватили плацдарм. Именно с этого плацдарма и началось победное наступление советских войск на Киев. Герои Днепра были первыми и в боях за освобождение столицы Советской Украины. Политдонесение 240-й стрелковой дивизии гласило:

«В боях за город Киев отважно и смело дрались с немецкими оккупантами вновь принятые в комсомол рядовые из нового пополнения ручные пулеметчики 9 стр. роты 842 стр. полка Чубур Дмитрий Лукич и Печура Иван Иванович. Стремительно и незаметно продвинувшись вперед, они поставили пулеметы на просеку и уничтожили при этом до 30 гитлеровцев.

Мешал продвижению вперед нашим пехотинцам станковый пулемет противника, который вел фланкирующий огонь. Славный комсомолец Печура набрал гранат. С лютой ненавистью, кипевшей на сердце, он подполз вплотную к немецкому пулемету и бросил противотанковую гранату, уничтожив вражеский пулемет вместе с расчетом...

Комсомолец 3 пульроты 836 стр. полка красноармеец Дорохов, когда командир отделения был убит, встал во весь рост и крикнул: «За Родину, вперед на Киев!» Отделение поднялось за Дороховым и поставленную задачу выполнило».

Фронтная газета «За честь Родины» в те дни сообщала:

«Наступавшие с севера пехотинцы Полетаева штурмом прорвались в центр города, на улицу Кирова, на Крещатик, и чья-то рука на витрине углового здания мелом написала: «24.00. Первым вошел батальон Якушева. Да здравствует свободная Украина!»

Позже эта лаконичная надпись натолкнула работников Архива Министерства обороны СССР на мысль установить имена первых героев, вошедших в Киев. После того как были проведены документальные изыска-

ния и запрошены многие участники боев за древний город, научный сотрудник Архива В. Пережогин опубликовал эти данные в «Военно-историческом журнале» № 10 за 1963 год. Интересны, на мой взгляд, воспоминания бывшего командира взвода автоматчиков младшего лейтенанта Г. П. Саморукова, который в числе первых вошел в Киев.

«Прорвавшись к центру города на Крещатик, — писал Г. П. Саморуков, — мы в 24.00 вышли к угловому дому, у которого с фасада по обеим сторонам находились два льва. Бойцы стали делать надписи на стенах дома, на ограде и прямо на тротуаре. Сейчас трудно вспомнить, кто именно делал надписи, но мне хорошо запомнилось, что писал командир роты старший лейтенант Гуськов. Писал и я».

Так на Крещатике появились надписи, об одной из которых сообщала фронтовая газета «За честь Родины».

Одновременно с упомянутым батальоном к Крещатику с боем пробивался и 3-й батальон 21-го стрелкового полка, которым командовал капитан А. Г. Козуто. Бойцы М. И. Бобров и И. А. Бугаенко первыми достигли здания Совнаркома УССР и водрузили на нем красный стяг. Командиры и политработники поручали это почетное задание лучшим из лучших.

Группа смельчаков из 4-й отдельной моторазведывательной роты 1-го Украинского фронта под командованием капитана Н. П. Андреева под покровом темноты 5 ноября скрытно выдвинулась в центр города, где еще находился противник, и незаметно пробралась к зданию, где ранее размещался Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. В половине первого ночи 6 ноября разведчики Кириухин, Погорелов и Дегтяренко укрепили на уцелевшем флагштоке Красное знамя.

Одними из первых прорвались в центральную часть Киева подразделения 5-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко, взаимодействовавшие с пехотинцами 38-й армии. Особенно отличился танковый батальон гвардии капитана Д. А. Чумаченко. Дерзко и стремительно ворвался на Крещатик танковый взвод гвардии старшины Н. Н. Шелуденко. Отважный танкист был родом из Киева. Здесь он учился и получил трудовую закалку. В уличном бою за освобождение родного города он пал смертью храбрых. Жители украинской

столицы свято хранят память о своем замечательном земляке, верном сыне Отчизны. Гвардии старшине Никифору Шелуденко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Ночным решительным штурмом наши воины к 4 часам утра 6 ноября 1943 года полностью овладели Киевом — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу Днепра. Освобождению города и спасению многих его древнейших исторических памятников во многом способствовал глубокий обходный маневр 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и других подвижных соединений фронта. Они перерезали не только шоссе Киев — Житомир, но и другие дороги, ведущие на запад. Для киевской группировки врага создавалась угроза полного окружения. Противник начал поспешно отступать в юго-западном направлении.

6 ноября в 5 часов утра Военный совет фронта направил в Ставку донесение, в котором говорилось: «Город Киев полностью очищен от немецких оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

В то же утро мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным выехали в Киев. Николай Федорович много лет жил и работал в этом городе и помнил столицу Украины во всей ее довоенной красе. Теперь он с душевной болью молча глядел на пожарища и руины, на разрушенный Крещатик и обуглившиеся стены Дома обороны, на охваченный огнем университет. Наконец он нарушил молчание и гневно произнес:

— Что они, проклятые варвары, сделали с тобой, страдалец-Киев! За одно только это злодейство они заслуживают самой жестокой кары. — Обернувшись ко мне, добавил: — Пусть политуправление примет меры к тому, чтобы вся фронтовая печать, наши агитаторы рассказали бойцам о преступлениях фашистов в Киеве.

Гитлеровцы нанесли городу громадный ущерб. За два года своего хозяйничанья они разрушили 800 предприятий, 140 школ, 940 зданий государственных и общественных организаций, дворцов культуры и клубов. Перед своим отступлением оккупанты решили взорвать, сжечь, уничтожить и все остальные здания, стереть с лица земли украинскую столицу. Но стремительное на-

ступление советских войск нарушило этот подлый замысел. Город был спасен.

В первые часы освобождения Киева, когда туда только что вошли части Красной Армии, город произвел на нас удручающее впечатление. Его улицы были полупустыми: фашисты угнали в лагеря и на каторгу значительную часть населения. Преследуя врага и перерезая ему пути отхода, наши войска вызволили из неволи многих киевлян, и уже во второй половине дня жители начали возвращаться в родные дома. Киев с каждым часом становился многолюднее, оживленнее.

Измощенный, оборванный старик подошел к нам и горько заплакал. Сбивчиво и торопливо он поведал нам об ужасах немецкой оккупации.

— А как дальше будет, не вернется фашист? — спросил он.

Николай Федорович твердо ответил:

— Не вернется, не пустим, погоним дальше. Русские прусских всегда бивали. А с гитлеровцами у нас особый счет. Гром военный прогрехочет и над Берлином.

На площадях, где мы останавливались, вокруг машины командующего собирались местные жители, воины, и порой стихийно возникали короткие митинги. Узнав, что войсками 1-го Украинского фронта, освободившего столицу УССР, командует бывший начальник штаба Киевского особого военного округа генерал Н. Ф. Ватутин, люди оживлялись, слышались радостные возгласы и аплодисменты. А Николай Федорович смущенно улыбался и жестами показывал на бойцов как на главных виновников торжества и творцов победы. Киевляне выражали благодарность родной ленинской партии и героической армии за освобождение от фашистского ига, за спасение их столицы.

В тот же день, 6 ноября, мне пришлось выехать в 3-ю гвардейскую танковую армию, которая совместно с 38-й развивала наступление в юго-западном направлении. По дороге на Фастов в одной из крестьянских хатмазанок разыскал генерала П. С. Рыбалко и члена Военного совета армии генерала С. И. Мельникова. Едва успел я поздороваться с ними, как Семен Иванович пригласил меня в соседнюю комнату, где связист настраивал радиоприемник на московскую волну. И вот диктор торжественно читает приказ Верховного Главнокомандую-

щего об освобождении Киева войсками 1-го Украинского фронта. Собравшиеся у приемника с огромным волнением внимали словам приказа:

«Со взятием Киева нашими войсками захвачен важнейший и наивыгоднейший плацдарм на правом берегу Днепра, имеющий важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины.

В боях за освобождение города Киева отличились войска генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Черняховского, танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко, летчики генерал-лейтенанта авиации Красовского и артиллеристы генерал-майора артиллерии Королькова».

Свыше 60 отличившимся соединениям и частям, в том числе 6-му и 7-му гвардейским танковым корпусам 3-й гвардейской танковой армии, присваивалось почетное наименование Киевских. За успешные боевые действия многие соединения были награждены орденами Красного Знамени, а 1-ю чехословацкую отдельную бригаду Советское правительство отметило орденом Суворова II степени.

Уместно будет сказать, что с 12 октября по 7 ноября 1943 года в войсках фронта было вручено 17 479 орденов и медалей. Родина увенчала высоким званием Героя Советского Союза более 660 солдат, сержантов, офицеров и генералов.

Москва салютовала войскам, освободившим Киев, двадцатью четыремя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Это был самый крупный салют со времени учреждения этого почетного ритуала.

Когда в радиоприемнике стих грохот московского торжественного салюта, генерал П. С. Рыбалко, прислушавшись к гулу усиливающегося в Фастове боя, сказал:

— А наш боевой салют продолжается!

6 ноября 7-й гвардейский танковый корпус овладел Васильковым. При этом отличились 23-я гвардейская мотострелковая (командир полковник А. А. Головачев), 55-я (командир подполковник Д. А. Драгунский) и 56-я (командир подполковник Т. Ф. Малик) гвардейские танковые бригады. Затем корпус успешно продолжал боевые действия. Бросок танкистов был так стремителен, что на одном из вражеских аэродромов гвардейцы

захватили десять немецких исправных самолетов. Развивал наступление и 6-й гвардейский танковый корпус.

91-я отдельная танковая бригада, возглавляемая энергичным и мужественным полковником И. И. Якубовским, к 18 часам 6 ноября достигла Фастова, являвшегося крупным узлом железных дорог и важным опорным пунктом обороны противника, и ворвалась на окраину города. О полковнике Иване Игнатьевиче Якубовском, ныне Маршале Советского Союза и первом заместителе Министра обороны СССР, уже тогда шла молва как о бесстрашном, искусном командире. Возглавляемая им 91-я отдельная танковая бригада прославилась во многих боях Отечественной войны, в том числе и в легендарной битве на Волге.

Авангардный батальон капитана В. С. Гусева, что первым ворвался на восточную окраину Фастова, был поддержан боевыми действиями других подразделений бригады И. И. Якубовского. Танковый батальон майора П. В. Лусты совместно с автоматчиками батальона Х. Г. Мустафаева совершил обходный маневр и, атаковав Фастов с севера, ворвался на железнодорожную станцию и разгромил стоявшие там вражеские эшелоны.

Успех передового отряда армии был развит частями 6-го гвардейского Киевского танкового корпуса. В ночь на 7 ноября в Фастове, оборонявшемся довольно крупными силами противника, продолжались ожесточенные бои.

Овладев железнодорожным узлом и городом Фастов, наши танкисты захватили большие трофеи. На станции находились также и эшелоны с оборудованием киевских предприятий, которые оккупанты намеревались вывезти в Германию. По распоряжению Военного совета фронта это драгоценное оборудование было немедленно возвращено его истинным владельцам — государственным заводам и фабрикам Киева.

Кроме 91-й отдельной танковой бригады в боях за овладение этим важным опорным пунктом обороны противника на юго-западном направлении отличились части 6-го гвардейского танкового корпуса: 51-я гвардейская танковая бригада подполковника М. С. Новохатько, 52-я гвардейская танковая бригада подполковника М. Л. Плеско, которого сменил подполковник В. Г. Гусев, 53-я гвардейская танковая бригада полковника

В. С. Архипова, а также 22-я гвардейская мотострелковая бригада полковника Н. Л. Михайлова. Танкисты, освободившие Фастов 7 ноября, порадовали Родину и народ замечательным боевым подарком.

За мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими войсками, И. И. Якубовский, П. В. Лушта, Х. Г. Мустафаев, а также механик-водитель 344-го танкового батальона П. А. Конев получили звание Героя Советского Союза. Многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями.

Войска 1-го Украинского фронта наращивали боевые усилия. На Житомир стремительно продвигался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова. Оторвавшись от пехоты, конники шли по тылам врага, перерезая его коммуникации, громя штабы и захватывая пленных.

Успешно развивал наступление на Павлоч 7-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии. Командир разведвзвода А. Серажимов из 55-й гвардейской танковой бригады захватил пленных, сообщивших важные сведения о том, что из Франции, с побережья Ла-Манша, под Фастов и Белую Церковь переброшена полностью укомплектованная 25-я немецкая танковая дивизия. Мотопехотные подразделения этого соединения, ничего не подозревая, двигались по шоссе походной колонной к Фастову. А параллельно, по грунтовой дороге, углублялись в тыл врага наши гвардейцы-танкисты. Отправив командиру корпуса донесение о показаниях пленных и о сложившейся обстановке, командир 55-й гвардейской танковой бригады гвардии подполковник Д. А. Драгунский внезапно атаковал врага. Гвардейцы расстреливали гитлеровцев в упор, давили их гусеницами боевых машин, таранили немецкие бронетранспортеры и разбивали грузовики. В стане противника, понесшего огромные потери в живой силе и технике, вспыхнула паника. Но это было лишь начало разгрома. Вступившие в бой главные силы 7-го гвардейского танкового корпуса и сражавшиеся в районе Фастова части 6-го гвардейского танкового корпуса нанесли гитлеровцам сокрушительное поражение. Наши войска полностью уничтожили новое резервное соединение врага, только что переброшенное с Западного театра действий.

В связи с этим небезынтересны признания фашистского генерала Ф. Меллентина. Вот как он описывает бесславный конец 25-й немецкой танковой дивизии под Фастовом:

«Днем 7 ноября передовой отряд 146 мотострелкового полка встретил южнее Фастова русские танки Т-34 и обратился в паническое бегство. В страшном беспорядке эти необстрелянные части бежали... Им с большим трудом удалось оторваться от русских, уничтоживших почти весь их транспорт... 25 тд понесла настолько тяжелые потери в личном составе и технике, что в течение нескольких недель не могла использоваться ни в каких наступательных действиях»¹.

Но обстановка на этом участке по-прежнему оставалась напряженной. Наша разведка обнаружила крупные колонны немецко-фашистских войск, продвигавшихся в общем направлении на Фастов. Противник концентрировал свои силы также и в районе Белой Церкви. Все это свидетельствовало о том, что гитлеровцы готовят контрудар, намереваются срезать киевский клин и снова закрепиться на днепровском рубеже.

Исключительно ожесточенный характер приняли бои за Фастов. Войска 3-й гвардейской танковой армии стойко защищали завоеванный город. В боях применялись подвижные танковые заслоны. Наши экипажи уничтожали врага из засад, укрывая и маскируя боевые машины в окопах полного профиля. Сочетая огонь и маневр, воины наносили гитлеровцам огромный урон и стойко удерживали завоеванные рубежи.

Во время напряженных боев под Фастовом мы с членом Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генералом С. И. Мельниковым прибыли на наблюдательный пункт одной из частей. С НП хорошо просматривалась высота 225,5, стоявшая неприступной твердыней для танков и пехоты врага. В районе этой высоты огневые позиции занимала первая батарея 386-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, которой командовал коммунист младший лейтенант И. С. Пухов. Когда утром к Фастову ринулись поддержанные

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. Сокращенный перевод с английского. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 214.

фашистской авиацией вражеские «тигры», расчеты батареи Пухова встретили противника уничтожающим огнем.

Гитлеровцы, не считаясь с потерями, лезли напролом. В критический момент боя внезапно смолкло одно орудие. Из строя выбыли наводчик и командир расчета. Тогда находившийся поблизости младший лейтенант Иван Пухов бросился к замолчавшему орудию. «Тигр» уже рядом. Еще секунда, другая — и он сомнет пушку. Но офицер успел дослать снаряд и навести орудие. Грянул выстрел, вражеский танк вспыхнул. Затем отважный артиллерист уничтожил еще одну приближавшуюся вражескую машину. Всего батарея И. С. Пухова уничтожила на подступах к высоте восемь фашистских танков. Противник отступил.

Стрелковые соединения 38-й армии, выдвинувшиеся в район Фастова, помогли танкистам и артиллеристам более прочно закрепить завоеванные рубежи. Однако Военный совет фронта тревожило положение, сложившееся на левом крыле фронта. Неутешительное донесение поступило от командира 5-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко. Его части и соединения (20, 21, 22-я гвардейские танковые и 6-я гвардейская мотострелковая бригады, 48-й гвардейский тяжелый танковый и 4-й гвардейский артиллерийский полки), наступая с 6 по 11 ноября в направлении Васильков, Гребенки, Белая Церковь и в районе Германовка, Красное, Гребенки, Сливонки, подверглись атакам превосходящих танковых сил врага.

Николай Федорович Ватутин попросил меня поехать к генералу А. Г. Кравченко. Погода выдалась прескверная. Все вокруг заволокло туманом. Шофер И. В. Гойчик с невероятным трудом вел машину по раскисшим от дождей проселочным дорогам. Возле маленького мостика машина забуксовала. Водитель выскочил из кабины и, наломав охапку ветвей, бросил ее под колеса. Машина вырвалась наконец из трясины.

Под вечер мы добрались до деревни Кодаки, где находился штаб 5-го гвардейского танкового корпуса. В хате было сильно накурено, сизая табачная завеса застилала трепетный свет каганца. Генерал А. Г. Кравченко поднялся из-за стола и доложил, что поставленную перед корпусом задачу до сих пор выполнить не удалось. Противник вводит все новые силы, натиск его нарастает.

О трудной обстановке, сложившейся на этом участке, я уже знал и поэтому коротко спросил:

— А отвоеванное удержите? Учтите, что от вашей стойкости во многом зависит и судьба Киева.

— Будем драться как положено и стоять насмерть! — заявил Андрей Григорьевич.

Так он сказал не ради красного словца. Начальник политотдела корпуса полковник И. Н. Плотников в беседе со мной сообщил, что командиры, политработники и весь личный состав частей настойчиво добивались успешного исхода боя, проявляя твердость, решительность и непреклонную волю к победе. Он высоко отзывался о боевых качествах командиров бригад С. Ф. Шутова и К. И. Овчаренко, политработников М. Ф. Молярова, Г. С. Полукарова, Н. П. Молоканова и других. Бои изобиловали примерами массового героизма танкистов.

К разговору присоединился генерал А. Г. Кравченко. Он рассказал, что буквально накануне моего приезда гвардии капитан Д. А. Чумаченко уничтожил в бою минометную батарею врага и проутюжил позиции, занимаемые фашистской пехотой. Но замаскированная в засаде немецкая пушка подожгла его танк. Однако и тогда боевая машина не остановилась. Выполняя приказ командира, механик-водитель Николай Нечитаев на предельной скорости повел танк в последнюю атаку. Сняв злополучную противотанковую пушку гитлеровцев и расстреливая метавшихся по деревне фашистских автоматчиков, пылающая машина прорвалась к своим. Из прокопченной «тридцатьчетверки» с трудом выбрались раненые и обгоревшие танкисты во главе с гвардии капитаном Дмитрием Чумаченко.

Мужественно и стойко сражались с превосходящими силами гитлеровцев подразделения 21-й и 22-й гвардейских танковых бригад и других частей 5-го гвардейского танкового корпуса.

— Многие наши люди погибли в последних боях, — покачав головой, горестно произнес Андрей Григорьевич. — На днях мы потеряли командира бригады Кузьму Ивановича Овчаренко. Это храбрый и заслуженный офицер, который воевал с белофиннами, сражался на Волге, был на Курской дуге и под Киевом. Не стало и начальника политотдела танковой бригады Георгия Степановича Полукарова.

Генерал сумрачно задумался, потом, вздохнув, добавил:

— Да, утраты большие, тяжелые. Особенно в 21-й гвардейской танковой бригаде, принявшей на себя главный удар превосходящих сил врага.

Я внимательно посмотрел на Андрея Григорьевича и заметил, что он очень устал. Лицо его почернело от бессонницы, глаза ввалились. На войне А. Г. Кравченко не щадил себя. Еще в 1941 году генерал-лейтенант танковых войск П. В. Волох так охарактеризовал этого замечательного танкиста: «Решительный, волевой командир, умеет личным примером воодушевить подчиненных».

Вместе с Кравченко и Плотниковым мы побывали в некоторых частях, которые вели напряженные бои, и я убедился, как появление командира корпуса поднимало дух и стойкость танкистов, вселяло в них уверенность в боевом успехе. Там, где крайне нужно было, он помогал своим резервом, хотя его почти не было. Несмотря на трудное положение, танкисты стойко обороняли рубежи, прикрывая с юга левый фланг наших войск и Киев.

Возвращаясь из 5-го гвардейского танкового корпуса в штаб фронта, я по пути заехал к командующему 3-й гвардейской танковой армией генералу П. С. Рыбалко.

— Что нового, Павел Семенович? — спросил я.

— Новые немецкие дивизии, — невесело пошутил командарм, — и преимущественно танковые. К сожалению, это обстоятельство в штабе фронта во внимание не принимается...

Рыбалко раскрыл папку с документами и, отыскав нужный листок, протянул его мне:

— Прочитай, пожалуйста, Константин Васильевич.

Я начал читать: «10 ноября 1943 года. Лично тов. Рыбалко. 1. Противник вывел: в район южнее Фастова — 25-ю тд; в район Гребенки, Винницкие Ставы — тд. «Рейх» (по вашему донесению, 6-я тд), начал выводить с букринского плацдарма 3-ю тд. Одна ее рация вчера к вечеру отмечена в Кагарлык. Других частей противника против вас пока не отмечается».

Обратив мое внимание на последнюю фразу, Рыбалко воскликнул:

— Как же так «других частей не отмечается»? Ведь кроме 25-й немецкой танковой дивизии, переброшенной на наш участок из Франции, к Фастову выдвигается, как показали пленные, танковая дивизия СС «Адольф Гитлер». Мы уже направили во фронт донесение, но просим и вас, Константин Васильевич, проинформировать командующего, что противник сосредоточивает большие силы, и дело пахнет не усиливающимися сейчас контратаками, а мощным и нарастающим контрударом с далеко идущими целями.

Я продолжал читать документ:

«Намерения противника, видимо, сводятся к тому, что он хочет захватить ж. д. узел Фастов, который для него имеет исключительное значение.

2. Все войска севернее Вас продолжают наступление, захватывая много трофеев.

3. Не приостанавливая наступления Пухова, Черняховского и Москаленко, я решил в самое короткое время разбить противника в районе Фастов, Белая Церковь и во что бы то ни стало сдвинуть вперед Жмаченко и Трофименко (речь идет о 40-й и 27-й армиях, находившихся в то время на букринском плацдарме. — К. К.).

...Вы же в районе Фастов пока возложенные на Вас задачи не выполнили и тем ухудшили наше общее положение. Поэтому я торопил Москаленко с выходом в район Фастов...

Ваша задача с утра 11.11.43 г. возобновить стремительное наступление на Казатин, который прочно занят не позднее 13—14 ноября. Это я Вам подтверждаю директивой.

Занятый Вами район Попельня, Паволочь удерживать и вести разведку теперь же дальше...

При действиях на Казатин требую решительности и стремительности, иначе Вас уже значительно обогнала пехота... Н. Ватутин».

— Недочеты у нас, разумеется, есть, — глухо произнес генерал Рыбалко, — и мы заслуживаем суровой критики. Но зачем танкистов бросать на Казатин, когда при этом можно и Фастов потерять. И где, наконец, та самая пехота, которая якобы обогнала нас? В район Фастова подходят стрелковые и артиллерийские части 38-й армии, но обогнать нас они пока не успели. Да и противник не пускает!..

Вернувшись на командный пункт штаба фронта, переместившийся к тому времени на дачи Пуша-Водица, я поспешил проинформировать генерала Н. Ф. Ватутина о создавшемся положении под Фастовом и Белой Церковью.

— Какие новости привез? — еще в дверях нетерпеливо спросил меня Николай Федорович.

— К сожалению, хороших новостей нет.

— Знаю, — нахмурясь, произнес Ватутин. — В донесениях о многих неприятностях уже сообщено. Но правдивый рассказ очевидца подчас дополняет донесения такими данными, которые не всегда в строку документа укладываются.

Командующий войсками фронта и начальник штаба С. П. Иванов выслушали мою информацию о тяжелых боях под Фастовом и Белой Церковью. Николай Федорович сказал, что у него возникали серьезные опасения насчет наших возможностей на этом направлении, но он все же надеялся, что наступающие войска фронта смогут продвинуться вперед и если не овладеть Казатином, то все же улучшить положение.

Ставка Верховного Главнокомандования, пристально следившая за ходом Киевской операции, объективно оценила обстановку, сложившуюся на 11 ноября. В директиве от 12 ноября 1943 года Ставка предупредила командующего фронтом, что противник в районе Фастов, Триполье сосредоточивает танковую группировку, собирает силы для удара под корень в направлении на Фастов, Киев. Учитывая это обстоятельство, Ставка Верховного Главнокомандования приказала 1-му Украинскому фронту «своим центром временно приостановить продвижение на запад, всемерно усилить левое крыло 38-й армии на фронте Фастов, Триполье артиллерией, танками и инженерными частями и ни в коем случае не допустить здесь прорыва противника».

Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб напомнили нам о важном принципе советского военного искусства, заключающемся в том, что всякое огульное продвижение вперед без учета соотношения сил и изменившейся боевой обстановки, без закрепления достигнутых успехов может привести к нежелательным последствиям.

Командующий и Военный совет фронта приняли меры по усилению наших войск в районе Фастов, Триполье. С букринского плацдарма были выведены некоторые дивизии 40-й и 27-й армий, а также некомплектные 6-й гвардейский и 10-й танковые корпуса. Все эти соединения были направлены на прикрытие Киева с юга.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин обладал хорошим качеством самокритично оценивать свою деятельность. Изучив информацию, присланную из армий, он еще раз проанализировал сложную оперативную обстановку и принял правильное решение. Вызвав к прямому проводу генерала П. С. Рыбалко, он приказал ему временно приостановить наступление танкистов на Казатин. Отражая сильнейший натиск врага в районе Фастов, Белая Церковь и Триполье, советские войска закреплялись на достигнутых рубежах.

А достигнуто было немало. 1-й Украинский фронт, освободив Киев, за десять дней наступления продвинулся вперед на 150 километров, создав на Правобережной Украине плацдарм стратегического значения, общая площадь которого достигала 60 тысяч квадратных километров.

В один из ноябрьских дней 1943 года в Киеве состоялся массовый митинг трудящихся, посвященный освобождению столицы Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков. Надо заметить, что митинги в освобожденных городах и крупных населенных пунктах и беседы в селах и деревнях являлись хорошей традицией и прочно вошли в практику. Эта массовая форма политработы давала возможность рассказать освобожденному населению о героической борьбе армии и народа с фашистскими захватчиками, вселить веру в нашу окончательную победу над ненавистным врагом, воодушевить массы на самоотверженный труд по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, на всемерную помощь фронту.

С большим подъемом проходил 40-тысячный митинг киевлян. Несмотря на ненастную погоду, собравшиеся возле памятника Тарасу Шевченко восторженно приветствовали героев Киевской битвы. Военный совет фронта принял меры по обеспечению безопасности такого многолюдного собрания: на подступах к городу непрерывно патрулировали летчики-истребители из 2-й воздушной армии.

Затаив дыхание, слушали собравшиеся выступления командующего войсками фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина, представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, рабочего завода «Ленинская кузница» Е. А. Грачева, писателя Миколы Бажана и других.

Все выступления были пронизаны мыслью о том, что фашизм будет разбит и победит наше правое дело, что страна будет освобождена и партия Ленина сделает все для того, чтобы быстрее залечить тяжелые раны войны, сделать страну процветающей и счастливой.

Высоко оценив отвагу, мужество и ратное умение бойцов, командиров и политработников киевских дивизий и всех войск 1-го Украинского фронта, трудящиеся столицы УССР поклялись всемерно крепить единство армии и народа.

Свидетелем волнующих событий довелось мне быть и четверть века спустя, в ноябрьские дни 1968 года, когда столица Советской Украины торжественно отмечала 25-ю годовщину своего освобождения от фашистских оккупантов. В Ново-Петровцах, где в свое время находился командно-наблюдательный пункт 1-го Украинского фронта, состоялся митинг, посвященный знаменательной дате. На нем выступали член Политбюро ЦК КПСС секретарь ЦК Коммунистической партии Украины П. Е. Шелест, участники освобождения Киева.

Вместе с Маршалом Советского Союза К. С. Москаленко мы побывали на местах бывших сражений, возложили от Министерства обороны Союза ССР венок к монументу Славы, присутствовали на открытии памятника танкистам — освободителям города.

На торжество прибыли ветераны боев, представители городов-героев Москвы, Ленинграда, Волгограда, Севастополя, Одессы и крепости-героя Бреста.

Было немало неожиданных и трогательных встреч, интересных воспоминаний о боях и походах, о том, как четверть века назад советские герои форсировали Днепр и, подняв над Киевом победное Красное знамя, продолжали с еще большим упорством и напряжением вести бои за полное освобождение Украины от фашистских захватчиков.

ЗАМЫСЕЛ ВРАГА СОРВАН

К исходу первой ноябрьской декады 1943 года у нас сложилась довольно своеобразная обстановка. На левом крыле фронта в районе Фастова наши части отражали сильный натиск танковых дивизий противника, а войска правого крыла по-прежнему продолжали продвигаться вперед. Сломив сопротивление врага на житомирском направлении, 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова во взаимодействии с 23-м стрелковым корпусом 38-й армии с ходу форсировал реку Тетерев, овладел Коростышевом и ворвался в Житомир.

В результате упорных боев к 17 часам 12 ноября наши войска освободили крупный областной центр Украины и важный узел железных и шоссейных дорог — город Житомир. При этом было захвачено много вражеских автомашин, орудий, крупные склады боеприпасов, горючего, продовольствия и другие трофеи.

Успешно наступала и 13-я армия, еще ранее форсировавшая Припять. На коростенском направлении развивала наступление 60-я армия.

Перебросив из Франции, Италии и других стран Западной Европы, а также с соседних участков советско-германского фронта немало дивизий, особенно танковых, немецко-фашистское командование предприняло мощное контрнаступление, намереваясь ликвидировать киевский плацдарм и восстановить свое положение на линии реки Днепр.

Обо всех изменениях в сложной обстановке командующий и штаб 1-го Украинского фронта докладывали в Ставку Верховного Главнокомандования. Но в одном

из донесений по вине работников штаба оказались неточные данные об оперативной обстановке в районе Фастов, Гребенка, Брусилев, за что Верховный Главнокомандующий строго наказал некоторых руководящих работников фронта.

Из этого сурового урока командующий и Военный совет, штаб и политуправление фронта сделали надлежащий вывод. Собрав руководящий состав, Николай Федорович Ватутин сказал:

— На войне более чем где-либо нужна правда. Любая неточность, приукрашивание действительности может привести к тяжелым последствиям. В большом и малом мы должны быть объективны, точны, правдивы. Прежде чем донести о взятии того или иного населенного пункта, надо хорошо в этом убедиться, все точно узнать, а потом уж доносить. Победы нужны не на бумаге, а в действительности, и никак нельзя вначале доносить, а потом уж уточнять. Любая недостоверность должна быть исключена из нашей боевой деятельности.

Военный совет фронта обязал военные советы армий, командиров всех степеней и политорганы стать ближе к войскам, использовать все средства для повышения боеспособности частей и морального духа воинов, приложить все силы к регулярной доставке в войска первой линии боеприпасов, горючего и продовольствия, а также ускорению ремонта танков, артиллерийских орудий и другой техники.

Нас очень беспокоили потери в личном составе, а также уменьшение численности коммунистов и комсомольцев. В ходе длительного наступления и тяжелых оборонительных боев на киевском направлении некоторые первичные и низовые партийные и комсомольские организации стали малочисленными. Чтобы восполнить потери, пришлось изыскивать резервы непосредственно в ходе операции, даже прибегнуть к своеобразной мобилизации членов ВКП(б), перебросив значительную их часть из тыловых учреждений в части, сражавшиеся на главных участках и направлениях.

Перед коммунистами, посланными в войска первой линии, политорганы ставили задачей личными действиями показывать воинам пример успешного выполнения приказов командования. В одном из ноябрьских номеров

фронтовая газета «За честь Родины» напечатала напутственные слова В. И. Ленина:

«Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть — смерть или победа. Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться...»¹

Иногда спрашивают: считать ли личный пример в бою политработой? Конечно да! И притом самой массовой и действенной политработой, когда слова подкрепляются воодушевляющими боевыми делами. Личный пример коммуниста и комсомольца — это одна из сильных форм проявления твердости, несокрушимой воли партии в борьбе с врагами, одна из самых убедительных форм агитации в бою.

Когда под Фастовом противник ввел в действие свежие резервные соединения и предпринял мощный танковый контрудар, среди наших войск имели место отдельные случаи недостаточной стойкости. В трудные, а подчас и критические моменты боя командиры и политработники делали все возможное, чтобы помочь солдатам преодолеть колебания, укрепить уверенность в своих силах и отстоять завоеванные рубежи. Войска левого крыла фронта с честью выполнили труднейшую задачу, отразив в районе Фастова все атаки превосходящих сил врага.

Войска центра, руководствуясь директивой Ставки от 12 ноября 1943 года, приостановили наступление и поспешно закреплялись на местности, сдерживая натиск гитлеровцев. Не добившись успеха под Фастовом, немецко-фашистское командование сосредоточило в районе Корнина и Ходоркова крупную танковую группировку и 13 ноября нанесло мощный контрудар.

Противник бешено рвался к Брусилову, стремясь выйти на шоссе Киев — Житомир, чтобы нарушить эту важную коммуникацию, а затем расчленил наши войска, отрезать житомирскую группировку. Развернулось

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 246.

ожесточенное сражение. Сотни фашистских танков атаковали наши позиции. С новой силой прозвучали призывы: «Ни шагу назад! Отстоим родной Киев!», «Не отдадим фашистам ни пяди родной земли! Стоять насмерть!», «Будьте стойкими и непоколебимыми! Не дадим врагу прорваться к Днепру!». Вся деятельность командиров и политорганов была подчинена этой боевой задаче.

Победа в бою достигается умелым и твердым руководством командира. Наша пропаганда и агитация были направлены на то, чтобы внушить каждому воину, что боевой приказ командира — железный закон. Он должен быть выполнен несмотря ни на какие трудности. В сложной боевой обстановке политработа не прекращалась, а лишь принимала иные формы. Коммунисты и комсомольцы, выполняя поручения политработников, парторгов и комсогов, информировали воинов о ратных успехах, ободряли их, воодушевляли словом и личным примером.

В одной из частей 60-й армии мне показали гильзу противотанкового патрона с вложенной в нее листовкой. На квадратике бумаги цветным карандашом было написано: «Боец Соболев первым ворвался в расположение противника и увлек за собой товарищей. При контратаке фашистских танков и пехоты рядовой Соболев проявил стойкость и защитил свой окоп, уничтожив шесть гитлеровцев. Враг не прошел». В приписке говорилось: «Товарищ, вложи снова листовку в гильзу и перебрось к соседу».

Командование наградило бойца орденом Красной Звезды.

При отражении контрнаступления врага, особенно в борьбе с танками, большую роль сыграли артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения. По всему фронту гремела слава о героических делах воинов 32-й гвардейской отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РГК, которой командовал энергичный 27-летний полковник И. В. Купин, считавшийся одним из лучших командиров истребительно-противотанковой артиллерии.

Мне хорошо знакома эта бригада, прошедшая в составе фронта боевой путь от Дона до Вислы. Личный состав ее мужественно сражался под Касторной,

Старым Осколом, Белгородом, Харьковом, Богодуховом, Ахтыркой, Тростянцом, участвовал в освобождении городов Ромны, Лохвица, Пирятин, Яготин, Переяслав и отличился в боях на букринском плацдарме.

Мне не раз приходилось видеть эту бригаду в бою. Ее воины обладали такими замечательными качествами, как хладнокровие, точность, мастерство. Они всегда подпускали танки противника поближе, чтобы бить их наверняка.

— Артиллерист, истребитель танков, — говорил мне полковник Купин, — должен обладать быстротой реакции, большой волей, самообладанием, всегда быть уверенным в самом себе и в боевой технике, в силе и безотказности противотанковой артиллерии.

К моменту Киевской операции на счету артбригады уже имелось около 200 подбитых танков врага. Из-под Фастова вместе с другими частями она была переброшена в район Житомирского шоссе, на направление главного удара противника. Иптаповцы не пропустили неприятеля, подожгли и уничтожили десятки его танков.

В этом соединении сражалось немало замечательных людей. Заместителем командира бригады являлся сын легендарного героя гражданской войны подполковник Александр Васильевич Чапаев, проявлявший в боях стойкость, отвагу, готовность к самопожертвованию. Командирами полков были опытные и мужественные подполковники В. И. Литвиненко и В. В. Ковин.

Защищая подступы к столице Советской Украины Киеву, воины проявляли поистине массовый героизм. Приведу один из многочисленных примеров. Встав ночью в засаду, танковый экипаж младшего лейтенанта Василия Ермолаева встретил врага уничтожающим огнем. Запылали три немецких танка. Первая атака была отбита.

Но вот после сильного артиллерийского обстрела на наши позиции вновь двинулось несколько десятков танков противника. Под прикрытием брони шли гитлеровские автоматчики. Ожесточение боя нарастало. Башенный стрелок доложил командиру экипажа Ермолаеву, что у него остался всего лишь один подкалиберный снаряд, остальные — осколочные.

Последний бронебойный снаряд точно послан в цель.

Головной танк врага вспыхнул, но другие продолжали наступать. Осколочные снаряды, предназначенные для поражения пехоты, брызгами отскакивали от толстой брони «тигра». Гитлеровцы почти в упор выстрелили по нашей «тридцатьчетверке» и подожгли ее. Враги ликовали, считая, что последний очаг сопротивления подавлен и путь открыт. Но случилось непредвиденное. Пылающая советская машина вдруг стремительно рванулась наперерез «тигру» и пошла на таран...

Ценой своей жизни самоотверженные танкисты преградили фашистам путь к столице Украины. Указом Президиума Верховного Совета СССР командиру танка младшему лейтенанту Василию Антоновичу Ермолаеву и механику-водителю сержанту Андрею Александровичу Тимофееву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом Министра обороны СССР два славных героя-кантемировца зачислены навечно в списки родной части.

В дни тяжелых оборонительных боев встречались отдельные случаи, когда некоторые подразделения ослабляли меры охранения, нарушали взаимодействие с соседями, не проявляли необходимой стойкости при обороне своих позиций. В результате противник вновь захватил Житомир и Радомышль.

За сдачу противнику этих городов Военному совету 1-го Украинского фронта крепко досталось от Ставки Верховного Главнокомандования. Ставка обратила внимание на необходимость улучшения руководства войсками.

На совещании руководящих работников фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин подробно проанализировал причины оставления нашими войсками Житомира и Радомышля. Он подчеркнул, что главной причиной была беспечность, зазнайство, ослабление бдительности и боевой готовности. Николай Федорович напомнил военачальникам, что надо постоянно и твердо управлять войсками, изучать противника, знать его повадки, внимательно присматриваться к его поведению, улучшать наземную и воздушную разведку, бдительно следить за противостоящей вражеской группировкой, чтобы снова не оказаться застигнутыми врасплох.

Военный совет также обсудил этот вопрос. В войска фронта был разослан приказ, в котором сообщалось о

Н. Ф. Ватутин

На днепровской переправе

А. С. Щербаков

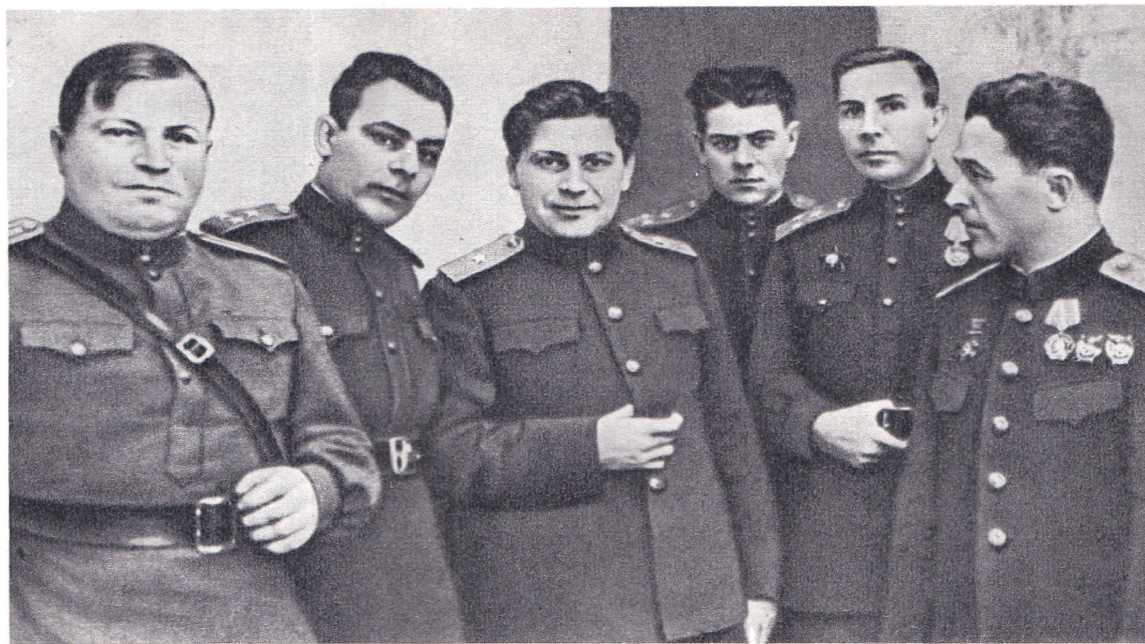
А. А. Гречко

С. П. Иванов

И. И. Якубовский

**Слева направо: Н. Ф. Воронов, Л. И. Брежнев, С. С. Шетилов, С. Ф. Хвалей, М. Х. Калашник,
К. П. Исаев**

Слева направо: А. А. Епишев, К. С. Москаленко, К. В. Крайнюков

недопустимости подобных явлений. Руководящие работники штаба и политуправления выехали на угрожаемое направление, чтобы помочь командирам в укреплении боеспособности войск.

Штаб фронта пристально следил за группировкой противника и ее поведением. Н. Ф. Ватутин не раз говорил начальнику разведотдела генералу И. В. Виноградову:

— Я должен точно знать, куда Манштейн бросит свои танки, куда нацелит он главный удар. Важно уловить момент и успеть подтянуть на угрожаемое направление артиллерийские стволы, создать неодолимый противотанковый барьер.

Вражеская разведка тоже проявляла повышенную активность, пытаясь нащупать слабые места в нашей обороне. Однажды ночью в полосе фронта и наших ближних тылах высадились три группы немецких агентов-парашютистов, одетых в красноармейскую форму и имевших фиктивные документы советских военнослужащих. Органы контрразведки задержали и обезвредили шпионов. Но сам факт активизации гитлеровской разведки не мог не насторожить нас. Надо было еще раз обратить внимание командиров и политорганов на вопросы бдительности и сохранения военной тайны, укрепления дисциплины и порядка, повышения боеготовности войск.

19 ноября Военный совет доложил в Ставку, что перед 1-м Украинским фронтом действует, как это установлено всеми видами разведки, 31 дивизия противника, в том числе 10 танковых. В донесении предположительно указывалось, что главный удар противник, видимо, будет наносить 10—12 дивизиями из района Житомира вдоль шоссе Житомир — Киев. Вспомогательный же удар ожидается вдоль шоссе Белая Церковь — Киев.

Как и предполагалось, ударный кулак танковых дивизий врага обрушился на наши части, оборонявшиеся в районе Житомирского шоссе. Не считаясь с потерями, противник рвался к Киеву. Пленные сообщали, что после захвата фашистскими войсками Житомира Гитлер приказал всемерно развивать успех и во что бы то ни стало овладеть Киевом. Неприятель по-прежнему ставил перед собой цель ликвидировать наш стратегический киевский плацдарм и отбросить советские войска за Днепр.

Кроме Житомира и Радомышля немцам удалось захватить города Черняхов, Коростышев, Брусиллов. По шоссе Житомир — Киев противник продвинулся даже восточнее Кочерово и стоял всего в 60 километрах от столицы Советской Украины. В эти тревожные дни командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин, его заместитель генерал-полковник А. А. Гречко, все члены Военного совета, работники штаба и политуправления фронта предпринимали поездки в район боев, чтобы на месте оказать помощь войскам и принять меры по укреплению наиболее опасных участков. И хотя противник наращивал свои усилия и напряжение борьбы возрастало, стойкость советских войск повысилась, и наши удары по врагу становились все сильнее.

Немецко-фашистская армия истекала кровью на наших оборонительных рубежах. В течение ноября вражеская сторона потеряла убитыми и ранеными около 90 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, мы захватили в плен 5762 солдата и офицера, а также уничтожили немало боевой техники, особенно танков.

В связи с этим вспоминаются героические дела наших минеров. На те участки, где наступал противник, на машинах подвозились саперы, которые минировали местность. Даже в тех случаях, когда танкам врага удавалось прорваться через нашу оборону, подвижные отряды заграждения спешили предупредить противника и на дорогах, где двигались фашистские машины, быстро устанавливали противотанковые мины. Только с 11 по 21 ноября на минах подорвалось 75 немецких танков.

Но противотанковых мин, к сожалению, было мало. Не хватало также боеприпасов и горючего. Перебои в снабжении войск происходили главным образом потому, что фронтовые и армейские базы находились на Левобережной Украине. Отступавшие гитлеровцы взорвали все железнодорожные и автомобильные мосты через Днепр. В период распутицы и из-за плохих грунтовых дорог автопарк и гужевой транспорт не справлялись с переброской огромного количества грузов.

По заданию Военного совета фронта в районе Киева чуть ли не на другой же день после освобождения города началось строительство железнодорожного моста через Днепр на деревянных свайных опорах. Ударную стройку осуществляли мостовики 3-го управления воен-

но-восстановительных работ. Ее возглавлял член Военного совета фронта по тылу генерал Н. Т. Кальченко. Всеми работами руководили начальник железнодорожных войск фронта генерал П. А. Кабанов и главный инженер Г. И. Зингаренко.

Воины-железнодорожники и помогавшие им строители-киевляне, жители близлежащих сел проявляли трудовой героизм, работали днем и ночью, подчас в ледяной воде, на холодном ветру, в ненастье. Мне запомнился плакат, установленный в районе строительства моста. Он гласил: «Хочешь врага разбить на Днестре, задание свое выполняй вдвойне и втройне!»

На строительство железнодорожных мостов через реки обычно требуется много времени. Но таких высоких темпов работы, как под Киевом, история мостостроения еще не знала. Боевое задание Военного совета было выполнено досрочно.

В приказе по войскам фронта говорилось: «20 ноября 1943 года в течение 13 суток построен низководный железнодорожный мост через р. Днестр у г. Киева длиной 1059 м. Мой приказ и приказ НКПС выполнен досрочно на 7 суток. Отмечая исключительные заслуги железнодорожных войск и спецформирований НКПС, в рекордно короткий срок построивших железнодорожный мост через р. Днестр, приказываю:

1. Всему личному составу железнодорожных войск и спецформирований НКПС 1 УФ, участвующих в постройке моста через р. Днестр, объявить благодарность...

2. Начальнику УВВР 1 УФ представить наиболее отличившихся на строительстве моста к награждению правительственными наградами»¹.

Средний темп сооружения свайного железнодорожного моста составлял 81,5 м в сутки. Таких выдающихся результатов во время второй мировой войны не смогли показать военные железнодорожники ни одной армии капиталистических государств. Трудовым успехам строителей во многом способствовали социалистическое соревнование и хорошо поставленная партийно-политическая работа, проводившаяся под девизом: «Героям Днестра, успешно ведущим бои на Правобережье, сдадим досрочно железнодорожный мост».

¹ «Военно-исторический журнал», 1970, № 6, стр. 79.

В 14 часов 20 ноября 1943 года из Дарницы на Киев проследовал через Днепр к фронту первый железнодорожный состав. Тремя днями раньше открылось двухпутное движение по низководному мосту для автотранспорта. Это позволило резко улучшить боепитание и материально-техническое обеспечение войск фронта, быстрее сосредоточивать резервы, усиливать удары по врагу.

На 1-й Украинский фронт Ставка направляла свои резервы. С Тамани двигалась к нам 18-я армия, завершившая операцию по освобождению полуострова от немецко-фашистских захватчиков. В пути находилась и 1-я танковая армия. В Броварах и Дарнице сосредоточивались части 1-й гвардейской армии и 25-го танкового корпуса.

Это была могучая сила. Но воспользоваться прибывшими резервами мы не могли, не имели на то права. Даже когда противник бросал на штурм наших позиций сотни танков, когда измотанные боями поредевшие части фронта с трудом сдерживали танковую лавину врага, Ставка Верховного Главнокомандования сохраняла в неприкосновенности свои стратегические резервы, сберегая их для будущей наступательной операции. Лишь в особо кризисный момент, когда возникла реальная угроза прорыва через нашу оборону крупной танковой группировки противника, генерал армии Н. Ф. Ватутин с разрешения Ставки ввел на опасном направлении (в стыке между 60-й и 38-й армиями) 94-й стрелковый корпус из 1-й гвардейской армии.

Ввод в бой этого корпуса под командованием генерал-майора И. В. Попова помог несколько задержать продвижение немецких войск к Киеву.

По указанию командующего войсками 1-го Украинского фронта на окраине Киева занял оборону только что выгрузившийся из эшелона стрелковый корпус из 18-й армии, а также батальоны 156, 160 и 159-го укрепрайонов. Это была необходимая мера предосторожности.

В ноябре и декабре оборонительные бои на киевском направлении почти не прекращались. Когда все танковые атаки врага вдоль шоссе Киев — Житомир были отбиты, гитлеровцы перешли в наступление несколько правее. 6 декабря они решили прорваться с северо-запада к городу Малин, чтобы затем развивать прорыв

непосредственно на Киев. Главный удар врага стойко приняли на себя и успешно отразили войска 60-й армии под командованием генерала И. Д. Черняховского.

Прошло каких-нибудь три дня, и атакам противника подверглись части 13-й армии генерала Н. П. Пухова, находившиеся на правом крыле фронта, который упирался в полесские болота. Тяжелые бои продолжались там с 6 по 14 декабря. Всюду, где ни пытались прорваться гитлеровцы, их ждал сокрушительный отпор.

Руководя напряженными оборонительными боями, генерал армии Н. Ф. Ватутин, штаб и Военный совет фронта одновременно готовили контрнаступление, которое должно было начаться с подходом стратегических резервов, прежде всего 1-й танковой армии. План операции разрабатывался при участии представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Согласно плану войскам фронта надлежало сильным фронтальным ударом разгромить главную группировку противника на житомирско-бердичевском направлении. Нашим подвижным соединениям предстояло на первом этапе выйти в район Жмеринки, а главным силам общевойсковых армий — на рубеж Любар, Хмельник, река Южный Буг.

Ставка утвердила план операции и определила срок начала контрнаступления на 24 декабря 1943 года.

Оперативной директивой фронта от 16 декабря войскам ставились следующие задачи. Главный удар фронт наносит по группировке противника в районе Брусилова силами тридцати стрелковых дивизий, четырех танковых и двух механизированных корпусов, арткарпуса прорыва, фронтовой артиллерии РГК и всей авиации фронта в общем направлении на Брусиллов, Андрушевка. Ближайшая задача — прорвать фронт противника и выйти на рубеж Минины, Кочерово, Водотый, Корнин. В дальнейшем, развивая успех, к исходу шестого дня операции овладеть рубежом Вересы, Тулин, Волосово, Андрушевка, Попельня, Кожанка.

На двое суток позднее главной ударной группировки должна была перейти в наступление 60-я армия и силами десяти стрелковых дивизий, двух танковых и одного кавалерийского корпусов нанести удар на Потиевка, Чайковка. 60-й армии во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией и частью сил 1-й гвардейской

армии надлежало разгромить малинско-радомышльскую группировку противника и к исходу шестого дня операции овладеть рубежом Шершин, Салы, Троковичи, а затем развивать успех в общем направлении на Бердичев, Казатин.

В Великой Отечественной войне Житомирско-Бердичевская операция имела немаловажное значение, но она до сих пор не нашла должного освещения в военно-исторической литературе. Вот почему я счел необходимым более подробно остановиться на ней и ознакомить читателей с задачами армий, входивших в состав 1-го Украинского фронта.

1-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник А. А. Гречко, член Военного совета генерал-майор И. В. Васильев, начальник штаба генерал-майор В. В. Панюхов) в составе 11, 94 и 107-го стрелковых корпусов должна была нанести главный удар в направлении Коростышева и частью сил оказать содействие 60-й армии в разгроме малинско-радомышльской группировки противника обходом Радомышля с юга в направлении на Бещев. 1-й гвардейской армии во взаимодействии с 60-й армией надлежало одновременно наступать одним корпусом (11-м) в обход Радомышля с севера с задачей выйти на рубеж Чайковка, Качкары и в дальнейшем продолжать наступление на Житомир.

Надо заметить, что малинско-радомышльская группировка противника в декабре причинила нам немало неприятностей, угрожая непосредственно Киеву. Генерал армии Н. Ф. Ватутин и теперь опасался, как бы противник из района Радомышля не нанес новый удар и не осложнил наше наступление. Вот почему 1-й гвардейской армии была поставлена задача: нанося главный удар в общем направлении на Коростышев, вместе с тем одним стрелковым корпусом занять оборону на реке Тетерев и не допустить прорыва немецко-фашистских войск в сторону Киева; затем совместно с 60-й армией принять участие в разгроме малинско-радомышльской группировки противника.

18-я армия (командующий генерал-полковник К. Н. Леселидзе, член Военного совета генерал-майор С. Е. Колонин, начальник штаба генерал-майор Н. О. Павловский) в составе 22, 52 и 101-го стрелковых корпусов должна была нанести главный удар правым

флангом в направлении Негребовка, Кочерово, Романовка. Ближайшая задача — прорвать оборону противника, обеспечить ввод в прорыв 3-й гвардейской танковой армии и к исходу дня овладеть рубежом Кочерово, Озеряны, Брусилов. В дальнейшем продолжать наступление в направлении Вильня, Стар. Котельня и к исходу шестого дня операции занять рубеж Стар. Котельня, Андрушевка.

3-я гвардейская танковая армия (командующий генерал-лейтенант П. С. Рыбалко, член Военного совета генерал-майор танковых войск С. И. Мельников, начальник штаба генерал-майор В. А. Митрофанов) в составе 6-го и 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов имела задачу войти в прорыв в полосе 18-й армии и, нанося совместно с нею удар на Озеряны, Карабачин, разгромить брусиловскую группировку врага. В дальнейшем же, развивая наступление в направлении Стрышевка, Высоко-Чешское, 3-я гвардейская танковая армия должна была нанести удар по тылам малинско-радомысльской группировки немцев. При благоприятной обстановке 3-й гвардейской танковой армии предлагалось быть готовой развивать прорыв на Андрушевку, Бердичев.

38-я армия (командующий генерал-полковник К. С. Москаленко, член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев, начальник штаба генерал-майор А. П. Пилипенко) в составе 17-го гвардейского, 21-го и 74-го стрелковых корпусов должна была прорвать оборону противника и, развивая удар в обход Брусилова с юга, к исходу дня овладеть рубежом Брусилов, Соловьевка. После прорыва вражеского фронта 38-й армии надлежало частью сил нанести удар на Дивин, Корнин и, свертывая боевые порядки противника, овладеть Корнином. В дальнейшем, развивая успех в направлении Борки, к исходу шестого дня операции овладеть рубежом (иск.) Андрушевка, Борки, Попельня.

1-я танковая армия (командующий генерал-лейтенант М. Е. Катуков, член Военного совета генерал-майор Н. К. Попель, начальник штаба генерал-майор М. А. Шалин) в составе 11-го гвардейского и 31-го танковых корпусов, 3-го механизированного корпуса составляла резерв фронта и находилась в готовности развивать удар

в полосе 38-й армии в направлении Бровки, Казатин, а частью сил захватить Корнин.

13-я армия (командующий генерал-лейтенант Н. П. Пухов, член Военного совета генерал-майор М. А. Козлов, начальник штаба генерал-майор Г. К. Маландин), действовавшая на правом крыле фронта в составе 24, 28, 76 и 77-го стрелковых и 25-го танкового корпусов, должна была прочно удерживать рубеж Барбаров, Ельск, Овруч, Михайловка и обеспечить стык с Белорусским фронтом. На левом фланге ей надлежало нанести удар силами шести стрелковых дивизий совместно с 60-й армией по группировке противника в районе Коростеня и овладеть этим городом, наступая в дальнейшем в общем направлении на Новоград-Волинский.

60-я армия (командующий генерал-лейтенант И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал-майор В. М. Оленин, начальник штаба генерал-майор Г. А. Тер-Гаспарян), оборонявшаяся левее 13-й армии, в составе 15-го, 18-го гвардейского, 23-го и 30-го стрелковых корпусов и 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов готовилась для ударов в направлении на Потиевку и на Воросавку, Чайковку, имея ближайшей задачей разбить малинско-радомысльскую группировку противника и в дальнейшем наступать на Дзержинск.

40-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко, член Военного совета генерал-майор К. П. Кулик, начальник штаба полковник В. И. Белодед) надлежало прочно удерживать занимаемые рубежи и не допустить прорыва немцев на Фастов; частью сил (две-три дивизии) подготовить удар во взаимодействии с левым флангом 38-й армии в общем направлении на Корнин; в дальнейшем наступать на город Белая Церковь и овладеть им.

27-я армия (командующий генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, член Военного совета генерал-майор И. П. Шевченко, начальник штаба генерал-майор Г. С. Лукьянченко) должна была прочно оборонять занимаемый рубеж и не допустить прорыва противника в северном направлении, быть готовой содействовать 40-й армии в овладении Белой Церковью.

Отдельные танковые корпуса планировалось использовать для развития успеха общевойсковых армий. Так, например, 25-й танковый корпус был оставлен в подчи-

нении командующего 13-й армией, а 4-й и 5-й гвардейские — в подчинении командующего 60-й армией. Авиационное обеспечение операции возлагалось на 2-ю воздушную армию (командующий генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский, заместитель командующего по политчасти генерал-майор авиации С. Н. Ромазанов).

Главной целью операции, как подчеркивала директива Ставки Верховного Главнокомандования, являлся разгром крупной группировки противника на бердичевско-казатинском направлении и выход наших войск к Южному Бугу. Ставка требовала организовать контрнаступление так же тщательно и основательно, как это было сделано под Белгородом.

Но основательно готовить операцию это не значит готовить ее долго. Командующий стремился ускорить события и не дать гитлеровцам передышки, ибо разведывательные данные свидетельствовали о том, что немецко-фашистское командование еще не отказалось от мысли ликвидировать киевский стратегический плацдарм и собирает силы для нового удара по нашим войскам. Важно было предупредить противника, получить выигрыш во времени и добиться внезапности.

Командование фронта, армий, штабы и политорганы в ходе напряженных оборонительных боев развернули деятельную подготовку к предстоящей операции и в сложных условиях создавали наступательные группировки.

Накануне декабрьского наступления Военный совет ознакомился с частями и соединениями, прибывшими на наш фронт из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. В те дни я впервые повстречался с прославленным танкистом, героем обороны Москвы, Курской битвы и многих других боев и сражений генерал-лейтенантом М. Е. Катуковым, генерал-майором Н. К. Попелем, полковником А. Г. Журавлевым, генерал-полковником К. Н. Леселидзе, генерал-майором С. Е. Колониным.

Теплой и сердечной была моя встреча с начальником политотдела 18-й армии Леонидом Ильичом Брежневым, с которым военная судьба свела меня еще в первые месяцы войны. В пору жестоких испытаний, когда на нашу Родину напали немецко-фашистские полчища, Центральный Комитет партии направил в действующую армию секретаря Днепропетровского обкома КП(б)У товарища

Л. И. Брежнева, обладавшего многосторонним политическим опытом, накопленным в годы предвоенных пятилеток на руководящей партийной и советской работе.

В 1941—1942 годах бригадный комиссар Л. И. Брежнев являлся заместителем начальника политического управления Южного фронта и часто приезжал в 9-ю армию, где я был тогда членом Военного совета. Не раз мне приходилось встречать Леонида Ильича на передовых позициях, в войсках первой линии и видеть его хладнокровное и мужественное поведение в тяжелой боевой обстановке.

И вот, снова встретившись на фронтовых дорогах, мы обосновались в каком-то полуразрушенном домике на западной окраине Киева и рассказываем о пережитом. За минувший год Леонид Ильич несколько не изменился и остался таким же энергичным и обаятельным человеком. От него, как и прежде, веяло неистощимым оптимизмом и бодростью.

Под окном кто-то из водителей негромко затянул полюбившуюся бойцам песню «Давай закурим»:

Теплый ветер дует, развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге...
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах...

Песня будила воспоминания. Леонид Ильич спросил, помню ли я о боях на Южном фронте под Днепропетровском, Таганрогом, Ростовом-на-Дону, в районе Барвенково? Еще бы не помнить! Такое никогда не забывается.

О себе Леонид Ильич говорил мало и скупно. Зато он оживился, когда зашла речь о 18-й армии, о героических бойцах, командирах и политработниках. Он с увлечением рассказывал о Новороссийской десантной операции, в которой принимали участие войска 18-й армии и моряки Черноморского флота, о защитниках легендарной Малой земли, в том числе о воинах, возглавляемых Героем Советского Союза майором Цезарем Куниковым, о форсировании пролива и высадке десанта на Керченском полуострове.

— Признаться, я рад, что снова вернулся на Украину, — с улыбкой проговорил Л. И. Брежнев. — Освобож-

дены Киев, Днепродзержинск и Днепропетровск. Не за горами то время, когда можно будет снять военную форму и заняться восстановлением разрушенного фашистами народного хозяйства, наших родных городов и сел. Тыл ведь и сейчас по-своему воюет. Правда, там война бескровная, но она тоже требует великих усилий, огромного напряжения и настоящего героизма.

Леонид Ильич замолчал, нахмурив густые широкие брови. Потом медленно, раздумчиво сказал:

— Впрочем, где нам быть и чем заниматься, решает партия, а мы — ее солдаты, поставленные в боевой строй. Мы теперь уже не новички в военном деле, а люди стреляные, познавшие, почем фунт лиха. Теперь и я стал, можно сказать, кадровым военным, прошедшим фронтовой университет, академию войны.

Я кратко ознакомил Л. И. Брежнева с обстановкой на фронте и сообщил, что 18-я армия будет наносить главный удар в районе Житомирского шоссе в направлении Негребовка, Кочерово, Романовка. Ей надлежит взломать оборону противника и обеспечить ввод в прорыв 3-й гвардейской танковой армии.

Приближалась дата наступления, определенная директивой Ставки. В части приходило пополнение, поступала боевая техника и вооружение. Правда, нам не пришлось заниматься крупной перегруппировкой войск, как это было, скажем, перед боями за Киев. Ударная группировка фронта, усиленная резервами Ставки, в основном сложилась еще в ходе оборонительного сражения.

С большим напряжением в те дни работали органы тыла фронта. Декабрь хоть и считается зимним месяцем и славится морозами и снегопадами, но в сорок третьем году он изменил своим привычкам и преподнес нам неприятный сюрприз. Внезапно пошли дожди, смывшие снег и превратившие мерзлую почву в грязевое болото. Бойцам требовалось немедленно сменить валенки на сапоги, а кожаной обуви имелось очень мало. Как быть? Помню, этот вопрос мы обсуждали на Военном совете. Интендант фронта генерал-майор Г. А. Лелюк доложил на заседании, что мы располагаем кожаной обувью примерно на 30 процентов общей потребности. Начальник санитарного управления фронта генерал-майор медицинской службы Н. П. Устинов сообщил, что усилились про-

студные заболевания и из-за отсутствия кожаной обуви они могут принять массовый характер, а болезни, если их не пресечь, могут вывести из строя гораздо больше солдат, нежели вражеские пули, снаряды и бомбы.

В присутствии членов Военного совета я позвонил в Москву и доложил обо всем этом начальнику тыла Красной Армии генералу армии А. В. Хрулеву.

— Сколько же у вас кожаной обуви в наличии? — спросил генерал Хрулев.

— Примерно одна треть общей потребности.

— Маловато. Как же вы дошли до жизни такой? Куда разбазарили обувь?

— К обуви, товарищ генерал армии, — ответил я, — наши тыловые органы фронта относятся по-хозяйски, повсюду организован ее ремонт, и, как положено, сберегается она на складах. Но большинство обуви пришло в полную негодность. Ведь наш солдат с боями прошагал от Курской дуги до Киева, до Правобережной Украины. И ему еще далеко шагать! К тому же войска принимают новое пополнение из числа жителей освобожденных районов Украины. Их тоже обуть и одеть надо. Кроме того, большинство резервных соединений, присланных нам Ставкой, экипированы по-зимнему и тоже обуты в валенки, а не в сапоги.

Выслушав меня, А. В. Хрулев после некоторого молчания проговорил:

— Обувь будет немедленно отгружена, и эшелонам я распоряжусь дать «зеленую улицу». Проследите, чтобы работники фронтового и армейских тылов без промедления доставили ее в войска.

Получив с центральных складов и баз крупные партии сапог и мобилизовав наши местные ресурсы, работники тыла фронта в кратчайший срок заменили сотни тысяч валенок на кожаную обувь, облегчив бойцам возможность успешно воевать в условиях распутицы.

Это лишь один из многочисленных примеров заботливого отношения генерала армии А. В. Хрулева к нуждам фронта. Андрей Васильевич Хрулев сохранился в нашей памяти как человек большого трудолюбия, крупный организатор, отзывчивый, простой и чуткий товарищ.

Как я уже говорил, во время напряженных оборонительных боев в ноябре и декабре 1943 года войска фронта вынуждены были израсходовать часть боеприпасов и

горючего из фондов предстоящей наступательной операции. Работники органов тыла приложили немало усилий, чтобы в условиях ограниченных переправ через Днепр и плохих дорог подвезти в части и соединения от 1 до 2,7 боекомплекта боеприпасов, 3—4 заправки горючего и до 15—20 сутодач продовольствия. Конечно, боеприпасов и горючего было маловато, но и с этим запасом мы уже могли решать оперативную задачу.

Военный совет всесторонне обсудил и рассмотрел план партийно-политической работы, рассчитанный на все этапы операции. Докладывали по этому вопросу начальник политуправления фронта генерал-майор С. С. Шатилов и его заместитель генерал-майор П. А. Усов. Приглашены были на заседание и их ближайшие помощники — полковники И. В. Суриков, А. А. Пирогов, Г. Н. Любимов и другие руководящие работники политуправления. Речь шла о том, чтобы политически, морально и психологически подготовить солдат к выполнению труднейших боевых задач и помочь командованию успешно провести наступательную операцию.

Мы сосредоточили внимание на четырех основных вопросах, повышающих боеспособность войск:

- воспитание воинов в духе советского патриотизма, горячей любви к Родине, беззаветной преданности делу Коммунистической партии;

- разоблачение фашизма как злейшего врага человечества, разжигание священной ненависти к нему;

- всемерная пропаганда требований воинской дисциплины, готовности любой ценой выполнить приказ командира;

- обеспечение личной примерности в бою командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев.

Перед началом операции Военный совет заслушал доклад ответственного редактора фронтовой газеты «За честь Родины» полковника С. И. Жукова. На заседании шел большой разговор о содержании газеты, ее достоинствах и недостатках, о том, что нужно сделать редакционным работникам в ближайшее время.

Военный совет отметил, что коллектив редакции уделяет значительное место материалам, направленным на воспитание воинов-патриотов и пропагандирующим требования военной присяги. Отмечалось также, что газета стала лучше освещать боевой опыт, особенно опыт борь-

бы с танками врага. Вместе с тем рекомендовалось шире разъяснять методы уничтожения немецких танков, графически изображая это в рисунках и фотографиях; ярче рассказывать о тех, кто вступает в единоборство с «тиграми» и «пантерами» и побеждает их, кто проявляет сметку, ратное умение; пронизывать все материалы боевым наступательным духом.

Командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин взял со стола маленькую листовку, озаглавленную «Как сберечь и использовать оружие зимой», и сказал:

— Вот эта памятка подготовлена нашим штабом и политуправлением и напечатана в походной типографии. Подобные советы солдатам полезно публиковать и в газете, тщательно выискивать зерна солдатского творчества. Может быть, на страницах «За честь Родины» следует завести рубрику «Советы молодому бойцу».

На заседании отмечалось, что газета должна оперативнее показывать опыт партийно-политической работы в войсках, конкретнее говорить о ее формах и методах, обстоятельно объясняя особенности политработы в различных условиях боевой обстановки, на различных этапах боя, операции.

Надо иметь в виду, подчеркивал Военный совет фронта, что молодые парторги рот, батальонов, дивизионов и полков, а также замполиты частей и подразделений крайне нуждаются в советах, рекомендациях, так как многие из них не имеют достаточного опыта. Редакция должна поддерживать самую тесную связь с политорганами, штабом и управлениями фронта.

В редакции фронтовой газеты, издававшейся на русском, украинском, узбекском, казахском и татарском языках, сложился хороший, квалифицированный и работоспособный коллектив. Военных журналистов по праву называли солдатами переднего края. Они всегда были на важнейших участках, в огне боев.

Вот один из многочисленных примеров. На нашем фронте первыми форсировали Днепр разведчики мотострелкового батальона 51-й гвардейской танковой бригады, которой командовал Герой Советского Союза гвардии подполковник М. С. Новохатько. С первым десантом под огнем врага переправился и корреспондент фронтовой газеты капитан С. М. Борзунов. В своем ре-

портаже он ярко и правдиво рассказал о подвиге гвардейцев-комсомольцев В. Н. Иванова, И. Д. Семенова, Н. Е. Петухова и В. А. Сысолятина, ворвавшихся в районе Григоровки на правый берег Днепра и положивших начало основанию букринского плацдарма. Эта весть сразу распространилась по всем войскам. С приветственным письмом Военного совета к четырем героям Днепра он вторично переправился через обстреливаемую реку на правый берег и вместе с гвардейцами принял участие в боях по удержанию захваченного плацдарма.

Мужественно выполняли свои обязанности и другие журналисты.

За инициативу и оперативность в освещении боевой деятельности войск сотрудники фронтовой газеты «За честь Родины» офицеры Ф. Н. Орешкин, А. Н. Рогожин, В. М. Гунин, В. В. Ермилов, А. П. Верховлетов, поэт Илья Френкель, художники В. М. Брискин и Е. А. Ведерников, фотокорреспонденты В. П. Юдин, О. В. Игнатович и другие были удостоены правительственных наград.

На 1-м Украинском фронте обосновался довольно солидный и представительный корреспондентский корпус центральной печати. От редакции газеты «Правда» у нас находились писатели Михаил Брагин, Леонид Первомайский, затем прибыл со 2-го Украинского фронта Борис Полевой. Газету «Правда» представлял на нашем фронте и Сергей Борзенко, в прошлом сотрудник газеты 18-й армии «Знамя Родины» и газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины». За отвагу, проявленную при форсировании Керченского пролива и в боях на плацдарме под Эльтигеном, Борзенко первый среди военных корреспондентов получил высокое звание Героя Советского Союза.

Редакция газеты «Красная звезда» имела на нашем фронте постоянный корпункт, возглавляемый военными журналистами офицерами Н. Н. Денисовым, М. М. Зотовым и погибшим в начале 1944 года майором Петром Олендером. От «Красной звезды» у нас бывали Петр Павленко, Борис Галин, Константин Симонов и другие писатели.

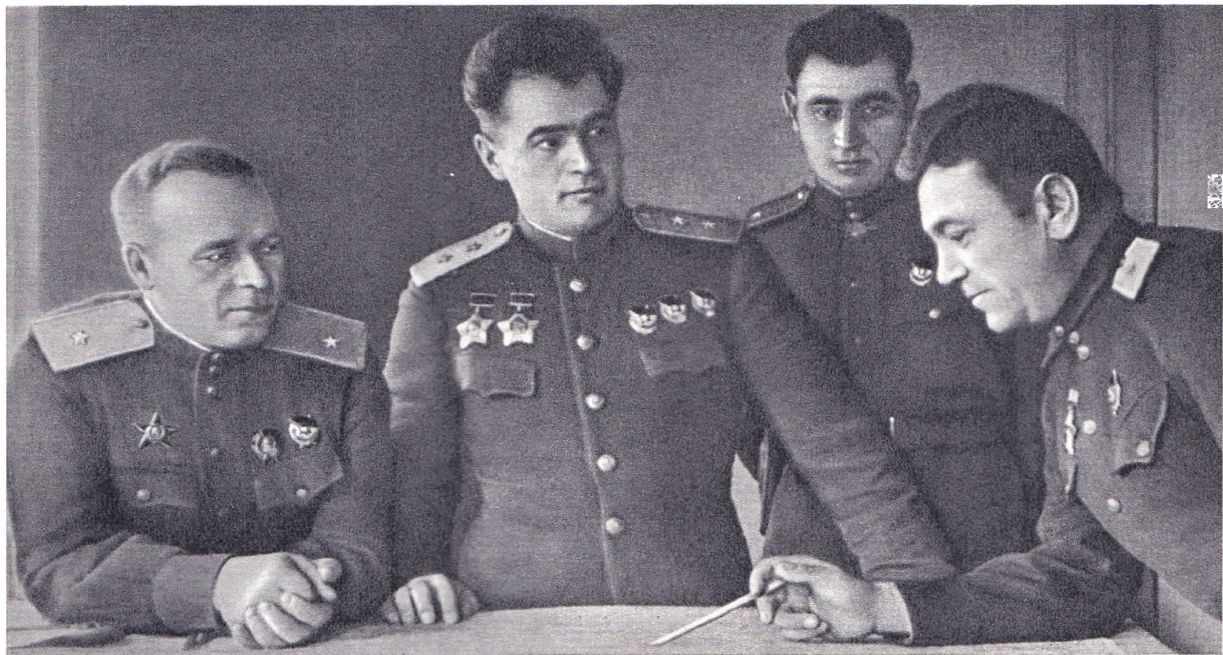
Газету «Известия» на нашем фронте длительное время представлял Виктор Полторацкий, а «Комсомольскую правду» — Сергей Крушинский. Частенько наезжал к нам от «Комсомолки» и Юрий Жуков. Не обходили нас

вниманием представители Совинформбюро, ТАСС, Союзкинохроники, радиовещания.

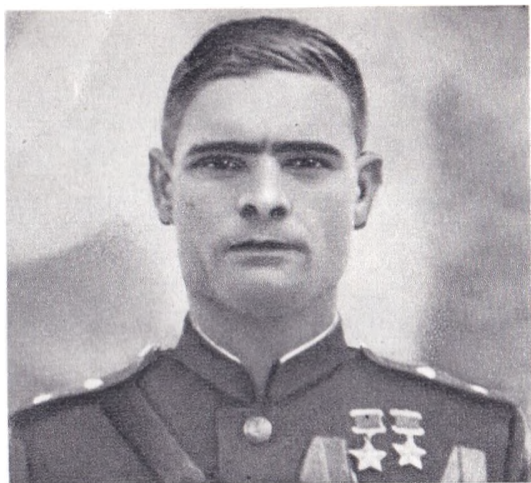
Но центральные газеты, доставляемые из Москвы поездом, поступали в части и соединения фронта с запозданием. С таким положением мириться было нельзя. Военный совет принял постановление об улучшении доставки центральных газет соединениям и частям и обязал командующего 2-й воздушной армией генерал-лейтенанта авиации С. А. Красовского выделить специально для этой цели два транспортных самолета. На заместителя командующего 2-й воздушной армией по политчасти генерал-майора авиации С. Н. Ромазанова возлагалась персональная ответственность за бесперебойную работу выделенных экипажей и самолетов и своевременную доставку центральных газет.

Фронтная пресса росла количественно и улучшалась качественно. В войсках 1-го Украинского фронта издавалось 67 газет, включая и дивизионные, и каждая из них пропагандировала великие идеи партии, воодушевляла воинов на подвиги, освещала боевые дела и фронтовой опыт войск, партийную и комсомольскую жизнь частей и подразделений.

Военная печать представляла собой мощную силу. Разовый тираж газет, издаваемых на 1-м Украинском фронте в конце 1943 и начале 1944 года, составлял 250 290 экземпляров. Газеты, являющиеся одним из главнейших средств политработы в войсках, оказали действительную помощь командованию и политорганам в подготовке войск к предстоящей операции, в мобилизации воинов на разгром врага.

Слева направо: В. М. Оленин, И. Д. Черняховский, А. И. Комаров, Г. А. Тер-Гаспарян

Н. И. Горюшкин

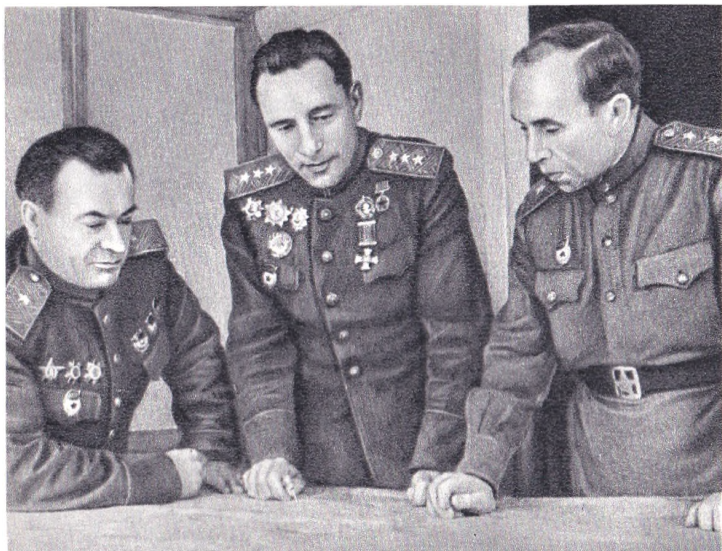
Д. А. Драгунский

Ш. Джигангараев

М. З. Щербаченко

Слева направо: Н. К. Попель, М. Е. Катуков, М. А. Шалин

А. Д. Штевнев

А. Г. Кравченко

ЖИТОМИРСКО-БЕРДИЧЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Приближался день начала контрнаступления. К утру 24 декабря 1943 г. части и соединения заняли исходное положение для решительного броска вперед. Как и другие члены Военного совета фронта, я заблаговременно выехал в войска и начало операции встретил в 18-й армии, действовавшей на направлении главного удара.

На армейском командно-наблюдательном пункте царило приподнятое настроение, какое обычно предшествует наступательным операциям. Командующий 18-й армией генерал-полковник Константин Николаевич Леселидзе вскинул руку с часами-хронометром, неотрывно следя за ходом секундной стрелки.

— Ну, бог войны, тебе первому слово, — тихо произнес он.

И в ту же секунду командующий артиллерией армии дал сигнал, продублированный радистами, телефонистами и ракетчиками. Мощный залп сотен батарей потряс округу. Небо расчертили огненные молнии реактивных снарядов знаменитых «катюш».

— Хороша боевая музыка! — восторженно воскликнул Леселидзе. — Двести стволов на километр фронта прорыва!

— Такая музыка вдохновляет солдат перед атакой, — согласился я. — Но под Киевом артиллерийский концерт был мощнее. Там пришлось выставить более трехсот орудий на километр.

— Да, о таком сосредоточении артиллерии в начале

войны мы и мечтать не могли, — произнес генерал К. Н. Леселидзе.

Константин Николаевич находился на фронтах Отечественной войны с июня 1941 года. Он отличился в боях под Минском и Тулой, в историческом сражении под Москвой. Видный военачальник умножил свою боевую славу и в дни обороны родного Кавказа. Под его руководством советские воины на перевалах Главного Кавказского хребта наголову разбили альпийский корпус врага, а затем участвовали в освобождении Таманского полуострова и форсировании Керченского пролива.

Находясь в 18-й армии, я познакомился и с членом Военного совета армии генерал-майором С. Е. Колониным. Сосредоточенный, неулыбчивый и на первый взгляд сухой в обращении человек, Семен Ефимович говорил скупой, но его лаконичные суждения отличались четкостью, точностью, емкостью. Потом нам приходилось встречаться довольно часто, многократно беседовать и решать вопросы, связанные с боевой деятельностью войск армии. Беседовать с генералом Колониным было небезынтересно. Он умел метко охарактеризовать человека, высказать полезные советы и предложения по улучшению политработы. Член партии с 1918 года, он в том же году добровольно вступил в ряды Красной Армии и с 1920 года непрерывно находился на политработе. Перед войной С. Е. Колонин был начальником политического управления округа, а на фронтах Отечественной войны являлся членом Военного совета 21, 11, 9 и затем 18-й армий. Боевую жизнь он знал превосходно и значительную часть времени находился в войсках.

Мне рассказывали, что генерал С. Е. Колонин на своем вылисе как-то заехал в цепь пехоты и, пыхнув трубкой, указал ею на неприятельские позиции, призывая бойцов вперед. Я напомнил Семену Ефимовичу этот эпизод и шутя заметил:

— Оказывается, о вас слагают легенды!

— Личность моя самая обыкновенная и отнюдь не легендарная, — сухо ответил Колонин. — На машине в пехотную цепь не въезжал, а оставил ее возле командного пункта комбата и далее в спешенном порядке двинулся вместе с бойцами. Что же касается трубки, табачного дыма и прочего, то все это присочинили. Тогда было не до курева...

В канун контрнаступления мне довелось побывать в одном из стрелковых полков 18-й армии и присутствовать на митинге. Объявив приказ о переходе полка в наступление, командир батальона зачитал обращение Военного совета к войскам 1-го Украинского фронта.

«Боевые друзья! — говорилось в обращении. — В битвах за Днепр, за Киев, за Советскую Украину вы проявили величайшее мужество, отвагу и героизм. Вы разбили немецкие дивизии на Дону и на Северном Донце и, отразив летнее наступление немцев, разгромили врага под Белгородом и Обоянью. Сокрушая и преследуя гитлеровцев, вы героически форсировали Днепр и освободили от немецких оккупантов украинскую столицу — Киев.

Сорок дней стойко и мужественно, не щадя своей крови и жизни, отражали вы яростные атаки врага в районах Фастова и Василькова, Брусилова и Коростеня, Малина и Радомышля. Враг бросил на этот участок фронта десятки лучших танковых и пехотных дивизий. Взбешенный военными неудачами, Гитлер хотел любой ценой прорвать нашу оборону, выйти к берегам Днепра и снова захватить Киев.

Не вышло! Коварные замыслы врага сорваны. Он захлебнулся от вашего мощного огня в своей же собственной крови. Вы измотали и обескровили врага. Наши силы утроились. Настал момент для полного разгрома этой группировки»¹.

Военный совет 1-го Украинского фронта призывал красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов смело и решительно взламывать немецкую оборону, днем и ночью преследовать противника, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, дерзкими и умелыми маневрами перерезать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику.

Обращение заканчивалось призывом: «За нашу священную советскую землю, за Украину, вперед, на полный разгром врага!»

На митинге выступали воины самых различных национальностей — русский Петров, украинец Чумак, грузин Жанешвили, армянин Манукян и другие. Перед ли-

¹ «За честь Родины», 24 декабря 1943 г.

цом своих товарищей они поклялись с честью выполнить наказ партии и народа, боевой приказ командования.

Находясь под впечатлением только что закончившегося в Харькове судебного процесса над фашистскими палачами и их прихвостнями, советские воины клялись отомстить извергам за чудовищные злодеяния, совершенные в различных городах и селах страны.

Делясь на КНП армии впечатлениями о митингах в различных частях, мы разговорились о настроении и поведении солдат перед атакой. Генерал С. Е. Колонин, прекрасно знавший душу бойца, рассказывал:

— Перед началом атаки люди ведут себя по-разному. Одни не в меру возбуждены, суетливы, другие задумчивы, молчаливы, но в душе каждый думает об одном: как обернется для него этот бой? В такие минуты солдату очень нужны товарищеские советы, бодрое напутственное слово. Это как раз и есть самая сильная и действенная форма политработы.

Однажды, обходя войска, я заметил хмурого, сосредоточенного солдата, державшегося как-то особняком. Над головой просвистел вражеский снаряд и неподалеку разорвался. Заметив, что боец инстинктивно вобрал голову в плечи и что у него подрагивают пальцы, я спросил:

— Что, брат, боязно? Первый раз в атаку пойдешь?

— Конечно, страшновато, товарищ генерал. Я ведь новичок, только что призван в армию.

— Да, в первый раз всем боязно, — согласился я. — Вначале кажется, что все пули, снаряды и мины летят именно в тебя и вся германская армия задалась целью подстрелить непременно тебя.

Участвовавшие в разговоре бойцы заулыбались.

— Мой совет всем вам, и прежде всего тебе, дорогой товарищ, думайте не о смерти, а о том, как победить врага и живым остаться. Для этого надо броском миновать открытое поле и ближе держаться к разрывам наших снарядов, расчищающих путь пехоте. Фашисты и опомниться не успеют, как вы захватите их первую траншею. А если медлить будете, то могут и покосить из пулемета. Делайте, как требует командир, как поступают бывалые солдаты, правильно совершайте перебежки, прицельно обстреливайте противника, и он не сумеет вас

поразить. Недаром в песне поется: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет!»

Вернемся, однако, к началу контрнаступления. Артиллерия перенесла огонь в глубину. В воздух взлетели сигнальные ракеты, и прокатилась команда, повторенная многими голосами:

— В атаку, вперед!

С командно-наблюдательного пункта хорошо было видно, как дружно поднялись солдаты одного из полков, как стремительно движется по полю лавина стрелков, как в глубине вражеской обороны кружат над позициями неприятеля наши «илы», нанося штурмовые удары.

Артиллерийская и авиационная подготовка сокрушила оборону противника. Вот что впоследствии говорил один из военнопленных о силе этого огневого воздействия:

«Артиллерийский огонь был страшен. У многих из нас из ушей и горла шла кровь от сильных разрывов снарядов. Огонь приближался к нашим окопам постепенно. Когда он перешел через нас, то мы увидели, что красноармейцы бегут вслед за огневым валом в 60—100 метрах. Нам ничего не оставалось делать, как поднять руки»¹.

Наступление войск 1-го Украинского фронта, начатое 24 декабря, явилось полной неожиданностью для противника. Пленные офицеры показали, что фашистское командование никак не предполагало, что мы сумеем за короткий срок оправиться от ударов немецких танковых дивизий и предпринять контрнаступление. Не предвидя ничего угрожающего, командующий группой немецких армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн лично пожаловал под Житомир и намеревался в резервной дивизии безмятежно провести рождественские праздники. Но после того как загрохотала наша артиллерия, возвестившая о наступлении советских войск, Манштейн поспешно ретировался в Винницу, в свой штаб, разместившийся в подземелье бывшей личной ставки Гитлера «Вервольф». Но и там его вскоре потревожили прорвавшиеся к Южному Бугу советские танкисты.

При мощном и хорошо организованном артиллерийском сопровождении пехотинцы довольно быстро овла-

¹ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 440031сс, д. 24, л. 331.

дели первыми траншеями противника и продолжали продвигаться в глубину вражеской обороны. Но вот на подступах к одному из населенных пунктов нашли стрелковые подразделения залегли. Гитлеровцы превратили село в сильный узел сопротивления: деревянные и каменные дома были приспособлены под огневые точки, колодцы оборудованы под дзоты. Пехоту выручили орудия сопровождения, которые прямой наводкой уничтожили и подавили огневые точки врага. Стрелковые подразделения ворвались в село.

Политработа не затухала и в напряженных боях. Во взятом нашими войсками населенном пункте мне передали маленькую листовку, которую прочитали многие бойцы. Ее составил и пустил по цепи заместитель командира батальона по политчасти капитан Синица.

«Товарищи! — гласила листовка. — 8-я и 9-я стрелковые роты отличились в бою. Они первыми под огнем врага ворвались в село и решили судьбу боя. Не отстаем от них и мы, завершим освобождение Украины от гитлеровских душегубов. Вперед, товарищи!»

Атаку стрелковых рот возглавили коммунисты. Парторг 9-й роты Ласавелидзе поднялся первым и с возгласом «Вперед за освобождение братской Украины!» увлек за собой всех бойцов. Коммунисты этой роты Алакаев и Проходин уничтожили в уличном бою несколько гитлеровцев.

Сопротивление врага возрастало. Немцы предприняли несколько сильных контратак. В эти напряженные минуты коммунисты умело влияли на ход боевых действий. Парторг роты Филонов фланговым огнем из станкового пулемета метко косил фашистов и парализовал их контратаку. Так же стойко сражались и другие коммунисты.

К 14 часам стрелковые подразделения взломали оборону противника на глубину до 4—5 километров. Но гитлеровцы норовили закрыть брешь, бросая в контратаки «тигры» и «фердинанды», оказывая сильное огневое сопротивление. И тогда для завершения прорыва в сражение вступили передовые части 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерала П. С. Рыбалко.

С помощью танкистов пехотинцы относительно быстро преодолели вражеские укрепления и прорвали так-

тическую зону обороны противника. Затем в прорыв хлынули главные силы армии П. С. Рыбалко. За танками на машинах следовали подвижные отряды мотострелков.

Прежде чем возвратиться в штаб фронта, я решил посмотреть на результаты работы нашей артиллерии и авиации и на вездеходе отправился по дорогам наступления.

На обочине шоссе догорал немецкий танк. Неподалеку от него сидел раненый солдат. Я подошел к нему и спросил:

— Что делаешь и давно тут сидишь? Давай подвезу в ближайший госпиталь.

— Мне уже первую помощь оказали, — ответил раненый. — Скоро подойдет машина из нашего медсанбата и заберет меня. А в госпиталь я не желаю попадать. Оттуда врачи переправят в глубокий тыл, а потом на пересыльный пункт. Тогда уже не попадешь в свою часть.

Любовь к родному соединению, армии и фронту — это замечательная традиция, получившая широкое распространение во время Отечественной войны. В ратной славе полка, дивизии, армии слит воедино героизм многих тысяч солдат, сержантов и офицеров, спаянных благородным чувством войскового братства.

Вот об этом и говорил со мной раненый солдат, пожелавший расставаться со своей частью. Затем он показал на подбитый и опаленный вражеский танк и с гордостью сказал:

— Моя работа! Смотрю и сам удивляюсь: неужели я уничтожил его? Когда это чудовище надвигалось на меня, то, признаться, струхнул. Бью из противотанкового ружья вроде точно, целюсь в уязвимые места, а танк все ползет и ползет, из пушки стреляет и пулеметным огнем сечет. Ноги так и выносят меня из окопа. Хотелся убежать от опасности. Но все же сообразил, что, если покину окоп и побегу, танк непременно раздавит меня или же скосит огнем. Я поборол робость, собрал все усилия и, тщательно прицеливаясь, еще два раза выстрелил из бронебойки. И вдруг танк зачал, а фрицы, пораскрывав люки, кинулись врассыпную. Тут их наши автоматчики уложили наповал.

Вскоре подошла санитарная машина и забрала ране-

ного героя. Я до сих пор сожалею, что запомнил фамилию отважного воина. Но хорошо помню, что это был солдат из мотострелковой бригады 3-й гвардейской танковой армии.

В штаб фронта я прибыл в тот поздний час, когда для Ставки Верховного Главнокомандования была уже подготовлена оперативная сводка о результатах первого дня наступления войск 1-го Украинского фронта. Боевые итоги гласили, что 1-я гвардейская, 18-я и 38-я армии прорвали оборону врага на всю тактическую глубину, а войска 1-й и 3-й гвардейской танковых армий, вошедшие в прорыв, устремились вперед.

На второй день операции погода ухудшилась. Начал моросить дождь, все кругом затянулось туманом, и боевые действия авиации крайне осложнились. Войска 38-й армии под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко, используя огневую поддержку артиллерии, овладели мощным опорным пунктом обороны противника городом Брусилов. Ломая ожесточенное сопротивление врага, войска армии продолжали продвигаться в заданном направлении.

Операция развивалась по намеченному плану. 25 декабря перешла в наступление своим правым флангом 40-я армия, в составе которой успешно решала боевые задачи 1-я отдельная чехословацкая бригада под командованием генерала Л. Свободы. 26 декабря началось наступление и войск 60-й армии.

Танковые армии, вошедшие в прорыв, перерезали важные коммуникации врага, продолжая развивать наступление. Крупных успехов достиг во встречном бою 8-й гвардейский механизированный корпус 1-й танковой армии. В ходе наступления это соединение возглавил генерал-майор танковых войск И. Ф. Дремов, сменив генерала С. М. Кривошеина. В напряженном и продолжительном встречном бою гвардейцы окружили и уничтожили главные силы 20-й моторизованной дивизии гитлеровцев.

А тем временем, не ввязываясь в затяжной бой с окруженными силами врага, части второго эшелона гвардейского мехкорпуса нанесли стремительный и внезапный удар в направлении на Казатин.

Танкам маневрировать было трудно: всюду торфяные болота, овраги, перелески. Большак прикрывался

многочисленными противотанковыми артиллерийскими засадами и заслонами врага. Но советские воины перехитрили гитлеровцев. Командир 69-го танкового полка подполковник И. Н. Бойко принял дерзкое решение пустить машины по железнодорожному полотну. В сыкотную ночь, когда мокрый снег застилал все вокруг, механики-водители чуть ли не на ощупь вели танки с потушенными фарами по железнодорожной колее. Высокое мастерство и отвага принесли победу.

Танкисты подполковника И. Н. Бойко совершили искусный обходный маневр и с тыла ворвались в Казатин, подняв в стане врага панику. Город и железнодорожный узел были захвачены с малыми потерями. На станции стояло множество немецких эшелонов, улицы города были запружены грузовиками с боеприпасами и снаряжением.

Герой боев за Казатин подполковник Иван Никифорович Бойко воевал, можно сказать, в родных местах. Позднее в ходе наступления танкисты достигли села Жорнище, Ильинецкого района, Винницкой области, где жили родители И. Н. Бойко. Первым в это село проникли разведчики и передали записку: «Отец и мать! Если вы живы, сообщите. Я недалеко от вас. Иван».

Вскоре вся родня и односельчане сердечно встречали прославленного танкиста, представленного за бои под Казатином к званию Героя Советского Союза. Увидев младшего брата, подполковник И. Н. Бойко радостно воскликнул:

— Роман! Да какой же ты большой, вымахал! Добрый вояка будешь.

— А что слышно о старшеньком? — спросил отец.

— Танковой бригадой наш Герасим командовал, полковником был, — глухо произнес Иван Никифорович. — На Волге мы его потеряли...

Побледнел отец, схватился за сердце. Всю ночь проплакала мать. А утром родители подвели к подполковнику И. Н. Бойко младшего сына и сказали:

— Теперь ты, Иван, самый старший среди братьев. Бери в свою солдатскую семью Романа. Пусть заменит погибшего Герасима...

Попросились добровольцами в танковую часть и двоюродные братья Ивана Никифоровича Бойко — Василий Бурмистренко и Кирилл Трофименко. Отыскался

на дорогах войны и еще один родной брат — Василий Бойко, служивший в 4-м гвардейском Кантемировском танковом корпусе. Он был переведен в часть, которой командовал подполковник И. Н. Бойко.

— Хороший танковый экипаж набирается, — одобрительно заметил Иван Никифорович.

— Ты уж береги их, Ванюша, — напутствовала мать.

— Беречь буду, как всякого солдата, — сказал Иван Никифорович и, испытующе поглядев на братьев, выразительно погрозил им пальцем: — А с вас буду спрашивать вдвойне. Поблажки не ждите...

Когда-то Иван Бойко хотел стать хирургом, а Василий — инженером. Но настал грозный для Отечества час, и все сыновья старого колхозника Никифора Бойко стали воинами, защитниками Советской Родины.

Прорыв наших танковых соединений поставил под угрозу основные коммуникации врага на юге. Немецко-фашистское командование всполошилось и приняло экстренные меры. Уже 29 декабря более сотни вражеских танков и крупные силы пехоты нанесли контрудар по войскам 38-й и 1-й танковой армий под Бердичевом. Участились довольно сильные контратаки и на других участках фронта, особенно под Житомиром.

Командующий и Военный совет 1-го Украинского фронта особенно пристально следили за житомирским направлением. 30 декабря я вновь выехал на этот участок, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке и проследить за ходом боевых действий.

— Пусть командующие армиями учтут горький опыт ноябрьских боев, когда нам пришлось временно оставить Житомир, и будут настойчивы в своих решениях, бдительны на всех этапах операции, — сказал мне генерал Н. Ф. Ватутин. — Командармы имеют в своем распоряжении достаточно сил и средств, чтобы овладеть Житомиром и разгромить группировку врага.

Побывав в войсках, которые вели бои за Житомир, я передал командующим и военным советам армий рекомендации Н. Ф. Ватутина и напомнил, что Родина ждет от 1-го Украинского фронта новогоднего боевого подарка.

30 декабря бои велись уже на ближних подступах

к Житомиру. Соединения 3-й гвардейской танковой и 18-й армий, охватывая областной центр с юго-востока, перерезали все коммуникации, связывавшие житомирскую и бердичевскую группировки противника. Тем временем 60-я армия обошла город с северо-запада. Еще глубже охватывал житомирскую группировку врага 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Ф. Г. Аникушкина, действовавший в полосе 13-й армии. Он приближался непосредственно к Новоград-Волинскому — крупному железнодорожному узлу и важному опорному пункту обороны гитлеровцев.

Побывав в военных советах, штабах и политотделах армий, я выехал в войска, наступавшие непосредственно на Житомир. На окраине города я встретил связистов, тянувших телефонный провод, и вместе с ними добрался до комбата, расположившегося в кювете.

Из показаний пленных выяснилось, что немецко-фашистское командование, почувствовав серьезную угрозу окружения, фактически уже начало отвод из Житомира всех штабов и тыловых учреждений; начали отходить на новые позиции и некоторые дивизии врага.

В этих условиях требовалось усилить нажим на противника и сломить его сопротивление. Так и было сделано. 31 декабря войска 1-й гвардейской армии, 18-й армии, 3-й гвардейской танковой армии и часть сил 60-й армии стремительной атакой пехоты и умелым обходным маневром танковых соединений овладели Житомиром.

Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин в своей новогодней речи проникновенно сказал и о боевых делах 1-го Украинского фронта.

К исходу 31 декабря наши войска, прорвав фронт противника в полосе до 300 километров и в глубину свыше 100 километров, освободили более тысячи населенных пунктов, в том числе города Житомир, Казатин, Коростень, Радомышль, Черняхов, Корнин, Бруслов и другие.

С первых дней 1944 года в стране с новой силой развернулось патриотическое движение по сбору средств в фонд Красной Армии. Коллектив киевского завода «Большевик» собрал сотни тысяч рублей на постройку танковой колонны «Киев». В Житомире и области также

активно шел сбор средств на строительство танковой колонны. Город залечивал свои раны, восстанавливал предприятия, оказывал посильную помощь фронту. Даже когда наши войска продвинулись вперед, трудящиеся Житомирской области продолжали поддерживать тесную связь с нашими воинами. На 1-м Украинском фронте сражалась с врагом и танковая колонна «Житомирский колхозник».

Танки, самолеты и орудия, приобретенные на народные рубли, вручались в торжественной обстановке в присутствии делегации трудящихся. Вот как, например, в 3-й гвардейской танковой армии проходило вручение боевой машины, приобретенной четырьмя колхозницами-патриотками из Житомирской области. На сельской площади в окружении гвардейцев и местных жителей, вышедших с красными флагами, стоял новенький танк. На его борту надпись: «Гвардейцам-освободителям с. Сингури от колхозниц А. И. Маевской, А. А. Боровик, С. И. Прилипко и Л. М. Кашкаревой».

На митинге была оглашена телеграмма Верховного Главнокомандующего, адресованная этим четырем патриоткам. В ней говорилось: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Анна Ивановна, Лидия Михайловна, Анна Александровна и Серафима Ивановна, за вашу заботу о бронетанковых силах армии. Ваше желание о передаче танка в 54-ю гвардейскую танковую бригаду будет исполнено».

Перед собравшимися выступила инициатор приобретения боевого танка для Красной Армии молодая колхозница А. Маевская. Передав воинам горячий комсомольский привет от молодежи села Сингури, она сказала:

— Сердечное спасибо вам, танкисты-гвардейцы, за то, что вы вернули нам свободу. На всю жизнь нам запомнился тот радостный день, когда в село вошли красноезвездные танки. Несите свободу и дальше, на запад, приближайте желанный час полной победы!

— Вы, товарищи-гвардейцы, — взволнованно говорила выступившая затем колхозница А. Боровик, — избавили нас от издевательств и мук, от постоянно висевшей над нами угрозы смерти. Низкий вам поклон! Примите наш боевой подарок и на этом могучем танке

беспощадно громите проклятых захватчиков, освобождайте родную землю!

По приказанию командира части экипаж гвардии младшего лейтенанта Громова занял места в боевой машине. С брони танка командир экипажа произнес пламенную речь, заверив колхозниц, что их грозную «тридцатьчетверку» принимают умелые воины, которые без пощады будут бить фашистских захватчиков.

Везде и всюду советский народ помогал своей армии. В ходе декабрьского наступления, когда наши войска освободили под Брусиловом село Болячев, колхозники передали в армейский госпиталь несколько спасенных ими раненых воинов.

Дело было так. В середине ноября 1943 года, когда под Брусиловом немецко-фашистские войска предприняли сильный контрудар и несколько потеснили наши части, колхозница Евдокия Ефимовна Ляшенко подобрала на поле боя пятерых раненых красноармейцев и укрыла их в хате колхозника Петра Денисовича Евгиенко.

Командование эсэсовской дивизии объявило, что укрывательство красноармейцев карается смертью. Но и эта угроза не устрасила патриотов. Узнав, что фашистские палачи расстреляли за селом захваченных раненых советских бойцов и что из груды тел доносится чей-то слабый стон, Евдокия Ляшенко ночью пробралась мимо немецких часовых и патрулей и из-под трупов извлекла тяжело раненого красноармейца Василия Роя, в котором еще теплилась жизнь.

Престарелый колхозник Евгиенко и отважная женщина постоянно дежурили возле раненых, подбадривали их:

— Мы вас, родные сынки, сбережем и вылечим.

Добрым словом фронтовики вспоминали и жителей села Чернятинцы. Когда в дни наступления войск 1-го Украинского фронта передовой отряд танкистов глубоко прорвался в тыл врага, один наш танк оказался подбитым и окруженным. Экипаж, покинувший горящую машину, ночью сумел выбраться из вражеского кольца. После скитаний по тылам противника танкисты попали в село Чернятинцы, где их укрыли местные жители.

— Чувствуйте себя как дома, — сказали танкистам

в селе. — Фашисты хоть и наезжают сюда, да не задерживаются, жмутся к большим дорогам и крупным гарнизонам. Так что порядки в селе нашенские, советские!

Члены экипажа подбитого танка Ф. Шангин, Г. Дуркин и В. Иващенко оказались в Чернятинцах далеко не первыми. Кроме них в селе находились еще одиннадцать советских бойцов, спасенных местными жителями. Здесь укрывались раненные в схватке с карателями парашотист-десантник Дмитрий Еськин, разведчик Александр Ламаев и другие воины, выполнявшие задания в тылу врага.

Все село знало, что в хатах Марии Вознюк, Праксывы Отропович, Екатерины Глушук, Екатерины Дробницкой, Федота, Семена и Петра Сенчуков, а также Степаниды Ремиз, Надии Червинской и других находятся советские воины, но их никто не выдал немецким властям. Немало хлопцев из Чернятинцев сражалось с врагом в партизанских отрядах. Когда наши наступающие войска стали приближаться к селу, все мужчины, способные держать оружие, под руководством танкиста Филиппа Шангина заняли круговую оборону и держали ее вплоть до подхода Красной Армии. «Село патриотов» — так назвала Чернятинцы газета «Правда».

И таких замечательных сел, деревень и хуторов очень много встречалось на нашем боевом пути. Вся Украина была охвачена огнем народной борьбы против иноземного нашествия. Все от мала до велика боролись с ненавистным врагом, помогали Красной Армии.

9 января 1944 года штаб и управление фронта перебазировались в районный центр Житомирской области село Андрушевка. Всякий раз, когда случалось мне проходить или проезжать по мосту возле мельницы, я добрым словом вспоминал патриота, спасшего этот мост и оказавшего помощь наступающим войскам.

На подступах к Андрушевке батальон майора П. И. Орехова из 1-й танковой армии встретил сильное сопротивление врага. С опушки леса, опоясанной глубоким рвом, по нашим танкам открыли огонь немецкие пушки. Головная походная застава завязала огневой бой. Тем временем танковая рота совершила обходный маневр и ударила с тыла. Гитлеровцы дрогнули. Воспользовавшись замешательством противника, наши тан-

ки помчались к речке Гуйва, чтобы захватить мост и не дать гитлеровцам взорвать его.

Стреляя из пушек и пулеметов по метавшимся на берегу реки фашистским саперам, головные машины приближались к мосту. Не обращая внимания на перестрелку, наперерез танку выбежал коренастый дед и отчаянно замахал руками:

— У моста мины, — сообщил он танкистам. — Подорваться недолго. Фашисты мост хотели разрушить. Они уже и тол заложили, заряды подготовили. Но мы с соседом не дремали, секирой перерубили запальные шнуры. А насчет мин не беспокойтесь. Я вам покажу, где их заложили.

— Спасибо, отец, — поблагодарил майор Орехов. — А как же тебя величать?

— Манила Никитович Магола, — ответил дед. — А хата моя туточки. Заходите, дорогими гостями будете.

— Спасибо, Манила Никитович, — поблагодарил комбат. — У нас еще дел много, бой продолжается.

Обезвредив минное поле и достав из-под моста взрывчатку, танкисты ворвались в Андрушевку.

В начале 1944 года наше командование наградило медалью «За боевые заслуги» семидесятишестилетнего патриота из села Головчино Родиона Корду. За свою жизнь дед Родион измерил вдоль и поперек все Полесье. Когда наши разведчики обратились к нему за помощью, Родион Корда молодцевато подтянулся и заявил:

— С вами, красными бойцами, хоть куда пойду! Только вот коня дайте быстрого, а то мою кобыленку фрицы забрали, да седло, да саблю. Я, может быть, к вам и в гвардию запишусь.

И Родион Корда повел наш кавалерийский разведывательный отряд по глухим местам Полесья. Когда требовалось, Корда оставлял коня и проникал в село, занятое гитлеровцами. Потом возвращался и докладывал командиру, что видел.

В ходе Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта добились значительных успехов. Ломая ожесточенное сопротивление крупных сил врага, наши войска в первых числах января 1944 года

освободили Бердичев, Новоград-Волынский, Белую Церковь, Ржищев и Сарны.

При штурме города Белая Церковь вместе с частями 40-й армии вновь отличилась 1-я отдельная чехословацкая ордена Суворова бригада. На этот раз она была награждена орденом Богдана Хмельницкого I степени. В приветственной телеграмме Военного совета 1-го Украинского фронта, посланной братьям по оружию, говорилось, что эта вторая награда правительства СССР является признанием героизма, храбрости и отваги лучших сынов чехословацкого народа, которые с оружием в руках в жестоких боях с врагом завоевывают свободу и независимость своей родины. «Пусть ваши героические подвиги, — писал Военный совет, — войдут в историю чехословацкого народа как лучшая ее страница».

Вечером 10 января 1944 года Военный совет фронта, получив текст Указа Президиума Верховного Совета СССР по телеграфу, сердечно поздравил с высокими правительственными наградами командующих армиями генералов А. А. Гречко, Ф. Ф. Жмаченко, М. Е. Катукова, С. А. Красовского, К. С. Москаленко, Н. П. Пухова и И. Д. Черняховского. Они стали первыми в стране кавалерами вновь учрежденного полководческого ордена Богдана Хмельницкого I степени.

Одновременно Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе воинов фронта, отличившихся в битве за Киев и Правобережную Украину. Высшей боевой почести были удостоены гвардии старший сержант Иван Антонов, первым ворвавшийся на танке в Святошино, младший сержант Алимкай Абдершин, который в течение восьми дней удерживал важный рубеж, отбивая превосходящие силы врага, красноармеец Матай Баисов, заменивший выбывших из строя командира расчета и наводчика, гвардии лейтенант Иван Бутенко, таранивший фашистский танк, и многие другие отважные воины.

11 января 1944 года газета «Правда» посвятила героям нашего фронта специальную передовую статью «Красная Армия — армия героев». В ней говорилось:

«Антонов — русский, Бутенко — украинец, Баисов — казах, Абдершин — татарин, и все они — братья по ору-

жию, сыновья единой советской матери-Родины. Баи-сов — член ВКП(б), Абдершин — беспартийный. Ими владеет один порыв. У них одна советская душа.

Из таких людей состоит весь список новых Героев Советского Союза. Несокрушима страна, рождающая таких воинов!»

Несколько дней спустя по инициативе начальника политотдела 1-й танковой армии полковника А. Г. Журавлева были выпущены листовки о Героях Советского Союза. Особенно удачной оказалась листовка о подвиге парторга подразделения лейтенанта П. Ф. Гриболева, принявшего в решающий момент боя командование танковой ротой и воодушевившего своей личной отвагой другие экипажи. Танкисты под командованием Петра Гриболева прорвались к железной дороге, перерезали важную коммуникацию и блокировали бронепоезд противника. Парторг одним из первых ворвался в населенный пункт и вместе с другими танкистами захватил его, победив многочисленного и сильного врага.

Военный совет и политуправление фронта рекомендовали шире популяризировать подвиги героев, предавать гласности каждый факт награждения отличившихся. Командиры, используя предоставленное им право, часто в ходе боя или сразу же после выполнения задачи награждали мужественных воинов и объявляли об этом по радио, перед строем, в многотиражной печати.

Фронтальная практика выработала разнообразные и действенные виды поощрений: посылка писем на родину героев, фотографирование отличившихся солдат и сержантов при развернутом Знамени части. Такая фотография, например, в начале 1944 года была послана на родину кавалера ордена Славы разведчика гвардии старшины Архипа Левчука.

«Гордитесь, славная мать, своим сыном-защитником! — писало командование полка Марии Ильиничне Левчук. — Шлем вам в подарок его фотографию у гвардейского Знамени части. Ему он присягал в верности Родине и клятву свою выполняет с честью».

Поощрение отличившихся принимало самые разнообразные формы. Порой имели место и случаи исключительные, как говорится, уставами не предусмотренные. Однажды, когда бои приняли позиционный харак-

тер и выдалось небольшое затишье, офицеру обратился рядовой Кременчуцкий и попросил на несколько часов дать ему отпуск, чтобы навестить семью. Его родное село находилось в нескольких километрах.

Боец с трудом узнал родные места, превращенные фашистскими извергами в руины. Вместо своего дома он увидел пепелище, а семья его ютилась у знакомых в погребе.

Вернувшись в часть, солдат поделился горем с командиром и его заместителем по политической части. Они посоветовались между собой и решили: «Кременчуцкий — хороший солдат, воюет уже не один год, с боями прошел от Волги до Правобережной Украины. Надо оказать помощь заслуженному фронтовику».

На другой же день по приказанию командира в село отправились саперы и быстро построили для семьи Кременчуцкого добротный рубленый дом.

— Это вам как поощрение за храбрость в бою, за самоотверженный ратный труд на фронте, — сказал командир рядовому Кременчуцкому перед строем бойцов.

— Заверяю вас, — взволнованно ответил красноармеец, — что буду еще усерднее нести службу и яростнее сражаться с врагом!

Забота командира о подчиненном до глубины души тронула всех однополчан.

Родина венчала храбрых бойцов и командиров орденами и медалями. Лучшие комсомольцы и молодые солдаты награждались Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ЦК комсомола Украины. Снимки героев печатались в газетах и листовках. Поэты посвящали им стихи. Славным делам отважных воинов была посвящена передвижная выставка фронтового Дома Красной Армии «Боевой путь 1-го Украинского фронта». На ней экспонировались портреты и фотографии отличившихся солдат, сержантов и офицеров. Скульптор Першудчев подготовил для выставки несколько бюстов Героев Советского Союза.

Сердечное слово командира, политработника, благодарность старшего начальника, а то и просто рукопожатие были поощрениями, воодушевлявшими воинов на новые подвиги.

Житомирско-Бердичевская операция войск 1-го Украинского фронта положила начало зимней кампании 1944 года. Вслед за нами 5 января 1944 года перешел в наступление наш сосед — 2-й Украинский фронт под командованием генерала армии И. С. Конева, а затем 3-й и 4-й Украинские фронты, возглавляемые генералами Р. Я. Малиновским и Ф. И. Толбухиным.

Наступавшие войска встречали возраставшее с каждым днем противодействие неприятеля. С 24 по 31 декабря 1943 года противник перебросил с других участков в полосу нашего фронта четыре пехотные дивизии. Но это было только начало. В первой половине января 1944 года появилось еще несколько пехотных и танковых дивизий врага.

Сосредоточив в районе Винницы и Умани крупную танковую группировку, гитлеровцы нанесли по войскам 38-й и 1-й танковой армий два контрудара. Обстановка создавалась сложная. В тот момент, когда наши передовые отряды вели бои на Южном Буге, к штабу 1-й танковой армии, находившемуся в районе Липовца, бешено рвались фашистские «тигры». На угрожаемое направление были переброшены резервные части, истребительно-противотанковые бригады, инженерные подразделения. Ожесточенные бои продолжались около двух недель.

Противник нанес контрудар и по частям 40-й армии и 5-го гвардейского танкового корпуса. Усилились контратаки на житомирском направлении и на правом крыле фронта, где 13-я армия генерала Н. П. Пухова 11 января 1944 года овладела городом Сарны и передовыми отрядами вышла к рекам Горынь и Стирь.

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий войсками 1-го Украинского фронта 15 января с разрешения Ставки приказал всем армиям и соединениям перейти к обороне и, прочно удерживая занимаемые рубежи, разбить контратакующие части противника.

Критически оценивая результаты декабрьского контрнаступления войск 1-го Украинского фронта, нельзя не заметить отдельных просчетов со стороны командующего, штаба и Военного совета, переоценивших возможности измотанных боями войск. Порой наши силы и средства расходовались по второстепенным направлениям. Может быть, поэтому на завершающем этапе опе-

рации мы остались без резервов и нам трудно было отражать контрудары врага.

В целом же декабрьское наступление, развернувшееся на огромном фронте от Полесья и почти до Винницы, принесло крупный оперативный успех. Войска 1-го Украинского фронта, отвлекшие на себя крупные силы врага и перемоловшие немало фашистских дивизий, за три недели наступления (с 24 декабря 1943 года по 14 января 1944 года) продвинулись на 100—200 километров и почти полностью освободили Киевскую, Житомирскую области и ряд районов Винницкой и Ровенской областей, в том числе города Житомир, Бердичев, Казатин, Белую Церковь, Новоград-Волынский.

Противник понес огромный урон. Наши воины подбили и уничтожили 220 немецких танков, 131 самолет, 4686 автомашин, свыше 1100 орудий, 625 минометов и захватили в плен около 7 тысяч гитлеровцев.

Войска 1-го Украинского фронта полностью ликвидировали угрозу, нависавшую над Киевом, и совместно с наступавшими войсками 2-го Украинского фронта создали реальные предпосылки для окружения и уничтожения корсунь-шевченковской группировки врага.

КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ КОТЕЛ

Корсунь-шевченковский выступ, начинавшийся от реки Днепр и господствующих Каневских высот, разъединял смежные фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов, затрудняя их совместные боевые действия. Немецко-фашистское командование не оставляло намерения при благоприятных условиях использовать этот плацдарм для удара на Киев и восстановления утраченных позиций в районе Днепра. Недаром гитлеровская пропаганда, пытаясь принизить успехи нашего наступления на житомирском направлении, продолжала бахвалиться: «Солдаты германского рейха и поныне черпают воду из Днепра».

Учитывая опасность корсуньского выступа, Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 12 января 1944 года поставила перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами задачу путем одновременных ударов под основание выступа окружить и уничтожить сосредоточенную здесь группировку противника.

В сжатые сроки, фактически почти не имея оперативной паузы, Военный совет и штаб фронта должны были в ходе непрекращавшихся напряженных боев осуществить перегруппировку войск, обеспечить доставку в части тысяч тонн снарядов, мин и бомб. Требовалось также принять пополнение, морально и политически подготовить воинов, ведущих оборонительные бои, к активным наступательным действиям против вражеской группировки, которая насчитывала в своем составе

десять дивизий, моторизованную бригаду, отдельный танковый батальон и шесть дивизионов штурмовых орудий.

Перед Корсунь-Шевченковской операцией была сформирована 6-я танковая армия. В наступлении ей отводилась заметная роль. В состав новой армии вошли 5-й гвардейский танковый корпус и 5-й механизированный корпус. К началу операции она насчитывала 152 танка и 52 самоходные артиллерийские установки (САУ).

Когда встал вопрос о том, кого назначить командующим вновь организуемой танковой армии, Военный совет 1-го Украинского фронта рекомендовал генерала А. Г. Кравченко. Николай Федорович Ватутин, знавший Кравченко еще по Юго-Западному фронту, охарактеризовал Андрея Григорьевича как решительного и энергичного военачальника, способного выполнять большие и трудные задачи. Умелый организатор боя и мастер глубокого маневра, он был одним из тех танковых командиров, кто окружал немецко-фашистскую армию под Сталинградом.

С генералом А. Г. Кравченко я не раз встречался в боевой обстановке и был согласен с характеристикой, которую дал ему генерал армии Н. Ф. Ватутин. Военный совет высоко ценил боевое умение, инициативу и опыт Андрея Григорьевича, его морально-боевые качества, и прежде всего честность и правдивость, храбрость и твердую волю. На основании нашего ходатайства генерал А. Г. Кравченко был утвержден в должности командарма.

В боевой обстановке произошло мое знакомство с вновь назначенным членом Военного совета 6-й танковой армии генерал-майором Г. Л. Туманяном. Он обладал немалым боевым опытом, находился на фронтах Отечественной войны с сорок первого года, был комиссаром полка, затем стрелкового и танкового корпусов, членом Военного совета 12-й и 46-й общевойсковых армий.

В тот день контратакующим танкам врага удалось вклиниться в нашу оборону и прорваться непосредственно к деревне, где находился штаб армии. На окраине села уже рвались снаряды, все явственнее приближалась пулеметная трескотня. В эти критические минуты

член Военного совета генерал Туманян проявил хладнокровие и распорядительность. Встретившись со мной, он кратко доложил о сложившейся обстановке и попросил разрешения немедленно выехать в расположенную поблизости танковую бригаду, чтобы в соответствии с решением командарма выдвинуть ее на угрожаемое направление. Активное вмешательство члена Военного совета ускорило выдвижение бригады. Она нанесла удар по прорвавшемуся противнику, и положение было восстановлено.

В ходе подготовки к Корсунь-Шевченковской операции на левом крыле 1-го Украинского фронта была создана ударная группировка в составе 27-й армии, части сил 40-й армии и 6-й танковой армии. Она имела задачу прорвать оборону противника на 25-километровой участке в районе Тыновки и, нанося главный удар в общем направлении на Звенигородку, к исходу третьего дня операции главными силами выйти на рубеж Тальное, Звенигородка, Лисянка, а подвижными войсками овладеть Шполой, где соединиться с подвижными войсками 2-го Украинского фронта.

24—25 января 1944 года начал наступательные действия наш левофланговый сосед — 2-й Украинский фронт. Перед наступлением войск 1-го Украинского фронта погода изменилась. Внезапно пошел дождь, зажурчали ручьи, согнавшие снега. На водоемах почернел и набух лед, а местами даже вскрылись реки. Грунтовые дороги стали непроезжими. Доставка боеприпасов и продовольствия в войска осложнилась.

Командиры, политорганы и работники войскового тыла обратились за помощью к местному населению. На подводах и волокушах, а то и просто вручную жители прифронтовых сел доставляли частям боеприпасы, под руководством армейских специалистов ремонтировали мосты, прокладывали гати, застилали хворостом крутые спуски и подъемы. Помощь местного населения трудно переоценить.

Утром 26 января на позиции противника, затянутые серой завесой тумана, обрушился артиллерийский шквал. Н. Ф. Ватутин находился на командно-наблюдательном пункте, оборудованном в районе наступления нашей ударной группировки, и лично руководил боевыми действиями левого крыла фронта.

Но прорвать немецкую оборону нам долго не удавалось. Гитлеровцы предпринимали сильные контратаки, цеплялись за каждую позицию и траншею.

Тем временем у 2-го Украинского фронта, начавшего наступление раньше нас, успех уже обозначился. Оборона противника была прорвана, и части 5-й гвардейской танковой армии генерал-полковника танковых войск П. А. Ротмистрова вышли на оперативный простор и приближались к Шполе. Командиры и политработники оповестили об этом бойцов, призвав их решительно взламывать неприятельскую оборону, прокладывать путь нашим танкистам и, завершив окружение противника, с честью выполнить приказ Родины.

Во второй половине дня некоторым соединениям 27-й армии удалось вклиниться во вражескую оборону. Командующий войсками 1-го Украинского фронта решил развить наметившийся успех и перебросил в полосу наступления 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко резервные части.

Успешно прорывала оборону противника и 6-я танковая армия, выполнявшая несколько необычную для танкистов задачу. Механизированный корпус армии имел самостоятельную полосу наступления.

И вот немецкая оборона сокрушена! Наступило утро 27 января. В рассветной мгле все яснее проступали серые холмы, перепаханные накануне артиллерией, истоптанные бросавшимися в атаки пехотинцами, измятые гусеницами боевых машин.

С гулом и грохотом двинулись танки, облепленные десантниками, загудели автомашины с орудийными расчетами и прицепленными пушками. Это двинулся в прорыв передовой отряд 6-й танковой армии под командованием генерал-майора танковых войск М. И. Савельева. В составе отряда были 233-я танковая бригада, 1228-й самоходно-артиллерийский полк, мотострелковый батальон и батарея истребительно-противотанковой артиллерии.

Генералу М. И. Савельеву было приказано не ввязываться в затяжные бои, обходить опорные пункты обороны противника и быстро двигаться на соединение с танкистами 2-го Украинского фронта.

После стремительного удара через Лисянку наш подвижной отряд ворвался в Звенигородку и в 13.00

28 января соединился с танкистами 2-го Украинского фронта. Так было замкнуто кольцо окружения вокруг десяти вражеских дивизий, одной бригады и многих специальных подразделений немецкой армии.

Враг понес огромный урон. Имели потери и наши войска. Продвигаясь вместе с передовыми частями к Звенигородке, пал в бою командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант танковых войск А. Д. Штевнев. Это был мужественный военачальник, закаленный воин, старый член партии. Военный совет был глубоко опечален потерей крупного танкового командира, опытного организатора, хорошего товарища.

Сражение под Корсунью с каждым днем ожесточалось. Военный совет 1-го Украинского фронта в своем обращении к войскам потребовал в короткий срок разгромить и уничтожить оказавшуюся в котле крупную группировку гитлеровцев.

«Доблестные боевые друзья! — говорилось в обращении Военного совета. — Окруженный, загнанный нашими войсками в ловушку враг мечется в своей предсмертной агонии, делает отчаянные попытки вырваться из окружения. Не допустим этого!

Во имя нашей Родины, во имя нашей победы призываем: стремительными и сокрушительными ударами обрушить всю мощь нашего оружия на голову врага, полностью разгромить и ликвидировать окруженную группировку противника! Действовать быстро, смело, нападать на врага внезапно, решительно дробить и уничтожать его по частям...»¹

Большой подъем среди воинов вызвал салют Москвы и приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении отличившимся частям и соединениям почетного наименования Звенигородских.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин и штаб приняли энергичные меры для создания сплошных внутреннего и внешнего фронтов окружения. 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского получила задачу действовать на внешнем фронте окружения, уничтожая немецко-фашистскую авиацию, и в первую очередь транспорт-

¹ Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны. М., Воениздат, 1968, стр. 369.

ные самолеты, на земле и в воздухе. Наши летчики установили надежную и прочную воздушную блокаду котла.

Помня о недавней катастрофе на Волге, постигшей 330-тысячную немецкую армию, гитлеровское командование с лихорадочной поспешностью пыталось деблокировать свои войска в районе Корсунь-Шевченковского. В полосе 2-го Украинского фронта эсэсовские танковые дивизии, выдвинутые из-под Кировограда, нанесли сильный контрудар. Не добившись там успеха, немецкое военное руководство перенесло главные усилия на наш участок. Но это не застало нас врасплох. Разведка установила сосредоточение севернее Умани крупных танковых сил врага. На участке 27-й армии бойцы задержали переодетого фашистского лазутчика, пробиравшегося к командовавшему окруженной группировкой немецкому генералу Штеммерману с задачей согласовать детали совместного концентрированного удара по советским войскам, намеченного Манштейном на 4 февраля 1944 года.

Вечером 2 февраля мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным и начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А. Н. Боголюбовым обсуждали эти разведывательные данные. До начала немецкого контрудара оставалось немногим более суток, а резервов поблизости не было. Как же поступить, что предпринять? Николай Федорович позвонил по ВЧ командующему 2-й воздушной армией генералу С. А. Красовскому и сообщил о серьезной угрозе, нависшей над нашими войсками, действовавшими на внешнем фронте, о сосредоточении севернее Умани крупной танковой группировки врага. Командующий фронтом приказал 2-й воздушной армии содействовать наземным частям в отражении контрудара противника и не допустить подхода его танков к окруженной группировке. Еще более прочной должна быть и блокада с воздуха.

Выслушав доклад генерала С. А. Красовского, Николай Федорович сказал:

— Я знаю, что погода не благоприятствует, и отчетливо представляю все трудности полетов в сложных метеорологических условиях. Но обстановка требует, чтобы наша авиация без промедления, завтра же нанесла удары по фашистским танкам.

Телефонный разговор с генералом С. А. Красовским командующий фронтом закончил словами: «Иного ответа от вас и не ждал. Желаю боевых успехов».

Николай Федорович положил трубку и сказал:

— Красовский заверил, что он и летчики сделают все, что в их силах и возможностях, — несмотря на плохую погоду, нанесут бомбовые и штурмовые удары по танковой группировке врага.

— А погода и в самом деле нелетная, — хмуро проговорил генерал А. Н. Боголюбов, прислушиваясь, как выюга бьет по оконным стеклам колкой крупой и в печной трубе неумолчно воет неистовый ветер.

Как мне потом рассказывал заместитель командующего 2-й воздушной армией по политчасти генерал С. Н. Ромазанов, в штабе и политотделе армии в ту ночь никто не спал. В 291, 264 и 227-й штурмовых авиадивизиях, выделенных для выполнения боевого задания, командиры и политработники, инженерно-технический состав и труженики авиационного тыла готовились к напряженному и трудному летному дню.

Под утро выюга стихла, но метеорологические условия оставались сложными. На рассвете 3 февраля группы штурмовиков поднялись в воздух и взяли курс на Гайсин и Христиновку. В районе этих населенных пунктов в перелесках и оврагах укрывались немецкие танки, сосредоточенные для контрудара по войскам нашего фронта.

Появление красnozвездных «ильюшинных» в нелетную погоду было полной неожиданностью для врага. Штурмовыми и бомбовыми ударами наша авиация вывела из строя немало фашистских танков, самоходных орудий, автомашин и бронетранспортеров. Значительны были потери гитлеровцев и в живой силе. Аэрофотосъемка подтвердила большую эффективность налетов на противника.

Одновременно 2-я воздушная армия нанесла удары и по вражеским аэродромам, уничтожив десятки боевых и транспортных самолетов, предназначенных для снабжения окруженных немецких войск боеприпасами и эвакуации гитлеровцев из котла.

Получив донесение о боевых успехах летчиков, Военный совет вечером 3 февраля направил во 2-ю воздушную армию следующую телеграмму:

«Командирам 10 иак Головня, 264 шад Клобукову, Ложечникову. Военный совет 1-го Украинского фронта удовлетворен работой летчиков ваших частей по уничтожению транспортной авиации противника 3.2.44 г. Поздравляем с победой. Объявляем благодарность всему личному составу, участвовавшему в разгроме врага.

Военный совет фронта желает больших успехов в уничтожении немецких захватчиков.

Ватутин, Крайнюков»¹.

Эффективно действовали летчики и в последующие дни. Ченастным февральским утром, когда низкая облачность, снегопад и плохая видимость, казалось, исключали полеты, наиболее подготовленные и опытные экипажи 291-й штурмовой авиадивизии генерала А. Н. Витрука поднялись на выполнение нового боевого задания.

Генерал С. Н. Ромазанов, находившийся на командном пункте, рассказывал о том, как командарм С. А. Красовский с тревогой и волнением следил за полетом в сложнейших метеорологических условиях. Определив по времени, что штурмовики миновали линию фронта и подходят к цели, генерал С. А. Красовский взял в руки микрофон и передал экипажам:

— Орлы! Родина верит вам и надеется на вас! Прямо по курсу — фашистские танки!

Выслушав краткий доклад ведущего группы о том, что цель обнаружена, генерал С. А. Красовский дал разрешение начать боевую работу по уничтожению скопления вражеских танков и автомашин.

Летчики точно вышли на цель и нанесли гитлеровцам большой урон.

Генерал С. А. Красовский не только умело руководил боевой деятельностью авиационных соединений, но и был искусным организатором политической работы, воспитателем личного состава. Один из первых комиссаров молодых авиаотрядов, Степан Акимович хорошо знал формы и методы политработы, повседневно применял их на практике, подавая тем самым достойный пример командирам дивизий и полков.

¹ Архив МО СССР, ф. 302, оп. 4196, д. 63 (мфк—1587).

Сослуживцы любили командарма Красовского за его боевые и душевные качества, умелое руководство, твердость и требовательность, отзывчивость, простоту и подлинно партийное отношение к делу.

2-я воздушная армия успешно действовала в Корсунь-Шевченковской операции, равно как и в других битвах Великой Отечественной войны.

...4 февраля 1944 года северо-западнее Звенигородки гитлеровцы нанесли по войскам нашего фронта сильный контрудар. Массированными атаками, в которых участвовало до 200 танков, противник норовил извне прорвать кольцо советских войск и деблокировать корсуньскую группировку. Одновременно и окруженные немецкие части во главе с танковой дивизией СС «Викинг» предпринимали отчаянные попытки вырваться из котла. Но тщетно! Наши войска, обогащенные опытом сталинградских боев и других сражений, не позволили врагу вырваться из кольца.

Показания военнопленных свидетельствовали о том, что окруженные под Корсунь-Шевченковским немецкие солдаты все более задумывались над своей незавидной участью, вспоминая о печальном уроке на Волге. Некоторые из них поговаривали, что надо-де жизнь спасать и сдаваться в плен, пока не поздно. Но большинство германских солдат опасалось совершить этот разумный шаг, потому что было напугано нелепыми рассказами о зверствах красных и ужасной Сибири, где их якобы ждет неминуемая смерть. Подобные клеветнические измышления о Красной Армии усиленно насаждались так называемыми офицерами по национал-социалистскому воспитанию. Создание в вермахте нацистско-пропагандистского института лишний раз подтверждало, что на огромном советско-германском фронте шли не только напряженные боевые действия, но и ни на минуту не затухала яростная идеологическая борьба, в которой полную и безраздельную победу одержала наша жизнеутверждающая и справедливая, подлинно научная коммунистическая идеология.

Важным участком политической работы являлась пропаганда среди войск противника. В ходе Отечественной войны мы приобрели в этом известный опыт.

Но трудностей пришлось преодолеть немало. Я вспоминаю, какой острый недостаток в кадрах мы испыты-

вали в начале войны, когда органы, призванные вести пропаганду среди войск противника, находились в стадии формирования и становления.

На первых порах наша пропаганда среди войск противника была малоэффективна не только из-за наших временных неудач на фронте, но также и потому, что она велась не всегда умело. На это, в частности, указывал Совет военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении Красной Армии в своем постановлении от 27 июня 1942 года.

«Фронтвая пропаганда; — говорилось в этом документе, — носит преимущественно общий, декларативный характер. В ней не учитывается подлинный морально-политический облик немецкого солдата, отравленного ядом разбойничьей фашистской идеологии и способного понять только аргументацию силы... Преобладают уговаривание и чуждые солдатам немецко-фашистской армии различные моральные доводы (совести, гуманности, справедливости и т. д.) и совсем недостаточно используется аргументация силы устрашения».

В начальные месяцы войны вся тяжесть работы по изданию листовок на войска противника падала на Главное политическое управление РККА, выпускавшее до 80 процентов всех агитационно-пропагандистских материалов. На долю же политуправлений фронтов приходилось лишь 20 процентов. Политорганы армий, корпусов, дивизий вовсе не издавали листовок. Их деятельность ограничивалась распространением материалов, присланных из Центра и написанных подчас без учета местных условий и конкретной оперативной обстановки.

А между тем фронтвая действительность все более настоятельно требовала, чтобы политорганы на местах развернули оперативное издание листовок для войск противника. Помню, 29 ноября 1941 года войска Южного фронта, в том числе 9-й армии, где я был членом Военного совета, освободили Ростов-на-Дону, крепко потрепав 1-ю немецкую армию генерала фон Клейста. Гитлеровцы поспешно бежали из Ростова, побросав в панике много орудий, минометов, автомашин, боеприпасов и оставив на произвол судьбы многих раненых. Это одно из первых и довольно крупных поражений фашистского вермахта в 1941 году ошеломило гитлеровских вояк. Немецкие солдаты недоумевали, как же случилось,

что командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Рундштедт, командующий 1-й танковой армией генерал Клейст и их многочисленные войска, покорившие Францию и другие страны Европы, оказались вдруг битыми и позорно бежали.

Мы не могли ждать, пока Главное политическое управление пришлет рассчитанную на войска противника агитационную литературу о победе советских войск под Ростовом-на-Дону. Политотдел 9-й армии, возглавляемый полковым комиссаром Б. С. Мельниковым, экстренно выпустил листовку на немецком языке о поражении гитлеровцев под Ростовом, а наши летчики разбросали эти листовки над отступавшими колоннами танковой армии фон Клейста и в полосе передовых позиций противника.

Сокрушительный разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, Курском и другие крупные успехи Советских Вооруженных Сил оказали известное влияние на моральный дух немецкого солдата. Выдающиеся победы Красной Армии придали особую убедительность нашим пропагандистским материалам для войск противника. Да и люди, занимающиеся этой необычной и нелегкой деятельностью, стали более опытными. Как правило, пропаганда велась оперативно и дифференцированно. Для солдат одна листовка, для офицеров — другая. Содержание их, как правило, увязывалось с оперативно-тактической обстановкой на фронте.

В устной и печатной пропаганде и контрпропаганде разъяснялась неизбежность поражения фашистской армии, разоблачались преступные планы гитлеровской клики. В листовках непременно проводилась четкая грань между немецким народом и Гитлером с его нацистскими приспешниками, посылавшими солдат вермахта на гибель за чуждые им интересы.

В дни Корсунь-Шевченковской операции политуправление 1-го Украинского фронта большим тиражом выпустило листовку на немецком языке, снабженную схемой окружения. В ней говорилось о том, что советские войска прочно, как на Волге, взяли в непробиваемое стальное кольцо десять дивизий и бригаду. Солдатам и офицерам противника предлагалось сделать выбор — либо сдача в плен, либо неминуемая гибель.

Наши самолеты неоднократно разбрасывали эту ли-

стовку. Ее распространяли и воины-разведчики, проникшие в тыл врага, а также отдельные военнопленные, засылаемые в окруженные части. Широкий размах приняла и устная агитация на противника с помощью мощных радиовещательных установок.

В первых числах февраля на 1-й Украинский фронт прибыли работники Главного политического управления РККА во главе с заместителем начальника ГлавПУРа генерал-лейтенантом Иосифом Васильевичем Шикиным. В это же время прибыли вице-президент национального комитета «Свободная Германия» и президент Союза немецких офицеров генерал от артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, член правления Союза немецких офицеров генерал-майор доктор Отто Корфес и другие.

Я пригласил прибывших в столовую Военного совета. За ужином завязался разговор о цели приезда столь необычных гостей. Генерал артиллерии фон Зейдлиц заявил, что он, переживший трагедию немецкой армии под Сталинградом, хочет предостеречь своих соотечественников от бессмысленных страданий. Он сообщил, что написал личные письма командиру 42-го армейского корпуса, а также знакомым ему генералам и офицерам.

В листовке с подписью-факсимиле генерала Зейдлица, распространенной среди окруженных под Корсунью немецких войск, в частности, говорилось: «Как президент Союза немецких офицеров движения «Свободная Германия», я поспешил на ваш фронт, чтобы установить лично связь с вами и показать вам единственно возможный путь из катастрофы». Листовка призывала немецких солдат и офицеров переходить на сторону национального комитета «Свободная Германия».

Как затем стало известно, гитлеровцы заочно приговорили генерала фон Зейдлица к смертной казни. Приговор зачитывался во всех дивизиях вермахта. Военнослужащих немецкой армии обязывали подписывать клятвенное обязательство: «Я не перейду на сторону армии фон Зейдлица, если окажусь в плену. В противном случае пусть меня исключат из народной общности и уничтожат мой род».

К слову сказать, никакой армии Зейдлица в природе не существовало. Но у страха, как говорят, глаза велики. Гитлеровскую клику пугало антифашистское движение в любых формах и проявлениях, в том числе

и деятельность основанного осенью 1943 года военнопленными в СССР Союза немецких офицеров, который солидаризировался с манифестом национального комитета «Свободная Германия».

Советское командование, решив избежать напрасного кровопролития, 8 февраля 1944 года предъявило немецким войскам, окруженным под Корсунь-Шевченковским, ультиматум, в котором предлагало прекратить сопротивление. В документе, подписанном представителем Ставки, координировавшим действия фронтов, Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и командующими 1-м и 2-м Украинскими фронтами генералами армии Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, всем немецким офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, гарантировались жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленного. В ультиматуме говорилось, что всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будут сохранены военная форма, знаки различия, ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу и холодное оружие.

«Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, — гласил ультиматум, — то войска Красной Армии и Воздушного Флота начнут действия по уничтожению окруженных ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесете вы»¹.

Для вручения противнику ультиматума командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин назначил парламентаром старшего помощника начальника 1-го отделения разведывательного отдела штаба фронта подполковника А. П. Савельева, переводчиком лейтенанта А. В. Смирнова и сигнальником рядового А. Р. Кузнецова. Парламентар и сопровождавшие его лица получили лично у генерала армии Н. Ф. Ватутина подробный инструктаж об их обязанностях и правах, о том, как надлежит исполнить процедуру вручения пакетов с ультиматумом командующим 42-м и 11-м немецкими армейскими корпусами.

8 февраля в 11 часов парламентар и его товарищи перешли линию фронта.

¹ «Красная звезда», 18 февраля 1944 г.

«Исходным пунктом нашего выступления был бугор, что метров 300 севернее Хировка, Стеблев. — писал подполковник А. П. Савельев в рапорте Военному совету фронта. — До переднего края обороны противника было не менее 1000 метров. Дул сильный встречно-боковой ветер... Я понял, что вряд ли при такой погоде и таком расстоянии немцы могли слышать нашу передачу через громкоговорящую установку. Приходилось надеяться на белый флаг, который был хорошо виден. Сигнала трубы первое время немцы также слышать не могли.

Как только мы прошли шагов 30—40, нас с фронта обстрелял пулемет очередью в 10—12 пуль. Мы остановились, помахали флагом, тов. Кузнецов проиграл сигнал «Внимание». Прошли еще шагов двадцать. Последовала такая же очередь. Пули просвистели буквально около нас. Я дал команду «Ложись». Мы легли в неглубокую борозду, держа флаг вверх. Через пару минут противник обстрелял нас лежащих...»¹

Группа Савельева вынуждена была сделать перебежку. Пулемет замолчал, но ружейный огонь не прекращался. Пренебрегая опасностью, наши посланцы продолжали продвигаться вперед, размахивая белым флагом. Время от времени сигналист играл «Внимание».

Наконец навстречу вышла группа немцев. Подполковнику и его спутникам завязали глаза и ломаным маршрутом повели в Стеблев. Оттуда их на машине повезли в штаб. Переговоры вел офицер, назвавшийся полковником Фукке. Он заявил, что командиров 42-го и 11-го армейских корпусов здесь якобы нет и что он является командующим сосредоточенных в данном районе войск.

А. П. Савельев сказал, что ему неясно, командующим каких войск является полковник Фукке — всех ли войск, находящихся в окружении, или же частей того участка обороны, где парламентарии перешли линию фронта?

К слову сказать, нам уже тогда было известно, что в окруженной немецкой группировке полковник Фукке командовал одним лишь стеблевским участком обороны. Вот почему на вопрос советского парламентария он прямого ответа не дал и пустился в отвлеченные и пута-

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 16, л. 37.

ные рассуждения о том, что есть, мол, различные тактические понятия термина «окружение». Однако пакет он принял и сообщил, что ультиматум советского командования будет передан в вышестоящие инстанции.

Прошло некоторое время, потребовавшееся немцам для консультации, и упомянутый полковник объявил парламентарам, что окончательный ответ будет дан на следующий день в установленное время.

«Я уточнил, — докладывал об итогах своего визита в стан врага подполковник А. П. Савельев, — каким способом будет дан ответ: так, как сказано в ультиматуме, или другим способом? Мне ответили: как сказано в ультиматуме.

...Тот же автомобиль быстро домчал нас на передний край. Было уже поздно (около 18.30). Мы спешили.

Сопровождавший нас офицер предложил развернуть белый флаг. Мы взяли друг друга под руки и, сопровождаемые с флангов солдатами, быстро пошли по шоссе в сторону нашей обороны. Офицер передал, что после того, как нам развяжут глаза, мы должны, не оглядываясь, следовать в свою сторону...

Когда мы приблизились к нашим окопам, были уже густые сумерки. Нас встретил боец с радостной улыбкой»¹.

На следующий день к 12 часам штаб генерала Штеммермана сообщил, что немецкая сторона отклоняет ультиматум советского командования. Как потом выяснилось, Гитлер требовал, чтобы окруженные под Корсунь-Шевченковским фашистские войска любой ценой удерживали позиции, клятвенно заверяя, что котел будет во что бы то ни стало деблокирован.

Об этом говорили перебежчики и пленные. Они сообщали, что с юга на помощь окруженным немцам идут пять танковых дивизий, в том числе танковая дивизия СС «Адольф Гитлер».

Руководству фронта было ясно, что фашистские генералы и офицеры постараются всячески скрыть от немецких солдат сам факт окружения и содержание советского ультиматума, имеющего в своей основе гуманитарные предложения. Военный совет фронта обязал полит-

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 16, л. 37.

управление напечатать текст ультиматума советского командования на немецком языке и в большом количестве распространить эту листовку среди окруженных войск противника.

После того как ультиматум был отклонен, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов усилили боевые действия по уничтожению окруженной группировки врага, обрушив на нее всю мощь артиллерийско-минометного огня, бомбовые и штурмовые удары с воздуха.

С каждым днем бои принимали все более ожесточенный характер. Стянув под Корсунь-Шевченковский крупные силы, германское командование пыталось непременно деблокировать котел и тем самым хотя бы в какой-то мере спасти подмоченный на Волге свой политический и военный престиж.

«Можете положиться на меня, как на каменную стену, — самоуверенно заявлял Гитлер в радиোগрамме, направленной командующему окруженными войсками генералу Штеммерману. — Вы будете освобождены от котла. А пока держитесь».

Как только штаб генерала Штеммермана отклонил ультиматум советского командования, почти одновременно три немецкие танковые дивизии, сосредоточенные на узком участке фронта, нанесли массированный таранный удар из района Буки, Ризино в общем направлении на Шубенный Стан, Шандеровка. Это наступление извне было согласовано со встречными атаками вражеских частей, находившихся в котле. Окруженные гитлеровцы с отчаянием обреченных бросались на позиции 27-й армии генерала С. Г. Трофименко, уплотнившей внутренний фронт окружения.

Еще более напряженный характер приняли бои на внешнем обводе, где бешеные атаки фашистов отбивали части 6-й танковой армии генерала А. Г. Кравченко. Ей вовремя пришла подмога. Когда создалась особенно грудная обстановка и превосходящим силам противника удалось немного вклиниться в наши боевые порядки, Ставка Верховного Главнокомандования разрешила ввести в сражение находившуюся в резерве 2-ю танковую армию (командующий генерал-лейтенант танковых войск С. И. Богданов, член Военного совета генерал-майор танковых войск П. М. Латышев). Совершив в течение суток 120-километровый марш, соединения армии

выдвинулись из района Липовца на опасный участок. Некоторые части с ходу вступили в бой с врагом.

Фланговый удар соединений 2-й танковой армии по прорвавшейся группировке охладил пыл гитлеровцев. Более того, в районе Ботылевка, Виноград наши войска дополнительно создали малый котел, окружив и почти полностью уничтожив 16-ю немецкую танковую дивизию. Фашистские войска были повсеместно остановлены и на ряде участков отброшены в исходное положение.

Решив познакомиться с руководством армии, переданной фронту из резерва Ставки, я прибыл на командно-наблюдательный пункт генерала С. И. Богданова. Командарма я не застал, но зато повстречал генерала П. М. Латышева. Он был моим хорошим товарищем и однокашником по Военно-политической академии имени В. И. Ленина, которую мы окончили в 1934 году. С тех пор я не видел Латышева, и теперь, конечно, встреча была сердечной.

Мне довелось видеть Петра Матвеевича в сложной боевой обстановке, и я убедился, что в лице генерала Латышева армия имеет опытного политработника, храброго воина, стойкого коммуниста и искусного воспитателя солдат и офицеров.

О командарме С. И. Богданове П. М. Латышев отзывался так:

— Семен Ильич — выходец из семьи рабочего-путиловца. В Красной Армии он с первого дня ее основания. Участник трех войн. В любой обстановке действует смело и решительно, умеет дерзко и стремительно наступать и стойко защищать свои рубежи.

На участок, обороняемый 2-й и 6-й танковыми армиями, гитлеровцы наступали крупными силами. В районе Ризино, как отмечала разведка, сосредоточивались все новые и новые фашистские танковые части. Противник, словно ослепленный яростью буйвол, ломился напролом. Немецкое командование решило не только деблокировать окруженную группировку, но и одновременно взять в танковые клещи и окружить в районе Лисянки наши части. Кроме главного удара, наносившегося из района Ризино на Лисянку, гитлеровцы рвались к этому населенному пункту и в полосе соседа, наступая из района Ерки.

11 и 12 февраля 1944 года бои достигли наивысшего

накала. Из района Ризино, Черемиское, Тарасовка 160 танков противника с мотопехотой возобновили наступление в общем направлении на Лисянку и ценой больших потерь вклинились в нашу оборону. Навстречу рвались окруженные немецкие части. Расстояние между наступавшей извне танковой группировкой и котлом сократилось до 12 километров. Но уже чувствовалось, что противник выдыхается, что он понес огромнейшие потери.

В целях срыва вражеского замысла командующий войсками 1-го Украинского фронта принял ряд мер. В оперативном отношении он временно подчинил командующему 27-й армией генералу С. Г. Трофименко войска 6-й танковой армии. В районе Лисянка, Дашуковка, Чесноковка сосредоточивались части 2-й танковой армии. На рубеже Хижинцы, Джуренцы разворачивалась 202-я стрелковая дивизия. Туда же перебрасывалась одна полностью укомплектованная бригада из 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова. Словом, делалось все возможное, чтобы остановленный враг и в дальнейшем не смог продвинуться. Боевая сила, помноженная на мужество и стойкость наших воинов, перечеркнула авантюристические планы гитлеровцев.

Наши войска преодолели кризисное состояние и выдержали натиск врага. В полосе 1-го Украинского фронта обескровленный враг был остановлен. По всему было видно, что окончательная ликвидация окруженной группировки является делом нескольких дней.

Неожиданно для нас в адрес командующего 1-м Украинским фронтом поступила директива Ставки Верховного Главнокомандования № 220022 от 12 февраля 1944 года. В ней говорилось:

«1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202-й стрелковых дивизий, 54-го, 159-го укрепленных районов и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 г. в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом».

В директиве указывалось, что снабжение взятой у нас 27-й армии оставить за 1-м Украинским фронтом;

командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

Откровенно говоря, мы были тогда в недоумении. Лишь много лет спустя Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях несколько приоткрыл завесу и в какой-то мере разъяснил суть этой истории. Маршал Жуков, координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, так, например, рассказывает о проходившем 12 февраля 1944 года разговоре по ВЧ с И. В. Сталиным:

«...Верховный сказал:

— Мне сейчас доложили, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Шандеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю.

— Проверьте и доложите.

Я тут же позвонил Н. Ф. Ватутину и выяснил: противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три, занял Хилки, но был остановлен.

Переговорив с Н. Ф. Ватутиным о принятии дополнительных мер, я позвонил Верховному и доложил ему то, что мне было известно из сообщения Н. Ф. Ватутина.

И. В. Сталин сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

— Окончательное уничтожение группы противника, находящейся в котле, — ответил я, — дело трех-четырех дней. Передача управления войсками 27-й армии 1-го Украинского фронта может затянуть ход операции.

— Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 60-й армий в районе Ровно—Луцк—Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва ударной группы противника на внешнем фронте района Лисянки. Все...

Н. Ф. Ватутин был очень впечатлительный человек. Получив директиву, он тотчас же позвонил мне и, полагая, что я был инициатором этого перемещения, с обидой сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

— Николай Федорович, это приказ Верховного, а мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Н. Ф. Ватутин ответил:

— Слушаю, приказ будет выполнен»¹.

В завершающие дни операции войска нашего левого крыла продолжали вести невероятно трудную борьбу на внешнем обводе, сдерживая бешеный натиск танковых дивизий врага.

Формально отключенные от боевых действий по ликвидации окруженной группировки противника, войска 1-го Украинского фронта продолжали активно вести бои. К этому порой вынуждала и сложившаяся обстановка. В ночь на 17 февраля, когда всю разгулялась выюга, гитлеровцы предприняли последнюю отчаянную попытку вырваться из котла. Большими пехотными колоннами они повели атаки на позиции 27-й армии, подчиненной теперь 2-му Украинскому фронту. На участке Хилки, Комаровка ряд немецких подразделений, а также отдельных групп противника к 9 часам утра прорвались в рощу севернее Почапинцы. Но здесь их перехватили войска 1-го Украинского фронта, довершая уничтожение и пленение врага.

18 февраля 1944 года столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 2-го Украинского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. О 1-м Украинском фронте в приказе Верховного Главнокомандующего не было сказано ничего.

Выслушав приказ по радио, мы — командующий и члены Военного совета фронта — огорчились. Нам тогда казалось, что кто-то не совсем объективно доложил Вер-

¹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., изд. АПН, 1969, стр. 537—539.

ховному Главнокомандующему о вкладе войск нашего фронта в данной операции. Немного успокоившись, Н. Ф. Ватутин сказал:

— Главное — разбить врага, а историки потом разберутся во всем.

Начиная с 26 января и по 19 февраля 1944 года войска 1-го Украинского фронта принимали самое непосредственное участие в окружении, разгроме и уничтожении корсунь-шевченковской группировки противника. Наши войска решали эту задачу сообща, во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом. Не умаляя заслуг и ратных дел соседа, штаб 1-го Украинского фронта подготовил в Ставку подробный отчет о боевой деятельности наших войск в Корсунь-Шевченковской операции.

20 февраля 1944 года командующий фронтом направил в Ставку следующее донесение:

«Москва. Тов. Иванову¹.

Докладываю:

1. В период 1—19 февраля войска 6 и 2 ТА и 104 ск 40 А в результате ожесточенных боев разбили ударную танковую группировку противника, наступающую в северо-восточном направлении на Шубенный Стан, Шандеровка, и отбили все атаки окруженной его группировки в юго-западном направлении, не допустив, таким образом, соединения этих двух групп противника.

2. За этот период войсками 6, 2 и 27 А (до перехода ее в подчинение 2-му Украинскому фронту) противнику нанесены тяжелые потери в технике и живой силе, уничтожено:

танков и самоходных орудий	— 521
минометов	более 250
пулеметов	— 250
винтовок и автоматов	до 2500
автомашин	до 1700
самолетов	— 320.

На поле боя осталось до 30 тысяч солдат и офицеров. В овраге 1,5 км севернее Петровка найден групп командующего 11 ак генерала артиллерии Вильгельма Штеммермана.

¹ Псевдоним И. В. Сталина.

Захвачено 3200 пленных и трофеев:

танков и самоходных орудий	— 60
орудий разного калибра	— 70
бронетранспортеров	— 40
минометов	— 156
пулеметов	— 241
повозок с грузами	— 560
складов	— 9» ¹ .

Таковы исторические факты. По поводу того, что 1-й Украинский фронт не был упомянут в приказе Верховного Главнокомандующего, представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, хорошо знакомый с обстоятельствами дела, впоследствии прямо и откровенно признал:

«Я думаю, что это была ошибка Ставки.

Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглавляемые Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, сражались превосходно»².

Этим авторитетным высказыванием маршал Г. К. Жуков восстановил историческую справедливость и воздал должное войскам 1-го Украинского фронта, принимавшим участие в уничтожении окруженной группировки противника.

Ликвидация корсунь-шевченковского выступа коренным образом изменила обстановку на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов, создав благоприятные условия для последующих наступательных операций в целях полного освобождения всей Советской Украины.

Почти одновременно с Корсунь-Шевченковской операцией началась и Ровенско-Луцкая, отличавшаяся известным своеобразием. Командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин и штаб довольно искусно и оригинально разработали маневр подвижных войск, завершавшийся глубоким охватом ровенской группировки противника. Как преду-

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 986, л. 86.

² Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 539.

смаатривал план операции, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса, выйдя на вражеские тылы, должны были внезапно повернуть на юго-запад и, не форсируя вскрывшихся из-за оттепели рек, двигаться по-над Горыню и Стырю. Маневр кавалерийских соединений сочетался с фронтальным ударом войск 13-й и 60-й армий.

Изучая противника, анализируя разведывательные данные, Военный совет довольно точно определил наиболее слабое место в немецкой обороне. Это был лесисто-болотистый участок западнее Сарны, где гитлеровцы не имели сплошного фронта. Планируя наступление на этом участке, командующий и штаб фронта учитывали, что противник не сможет подкрепить свою ровенскую группировку резервами, так как значительные силы его скованы под Корсунь-Шевченковским.

Цель Ровенско-Луцкой операции заключалась в том, чтобы, освободив район Луцка и Ровно, занять выгодное охватывающее положение для последующего удара во фланг немецкой группе армий «Юг», а также сковать неприятеля и не допустить переброски фашистских войск из района Ровно, Шепетовка в район Корсунь-Шевченковский.

Ровенско-Луцкая операция, пожалуй, более чем другая, характерна согласованными действиями регулярных войск и партизан. Военный совет фронта поставил через Украинский штаб партизанского движения конкретные боевые задачи каждому соединению и отряду, действовавшему на Волыни и Ровениине. А их было более тридцати, в том числе и крупные соединения В. А. Бегмы, М. И. Наумова, Д. Н. Медведева, А. Ф. Федорова и других прославленных командиров.

Партизаны с боем заняли районный центр Рафаловка, Колки, город Острог, разгромили несколько гарнизонов противника. Дерзкими диверсионными действиями они навели панику среди гитлеровцев в Ровно и парализовали их важнейшие коммуникации.

Ровенско-Луцкая операция началась 27 января 1944 года, на два дня позднее Корсунь-Шевченковский. Уже в первый день наступления войска 13-й армии под командованием генерала Н. П. Пухова и 60-й армии генерала И. Д. Черняховского преодолели оборону немцев на реке Горынь и продвинулись на 5—12 километров,

а передовые части 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских корпусов достигли реки Стырь.

Перед вводом 1-го гвардейского кавкорпуса в сражение я связался с командиром этого соединения генералом В. К. Барановым и пожелал конникам боевых успехов.

— Вам повезло, Виктор Кириллович, — заметил я, — родные места будете освобождать, а дома, как говорят, и стены помогают.

В сентябре 1939 года, когда земли Западной Украины воссоединялись с Советской Родиной, кавкорпус участвовал в освободительном походе Красной Армии. Затем части корпуса продолжительное время квартировали в Ровно, Жолкеве и во Львове. И вот теперь гвардейцы-кавалеристы шли по тем самым лесам и болотам, где генерал В. К. Баранов и другие командиры в предвоенные годы проводили тактические учения и совершали марши, готовясь к боевым испытаниям.

Путь оказался неимоверно тяжелым. Кавалеристы шли по непролазной грязи, топким болотам. Транспорт с боеприпасами и грузами отставал, и гвардейцы подчас двигались в пешем строю, по пояс в ледяной воде, неся на себе пулеметы, минометы и боеприпасы.

По приказанию командующего войсками фронта летчики оказали помощь кавалеристам, действовавшим в тылу врага, перебросив им по воздуху боеприпасы и продовольствие. Вовремя получив поддержку, кавалеристы, вышедшие на оперативный простор, разгромили пехотный полк СС «Львов», боевую группу СС полковника Брюссинга и другие части врага.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин, руководивший боями под Корсунь-Шевченковским, поддерживал постоянную связь по прямому проводу и радио с генералами Н. П. Пуховым и И. Д. Черняховским, активно влияя на ход операции, в разработку которой он вложил много труда.

На правом крыле фронта у нас действовала довольно мощная группировка. 13-я и 60-я армии имели в своем составе 19 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпуса. Главный удар наносила 13-я армия. Военный совет и политотдел этого объединения многое сделали для того, чтобы политически и морально подготовить бойцов и командиров к завоеванию победы над сильным и коварным противником.

В дни подготовки к операции войска учились боевым действиям в лесисто-болотистой местности, отрабатывали приемы форсирования водных преград с ходу. Ведь войскам армии предстояло в сложных условиях распутицы и половодья переправиться через реки Горынь, Иква, Стырь и другие.

Политотдел 13-й армии выпустил листовки «Преодолейте водные преграды, как мужественные воины офицеров Казаряна и Гудзя», «Бейте врага так, как уничтожают его гвардейцы Кузнецова и Чиркова».

Начальник политотдела полковник Н. Ф. Воронов докладывал, что перед началом операции Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы и другие бывалые воины передавали свой богатый опыт молодым солдатам. А им было что рассказать. Ведь 13-я армия одной из первых преодолела Днепр и Десну.

Дом Красной Армии организовал передвижные художественные выставки. На фотографиях, схемах и картах были отображены операции по освобождению Чернигова, Овруча, Новоград-Волынского, форсированию крупных водных преград.

Перед политорганами 13-й и 60-й армий стояли еще и особые задачи. Военный совет 1-го Украинского фронта располагал точными сведениями о том, что в зоне Полесья замечена концентрация украинских националистических банд, в том числе и петлюровского охвостья, находившихся на услужении гитлеровцев. Требовались постоянная бдительность и высокая боевая готовность. Важно было до конца разоблачить демагогические измышления националистов, разъяснить воинам, особенно призывникам из освобожденных районов Украины, политическую сущность террористически-диверсионной шайки фашизма, черное предательство и продажность этого антисоветского сброда.

Вместе с разбитыми гитлеровцами бандиты бродили, словно затравленные волки, по лесам, укрываясь от людей в чащобах, ярах и схоронах. Подло, из-за угла стреляли они в наших солдат и офицеров, предавали огню мирные села, грабили и терроризировали местное население, разбрасывали листовки, наполненные желчью и ядовитой клеветой на Советскую власть и Красную Армию.

По ночам над лесами летали фашистские «юнкеры» и не раз на парашютах сбрасывали разбойным шайкам

оружие, боеприпасы, офицеров-инструкторов и разведчиков. Наша служба радиоперехвата неоднократно засекала оживленный радиообмен между гитлеровским командованием и главарями украинских националистов. Как-то в феврале 1944 года радисты перехватили сигнал.

— Внимание! — передавали фашисты бандеровцам. — Следите, выпускаем четырех «кошек».

Речь шла о засылке в наш тыл вражеских разведчиков. Изловив пресловутых «кошек», наши воины разгромили и националистическую банду.

Советскому командованию были известны данные о контактах черной своры предателей с гестаповцами. Эти подлые нуды обязались передавать немцам сообщения военного характера, вредить в нашем тылу, организовывать всяческий саботаж.

Обращение Президиума Верховного Совета и СНК УССР, опубликованное в феврале 1944 года, разоблачало предательство украинско-немецких националистов и их вожakov, открывало глаза тем, кто случайно попал в банды, был вовлечен туда обманном путем или же насильственно мобилизован. Тем лицам, которые честно и решительно порвут всякие связи с ними, правительство Советской Украины гарантировало полное прощение ошибок и заблуждений.

Этот важный документ мы напечатали во фронтовой газете на украинском языке «За честь Батьківщини», издали отдельной листовкой и распространили ее по городам, селам и лесам прифронтовой полосы. Обращение правительства Советской Украины вызвало разброд в рядах украинско-немецких националистов.

Войска 1-го Украинского фронта, ведя ожесточенную борьбу с гитлеровцами, одновременно громили и националистическое охвостье.

Развивая наступление в труднейших погодных условиях, продвигаясь по лесисто-болотистой местности, части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в ночь на 2 февраля 1944 года с ходу ворвались в Луцк и к утру решительной атакой овладели городом.

В начале февраля упорная борьба разгорелась и за Ровно. 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерала С. В. Соколова, овладев Клеванью, затем нанес удар в трех направлениях — на Ровно, Дубно, Здолбунов. Над

противником нависла угроза окружения. 2 февраля стрелковые части 13-й армии во взаимодействии с кавалеристами освободили крупный областной центр Украины город Ровно. По приказу Гитлера под суд был отдан немецкий комендант Ровно. Однако он сумел свалить вину на других, и к смертной казни приговорили одного из свидетелей на суде — командира немецкой дивизии, действовавшей под Ровно. Но потом и его решили помиловать, ибо главным «виновником» сокрушительного поражения гитлеровцев являлась наша славная и победоносная Красная Армия.

Войска правого крыла 1-го Украинского фронта разгромили ровенскую группировку врага. И хотя эта операция по своим масштабам не считалась крупной, она являлась прелюдией к будущему большому наступлению наших войск. А вот древнюю крепость Дубно с ходу взять не удалось. Бои разгорелись и под Шепетовкой. Войска 60-й армии генерала И. Д. Черняховского, освободившие Славуту и другие населенные пункты, после перегруппировки и дополнительной подготовки овладели Шепетовкой лишь 11 февраля.

В результате Ровенско-Луцкой операции наши войска преодолели трудно проходимый район Полесья и вышли на выгодные рубежи, еще более нависая над северным флангом группы немецко-фашистских армий «Юг».

Прочно удерживая стратегическую инициативу в своих руках, советское командование не прекращало наступательных действий. Доблестные войска все более наращивали удары по врагу, уничтожая его живую силу и технику, решительно изгоняя немецко-фашистских захватчиков с оккупированной ими территории.

...Строптивый февраль, пошумев метелями, внезапно, за какие-нибудь сутки, растопил снега, расквасил дороги. Сырой, пронизывающий ветер шумел ветвями оголенных деревьев, гудел в проводах. Наша машина с надрывным стоном карабкалась на осклизлые пригорки, перемешивала колесами топкую грязь в низинах и, выбравшись наконец на большак, бойко запрыгала по булыжной мостовой.

Генерал Н. Ф. Ватутин и я возвращались из района боев в штаб фронта. Различив в синих сумерках плотную коренастую фигуру командующего, часовой встре-

пенулся, взял автомат на караул. Николай Федорович с усилием открыл набухшую дверь в хату и сказал мне:

— Заходи, Константин Васильевич, посидим...

Снимая бекешу, он добавил:

— Надо прикинуть, что дальше будем делать. Заглянуть вперед...

Время уже перевалило за полночь, а я, забыв про сон и усталость, продолжал слушать рассказ командующего о рождавшемся оперативном замысле. Николай Федорович говорил, что выход войск 13-й и 60-й армий на рубеж Луцк, Млинов, Изяслав открывает большие перспективы. Я глядел то на карту, то на вдохновенное лицо Ватутина, обычно сдержанного в своих чувствах человека, и мысленно представлял себе советские войска, приближающиеся к государственной границе СССР.

Н. Ф. Ватутин всегда работал с подъемом и творческим напряжением. Это был необыкновенный трудолюбец. Даже когда все дела, казалось, уже переделаны, все донесения и сводки прочитаны, все приказы и распоряжения подписаны, все люди, пришедшие на прием, выслушаны, — он и тогда находил себе дело.

А вот для досуга выкроить время не мог. Этого мало отдыхающего человека я как-то затащил на концерт Украинского ансамбля песни и пляски, прошедшего с нашим фронтом большой боевой путь.

Девушки, одетые в яркие красочные национальные костюмы, весело, задорно запели украинскую народную песню «Ой ходила дивчина бережком». И в такт песне, легко и плавно, словно не касаясь земли, танцевала артистка Вишневая, которую на фронте любовно называли Вишенкой.

На смену украинской песне пришла русская. Тихо и грустно наигрывал баянист. Негромко слышались голоса:

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубится в заревах туман,
Там лежит, эх, там лежит убитый,
Там схоронен красный партизан.

Песня произвела на Николая Федоровича большое впечатление. Концертом командующий остался доволен. Он похвалил артистов. А когда выходили из сельского клуба, неожиданно сказал:

— Зайдем ко мне, Константин Васильевич. Одна заманчивая мысль не дает покоя...

Я догадывался, что речь пойдет о предстоящей наступательной операции на проскуровско-черновицком направлении, которая готовилась в соответствии с директивой Ставки от 18 февраля 1944 года.

Обладая широким оперативно-стратегическим кругозором, Николай Федорович Ватутин никогда не пренебрегал опытом и знаниями других. С планами и замыслами он непременно знакомил всех членов Военного совета, просил обдумать проект и высказать свою точку зрения. Мы, члены Военного совета и другие работники фронта, часто собирались в кабинете командующего и по-товарищески, вполне откровенно беседовали о ходе боевых действий и новых планах. Временами горячо спорили. В деловых, принципиальных спорах проверялась и оттачивалась мысль, рождалась истина, вырабатывалось правильное решение.

А когда решение обретало форму директивы или приказа, командующий войсками фронта становился тверд и непреклонен. Всю энергию и волю, все свои усилия он направлял на то, чтобы вырвать у врага победу.

Вместе с тем Н. Ф. Ватутин был простым и душевным человеком. Никогда не выпячивал себя, не любил, как он говорил, яканья, не бахвалился своими ратными делами.

Оперативные замыслы генерала Н. Ф. Ватутина, как и замыслы любого советского военачальника, разрабатывались на основе марксистско-ленинской теории о войне и армии. При этом учитывались, разумеется, специфика и особенности операции. Несмотря на трудности фронтовой жизни и огромную занятость, Николай Федорович неоднократно обращался к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, а также к произведениям видных советских военных теоретиков. Как-то зашел я к нему поздно вечером. Ватутин сидел за рабочим столом и держал в руках уже знакомый мне томик Сочинений М. В. Фрунзе.

— Сколько бы я ни читал эту книгу, — сказал Николай Федорович, — всякий раз нахожу в ней все новые и новые полезные советы. Фрунзе глубоко мыслил и неустанно заботился о том, чтобы крепла Красная Ар-

мия, чтобы во главе наших войск стояли умные, образованные, хорошо знающие военное дело кадры.

— Вот послушай, что Михаил Васильевич рекомендовал нашим академикам, нашим командирам, — продолжал Н. Ф. Ватутин: — «Только тот из вас, кто будет чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа, вынесенного из стен академии, кто будет стремиться к расширению своего кругозора, к пополнению своего теоретического и практического багажа, только тот не только не отстанет в войне, но будет идти впереди и, быть может, поведет за собой десятки и сотни других людей»¹.

Переложив страничку тонкой бумажкой, Николай Федорович откинулся на спинку стула и задумчиво произнес:

— Метко сказано. Это надо постоянно напоминать нашим командирам. Тогда и зазнайства будет меньше. А то иной выиграет бой, операцию и уже чванится, нос задирает и думает, что достиг вершин военного искусства.

Ватутин встал, прошелся по хате, потом продолжал:

— Скажи мне, Константин Васильевич, откуда у некоторых офицеров берется проклятое зазнайство? Убежден, что оно исходит от себялюбия и недостатка культуры. Зазнайство — штука опасная. Вспомни, к примеру, печальную историю с Житомиром. Почему мы в ноябре отдали его врагу? Потому что зазнались, самоуспокоились.

Разговор затянулся за полночь. Николай Федорович перебирал в памяти прошлое, много говорил о том, какие нам нужны знания, чтобы умело бить врага, что нынешняя война, даже отдельный бой и операция требуют новаторского подхода, широкого применения не только личного опыта, но и опыта всей армии.

Потом Ватутин спохватился и продолжал:

— Да, чуть не забыл зачитать тебе еще одно очень интересное суждение Фрунзе, имеющее отношение ко всем командным кадрам, а к политработникам особенно. Послушай: «Сохранит ли в будущем политическая

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., Воениздат, 1965, стр. 171.

работа в армии то место, которое она имела в минувшей гражданской войне? Я отвечаю категорически: несомненно «да». ...Политработа целиком сохранит свое место и значение. Она по-прежнему будет являться новым, добавочным родом оружия, страшным для всякого из наших врагов»¹.

Высказывание М. В. Фрунзе о роли политработы в армии я хорошо знал. Но мне вдвойне было приятно, что на этих словах акцентировал свое внимание и командующий войсками фронта, высоко ценивший политработу. Генерал армии Н. Ф. Ватутин всегда учитывал замечательные морально-боевые качества советского воина. Он знал, что когда волей к победе проникнуты все, от генералов до рядовых, то никакие преграды не сдержат неукротимого порыва наших войск.

Затем был продолжен разговор о подготовке Проскуровско-Черновицкой операции.

Николай Федорович рассказал мне о своих предварительных разработках, подготовленных в результате многодневных размышлений. Замысел операции 1-го Украинского фронта заключался в том, чтобы мощными ударами на ряде направлений раздробить вражескую оборону на части, затем порознь уничтожать противостоявшего нам противника.

Главный удар с фронта Торговица, Шепетовка, Любар в общем направлении на Тернополь, Чертков должен был наноситься силами трех общевойсковых армий (13, 60, 1-й гвардейской) и двумя танковыми (3-й гвардейской и 4-й). Обеспечение ударной группировки слева возлагалось на 18-ю и 38-ю армии.

В набросках нового оперативного плана была ярко выражена идея удара по крупной группировке неприятельских войск.

Спустя некоторое время мы обсудили план предстоящей операции на Военном совете фронта. Ставка утвердила наш план. В соответствии с этим мы сосредоточили все внимание на том, чтобы быстро и скрытно осуществить перегруппировку частей и соединений, всесторонне подготовить весеннее наступление.

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 148.

29 февраля 1944 года мы с Николаем Федоровичем Ватутиным поехали в штаб 13-й армии, находившийся в Ровно. Командующий войсками фронта решил ознакомить руководящий состав армии с планом предстоящей операции, уточнить задачу армии и проверить готовность войск к наступлению.

На совещании присутствовали командующий 13-й армией генерал-лейтенант Н. П. Пухов, член Военного совета генерал-майор М. А. Козлов, начальник политотдела армии полковник Н. Ф. Воронов, начальник штаба генерал-лейтенант Г. К. Маландин, командир 25-го танкового корпуса генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин, командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор В. К. Баранов, командир 6-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал С. В. Соколов и другие.

В своем выступлении перед руководящим составом армии Н. Ф. Ватутин подчеркнул, что мартовская наступательная операция преследует цель разгромить группировку немцев в районе Кременец, Староконстантинов, Тернополь и овладеть рубежом Коселин, Горохов, Радзехув, Красне, Золочев, Тернополь, Проскуров, Хмельник. В дальнейшем войска фронта наносят удар в общем направлении на Чертков с целью отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее реки Днестр. Главный удар планировалось нанести с фронта Торговица, Шепетовка, Любар силами 13, 60, 1-й гвардейской армий и 3-й гвардейской и 4-й танковых армий.

Генерал Ватутин дал указание командарму Н. П. Пухову не атаковать Дубно с фронта, а обходить его с северо-запада и юго-востока. Он подчеркнул, что не стоит идти на противника в лоб, надо обходить его опорные пункты, используя слабые места в обороне.

Командующий фронтом напомнил, что кроме танкового корпуса 13-й армии приданы два кавалерийских корпуса. При этом он заметил, что в лесной местности коннице легче маневрировать, нежели танкам.

Н. Ф. Ватутин особое внимание уделил вопросам взаимодействия, связи и управления войсками. Он лично проверил, как в 13-й армии налажено взаимодействие между наземными войсками и авиацией, между пехотой, артиллерией и танками.

— Вашей армии надлежит не только нанести удар в направлении на Броды, — сказал в заключение генерал Н. Ф. Ватутин, — но и надежно прикрыть фланг фронта, обеспечить справа нашу главную ударную группировку.

Из Ровно мы уезжали, находясь под впечатлением встречи с командованием 13-й армии. Н. Ф. Ватутин отметил, что Пухов — мыслящий, опытный военачальник. Еще в первую мировую войну в прапорщиках ходил. Боевую закалку получил в годы гражданской войны, а в мирное время занимался и работал в военно-учебных заведениях Красной Армии.

Генерал Н. П. Пухов хорошо знал свою армию и бессменно командовал ею с 3 января 1942 года. Во главе штаба армии стоял образованный и талантливый генерал Г. К. Маландин, имевший за плечами опыт работы в Генеральном штабе. Ветераном 13-й армии по праву считался и член Военного совета генерал М. А. Козлов, опытный кадровый политработник. В срок первом году он некоторое время занимал пост начальника политуправления вновь образованного Центрального фронта, затем был назначен членом Военного совета 13-й армии и всю войну находился на этой ответственной должности. Весь руководящий состав армии трудился слаженно, сплоченно, добиваясь общего успеха.

Коротая время в разговорах, мы ехали по Ровенскому шоссе, направляясь в Славуту, в штаб 60-й армии. Заметив проселочную дорогу, Н. Ф. Ватутин сказал:

— А зачем нам, собственно, делать крюк по шоссе? Этот проселок тоже ведет в Славуту. Здесь всего каких-нибудь двадцать пять километров. Черняховский, наверное, заждался нас. Давайте не будем делать объезд через Новоград-Волынский.

Мы свернули. Дорога петляла по лощинам и буеракам, мимо маленьких рощиц. Проехали одно село, другое. Нигде ни души, словно все вымерло. И вдруг послышалась стрельба. Машина с охраной, въехавшая было на окраину села Милятин, быстро дала задний ход. Порученец командующего полковник Н. И. Селиков взволнованно выкрикнул:

— Там бандеровская засада! Бандиты обстреляли машину и теперь наступают на нас.

— Все к бою! — выйдя из машины, командовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь.

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было немало, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков.

Обстрел все более усиливался. Факелом вспыхнул легковой автомобиль командующего, подожженный зажигательными пулями. Затем запылала и другая машина.

Бандеровцы приближались. Наши автоматчики, занявшие позицию в глубоком придорожном кювете, открыли огонь. Заговорил и пулемет. Длинной очередью ударил по врагу находившийся возле нас рядовой Михаил Хабибулин. Организованный отпор охладил пыл бандитов. Они залегли и в атаку поднимались уже менее уверенно.

Я посоветовал Николаю Федоровичу взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Он наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов на произвол судьбы, а портфель приказал вынести офицеру штаба, дав ему в сопровождение одного автоматчика. Когда офицер замялся в нерешительности, генерал Ватутин настойчиво повторил:

— Выполняйте приказ!

Офицер и автоматчик, скрытно пробираясь по кювету, двинулись к лесочку.

Положение усложнилось. На фоне закатного неба было отчетливо видно, как перебежками подбираются бандиты, намереваясь охватить нас с двух сторон.

Бой продолжался. Во время перестрелки генерал армии Н. Ф. Ватутин был тяжело ранен. Мы бросились к командующему и положили его в уцелевший газик. Под обстрелом врага открытая машина проехала немного и остановилась. Видимо, был поврежден мотор. Тогда мы понесли Николая Федоровича на руках, спеша доставить его в укрытие. А охрана продолжала вести бой.

Навстречу нам показались сани с парой лошадей. Мы остановили возницу и положили в сани командующего. Перевязав наскоро его кровоточащую рану, тро-

нулись в путь по направлению к Ровенскому шоссе. Притомившиеся кони едва тащились по проселочной дороге, подбрасывая сани на бесчисленных ухабах. Николай Федорович, крепившийся до последней возможности, морщился от жгучей боли. Пола его простреленной бекеши намокла от крови. Генерал слабел, у него появился болезненный озноб.

Наконец мы выбрались на Ровенское шоссе. В одной из хат, прилепившихся возле дороги, нашли военного врача. Он оказал Николаю Федоровичу первую помощь. Затем снова двинулись в путь и вскоре встретили машины с пехотой, высланные нам на выручку командующим 13-й армией. О чрезвычайном происшествии ему, оказывается, доложил офицер штаба, вынесший портфель с документами. Колонну замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович был доставлен в Ровно, где ему тотчас сделали операцию.

Обо всем случившемся я немедленно доложил по ВЧ Верховному Главнокомандующему. Сталин с укоризной сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы беспечно разъезжаете по фронту, не взяв даже надежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба 13-й армии следующее письменное донесение:

«Товарищу Сталину.

Докладаваю о происшествии с генералом армии тов. Ватутиным.

29.2.44 года, возвращаясь из штаба 13-й армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и с личной охраной в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде на северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов численностью 300—350 человек.

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости.

По предварительному заключению хирурга 13-й армии, ранение относится к категории тяжелых, требующее лечения минимум два месяца.

К оказанию мед. помощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в 506-м армейском госпитале в г. Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3.44 года обязательно эвакуировать самолетом «дуглас» в Москву.

Член Военного совета 1-го Укр. фронта
генерал-майор Крайнюков

Нр. 1568. 1.3.44 года.

7.00»¹.

Утром врачи разрешили мне на несколько минут навестить раненого командующего. Услышав шаги, Николай Федорович открыл глаза, спросил:

— Все целы? Как документы?

Я поспешил успокоить его. Портфель с документами сохранен. В лапы к бандитам никто не попал.

— Что ж, охрана сделала все, что могла, — прерывисто дыша, произнес генерал. — Все держались мужественно и достойно. Скажите бойцам, что командующий благодарит их. Прошу отличившихся представить к награде.

Генерала армии Н. Ф. Ватутина эвакуировали в Киев, ибо город Ровно в те дни часто подвергался налетам вражеской авиации. Для лечения Николая Федоровича были направлены из Москвы опытные специалисты.

Вспоминается последняя беседа с Н. Ф. Ватутиным в санитарном поезде, направлявшемся в Киев. Николай Федорович встретил меня обрадованно и спросил:

— Ну, как думаешь, Константин Васильевич, разрешат мне после лечения вернуться на фронт? — И, не дожидаясь ответа, уверенно заявил: — Разрешат! Недельки три поспущаю на госпитальной койке, а там на фронт приеду. На костылях, а доберусь. И снова за работу, чтобы своими глазами увидеть нашу великую победу.

Вскоре мы получили приказ Ставки Верховного Главнокомандования, датированный 9 марта 1944 года. В нем говорилось:

«При всех выездах командующих фронтами и армиями, лиц высшего командного состава, а также при пе-

¹ Архив МО СССР, ф. 48а, оп. 2294сс, д. 14, лл. 39—40.

ревозке важных оперативных документов выделять для сопровождения надежную личную охрану».

В Военный совет и штаб фронта из столицы Советской Украины приходили утешительные вести. Мы ежедневно получали по телеграфу бюллетени о состоянии здоровья товарища Николаева (так кодировалась фамилия Н. Ф. Ватутина).

Здоровье генерала начало было идти на поправку. Николай Федорович, как сообщали нам, интересовался обстановкой на фронте и искренне радовался боевым успехам. Перешедшие в наступление войска 1-го Украинского фронта осуществляли оперативный план, разработанный Н. Ф. Ватутиным и штабом.

Спустя немногим более месяца после ранения Николая Федоровича в бюллетене о состоянии здоровья, подписанном видными медиками товарищами Шамовым, Вовси, Гуревичем, Ищенко и Василенко, появились тревожные нотки. Несмотря на энергичное лечение, направленное на борьбу с инфекцией, состояние больного продолжало оставаться тяжелым. В Киев был срочно командирован главный хирург Красной Армии академик Н. Н. Бурденко.

Военный совет получил сообщение о том, что Н. Ф. Ватутину сделали операцию — была произведена высокая ампутация бедра. А в ночь на 15 апреля 1944 года командующий войсками 1-го Украинского фронта скончался. Было ему тогда сорок два года.

«В лице тов. Ватутина государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны», — говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и Наркомата обороны СССР.

Военный совет поручил мне возглавить делегацию от бойцов и офицеров 1-го Украинского фронта. Возложив венок, мы в течение двух дней несли почетный караул у гроба генерала армии Н. Ф. Ватутина, установленного в Киевском Дворце пионеров. Нескончаемым потоком с утра и до вечера шли трудящиеся столицы Украины, отдавая последний долг выдающемуся военачальнику, самоотверженно сражавшемуся за родную советскую землю, за освобождение Киева и других городов и сел республики.

Тяжко было смотреть на убитую горем боевую

подругу генерала Татьяну Романовну и осиротевших детей, на престарелую мать полководца Веру Ефимовну Ватутину. Какую же огромную душевную силу надобно иметь, чтобы перенести столько неизбывного горя и душевных мук!

Вера Ефимовна Ватутина, эта скромная и трудолюбивая женщина земли русской, в феврале 1944 года получила известие о том, что от тяжелых боевых ран скончался ее сын красноармеец Афанасий Ватутин. Через месяц новая скорбная весть: погиб ее младший сын Федор. А в апреле она, выплакавшая глаза по двум сыновьям, пришла к гробу третьего своего сына, являвшегося гордостью семьи и всей страны, генерала армии Николая Ватутина. И все они, братья-патриоты, полководец и солдаты, пали в жарком бою, на переднем крае борьбы за честь и свободу Отчизны.

17 апреля столица Советской Украины провожала в последний путь генерала армии Н. Ф. Ватутина. На траурном митинге, который открыл З. Т. Сердюк, с речами выступили представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник Ф. И. Голиков, академик Н. Н. Гришко, поэт Микола Бажан, председатель Киевского областного Совета депутатов трудящихся С. И. Олейник. От имени воинов 1-го Украинского фронта мне довелось выступить перед свежей могилой друга, товарища, сказать о том, что наши войска будут беспощадно, до полной победы громить немецко-фашистских захватчиков.

Когда войска склонили боевые знамена перед гробом выдающегося военачальника, радио донесло до украинской столицы раскаты прощального траурного салюта Москвы, отдавшей от имени Родины последнюю воинскую почесть полководцу, коммунисту, герою.

В канун 20-летия великой Победы советского народа над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР присвоил посмертно звание Героя Советского Союза генералу армии Н. Ф. Ватутину.

Ныне в Киеве над привольным Днепром возвышается памятник генералу Ватутину. Скульптор Вучетич изобразил фигуру полководца, одетого в походную шинель. Отсюда, с днепровской кручи, хорошо видны пути-дороги, по которым талантливый военачальник вел советские войска в победное наступление.

И СНОВА ВПЕРЕД

1 марта 1944 года в командование войсками 1-го Украинского фронта вступил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Георгий Константинович прошел все ступени воинской службы от солдата до высших командных постов и пользовался большим авторитетом в армии. В годы Великой Отечественной войны, являясь заместителем Верховного Главнокомандующего и представителем Ставки, он побывал на многих фронтах, оказывая содействие в разработке и успешном проведении крупных наступательных операций. Часто Г. К. Жуков приезжал и на 1-й Украинский фронт. Он хорошо знал наши командные кадры, был прекрасно осведомлен о боевых делах и возможностях войск, поэтому сразу же включился в руководство войсками 1-го Украинского фронта, ни на день не откладывая начало крупной и важной наступательной операции.

В сложной боевой обстановке Г. К. Жуков подчас бывал крут в обращении с подчиненными и проявлял излишнюю резкость. По этому поводу он как-то сказал:

— Не скрою, дипломатничать не очень умею. Порой действительно говорю довольно резко, но зато откровенно. Когда речь идет о судьбах тысяч людей и успехе сражения, не всегда бывает возможность и время для выбора деликатных выражений, и подчас приходится говорить неллицеприятные слова...

Но не это характеризовало Георгия Константиновича как военачальника. Мы знали, что маршалу прису-

щи сильная воля и упорство, энергия и решительность, большая военная эрудиция и творческий подход к решению оперативных и стратегических задач. Он являлся одним из инициаторов проведения ряда крупных операций, в том числе успешного наступления Украинских фронтов в 1944 году, в условиях весенней распутицы. Противник никак не предполагал, что наши войска рискнут наступать в такой необычайно трудной обстановке. Это позволило советскому командованию достичь стратегической внезапности, принесшей известный успех.

Еще в бытность Н. Ф. Ватутина командующим Маршал Советского Союза Г. К. Жуков ознакомил Военный совет 1-го Украинского фронта с указаниями Ставки и новыми задачами, поставленными перед войсками. Теперь Военный совет все свои усилия сосредоточил на подготовке операции. Несмотря на многочисленные трудности, вызванные весенней распутицей, крупная перегруппировка была закончена к 4 марта 1944 года. Предметом особой заботы Военного совета была деятельность войсковых тылов, призванных даже в условиях распутицы, по непролазной грязи обеспечить войска боеприпасами, горючим и продовольствием.

План операции, разработанный Н. Ф. Ватутиным и штабом, Г. К. Жуков оставил в основном без изменений. Коррективы были внесены лишь в отношении 13-й армии, которой была поставлена ограниченная задача жесткой обороной прочно удерживать рубеж Вожице, Дубно.

Перед фронтом на участке от Луцка до Ильинцы оборонялись 4-я немецкая танковая армия генерала Рауса и 1-я танковая армия генерала Хубе. По данным нашей разведки, вражеская группировка насчитывала 35 дивизий, в том числе 10 танковых.

Перед началом операции изменился и состав войск фронта. По решению Ставки Верховного Главнокомандования 40-я и 27-я армии, 2-я и 6-я танковые армии, составлявшие левое крыло фронта, и занимаемая ими территория были переданы 2-му Украинскому фронту. Таким образом, в состав нашего фронта в марте входили 13, 60, 18, 38 и 1-я гвардейская армии, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, а также до середины марта находившаяся в резерве Ставки 1-я танковая армия.

Авиационное обеспечение войск фронта осуществляла 2-я воздушная армия.

К началу мартовской операции в войсках фронта насчитывалось 181 603 члена и кандидата партии и 144 951 комсомолец. Это была внушительная сила, способная горячим словом и личным примером увлечь за собой воинов на успешное выполнение боевых задач. Правда, нам не удалось еще повсеместно создать полнокровные партийные и комсомольские организации. Отчасти это объяснялось тем, что войска фронта продолжительное время вели боевые действия, оперативная пауза выдалась слишком короткой, и мы не во всех частях и соединениях смогли восполнить потери.

В танковых и артиллерийских войсках партийная и комсомольская прослойка была выше, чем в стрелковых. Среди командиров экипажей и механиков-водителей танков она достигала 80 процентов. Политорганы стремились добиться такого положения, чтобы в каждом экипаже танка и самоходно-артиллерийской установки, а по возможности и в стрелковом отделении, оружейном расчете и взводе были коммунисты и комсомольцы.

Вся партийно-политическая работа проводилась вокруг основного призыва Центрального Комитета партии: «Вперед — за полное очищение от врага советской земли!»

4 марта 1944 года войска правого крыла фронта перешли в наступление в общем направлении на Проскуров. После мощной артиллерийской подготовки действовавшие на направлении главного удара войска 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко и 60-й армии генерала И. Д. Черняховского на рубеже Шумское, Любар прорвали сильную оборону немцев и, как говорится, распахнули ворота для наших танкистов. В первый же день операции в сражение были введены 3-я гвардейская танковая армия генерал-полковника П. С. Рыбалко и 4-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск В. М. Баданова.

За два дня наступательных боев наши войска разбили 8 пехотных и 4 танковые дивизии противника и освободили свыше 500 населенных пунктов, в том числе город и железнодорожную станцию Изяслав, а также города Шумск, Ямполь, Острополь и другие.

9 марта Москва салютовала войскам фронта, овладевшим городом Старокопчанов — важным опорным пунктом обороны немцев на проскуровском направлении. Он был освобожден от фашистских оккупантов в результате умелого обходного маневра подвижных войск, сочетаемого с фронтальной атакой. В боях за овладение этим городом отличились войска 1-й гвардейской и 3-й гвардейской танковой армий.

В тот же день войска 60-й армии очистили от противника часть Тернополя. Таким образом, ударная группировка 1-го Украинского фронта вышла на линию Тернополь, Проскуров, перерезав в районе Волочиска важную железнодорожную магистраль Львов — Одесса.

Следом пришли в движение и войска, расположенные на левом крыле фронта. 5 марта начала наступать 18-я армия, а 11 марта — 38-я. Несколько позднее к активным боевым действиям приступила и 13-я армия, находившаяся на самом правом фланге фронта.

Проскурово-Черновицкая операция была, пожалуй, одной из труднейших и протекала в условиях невероятной весенней распутицы. Почти все дороги оказались труднопроходимыми, непролазная грязь затрудняла маневр войск и особенно снабжение частей боеприпасами и горючим.

Известно, что боеспособность и моральный дух войск нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от материальных условий. Если войска хорошо обучены, вооружены и оснащены, не испытывают перебоев в продовольствии, горючем и боеприпасах, они сражаются с еще большей отвагой, уверенно и стойко держатся в любой обстановке. Когда же боеприпасы на исходе и нет надежды их быстро пополнить, а враг тем временем усиливает натиск, подобная ситуация может отрицательно сказаться на боеспособности подразделений, стойкости и упорстве воинов.

Учитывая это обстоятельство, Военный совет 1-го Украинского фронта потребовал, чтобы военные советы армий, командиры и политорганы взяли под особый контроль деятельность тыловых частей, учреждений и служб. Это сыграло положительную роль. Бойцы, командиры и специалисты тыловых подразделений, баз, складов, учреждений и служб на всех этапах операции

работали с большим напряжением, настойчивостью и самоотверженностью.

Предметом особой заботы стали фронтовые дороги, являвшиеся как бы кровеносной системой войскового организма. В ходе мартовской операции нам пришлось мобилизовать часть местного населения для обслуживания дорог, восстановления разрушенных противником мостов, а также для доставки войскам военных грузов.

Но административная сторона дела не являлась главной. Военный совет предложил политорганам провести среди местного населения разъяснительную работу. Политработники, коммунисты, комсомольцы и агитаторы выступали перед трудящимися с докладами и политинформациями. Там, где была возможность, организовывались митинги. Люди с большой охотой оказывали помощь родной Красной Армии.

Тысячи крестьян на лошадях и волах по непролазной грязи транспортировали военные грузы. Порой люди брали на плечи патронные ящики и снаряды и несли их на передовые позиции. Из местного населения создавались вспомогательные команды, которые обслуживали труднопроходимые участки, прокладывали гати, проталкивали застрявший транспорт.

Во время мартовской операции 1944 года, как и на всем протяжении Отечественной войны, военным советам приходилось не только привлекать местное население для помощи фронту, но и пользоваться другими особыми правами и полномочиями, которые предоставило им Советское правительство.

Считаю уместным напомнить, что в первый же день нападения фашистской Германии на нашу Родину, 22 июня 1941 года, Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О военном положении». Этим правительственным актом все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на территории, объявленной на военном положении, возлагались на военные советы фронтов, армий, округов, а там, где нет военных советов, — на высшее командование войсковых соединений, расположенных в данной местности. Военным советам предоставлялось право:

— в соответствии с действующими законами и по-

становлениями правительства привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями;

— устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений;

— производить изъятие транспортных средств и необходимое для нужд обороны имущество как у государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций, так и у отдельных граждан.

Военные советы имели право воспрещать выезд и въезд в местности, объявленные на военном положении, а также выселять в административном порядке лиц, пребывание которых в этой местности признается нежелательным. Они обладали полномочиями издавать постановления, обязательные для всего населения, проживающего в местности, объявленной на военном положении, отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям и организациям, которым надлежало оказывать военному командованию полное содействие в использовании местных сил и средств для нужд обороны страны.

Военные советы фронта и армий плодотворно взаимодействовали с местными партийными и советскими органами. Всякое мероприятие, будь то призыв в армию советских граждан установленных возрастов, мобилизация трудящихся на восстановление мостов, шоссейных и железных дорог, на строительство аэродромов и создание оборонительных рубежей, всегда согласовывалось с местными партийными и советскими органами.

Я упомянул лишь о незначительной части прав и полномочий, которыми партия и правительство наделили военные советы уже в первый день Отечественной войны. В дальнейшем эти полномочия все более расширялись. Так, например, 18 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР специальным Указом разрешил военным советам от его имени вручать награжденным военным служащим ордена и медали. Прошло еще два месяца, и 22 октября 1941 года военные советы фронтов и флотов получили право от имени Президиума Верховного Совета награждать отличившихся героев.

Эта работа занимала очень видное место. Нам предоставлялась возможность быстро и оперативно отмечать правительственными наградами подвиги и боевые заслуги фронтовиков и вручать ордена и медали непосредственно в частях. Такая мера еще выше подняла политическое и воспитательное значение орденов и медалей и способствовала умножению числа героев.

На военные советы возлагались и другие функции, как, например, снятие судимости с тех военнослужащих, которые мужеством и подвигами искупили в боях свою прежнюю вину. Причем снятие судимости проходило не формально, а с объявлением такого решения личному составу и преследовало воспитательные цели.

Военный совет нес ответственность перед ЦК ВКП(б) и Советским правительством за все стороны жизни и боевой деятельности войск.

Во время мартовской операции 1944 года наш руководящий орган работал с большим напряжением, ибо трудностей и неожиданностей встречалось немало.

Почувствовав угрозу окружения противостоявшей нам группировки в районе Проскурова, Винницы и Каменец-Подольского, немецко-фашистское командование сосредоточило против нас ударный кулак, насчитывавший до девяти танковых и шести пехотных дивизий. Начиная с 7 марта на участке Проскуров, Тернополь развернулись многодневные напряженнейшие бои с крупными танковыми силами врага, предпринявшими сильный контрудар.

Записи в журнале боевых действий войск 1-го Украинского фронта, которые мне недавно довелось еще раз просматривать, восстановили в памяти события тех трудных дней. Так, например, 13 марта части 1-й гвардейской армии на рубеже Аркадиевцы, Шпиченцы и Давыдовцы были контратакованы 200 немецкими танками и пехотой. В районе Проскурова передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии подверглись контратакам 100 танков, сопровождавших пехотные части противника. 16 марта враг с новым ожесточением контратаковал наступавшие войска фронта в районах Дубно, Кременец, Тернополь, Винница, Жмеринка, Проскуров. 18 марта особенно напряженные бои развернулись западнее Проскурова, где войска 3-й гвардейской

танковой армии отражали натиск превосходящих сил неприятеля.

Не менее тяжело было и нашей 4-й танковой армии, прсравшейся во вражеский тыл. Положение осложнялось тем, что танкисты испытывали серьезные затруднения в дизельном топливе и отчасти боеприпасах. Колесный транспорт, и особенно цистерны с горючим, порой отставали от боевых частей, застревали в грязи. Приходилось даже на танках транспортировать по бездорожью бочки с дизельным топливом, а также перебрасывать грузы с помощью транспортной авиации.

Немецкое командование предпринимало все усилия к тому, чтобы остановить наступление войск 1-го Украинского фронта. Из показаний пленных и по трофейным документам нам стало известно, что 8 марта 1944 года Гитлер издал приказ, в котором определил систему крепостей и опорных пунктов, потребовав от своих войск удержания их до конца, до последнего солдата даже в случае окружения и осады. В полосе наступления нашего фронта противник наметил такие, например, крепости, как Винница, Жмеринка, Проскуров, Тернополь, Черновцы и другие. В приказе говорилось, что за оборону этих городов коменданты отвечают головой. Вот почему так упорно и ожесточенно противник оказывал нам сопротивление.

Советские войска дрались героически. Бои изобиловали многочисленными примерами отваги, находчивости и стойкости воинов. Не могу не вспомнить несколько таких эпизодов. Когда превосходящим силам врага удалось прорваться к штабу 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады, все офицеры и солдаты, в том числе писаря, телефонисты и повара, взялись за оружие и вступили в бой с врагом.

Командир танковой бригады полковник М. Г. Фомичев приказал командиру роты М. Г. Акиншину спасти боевой стяг бригады. На больших скоростях танки помчались к центру села, где размещался штаб. В телескопический прибор офицер увидел, что по улице со знаменем спешил комсомолец гвардии старшина Александр Соколов; наперерез ему из-за угла бросились гитлеровцы, намереваясь захватить гвардейца с боевым стягом. Не медля ни секунды, офицер Акиншин направил танк в группу немцев. Рассеяв врага, советские

воины перенесли на броню танка тяжело раненного старшину Соколова, крепко сжимавшего гвардейское Знамя.

В те трудные мартовские дни мне рассказали о мужестве молодого коммуниста Александра Шурова, тоже спасшего Знамя части. Его славный подвиг воспел на страницах фронтовой газеты поэт Андрей Малышко.

— Тебе доверена честь и святыня полка, — напутствовал парторг сержанта Шурова, которому было приказано вынести из окружения полковое Знамя. — Пуще жизни береги боевой стяг. Полк без знамени — что человек без души.

Взвод автоматчиков, выделенный для сопровождения и защиты боевого стяга, огнем и гранатами пробил Александру Шурову путь через вражеское кольцо. За спасение Знамени воина-коммуниста наградили орденом Славы III степени. Были отмечены правительственными наградами и его товарищи.

Отражая в районе Тернополь, Проскуров контрудары танковых дивизий врага, войска 1-го Украинского фронта на ряде участков продолжали наступление. 17 марта 13-я армия овладела важным опорным пунктом обороны противника городом Дубно, через два дня освободила Кременец, а 20 марта вышла в район Броды.

Активные наступательные действия продолжали и войска левого крыла фронта. 38-я армия 18 марта овладела Жмеринкой, а 20-го Винницей.

К тому времени Ставка усилила наш фронт 1-й танковой армией (командующий генерал-полковник танковых войск М. Е. Катуков, член Военного совета генерал-майор танковых войск Н. К. Попель). Теперь фронт имел три танковые армии. Такую мощную ударную броневую силу фронт получал впервые, и его войска могли решать крупные оперативные задачи.

В разгар наступательной операции в 4-й танковой армии произошла смена руководства. Командармом был назначен генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко вместо генерал-лейтенанта В. М. Баданова. Новый командующий имел большой боевой опыт. Еще юношей Дмитрий Лелюшенко добровольно вступил в Первую Конную армию и сражался на фронтах гражданской войны. В годы мирного строительства Советских Вооруженных Сил

Дмитрий Данилович сменил коня на танк. В 1939—1940 годах в боях на Карельском перешейке командир танковой бригады Д. Д. Лелюшенко проявил личную отвагу, воинское мастерство и был удостоен звания Героя Советского Союза. Потом он командовал 1-й Московской мотострелковой дивизией, а Великую Отечественную войну встретил на посту командира мехкорпуса. Генерал Лелюшенко командовал 5-й армией, прикрывавшей подступы к столице на Можайском шоссе, руководил боем на знаменитом Бородинском поле и был ранен. Досрочно выйдя из госпиталя, Дмитрий Данилович принял командование 30-й армией, освободившей Клин и другие районы Подмоскovie. В битве на Волге он командовал 1-й гвардейской, а затем 3-й гвардейской армиями. В марте 1944 года генерал Лелюшенко прибыл к нам.

Членом Военного совета 4-й танковой армии являлся генерал-майор танковых войск Василий Георгиевич Гуляев. В годы Отечественной войны он последовательно прошел многие ступени политической работы: был комиссаром танковой бригады, дивизии, корпуса и наконец стал членом Военного совета армии. Танкисты уважали и любили этого высокообразованного политработника. Он был энергичен и обладал значительным опытом работы в танковых войсках, хорошо знал боевые дела армии.

Опыт Великой Отечественной войны выработал и упрочил важнейший принцип руководства политработой. Он в основном сводился к следующему: по-настоящему руководить политической работой в боевой обстановке очень трудно, не видя и не ощущая самого боя.

Кто во время сражения находится далеко от передовой и судит о нем только по донесениям, тот не сможет по-настоящему руководить политработой. Чего греха таить, встречались отдельные политработники, которые во время боя не могли правильно определить своего места. Одни из них неотрывно находились на командном пункте, другие располагались со своим аппаратом только в тылу, во втором эшелоне, в относительно спокойной обстановке, подменяя бумагами живое творческое дело. Но то были единичные случаи.

Сама фронтовая обстановка настоятельно диктовала необходимость стать как можно ближе к войскам, чтобы

лучше чувствовать пульс боя, своевременно и умело влиять на ход боевых действий. На войне утвердилось правило: раз начался бой, нельзя отвлекать сражающихся людей и вызывать их в штаб или политотдел. Указания, распоряжения и советы можно передать и с помощью средств связи, но гораздо лучше будет, если политработник сам пойдет в гущу войск, на передовую.

В связи с этим вспоминается случай, относящийся к началу войны. 2-й кавкорпус, где я был комиссаром, в июле 1941 года вел тяжелый бой на реке Днестр. Используя численное превосходство, немецко-фашистские войска стремились прижать нас к реке и опрокинуть. Именно в этот напряженный момент прибыл представитель политотдела 9-й армии и через связного приказал мне прибыть на противоположный берег к нему с докладом. В той сложной обстановке я, как комиссар корпуса, не мог покинуть сражающиеся части и на виду у всех уйти с поля боя. Я категорически отказался сделать это и затем объяснил представителю политотдела армии свой взгляд на подобные вызовы.

Такие случаи объяснялись прежде всего отсутствием боевого опыта. В ходе войны мы по крупицам накапливали его, перестраивая формы и методы руководства применительно к фронтовой обстановке.

Однако и в мартовской операции 1944 года не обошлось без недостатков. Во время наступления некоторые политорганы из-за сильной распутицы начали отставать от своих частей. Задерживались выпуск и доставка дивизионных газет, а солдатская почта и центральные газеты приходили с запозданием. Кое-где несвоевременно выдавались партийные и комсомольские документы.

С таким положением мириться было нельзя. Военный совет и политуправление решительно потребовали, чтобы политорганы больше работали в войсках, правильно распределяли свои силы и всегда знали, что делается в подразделениях первого эшелона, в чем они нуждаются.

Мы предупредили соответствующих товарищей, что в дальнейшем никакие ссылки на распутицу и другие объективные трудности приниматься во внимание не будут, что походные типографии должны перемещаться вовремя, чтобы войска бесперебойно получали не толь-

ко боеприпасы и продовольствие, но и газеты, письма и оперативную информацию о наших успехах.

Весеннее наступление Красной Армии, развернувшееся от Луцка до низовьев Днепра, отличалось необычайно крупным размахом. 4 марта 1944 года 1-му Украинскому фронту выпала честь сделать наступательный почин. Затем пришли в движение 2-й и 3-й Украинские фронты. В те дни в Москве чуть ли не каждодневно гремели победные салюты. Воинам не терпелось узнать о последних событиях на фронте и успехах соседей, об освобожденных городах и селах (тем более что у нас было много украинцев именно из тех районов и областей, за которые велись бои). Вот почему мы всегда советовали политорганам широко использовать сообщения Совинформбюро в агитационно-массовой работе. Это, как мы убедились, давало положительные результаты: сводки Советского информбюро содержали богатейший материал для политической агитации, помогали командирам и политработникам мобилизовать солдат, сержантов и офицеров на выполнение новых боевых задач.

11 марта Ставка Верховного Главнокомандования уточнила, что войскам 1-го Украинского фронта предстоит продолжать решительное наступление, окружить и разгромить 1-ю немецкую танковую армию и выйти на государственную границу с Чехословакией и Румынией.

Все средства политической агитации и пропаганды преследовали одну цель — довести до сознания каждого воина эту главную задачу, воодушевить войска на решающие бои.

После незначительной паузы с утра 21 марта войска фронта вновь перешли в наступление. 1-я гвардейская и 60-я армии взломали оборону немцев на фронте до 100 километров, и в прорыв немедленно двинулись 1-я и 4-я танковые армии.

Военный совет фронта возлагал большие надежды на 1-ю танковую армию генерала М. Е. Катукова как на наиболее полнокровную и укомплектованную, снова вернувшуюся к нам из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. В прорыв ранее других устремилась 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова.

Путь танкистам преграждали десятки рек и речушек, налившихся полой водой, и каждая из них могла стать

серьезной преградой для войск. Вот почему передовым отрядам ставилась задача захватывать мосты и переправы, обеспечивая беспрепятственное наступление наших частей.

21 и 22 марта особенно успешно продвигались войска 1-й танковой армии. В связи с этим Военный совет фронта направил следующую телеграмму:

«Командарму 1 танковой Катукону.

1. Армия действует хорошо. Продолжайте быстро выполнять поставленную армии задачу. К исходу 23.3.44 обязательно выходите в район Езжаны, Борщов, Скала. Не позднее 23.3 выйти на Днестр, с ходу форсировать реку в районах Устечко, Городница, Залещики, Пелипче.

2.27 мотострелковую бригаду из района Гжималуев можете снять и направить ее по своему усмотрению.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Жуков, Крайнюков, Боголюбов»¹.

Стремительное продвижение к Днестру, выход к этой реке и форсирование ее имели важное стратегическое значение. Во-первых, противник, прижатый к Карпатам, лишался путей отхода. Во-вторых, немецко-фашистская группировка, действовавшая на Украине, изолировалась от тех сил, которые находились севернее Полесья. Вот почему командующий войсками фронта настойчиво требовал от всех командармов, командиров корпусов, дивизий и бригад выполнения этой боевой задачи.

Когда батальон гвардии капитана В. А. Бочковского из 1-й гвардейской танковой бригады достиг Черткова и прорвался к реке Серет, воины-гвардейцы увидели мост, перегороженный пылающей бензоцистерной. Механик-водитель Волков, рискуя жизнью, ударом танка опрокинул емкость в реку. Затем отважный экипаж затушил загоревшийся настил моста. Переправа была спасена. Танкисты устремились вперед.

Отличился и другой батальон 1-й гвардейской танковой бригады. Его возглавлял гвардии майор Гавришко. Осуществляя параллельное преследование отступающего врага, танкисты обогнали колонну немецкой мотопехоты и, захватив переправу, отрезали путь противнику.

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 994, л. 85.

Массовый героизм проявили танкисты и при форсировании Днестра. Здесь особенно отличились 20-я гвардейская механизированная бригада гвардии полковника А. Х. Бабаджаняна и 64-я гвардейская танковая бригада, которую возглавил повышенный в должности Герой Советского Союза подполковник И. Н. Бойко.

Танкисты прорвались к реке, шумно неся ледяное крошево. Мосты по всей округе оказались взорванными. Но разведчики установили, что в районе поселка Устечко уровень воды на Днестре ниже, чем в других местах. Было решено переправить танки по дну реки. Экипажи законопатили щели боевых машин, обильно промазали их солидолом, обозначили поплавками маршрут брода.

Первым вызвался переправиться на западный берег гвардии лейтенант П. Ф. Никитин. Его танк размеренно двигался по бурлящей реке, погружаясь порой по самую кромку верхнего люка. Подполковник Бойко с волнением следил за продвижением головной машины. Но вот «тридцатьчетверка», разбрызгивая воду, вырвалась на противоположный берег. Следом успешно переправился другой, третий танк...

Форсировав реку там, где враг не ждал, 64-я гвардейская танковая бригада двинулась на Черновицы, (ныне Черновцы). Противник даже и не предполагал, что наши гвардейцы так глубоко проникли в его тыл.

25 марта, используя плохую погоду, разведывательное подразделение гвардии лейтенанта П. Ф. Никитина скрытно подошло к пригороду Черновиц — станции Моша, расположенной на северном берегу Прута. Здесь разгружались несколько эшелонов с техникой, боеприпасами и горючим. Огнем в упор гвардейцы расстреляли изрядное количество сгруженных с платформ фашистских танков. В этот же день начались уличные бои за овладение городом Черновицы.

Вечером 25 марта столица нашей Родины Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта, штурмом овладевшим городом Проскуров — крупным железнодорожным узлом и сильным опорным пунктом обороны гитлеровцев. В сражении за Проскуров особенно отличились войска 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко и 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко.

А тем временем продолжались напряженные бои за Черновицы. Противник предпринимал яростные контратаки, намереваясь отбросить смельчаков, захвативших мост через Прут, вернуть в свои руки станцию Моша.

Форсировав реку, войска 1-й танковой армии совершили обходный маневр. И тогда, бросая убитых и раненых, немцы начали поспешно отходить. 29 марта Черновицы были освобождены частями 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана и 24-й стрелковой дивизии. Но еще 25 марта первым ворвался в этот город офицер Павел Никитин, впоследствии павший смертью героя. Его танк, как боевая реликвия, установлен в Черновицах.

На сутки раньше подразделения 1-й гвардейской танковой бригады В. М. Горелова овладели городом Коломыя.

На втором этапе Проскурово-Черновицкой операции глубокий маневр совершили и бригады 4-й танковой армии. После серьезных потерь, понесенных в начале марта, армия испытывала некомплект в танках. Но несмотря на это, 6-й мехкорпус под командованием генерал-лейтенанта А. И. Акимова стремительно прорвался в Каменец-Подольский, захватил противника врасплох и навел панику в его тылу.

В районе Каменец-Подольского войска 4-й танковой армии разгромили штаб 16-й танковой дивизии врага, уничтожив при этом до 2 полков пехоты и захватив около 2 тысяч пленных, а также 4 тысячи автомашин, 250 мотоциклов, 50 орудий и 10 складов.

На другой день после взятия Каменец-Подольского я прибыл в штаб генерала Д. Д. Лелюшенко. Командарм доложил, что части армии ведут тяжелые бои в районе Каменец-Подольский и Дунаевцы, что на подмогу прибыл 30-й стрелковый корпус, но в ослабленном составе (отстала артиллерия), и что противник все время контратакует танками и самоходными орудиями.

Положение, как я убедился, было действительно не из легких. Крупные силы 1-й немецкой танковой армии, оказавшиеся в оперативном окружении, неистово рвались на запад. Танкисты Лелюшенко и приданный им 30-й стрелковый корпус без артиллерии с огромным трудом сдерживали натиск врага. Наши воины прояв-

ляли стойкость и героизм, обеспечивая внутренний фронт окружения.

Как же угодила в котел 1-я танковая армия генерала Хубе? Это не было случайностью, а заранее планировалось Ставкой и фронтом. Удар наших подвижных войск рассек 1-ю и 4-ю немецкие танковые армии. Выход соединения Катукова к Днестру, освобождение Каменец-Подольского танкистами Лелюшенко, успешное наступление войск 1-й гвардейской, 60-й, 38-й армий и других войск фронта создали серьезную угрозу для врага. В результате армия Хубе в составе трех танковых, одного армейского корпусов и одной корпусной группы к концу марта оказалась в оперативном окружении в районе Оринин, севернее Каменец-Подольского, Борщов, Скала.

В течение десяти дней шли упорные бои по ликвидации этой окруженной группировки. Войска 1-й гвардейской армии, 60-й и 38-й армий, 3-й гвардейской, 1-й и 4-й танковых армий, преодолевая огромные трудности и сильное сопротивление врага, стремились сжать кольцо окружения и не дать гитлеровцам возможность вырваться из котла.

Следует заметить, что в оценке сложившейся обстановки имел место некоторый просчет. Предполагалось, что фашистские войска будут отходить на юг, но уже 1 апреля командующему фронтом и штабу стало ясно, что немцы пытаются выйти из окружения не на юг, а на запад. К тому же окружение противника на внешнем и особенно на внутреннем фронте не было плотным. Все это позволяло неприятелю находить слабые места в наших боевых порядках и, массированно применяя танки, предпринимать попытки прорыва в направлении Борщов, Бучач. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось несколько продвинуться, и они продолжали наращивать свои усилия в направлении Бучача.

Объективно оценивая боевые действия наших войск по ликвидации окруженной крупной группировки врага, следует признать, что руководство фронта несколько преувеличивало наши возможности и недооценивало силы противника. Чего греха таить, порой и желаемое выдавалось за действительность. Маршал Жуков уверовал в то, что ликвидация окруженного противника дело решенное, и слишком оптимистично смотрел на обста-

новку, сложившуюся в районе Скала. Приведу боевое распоряжение от 1 апреля 1944 года:

«Командармам 1 гв., 18, 38 и 4 танковой.

Ликвидация окруженной группировки противника в районе Скала близится к концу.

Приказываю:

1. 2.4.44 г. всем армиям концентрическим ударом, на основе ранее полученных приказов, добить противника в районе Скала.

2. Организовать заблаговременно учет и прием пленных. Особенно важно быстро учесть (пофамильно) и донести в штаб фронта о всех офицерах противника. Для этой цели командировать в дивизии (бригады) специальных офицеров с соответствующими полномочиями.

Жуков, Боголюбов»¹.

Однако 1-я немецкая танковая армия с тяжелыми боями и большими потерями продолжала рваться из неплотного кольца на запад. Одновременно противник, устремившийся на выручку окруженным войскам, усилил натиск извне. 10 апреля особенно ожесточенные бои разгорелись в районе Бучача. Противник нанес удар с запада силами 10-й танковой дивизии и танковой дивизии СС «Хоенштауфен», а также 100-й легкопехотной и 361-й пехотной дивизий, 18-й стрелковый корпус был оттеснен на северо-восток и на юг от Бучача. В результате во второй половине дня 10 апреля наступавшая с запада группировка противника соединилась с частями 1-й немецкой танковой армии.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях пишет:

«Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию (речь идет об армии генерала Каткова. — К. К.) следовало бы повернуть из района Черткова—Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещика. Такое решение казалось вполне возможным и логичным.

В таком случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 1009, л. 4.

там оборону. Этому способствовало то обстоятельство, что правофланговая 40-я армия 2-го Украинского фронта 30 марта все еще не подошла к Хотину.

Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещик—Черновицы—Коломыя. Но когда командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода на юг, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы»¹.

Несмотря на некоторые промахи, войска 1-го Украинского фронта нанесли противнику сильное поражение.

За 10 дней немецко-фашистская группировка потеряла до 60—70 процентов техники и половину личного состава. Наши войска захватили 7483 автомашины, 187 танков и самоходных орудий и 61 самолет.

Выйдя в предгорья Карпат, соединения 1-го Украинского фронта рассекли немецко-фашистскую армию на две части и достигли большого стратегического успеха. И далеко не случайно Гитлер, взбешенный военными неудачами, сместил с поста командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна. Наше весеннее наступление увенчалось не только победой советского оружия, но и блестящей победой советской стратегии, советской военной мысли, основанной на ленинской науке побеждать.

Начиная с 9 марта наши войска вели напряженные бои с окруженной в Тернополе 12-тысячной группировкой врага. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, хотя ничто уже не могло их спасти.

Еще на первом этапе операции передовые подразделения 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса (командир генерал П. П. Полубояров, начальник политотдела полковник В. В. Жебраков), действовавшего в составе 60-й армии, искусным маневром захлестнули вокруг засевшего в Тернополе немецкого гарнизона стальную петлю. Танковая рота гвардии лейтенанта Бориса Кошечкина, находившаяся в разведке, первой достигла шоссе Збараж—Тернополь и атакова-

¹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, стр. 559—560.

ла вражескую колонну. Танкисты Б. К. Кошечкина уничтожили 50 автомашин, 2 бронетранспортера с прицепленными орудиями и много солдат противника. В огневом поединке гвардейцы подбили 6 немецких танков и 1 сожгли.

Когда стемнело, командир роты поставил танки в укрытие, а сам, переодевшись в штатский костюм, пробрался к Тернополю и разведаль подступы к городу. Отыскав слабо защищенное место в обороне противника, коммунист Б. К. Кошечкин возглавил ночную атаку танков и одним из первых ворвался в город.

Доложив мне о ходе боев, об отважных и самоотверженных солдатах и офицерах, член Военного совета 60-й армии генерал-майор В. М. Оленин сказал:

— Сегодня мы направляем Военному совету фронта документы об отличившихся в Тернополе бойцах и командирах, достойных присвоения звания Героя Советского Союза. Просим безотлагательно рассмотреть эти документы и препроводить их в Президиум Верховного Совета СССР.

Василий Максимович раскрыл папку, взял первый наградной лист, еще раз внимательно прочитал его, затем тихо произнес:

— Танцоров Григорий Васильевич, гвардии младший лейтенант, командир батареи СУ-85. Боевой товарищ Кошечкина. О его подвиге знает вся армия.

И генерал В. М. Оленин передал мне наградной лист. В нем рассказывалось о том, как офицер Танцоров с группой танков и самоходно-артиллерийских установок ворвался на станцию Збараж и огнем с ходу разбил паровоз неприятельского бронепоезда и бронеплощадку, уничтожил два бронетранспортера. Захватив склад с горючим, Григорий Танцоров обеспечил многие танковые подразделения дизельным топливом, что позволило еще успешнее действовать в тылу врага.

Младший лейтенант Танцоров ночью пробился на южную окраину Тернополя. Его самоходная установка была атакована тремя немецкими танками Т-4. Маневрируя между каменными строениями, офицер подбил все три вражеские машины. Но противник подбрасывал новые подкрепления, стремясь во что бы то ни стало уничтожить прорвавшихся в город гвардейцев. Отрезанный от товарищей, бесстрашный командир бата-

реи самоотверженно сражался с презосходящими силами врага.

«Во время неравного боя экипажа Танцорова с танками противника, — говорилось в наградном листе, — появились немецкие бронетранспортеры. Слева выдвинулась батарея 75-мм ПТО. Тов. Танцоров быстро развернул самоходное орудие и разбил две немецкие пушки. Но в это же время вражеский снаряд поджег его машину и ранил его. Отважный командир решил лучше умереть, чем отступить, и скомандовал механику: «Вперед!» Горящая машина рванулась на врага, давя и уничтожая вражеские пушки, транспортеры и гитлеровских пехотинцев, пока не перестало биться сердце командира».

Уличные бои в Тернополе шли продолжительное время. Здесь чуть ли не каждое здание было дотом. Гитлеровцы продолбили в каменных стенах узкие бойницы, через которые вели огонь снайперы и фаустпатронщики, а в проемах стен стояли замаскированные орудия. Многие здания соединялись между собой ходами сообщения.

Специфика уличного боя внесла коррективы и в организацию партийно-политической работы. Например, начальник политотдела 60-й армии генерал-майор К. П. Исаев рекомендовал политорганам назначать парторгов в штурмовые группы и во взводы.

Во время небольшого боевого затишья Военный совет и политотдел армии провели совещание с начальниками политотделов соединений, участвовавших в сражении за Тернополь. Полковники А. Е. Светлов, К. М. Московский, Н. И. Охапкин, А. К. Иванников кратко доложили о политической работе в условиях уличных боев. Обращалось внимание на пропаганду приемов и способов борьбы в городе, где каждый дом был превращен противником в крепость. Военный совет и политотдел армии предложили политорганам соединений широко использовать и распространить в войсках опыт борьбы с врагом в Сталинграде. Штаб армии совместно с политотделом выпустили листовки-памятки «Как вести бой в городе», «Стрелковое отделение в уличном бою», «Действие штурмовой группы», «Артиллерия в уличном бою» и другие.

Об особенностях городского боя писали фронтовая, армейская и дивизионные газеты, рассказывали агита-

торы и непосредственно сами участники штурма Тернополя.

Политическое управление фронта подготовило листовку на немецком языке, адресованную окруженному в Тернополе вражескому гарнизону. Она напоминала противнику о печальной судьбе, постигшей и более крупные группировки немцев под Сталинградом и Корсунь-Шевченковским, разоблачала человеконенавистнические замыслы гитлеровского командования, преднамеренно обрекшего свои войска на явную и бессмысленную гибель.

Упорство окруженных объяснялось прежде всего тем, что извне начались атаки крупных сил фашистов, пытавшихся деблокировать тернопольский котел. 14 марта 1944 года германское командование бросило против наших войск танковую дивизию СС «Адольф Гитлер», 7-ю танковую и 359-ю пехотную дивизии. Превосходящим силам врага удалось несколько потеснить подразделения, сдерживавшие их натиск.

16 и 17 марта противник возобновил наступательные действия. Однако 15-й стрелковый корпус генерала И. И. Людникова, поддержанный частями 4-го гвардейского танкового корпуса, отразил все атаки гитлеровцев и нанес им большой урон.

Утром 25 марта танки и пехота противника из района Езерна снова пытались прорвать кольцо окружения. И, наконец, 11 апреля пехотная дивизия врага, поддержанная 100—120 танками, нанесла еще один контрудар. Понеся значительные потери, противник вынужден был откатиться на прежние рубежи.

Провалилась и затея немцев со снабжением осажденного гарнизона по воздуху. Войска 60-й армии заняли последний вражеский аэродром. Наши истребители сбивали транспортные самолеты противника на дальних подступах к Тернополю. Парашюты с грузами, предназначенными для окруженных, часто падали в расположение наших войск.

Я был свидетелем мощных и точных штурмовых ударов нашей авиации по неприятельским укреплениям. Это работали летчики генерала Н. П. Каманина, одного из самых первых в стране Героев Советского Союза.

В грозный для Отечества час Николай Петрович Каманин отправился на фронт с сыном Аркадием, прозван-

ным Орленком. В 14 лет Каманин-младший самостоятельно поднялся в воздух на самолете По-2. Несколько позднее Аркадия Каманина включили в боевой расчет. На 1-м Украинском фронте юноша водил связной самолет, доставляя боевые и разведывательные донесения, и не раз был крещен огнем. У героя-отца мужал и сын-герой. Это ли не преемственность поколений, воспитанных в нашу славную эпоху!

В составе соединения отважно сражался и отличился в мартовской операции коммунист Георгий Тимофеевич Береговой, ныне дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, летчик-космонавт.

Наше командование приняло решение окончательно покончить с окруженным в Тернополе гарнизоном гитлеровцев. Утром 12 апреля на вражеские опорные пункты обрушился шквал снарядов, мин и бомб. Потом на решительный штурм двинулись стрелковые и танковые подразделения.

Мне особенно запомнился такой эпизод. В одном из соединений поближе к переднему краю выдвинулся военный оркестр и укрылся за толстой каменной стеной городского здания. Перед сигналом атаки оркестр заиграл Государственный гимн Советского Союза. Вдохновляющая музыка, переплетаясь с артиллерийской канонадой, поднимала боевой дух войск. Порыв воинов был неукротим. Легко раненные, поравнявшись с оркестром, возвращались в строй и отказывались идти в медсанбат.

Это еще раз свидетельствует о том, что мы обладаем неиссякаемым арсеналом средств политического и воинского воспитания. Надо только умело выбирать эти средства, инициативно и творчески применять их, изыскивать новые пути к солдатскому сердцу.

После упорных и продолжительных уличных боев войска 60-й армии разгромили окруженный гарнизон врага и 14 апреля 1944 года полностью овладели областным центром Украины — Тернополем.

В боях за город отличились части 15-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта И. И. Людникова. В его составе сражались 302-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н. П. Кучеренко, 336-я стрелковая дивизия полковника М. А. Игначева, 99-я стрелковая дивизия, возглавляемая генерал-майором А. А. Сарая-

вым, а также часть сил 322-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Лашенко. Активно участвовали в окружении и уничтожении тернопольского гарнизона противника 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. П. Полу-боярова и приданные артиллерийские части. Сильные удары по окруженному врагу и прорывавшимся извне немецким войскам наносили 5-й штурмовой авиационный корпус генерал-майора Н. П. Каманина, 5-й истреби-тельный авиационный корпус генерал-майора Д. П. Га-лунова и другие части.

При ликвидации тернопольской окруженной группировки наши войска уничтожили свыше 10 тысяч фашист-ских солдат и офицеров, взяли большое число пленных и трофеи.

ВЫХОД НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ

Нанеся противнику поражение в предгорьях Карпат, войска 1-го Украинского фронта в начале апреля 1944 года вышли на государственную границу с Чехословакией и Румынией. Преследуя отходящего врага, наши соединения овладели городом Серет и заняли свыше 30 других населенных пунктов на территории Румынии. Ширина полосы освобожденной границы достигала 200 километров.

В этих боях вновь отличилась 1-я танковая армия генерала М. Е. Катукова. В числе первых вестников победы был танковый экипаж гвардии лейтенанта Василия Шкиля из 64-й гвардейской танковой бригады. Чтобы подтвердить этот факт, Василий Шкиль доставил на своей машине в штаб обветшалый от времени полосатый пограничный столб.

Командир бригады гвардии подполковник И. Н. Бойко похвалил отважный экипаж за стремительный прорыв к государственной границе, а затем крепко отчитал Василия Шкиля и приказал немедленно вернуть пограничный столб обратно:

— И чтобы стоял он прочно, ни на вершок не отклоняясь от прежнего места!

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся соединения и части были удостоены наименования Прикарпатских, благодарности Верховного Главнокомандующего и награждены орденами.

Столица нашей Родины Москва салютовала войскам 2-го и 1-го Украинских фронтов двадцатью четырьмя

артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Это был крупнейший салют, относящийся к первой категории, которым отмечались события наиболее выдающегося значения.

В адрес Военного совета нашего фронта, армий и соединений поступила масса поздравительных телеграмм и писем. Вот одно из них. «Дорогие бойцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Украинского фронта! — писали рабочие и работницы московского ордена Ленина завода «Динамо» имени С. М. Кирова. — Приветствуем вас с новой победой — выходом на государственную границу СССР. Приветствуем и поздравляем вас, освободителей советской земли. В эти дни хочется быть как можно ближе к вам, наши боевые братья...»

Такие письма, свидетельствующие о нерушимом единстве народа и армии, часто печатались во фронтовой, армейских и дивизионных газетах и представляли богатый материал для наших агитаторов.

Выход 2-го, а затем 1-го Украинских фронтов на государственную границу вызвал радость у наших друзей и тревогу в стане врага. Отбросив в сторону дипломатические условности, Гитлер приказал марионеточному правителю Хорти выдвинуть в предгорья Карпат венгерскую армию и прикрыть брешь в немецко-фашистской обороне. Не доверяя своему союзнику, Гитлер ввел в Венгрию германские дивизии и фактически оккупировал страну.

Мы знали, что солдаты 1-й венгерской армии, появившейся перед фронтом нашей 18-й армии, проявляют недовольство оккупацией своей страны и что их боеспособность падает. В данном случае сама обстановка способствовала успеху нашей политической пропаганды среди венгерских войск.

В 18-й армии мне довелось вместе с членом Военного совета армии С. Е. Колониным и начальником политотдела Л. И. Брежневым принять участие в обсуждении этого вопроса. Помню, товарищ Брежнев сделал краткое сообщение о политико-моральном состоянии венгерской армии и привел ряд показаний солдат, добровольно перешедших к нам. В этих показаниях отмечалось, что в венгерской армии усилились антифашистские настроения, резко снизилась дисциплина и что на сторону советских войск желает перейти немало венгров. Однако они колеблются, опасаются русских комиссаров, боятся

ЧК и Сибири. Короче говоря, фашистская ложь, как ни примитивна она была, все же отравляла сознание многих венгерских солдат.

Военный совет и политотдел 18-й армии заметно усилили пропаганду среди венгерских войск, добиваясь еще большей ее действенности.

В политуправлении фронта и политотделах армий внимательно рассматривалось, обсуждалось и утверждалось содержание каждой листовки или радиопередачи, предназначенных для солдат противника. Конечно, наивно было полагать, что какая-то удачная листовка или радиопередача на войска противника произведет переворот во взглядах воюющих против нас солдат. И все же наша пропаганда среди неприятельских войск постепенно делала свое дело. Стремительное продвижение Красной Армии и одержанные ею на всех фронтах крупные победы, о которых мы оперативно оповещали солдат противника, все более убеждали венгерских рабочих и крестьян, одетых в военную форму, в неизбежности поражения гитлеровцев и их союзников. Активная идеологическая борьба с противником способствовала и его военному разгрому, а каждая ратная победа советских войск делала более эффективной и нашу пропаганду во вражеском стане.

Выпуская значительное количество листовок на венгерском языке, политическое управление фронта и политотдел 18-й армии разъясняли, что хортистская клика, поставившая страну на грань национальной катастрофы, пресмыкается перед гитлеровцами, оккупировавшими Венгрию, и бросает своих соотечественников в объятия смерти. В листовках говорилось и о том, что в боях против войск нашего фронта под Воронежем по вине немецко-фашистского командования уже погибла одна венгерская армия и что под Карпатами такая же участь может постигнуть и другую. Обращаясь к совести и разуму каждого честного венгра, горячо любящего свое отечество, советское командование предлагало единственно верный выход из создавшегося положения, а именно — сдача в плен, добровольный переход на сторону Красной Армии.

Прошло известное время. Военный совет и политотдел 18-й армии сообщили нам новые факты о действенности работы по разложению войск противника. С помощью

авиации и других средств в венгерских дивизиях были распространены тысячи наших листовок; для разъяснительной работы среди венгерских солдат переброшены через линию фронта антифашистски настроенные военнопленные. За короткое время более двухсот венгров добровольно перешло на сторону советских войск.

В политической пропаганде среди войск противника использовались также материалы антифашистской газеты венгерских военнопленных в СССР «Слово правды». Призывы переходить на сторону Красной Армии группами и в одиночку не оставались безответными. В марте, апреле и мае 1944 года усилилась сдача венгров в плен.

Вот один характерный случай, рассказанный перешедшими на участке 18-й армии венгерскими солдатами:

«Мы получили приказ атаковать советские позиции. На высоте, позади нас, расположились эсэсовцы. Русские вели огонь из всех видов оружия. Атака захлебнулась, и мы залегли. Гитлеровцы, занимавшие высоту, тотчас же начали нас обстреливать. Таким образом, мы очутились между двух огней. Короткими перебежками солдаты достигли противотанкового рва и укрылись в нем, ожидая первой же возможности, чтобы перейти на сторону русских. Мы послали восемь человек без оружия для переговоров. Вскоре наши парламентарии вернулись в сопровождении советского офицера. Мы сдали ему оружие и мелкими группами перешли в расположение русских».

Венгры рассказывали, что профашистские генералы угрожали солдатам, всевозможными карами, вплоть до расстрела членов их семей, за переход к русским. Наша же агитация и пропаганда усиливала процесс распада венгерской армии. На советскую сторону перешло немало солдат и офицеров из 27-й венгерской пехотной дивизии.

Это не означало, однако, что 1-я венгерская армия стала мало боеспособной. Венгерские части, подпираемые отборными эсэсовскими дивизиями гитлеровского вермахта и специальными отрядами жандармов, продолжали вести против нас боевые действия. Но их стойкость и упорство резко снижались. Теперь у венгров было все меньше и меньше желания сражаться и умирать за Гитлера, поработившего их страну.

Немецко-фашистские войска, цепляясь за каждый рубеж, оказывали ожесточенное сопротивление. В полосе нашего наступления разведка зафиксировала появление новых танковых и пехотных дивизий врага. Более того, противнику удалось частично восстановить и пополнить крепко потрепанные нашими войсками соединения и части. К середине апреля сопротивление немцев значительно возросло. Войска нашего фронта, продвинувшиеся по весеннему бездорожью далеко вперед, после сорокадневного наступления нуждались в передышке. Тем более что тылы наши были растянуты и отстали от передовых частей, которые испытывали трудности в боепитании, горючем и многом другом.

Учитывая эти обстоятельства, Ставка Верховного Главнокомандования 17 апреля 1944 года дала 1-му Украинскому фронту директиву о переходе к обороне. Ставка подкрепила нас и своими резервами. Еще в начале апреля в распоряжение фронта была передана 3-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник В. Н. Гордов, член Военного совета генерал-майор И. С. Колесниченко, начальник штаба генерал-майор К. Г. Ребриков, начальник политотдела полковник Г. А. Бойко).

Прибывшие части, предназначенные для будущих наступательных операций, сосредоточивались в районе Луцка.

С 17 апреля по приказу Ставки центр и правое крыло фронта перешли к жесткой обороне. На участке 1-й гвардейской, 13-й и 60-й армий установилось относительное затишье. На левом же крыле фронта бои не затихали. На станиславском направлении 38, 18, 1-я танковая армии до конца апреля отбивали атаки превосходящих сил врага. В результате напряженных боев противнику, наносившему удар в юго-восточном направлении, удалось потеснить войска левого крыла фронта на 30—40 километров. Затем наши войска остановили врага и приступили к закреплению своих позиций на занимаемых рубежах, проходивших на некоторых участках вдоль государственной границы Советского Союза.

Родина воздала должное массовому подвигу воинов 1-й гвардейской, 13, 60, 38, 18-й общевойсковых, 1, 4 и 3-й гвардейской танковых, 2-й воздушной армий и других

соединений. 1-я танковая армия была преобразована в гвардейскую. Второй Золотой Звездой Героя Отчизны удостоила гвардии подполковника И. Н. Бойко, отличившегося в Черновицком рейде. Героями Советского Союза стали гвардии генерал-майор танковых войск И. Ф. Дремов, гвардии полковники В. М. Горелов и А. Х. Бабаджанян, гвардии красноармеец Николай Пигорев, повторивший подвиг Александра Матросова, гвардии младший лейтенант Василий Шкиль и многие другие отважные воины. Десятки тысяч командиров, политработников, солдат, сержантов, офицеров были награждены орденами и медалями.

В один из апрельских солнечных дней мы с генералом С. С. Шатиловым выехали в 60-ю армию. Узнав, где разместился командарм И. Д. Черняховский, мы направились к нему. Еще в сених услышали его голос. Разговаривая с кем-то по телефону и терпеливо объясняя, как бы он поступил на месте собеседника, Иван Данилович объявил:

— А вообще-то меня уже нет. Отбываю, брат. Да, отбываю.

Увидев нас, Черняховский вышел из-за стола и, улыбаясь, отрапортовал:

— Товарищ член Военного совета! Генерал Черняховский командование армией сдал. Отбываю в распоряжение Ставки.

Мы знали, что Государственный Комитет Обороны назначил И. Д. Черняховского командующим одним из ведущих фронтов, и искренне радовались выдвижению молодого и одаренного военачальника.

— Как настроение? — поздоровавшись, поинтересовался я.

— Объехал войска, попрощался со многими командирами и солдатами, с боевыми соратниками, и как-то грустно стало на душе, — признался Иван Данилович. — Впрочем, когда сын уезжает из родного дома, он тоже всегда немного грустит, а 1-й Украинский, бывший Воронежский, фронт и 60-я армия были для меня домом родным...

Черняховский прошелся по комнате, затем неожиданно сказал:

— Волнуюсь немного, должность очень высокая. Сумею ли оправдать доверие партии? Мне ведь еще и сорока нет.

Точности ради следует заметить, что генералу И. Д. Черняховскому тогда не исполнилось и 38 лет. Мне довелось встречаться с ним в различной обстановке, и после каждой встречи все более возрастало уважение к этому военачальнику крупного масштаба. Он был человеком высокообразованным, обладал большой военной культурой и незаурядными способностями. Иван Данилович мыслил широко, действовал зачастую новаторски и вместе с тем расчетливо, осмотрительно и тщательно готовил каждую операцию. На новом высоком посту командующего 3-м Белорусским фронтом еще ярче раскрылся его полководческий талант.

Вместе со всем народом мы глубоко переживали, получив впоследствии печальную весть о том, что И. Д. Черняховский был смертельно ранен на поле боя.

Командующим 60-й армией был назначен генерал-полковник П. А. Курочкин. Я хорошо знал его еще в предвоенные годы. Да и на 1-м Украинском фронте нам довелось работать вместе, когда Павел Алексеевич некоторое время выполнял обязанности заместителя командующего войсками 1-го Украинского фронта.

Руководя боевыми действиями войск, Военный совет фронта уделял много внимания и таким вопросам, как мобилизация в освобожденных районах призывников, привлечение местного населения на оборонные работы, отселение жителей из опасной зоны боевых действий. Все это осуществлялось в тесном контакте с местными партийными и советскими органами, которые делали все для того, чтобы войска фронта еще успешнее громили врага.

Самую тесную и постоянную связь с Военным советом и политуправлением фронта поддерживали секретари обкомов КП(б) Украины: Черновицкого — Иван Степанович Зеленюк, Ровенского — Василий Андреевич Бегма, Житомирского — Моисей Семенович Спивак, Тернопольского — Иван Данилович Компанец. Хорошие контакты были у нас и с председателями облисполкомов: Черновицкого — Алексеем Леонтьевичем Комковым,

Ровенского — Павлом Игнатьевичем Васильковским, Житомирского — Николаем Михайловичем Рожанчуком, Тернопольского — Яковом Федоровичем Артюшенко.

В свою очередь и Военный совет оказывал всемерную поддержку местным органам власти в восстановлении тыла и преодолении последствий фашистской оккупации. Так, например, 27 апреля 1944 года Военный совет 1-го Украинского фронта принял решение об оказании помощи колхозам и совхозам УССР в проведении весеннего сева. Командирам всех степеней и политорганам вменялось в обязанность более внимательно относиться к колхозам и совхозам, а в западных областях — и к индивидуальным крестьянским хозяйствам. Категорически запрещались самовольное изъятие в колхозах, МТС и совхозах посевного материала, тракторов, племенного и рабочего скота, а также временная мобилизация тракторов, лошадей, волов, принадлежавших колхозам и совхозам.

То же постановление обязывало военные советы армий, командиров войсковых соединений, начальников тыловых частей и учреждений не в ущерб боевым делам выделять для проведения посевной кампании бывших агрономов и специалистов МТС, трактористов, ремонтников, шоферов, плотников. Предлагалось выделять также тракторы, автомашины и лошадей.

Хлеб был крайне необходим стране и армии, необходим для победы. Вот почему Военный совет считал быстрое и качественное проведение сева важнейшей партийной и государственной задачей.

В прифронтовой полосе воинские патрули (конные и моторизованные) охраняли работавших на полях крестьян от бандитских налетов. В полевых авторемонтных мастерских было отремонтировано большое количество тракторов, грузовиков, различных сельскохозяйственных машин. Для оказания технической помощи на колхозные поля выезжали наши ремонтные летучки и специальные ремонтные бригады. Там, где позволяла обстановка, многие воины, и особенно резервные части и подразделения, вспахали и засеяли десятки тысяч гектаров земли.

В Ровенской, Тернопольской, Винницкой, Житомирской, Каменеце-Подольской, Станиславской, Черновицкой и других освобожденных войсками фронта областях и районах политработники проводили митинги и собрания

трудящихся, на которых рассказывали о славных победах Красной Армии и героическом труде рабочего класса и колхозного крестьянства. Митинги проводились и перед выходом на полевые работы. Во время посевной кампании в прифронтовых сельских районах массово-политической работой занималось около 3500 наших агитаторов. Они провели среди местного населения около 10 тысяч лекций, докладов, бесед и политинформаций. Одновременно в селах и на полевых станах с концертами выступали участники красноармейской самодеятельности.

При проведении весеннего сева войны в первую очередь помогали семьям фронтовиков и погибших от рук врагов советских активистов, а в западных областях УССР и бедным безлошадным крестьянским хозяйствам, бывшим батракам. Там, где была крайняя необходимость, плотники ремонтировали жилища и даже строили новые дома взамен сожженных гитлеровцами.

Активное участие воинов в посевной кампании упрочивало тыл, крепило единство Красной Армии и народа.

Войска 1-го Украинского фронта прочно закреплялись на завоеванных рубежах. Дни были насыщены ратным трудом. Солдаты рыли траншеи полного профиля и ходы сообщения, оборудовали и маскировали командные и наблюдательные пункты, строили добротные блиндажи, устанавливали инженерные заграждения.

Немецко-фашистские войска, потерпевшие сокрушительное поражение в Проскурово-Черновицкой операции, в основном вели себя пассивно. Постепенно затихали вражеские атаки и на станиславском направлении. На нашем участке фронта временно установилось относительное затишье.

В канун Первомайского праздника Военный совет, штаб и управление фронта передислоцировались из Славуты за реку Збруч в село Токи, Тернопольской области. А во второй половине мая к нам прибыл новый командующий — Маршал Советского Союза И. С. Конев.

С Иваном Степановичем раньше мне встречаться не

приходилось, но я многое слышал о нем от его сослуживцев. В начале Отечественной войны он командовал армией, потом Западным и Калининским фронтами, а затем Степным, переименованным во 2-й Украинский.

И. С. Конев оказался несколько старше Н. Ф. Ватутина. Этому высокому, хорошо сложенному и подтянутому военачальнику в то время исполнилось сорок семь лет. У него было открытое, простое русское лицо, дышавшее спокойствием, и лишь резкие волевые складки у рта да властные нотки в голосе свидетельствовали о твердом характере, умении повелевать.

Мы знали, что И. С. Конев, известный военачальник, доказал свое умение решать большие оперативные задачи. Все члены Военного совета с удовлетворением встретили назначение Маршала Советского Союза И. С. Конева командующим войсками 1-го Украинского фронта.

Первая беседа с новым командующим была продолжительной. Я ознакомил Ивана Степановича с положением дел на 1-м Украинском фронте, охарактеризовал наши руководящие кадры. Между нами завязался разговор о большой и разносторонней деятельности Военного совета, его наметках и планах. В частности, я сообщил И. С. Коневу о том, что еще до его прибытия мы решили в ближайшее время обсудить вопрос о материальном обеспечении войск фронта.

— Одобряю, — отозвался маршал. — Это, несомненно, поможет улучшить работу тыловых органов, позволит и мне быстрее войти в курс всех ваших дел. А вообще-то я намереваюсь денёка три-четыре побыть в штабе, поближе познакомлюсь с работниками управления фронта, потом поеду в войска, погляжу, что там делается. Ведь донесения и сводки полного представления о делах никогда не дадут.

Вскинув на меня живые с хитринкой глаза, он отрывисто спросил:

— Может быть, вместе поедem? Вы же здесь старожил.

— Хорошо.

Во время беседы я старался возможно больше узнать о Коневе, распознать его характер. Говорили мы о многом и, разумеется, главным образом о войне, о будущих планах и задачах войск 1-го Украинского фронта.

Как мы и условились, на очередном заседании Военного совета был заслушан доклад генерал-лейтенанта Н. Т. Кальченко о материально-техническом обеспечении войск нашего фронта. Никифор Тимофеевич со знанием дела называл цифры имевшихся в войсках сутодач, запасов зерна и помола, рассказывал, как части снабжаются мясом и крупами, как налажена стирка белья, ремонт обуви и обмундирования, какое положение с горючим и боеприпасами.

Новый командующий слушал докладчика внимательно, не перебивал, а некоторые цифры брал на заметку. Объявив перерыв, Иван Степанович подошел ко мне и, улыбнувшись, сказал:

— А докладчик-то мужик хваткий. Чувствуется, что член Военного совета по тылу дело свое знает и хозяйственную сметку имеет. Он мифической манны с неба не ждет, а вместе с аппаратом тыла фронта стремится лучше использовать внутренние ресурсы.

Маршал молча походил по хате, затем продолжил разговор:

— А вот некоторые хозяйственники привыкли все необходимое получать только из центра. Но это не всегда возможно. Теперь работник тыла Красной Армии обязан сам заготовить зерно, организовать помол, выпечку хлеба и обеспечить доставку воинам горячей пищи в любых боевых условиях. Во фронтовой обстановке солдату и баня нужна, и чистое белье, добротное обмундирование, обувь.

И. С. Конев выразил удовлетворение тем, что начальником тыла фронта только что был назначен генерал-лейтенант Николай Петрович Анисимов, по праву считавшийся деятельным и энергичным организатором и одним из опытных работников тыла Красной Армии. В дни легендарной битвы на Волге Николай Петрович возглавлял тыловые органы Сталинградского фронта и в труднейших условиях ожесточенных боев и ограниченных паромных переправ через великую русскую реку обеспечивал войска всем необходимым для обороны города и победного наступления.

Генерал Анисимов и аппарат тыла фронта вложили немало труда в обеспечение боевых успехов наших войск. Обладая хорошей военной подготовкой, оперативным кругозором и зная в деталях замыслы фронтовой

операции, Николай Петрович умел смотреть вперед и с учетом возможных сложных военных ситуаций планировать снабжение войск и деятельность тыловых органов. Военному совету он всегда докладывал четко, кратко и ясно, имея убедительные цифровые данные и выкладки, детально продуманные предложения и рекомендации.

Н. П. Анисимов знал положение дел в каждой армии, душой болел, когда замечал в работе тыловых органов недостатки и промахи. Как-то во время наступательной операции пришел он ко мне и доложил, что в 263-й стрелковой дивизии случилось ЧП. Нерадивые хозяйственники этого соединения, оправдываясь трудностями наступательного боя, в течение двух суток не доставляли солдатам горячую пищу.

Разумеется, генерал Н. П. Анисимов навел порядок и наладил бесперебойное снабжение горячей пищей воинов 263-й стрелковой дивизии и других соединений. Однако Военный совет фронта не ограничился этими мерами и строго наказал лиц, виновных в плохой организации питания солдат. Кроме того, мы еще раз обратили внимание командиров и политорганов на необходимость более внимательно относиться к вопросам красноармейского быта, предложили фронтовой печати шире освещать проблемы материально-бытового обслуживания частей и подразделений, неустанно пропагандировать основные положения постановлений ГКО и приказа Наркома обороны от 31 мая 1943 года, получившего в войсках большую известность и действенность. В своем приказе И. В. Сталин резко критиковал нерадивых «мудрецов», которые, формально руководствуясь таблицей замен, без всякой необходимости полностью заменяли мясо яичным порошком и допускали другие факты плохой организации питания бойцов и халатного отношения к сохранению и расходованию продовольствия.

Народный комиссар обороны подчеркивал: «Наши командиры, по-видимому, забыли лучшие традиции русской армии, когда такие крупнейшие полководцы, как Суворов и Кутузов, у которых учились полководцы всей Европы и должны учиться командиры Красной Армии, сами проявляли отеческую заботу о быте и питании солдат и строго того же требовали от своих подчиненных...»

На первом заседании Военного совета под председа-

тельством И. С. Конева мы приняли развернутое решение, направленное на дальнейшее улучшение материального обеспечения войск и красноармейского быта.

Вскоре мы с маршалом Коневым направились в войска. В течение двух недель с перерывами объехали все армии, побывали и в некоторых отдельных корпусах. Надо заметить, что к тому времени в состав фронта входило шесть общевойсковых армий, три танковые и одна воздушная.

Следовательно, Военный совет фронта осуществлял руководство десятью армиями, десятью военными советами армий. А это представляло собой нелегкую задачу. Главным методом руководства было личное общение, что позволяло наиболее правильно оценить деятельность армий, выяснить их нужды и потребности, боевые и оперативные возможности.

Наша взаимосвязь была прочной и непрерывной, а обмен информацией — постоянный. Во фронте рассматривались и утверждались планы работы военных советов и политотделов армий, выдвигались новые задачи, периодически проверялось выполнение планов.

Во время относительного затишья командующие и члены военных советов армий приглашались на заседания Военного совета фронта, проводились совещания руководящих командных и политических кадров, на которых обсуждались важнейшие вопросы боевой деятельности войск, подготовки и проведения фронтовых наступательных операций, а также политические мероприятия, связанные с выполнением освободительной миссии Красной Армии и пребыванием наших войск за рубежом.

Мы никогда не отвлекали руководящий состав армий от боевых дел и не вызывали к себе в напряженный момент операции. Если требовалось решать неотложные вопросы, касающиеся боевой деятельности армии, члены Военного совета фронта сами выезжали на места, оперативно принимая меры, способствующие успешному выполнению боевых задач командования.

В дни подготовки к Львовско-Сандомирской операции Военный совет фронта непосредственно на месте заслушал доклады командармов А. А. Гречко, В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, Е. П. Журавлева, К. С. Москаленко, П. А. Курочкина, М. Е. Катукова, П. С. Рыбалко,

Д. Д. Лелюшенко и С. А. Красовского. Они доложили о состоянии вверенных им войск, о том, как укомплектовываются соединения личным составом и техникой, как накапливаются боеприпасы и горючее.

В то время Военный совет 1-го Украинского фронта обсуждал многие вопросы боевой деятельности войск. Я назову лишь некоторые из них: «Материально-техническое обеспечение операции», «О ходе ремонта танков, орудий, автомашин и другой боевой техники и ввод их в строй», «Об отселении граждан из зоны боевых действий», «О заготовке топлива для железных дорог в границах фронта» и другие.

Были приняты решения и по таким, например, вопросам, как «Быт бойца и офицера на переднем крае», «Об оказании первой помощи, выносе раненых с поля боя и вводе их в строй», «О санитарной обработке обмундирования, банях и смене белья», «О своевременной доставке газет и писем воинам».

Мы постоянно рассматривали планы работы военных советов армий.

Деятельность Военного совета носила разносторонний характер, и ее ни в коей мере нельзя оценивать по количеству протокольно зафиксированных заседаний и записанных на бумаге решений. Заседания очень часто не протоколировались и проходили накоротке, особенно в напряженные моменты операции. Работа шла непрерывно, каждодневно.

Военный совет под председательством командующего войсками 1-го Украинского фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина, а затем Маршала Советского Союза И. С. Конева работал дружно, активно, сплоченно. За время войны я не помню каких-то разногласий, несогласованности или трений в работе членов военных советов фронта и армий. Это отнюдь не означает, что в ходе обсуждения тех или иных вопросов не было доказательных споров, жарких деловых обсуждений, помогавших выработать и принять верное решение по тем или другим вопросам боевой деятельности войск. Нас, членов Военного совета, объединили великие идеи нашей партии, великие задачи, а цель была одна — разгромить врага, внести свой вклад в дело победы над врагом.

Автору этих строк приходилось работать со многими видными военачальниками, разными по характеру людей-

ми. И с каждым из них, как правило, налаживался хороший рабочий контакт, основанный на открытой, честной и принципиальной фронтовой дружбе, войсковом товариществе. Члены Военного совета считали первой обязанностью и долгом своим всемерно укреплять единоначалие, как важнейший ленинский принцип строительства Вооруженных Сил СССР.

Мы постоянно руководствовались постановлениями и указаниями ЦК ВКП(б) и ГКО, определяющими права и обязанности военных советов, мудрыми заветами великого Ленина. «...Как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, — указывал Владимир Ильич, — так необходима и единоличная ответственность и единоличное распорядительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклониться от ответственности»¹.

Командующий, как председатель Военного совета, объединял деятельность всех членов этого руководящего органа. Каждый из нас имел определенный участок работы, четко регламентированные обязанности, т. е. коллегиальность, как учил В. И. Ленин, сопровождалась «самым точным установлением личной ответственности каждого лица за точно определенное дело»².

Все важные вопросы мы обсуждали сообща, а затем каждый член Военного совета выполнял то, что ему персонально предписано в совместно принятом решении, и то, что он обязан сделать по долгу службы, по характеру своей работы. За все это он единолично нес ответственность перед Военным советом.

Военный совет фронта состоял из пяти человек, а председателем его с 20 мая 1944 года являлся вступивший в командование войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев. Два члена Военного совета были освобожденными. Автор этих строк, как первый член Военного совета, занимался оперативными вопросами и вместе с командующим подписывал все необходимые оперативные документы, приказы и донесения в Ставку Верховного Главнокомандования. Первому члену Военного совета вменялось в обязанность

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 428—429.

² Там же, стр. 46.

ДОБЬЕМ ВРАГА !

НА ВОЛГЕ ВРАГ
БЫЛ ЗАЖАТ В КУЛАК.

ВРАГ НА ДОНУ
ПОШЕЛ КО ДНУ.

ВРАГ У ДОНЦА
НАЕЛСЯ СВИНЦА.

ВРАГА ПОРА
ДОБИТЬ У ДНЕПРА!

ВПЕРЕД, ТОВАРИЩИ !

РЕДАКТОР С.ЖУКОВ художник В.БРИКИН ТЕКСТ А.БЕЗЫМЕНСКОГО

777866

К. Н. Леселидзе

Ф. Ф. Жмаченко

И. В. Васильев

С. И. Мельников

Е. П. Журавлев

С. Е. Колонин

Фронтowej плакат художника В. Иванова

**Слева направо: М. А. Козлов, Н. П. Пухов, Н. Г. Чернышев,
Г. К. Меландин**

**В первом ряду (слева направо): В. К. Баранов, К. В. Крайнюков и Ю. Д. Милославский
среди офицеров 1-го гвардейского кавкорпуса**

Слева направо: Г. К. Жуков, А. Н. Боголюбов, Н. Ф. Ватутин

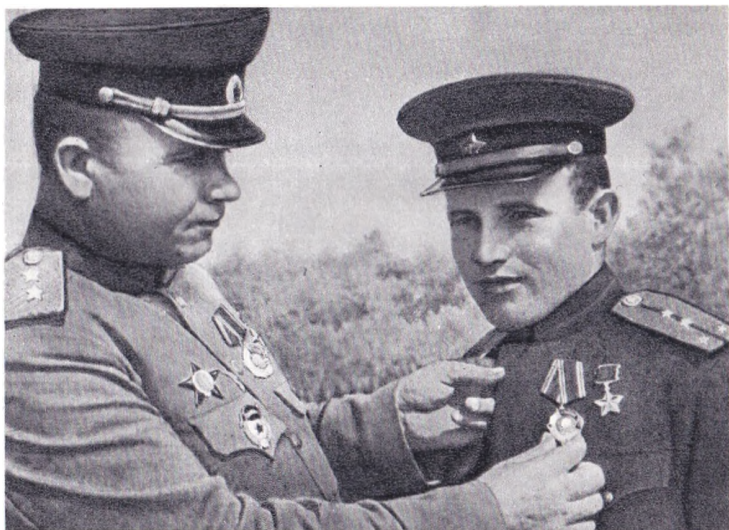
И. Н. Бойко (в центре) беседует со своими родными и двоюродными братьями-танкистами

Автоматчики форсируют реку

А. Л. Гетман вручает награду офицеру И. К. Захарову

На переправе

Истребитель танков наводчик В. Пермяков

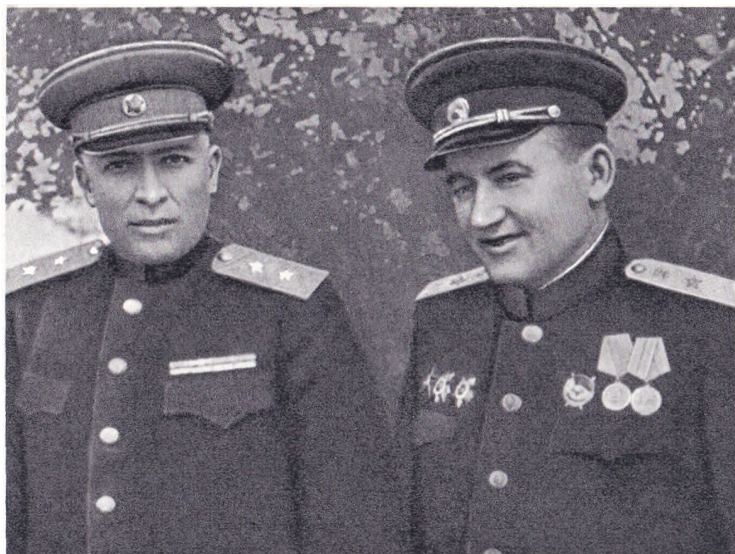
Вброд через реку

Р. А. Корда

И. С. Конеv принимает хлеб-соль от жителей освобожденного города. Справа — С. С. Шатилов

Слева направо: Н. П. Анисимов, Н. П. Устинов

В. Д. Соколовский

Н. А. Новиков

В. Н. Гордов

И. С. Колесниченко

**С. А. Борзенко (в центре) беседует с военкорами А. Калиевым
и Б. Садыковым**

Пришла свежая газета

Слева направо: Н. Т. Кальченко, Д. Д. Лелюшенко

ЗА ЧЕСТЬ РОДИНЫ

К
жен
ботн
чица

№ 58 (703)

СЛАВА
ГЕРОИНЫ
ФРОНТА
И ТЫЛА

ДОСТОЙНО ОТМЕТИТЬ 26-Ю ГОДОВЩИНУ

Смерть немецким оккупантам!

Прочти
и передай
товарищу

ЗНАМЯ РОДИНЫ

ПР
ВЕРХОВНОГО Г.
Генерал:

Великий 26-й Юбилейный фронт, в
этот знаменитый день, празднуя
рождение и развитие четвертьвековой
рады советского народа, не только
собирает воедино и людей фронта и тыла
и, переживая в разное время...

Друзья!.. Помните присягу, повинуйтесь начальникам,
деритесь храбро, и все падет перед вами!

Смерть немецким оккупантам!

Прочти и передай товарищу

Вперед НА ВРАГА

А. СУВОРОВ

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Советского Союза,
посвятивший Родине, вступаю в ряды
Рабоче-Крестьянского Красной Армии
свободно и сознательно, обязуюсь
верно служить Родине, защищать
ее от врагов, соблюдать законы
Советского Союза и выполнять
приказы командиров и начальников.

Смело отражать контратаки УНИЧТОЖАЙ ФАШИСТСКИЕ

Смерть немецким оккупантам!

СЫН РОДИНЫ

СЛАВ.
Рядо
диру ор
мунисту
равлеву!
Там, в
жертвуют
Гран

Смерть немецким оккупантам!

ВЕРНЫЙ ТОВАРИЩ

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

МАРТ
1946 г.

12

Воскресенье

№ 53

Прочти и передай товарищу

гор. Архангельск
лет. Звезда
восту. Волосин

Газеты, издававшиеся на 1-м Украинском фронте

осуществлять непосредственное руководство политическим управлением фронта.

Другой член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н. Т. Кальченко курировал службу тыла. Он осуществлял руководство и контроль за обеспечением соединений и объединений боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием, организацией медицинского обслуживания, фронтовых баз снабжения и использованием местных ресурсов, восстановлением железных и шоссейных дорог и многими, многими другими делами. Это, разумеется, не означало, что данными вопросами занимался только один член Военного совета. Материально-техническое обеспечение войск постоянно держали в поле своего зрения командующий войсками и Военный совет в целом, ибо от этого во многом зависел успех операций, разгром врага.

В ходе Великой Отечественной войны возрастали масштабы наступательных операций советских войск, увеличивались и материальные потребности фронта. Война поставила перед работниками тыла много сложных задач. Героические труженики страны усиливали помощь фронту, во все больших размерах возрастал и поток поступаемых в войска материальных средств. Органы тыла фронта работали с исключительным напряжением.

Много разных забот ложилось на плечи члена Военного совета фронта по тылу генерал-лейтенанта Н. Т. Кальченко, который совместно с начальником тыла фронта генерал-лейтенантом Н. П. Анисимовым, фронтовыми, армейскими службами тыла решал сложные задачи, обеспечивая боевую деятельность войск.

В связи с этим мне хочется отметить и плодотворную деятельность членов военных советов армий по тылу, входивших в состав нашего фронта, — полковника М. В. Шевякова, генерал-майора А. Г. Лопатенко, полковника Н. Г. Чернышева, генерал-майора С. М. Новикова, генерал-майора Ф. И. Олейника, генерал-майора В. И. Родионова и других.

Членами Военного совета фронта являлись также начальник штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский и командующий артиллерией фронта генерал С. С. Варенцов. Главным образом они занимались выполнением

своих основных и весьма ответственных должностных обязанностей.

Попутно замечу, что командующие артиллерией были введены в состав военных советов приказом Народного комиссара обороны от 10 февраля 1944 года. Предельно ясно излагая необходимость этого, приказ наркома гласил:

«В целях улучшения руководства артиллерией, повышения ответственности военных советов и командующих артиллерией фронтов (армий) ввести в состав военных советов фронтов, армий, округов командующих артиллерией».

В общевойсковых армиях тоже имелось пять членов Военного совета с теми же задачами и функциями, что и во фронте, а в танковых — четыре (там не было освобожденного члена военного совета по тылу).

Опыт минувшей войны показал, что в таком количественном составе военные советы были гибкими, мобильными, оперативными. Практика убедительно подтвердила, что такой количественный состав давал возможность военным советам охватывать своим руководством важнейшие вопросы фронтовой жизни и боевой деятельности войск.

Борьба за повышение воинского мастерства солдат, сержантов, офицеров и генералов всегда была в центре внимания военных советов фронта и армий, командиров и политорганов. Всюду проходили сборы командного и политического состава, обобщался опыт боев, анализировались итоги мартовской и других операций, проводились штабные учения и тактические занятия взводов, рот, батальонов, а также боевые стрельбы по трофейным танкам, дзотам и другим целям.

Центральный Комитет партии настойчиво требовал изучать опыт войны, постоянно совершенствовать военные знания бойцов, командиров и политработников, повышать их выучку и умение вести боевые действия в любых условиях, особенно в наступательном бою.

Верховный Главнокомандующий в своем приказе от 23 февраля 1944 года так, например, изложил это важнейшее требование партии:

«Необходимо, чтобы боевой опыт и достижения передовых частей и соединений Красной Армии стали достоянием *всех* войск, чтобы *вся* Красная Армия, *все* ее

бойцы и офицеры научились бить врага по всем правилам современной военной науки».

Центральный Комитет партии призывал воинов Красной Армии каждый день поднимать выше свое военное мастерство. Выполняя указания партии, войска фронта неутомимо учились ратному делу, используя каждую крупницу боевого опыта, качественно совершенствуясь, повышая свою боеспособность.

В период временного затишья войска занимались напряженной боевой учебой. Вспоминается наше посещение 3-й гвардейской армии. Командующего этой армией генерал-полковника В. Н. Гордова и члена Военного совета армии генерал-майора И. С. Колесниченко мы встретили среди бойцов, изготавившихся к атаке.

За леском слышались раскаты орудийных выстрелов, и над головами солдат с шипением и свистом летели снаряды. Они разрывались в нескольких сотнях метров, вздымая комья земли...

В знойном небе замысловатую траекторию прочертила красная ракета. Пехотинцы дружно высочили из траншеи и широким шагом двинулись по полю, потом перешли на бег. Прокатилось громкое «ура».

Но это был не настоящий бой, а тактическое учение с боевой стрельбой, проводимое в одном из штурмовых батальонов 3-й гвардейской армии. Маршал Советского Союза И. С. Конев, наблюдавший за действиями подразделения, заметил некоторые недостатки и приказал повторить атаку.

— Надо научить бойцов следовать за огнем своей артиллерии, — сказал он генерал-полковнику В. Н. Гордову. — Пусть солдаты как можно плотнее прижимаются к разрывам снарядов и мин. Тогда они без больших потерь ворвутся в оборону врага.

Маршал присутствовал и при «обкатке» танками молодых бойцов, укрытых в траншеях. Мы наблюдали, как солдат-новичок настороженно следил за танком, медленно и неотвратно надвигавшимся на него. Глухо подрагивала земля, осыпаясь на дно траншеи. Чувствовалось, еще мгновение — и не выдержат нервы необстрелянного бойца.

— А ты не бойся! — крикнул бывалый воин, подбе-

жавший к нему по ходу сообщения. — Держись уверенно, действуй, как я...

И ветеран первым бросил учебную гранату под гусеницы танка. Молодой солдат последовал его примеру. И вот уже стальные гусеницы подминают насыпной бруствер, и танк всей громадой грузно накрывает траншею и засевших в ней бойцов. Когда боевая машина переваляла через траншею и, фыркнув сизым дымком, пошла дальше, осыпанный землей молодой солдат решительно вскочил и бросил вслед танку еще одну гранату-болванку.

— Видали? — засмеялся маршал, кивнув в сторону солдата-новичка. — Смелый воин будет!

— Добре, сынку, добре! — хитровато прищурившись, проговорил бывалый солдат. — А теперь, молодец, не мешкай и берись за автомат. В бою за вражескими танками, как правило, идет автоматчик, фашист, а его к окопам никак допускать нельзя. Надо отсекаать вражескую пехоту от танков.

Нам пришлось по душе поведение ветерана, поддерживавшего боевой дух необстрелянного товарища.

— Вот она, политработа в действии, органически связанная с боевой подготовкой войск, — заметил член Военного совета генерал И. С. Колесниченко.

И действительно, боевая учеба, пронизанная политическим и воинским воспитанием солдат, развивает у них смекалку, закаляет волю. При подобной «обкатке» танками молодые воины на практике убеждались, что от стальных гусениц грозных машин надежно спасают глубокие щели, траншеи, окопы и ходы сообщения, что, находясь в глубокой траншее, они могут успешно поразить вражеские танки гранатами, огнем из противотанковых ружей, а также другими средствами. Получив закалку на учебных полях, молодые воины, как правило, проявляли больше стойкости и уверенности, когда в настоящем бою встречались с немецкими «тиграми».

Обучая пополнение в ближнем тылу, командиры постепенно приобщали молодых, необстрелянных воинов к реальному бою. Они посылали новичков в траншеи переднего края, чтобы те воочию ощутили свист пуль, услышали близкие разрывы мин и снарядов. Причем делалось это разумно. В отделении, взводе, роте новички

распределялись попеременно с бывальыми воинами, прошедшими суровую школу войны. Все это позволяло быстрее формировать у пополнения боевые качества, морально и психологически готовить их к суровому испытанию в бою.

В дни подготовки к предстоящей операции войска учились взламывать оборону противника, с ходу форсировать реки, взаимодействовать в наступлении, добиваясь слаженности, сколоченности отделений, расчетов, экипажей и подразделений.

В 3-й гвардейской, 13, 60 и 38-й армиях было выделено 32 штурмовых батальона, которым надлежало в начале операции дерзко атаковать врага и обеспечить успех в полосе предполагаемого прорыва обороны противника. Эти ударные подразделения были предметом особой заботы командиров и политорганов. Для штурмовых батальонов подбирались опытные, волевые командиры и политработники, отважные и бывалые воины. В подразделениях, призванных сыграть важную роль при прорыве вражеской обороны, мы усилили партийно-комсомольскую прослойку. Штурмовые батальоны насчитывали 25—30 и более коммунистов и 60—70 комсомольцев. Это, несомненно, упрочило партийное влияние на личный состав, повысило боеспособность подразделений.

Борьба за совершенствование воинского мастерства являлась важнейшим содержанием политической работы. Политуправление решало эту большую задачу в тесной связи со штабом фронта, с командующими родами войск, аппаратом тыла. Постоянная связь и взаимная информация о положении дел в войсках давали возможность политуправлению фронта более предметно строить свою деятельность, более квалифицированно вести военную пропаганду, занимавшую видное место в работе политорганов. Эту важную партийную задачу политорганы могли успешно выполнять только при активной помощи командиров и штабов.

Личное общение начальника политуправления генерала С. С. Шатилова с руководством фронта давало ему возможность постоянно быть в курсе всех важнейших боевых дел, работать с перспективой, в прочной связи с жизнью и задачами войск.

Контакты и взаимодействие политуправления со шта-

бом фронта еще более улучшились, когда на должность начальника штаба и члена Военного совета фронта прибыл генерал армии В. Д. Соколовский, энергично включившийся в подготовку Львовско-Сандомирской операции. С его приходом штаб стал работать более слаженно и организованно. Весьма эрудированный в военном деле, спокойный и уравновешенный, он не терпел суетливости, дерганья, нервозности, воспитывал у подчиненных деловитость, аккуратность и четкость в работе. Члены Военного совета, командующие родами войск, командармы, начальники штабов армий с глубоким уважением относились к Василию Даниловичу и, без преувеличения можно сказать, многому научились у него. Они учились прежде всего постигать все то новое, что рождала война и боевой опыт, глубоко разбираться в сложнейших вопросах военного искусства.

У генерала армии В. Д. Соколовского, занимавшего руководящие посты в Вооруженных Силах, не было и тени кичливости и зазнайства. Его простота в обращении с подчиненными, спокойствие, уравновешенность и добродушная улыбка подкупали всех. Василий Данилович не раз выступал на фронтовых совещаниях членов военных советов и начальников политорганов, ясно и четко разъясняя боевые задачи и специфику предстоящей операции, глубоко анализируя оперативную обстановку, реально оценивая противника и наши возможности. Это помогало политуправлению фронта и политотделам армий более предметно планировать партийно-политическую работу, квалифицированно решать вопросы военной пропаганды и действенно влиять на боевую деятельность войск.

Мы знали, что 1-му Украинскому фронту противостоит мощная группировка немецких войск, костяк которой составляли танковые и моторизованные дивизии. Это выдвигало на первый план вопросы борьбы с танками врага. Путь наступающим советским войскам преграждали многочисленные реки, в том числе одна из крупнейших в Европе — Висла. Значит, все части и соединения должны быть нацелены на успешное преодоление рек с ходу и захват плацдармов. На этих двух стержневых вопросах была сосредоточена вся наша военная пропаганда.

Листовки и памятки, выпущенные политуправлением

фронта, политотделами армий, корпусов, дивизий, содержали концентрированный опыт войны. Они учили солдат, как уничтожать танки противника артиллерией, гранатами, противотанковыми ружьями, как форсировать реки и как пехоте надлежит наступать вслед за огнем артиллерии, взаимодействовать с танками, авиацией, вести бой в траншеях, в лесу, населенном пункте и т. д. Почти каждый солдат и сержант имел такие листовки и памятки и действовал в бою так, как учили командиры, как просто и доходчиво было сказано в памятках.

Применялись и другие формы пропаганды передового опыта. В частности, у нас проходили встречи боевого содружества воинов различных родов и видов войск, слеты Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы, сборы разведчиков, истребителей танков, снайперов. Знаменитый снайпер Максим Брыксин, о ратном мастерстве которого я много слышал еще в начале войны на Южном фронте, вынес свой опыт далеко за пределы родной части. Он побывал во многих соединениях 18-й армии и личным показом на переднем крае и в ближнем тылу обучал молодых огневиков секретам снайперского искусства, тактическим приемам и способам маскировки. Его примеру последовали Василий Курка, Василий Богатырев и другие мастера огня, уничтожившие десятки и сотни гитлеровцев.

С пополнением не раз беседовали кавалеры ордена Славы Александр Виноградов, Леонид Леганев и Федор Юрченко, отважный пулеметчик и парторг эскадрона Шакир Джигангараев, мастер артиллерийского огня Иван Прач.

Герои Советского Союза В. Пермяков и З. Асфандьяров, наводчики орудий П. Карташев, И. Лихошерстов передавали опыт борьбы с немецкими танками. Молодые, необстрелянные солдаты с большим вниманием прислушивались к советам бывалых воинов.

В соединениях и штабах кипела напряженная подготовка к наступлению. Усилилось наблюдение за противником, в широких масштабах велось ночное подслушивание. Войска на различных участках осуществляли разведку боем, а поисковые партии охотились за «языками».

Но, к сожалению, захваченные нами «языки» и данные, добытые разведкой боем, иногда доставались тяжело. Это объяснялось отчасти тем, что противник соз-

дал мощную, глубоко эшелонированную оборону, прикрытую хорошо организованной системой огня, когда подступы к переднему краю простреливались всеми видами оружия. Разведчикам, пытавшимся проникнуть в стан врага, приходилось преодолевать минные поля, фугасы, многочисленные проволочные заграждения со средствами звуковой сигнализации и т. п.

Там, где умело, тщательно организовывали разведывательную работу, где имелись опытные, ловкие и тренированные бойцы, результаты разведки, разумеется, были успешнее и потеря в личном составе было меньше. Вот почему Военный совет фронта обсудил вопрос об улучшении разведывательного дела.

В решении мы отметили необходимость укрепления разведывательных подразделений опытными, волевыми и храбрыми офицерами, рекомендовали смелее выдвигать на командную работу бывалых разведчиков из числа сержантов. Военный совет подчеркнул, что главным звеном в постановке войсковой разведки является воинское и политическое воспитание бойцов и командиров. Мы предусмотрели необходимые меры по улучшению партийно-политической работы в разведывательных подразделениях и укреплению в них партийного ядра.

Спустя некоторое время начальник политуправления фронта генерал-лейтенант С. С. Шатилов проверил, как выполняется решение Военного совета. Он доложил, что в разведывательных подразделениях созданы полнокровные партийные и комсомольские организации, что в каждой из них насчитывается примерно до 12 коммунистов и 30—35 комсомольцев. Это значительно укрепило спецподразделения и улучшило постановку разведывательного дела.

ПОЛИТРАБОТНИКИ ГОТОВЯТСЯ К НАСТУПЛЕНИЮ

В то время как полки и дивизии пополнялись людьми и оснащались боевой техникой, политорганы укрепляли партийные ряды, заботясь о том, чтобы войска первой линии, и прежде всего ударные группировки фронта, имели полнокровные парторганизации. От этого во многом зависели высокая боеспособность и стойкость частей, успешное выполнение ими боевых заданий командования.

Несмотря на заметные потери в предыдущих операциях, число коммунистов возрастало. За первые шесть месяцев 1944 года на 1-м Украинском фронте в партию вступило почти 90 тысяч воинов. К 1 июля 1944 года мы имели 17 тысяч первичных и ротных парторганизаций и 16 775 первичных и ротных комсомольских организаций. Всего в наших войсках в то время насчитывалось 229 тысяч коммунистов и 166 тысяч членов ВЛКСМ. Эта огромная армия идейно убежденных людей цементировала ряды воинов, вела их за собой, воодушевляла героическим примером и пламенным словом.

Во главе партийных и комсомольских организаций стояли, как известно, парторги и комсорги рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, батальонов и дивизионов, а также равных им подразделений. Каждый из них имел на случай выбытия из строя двух заместителей.

Парторганами были весьма авторитетные коммунисты, обладавшие железной волей, стойкостью и отвагой. В бою они находились на самых трудных участках, первыми поднимались в атаку на врага. Естественно, что они нередко выходили из строя. Особенно большое обновле-

ние низового партийного руководства произошло в мартовской наступательной операции, протекавшей в невероятно трудных условиях. В результате половина наших парторгов имела очень небольшой стаж руководящей работы.

Молодые партийные вожаки нуждались в серьезной помощи, практическом инструктаже, деловых советах. Политорганы учили их в самых различных условиях. В период затишья проходили семинары, сборы, а в боевой обстановке практиковался личный инструктаж. Политработники советовали парторгам, как воспитывать молодых коммунистов, особенно кандидатов в члены партии, как организовывать и проводить партийные собрания.

По-деловому обсуждая насущные вопросы, коммунисты говорили обычно кратко. Порой собрание прерывалось, и его участники уходили в боевые порядки, чтобы отбить атаку врага. Решения, как правило, были предельно лаконичными, ясными и понятными для каждого. Мне запомнился один такой документ:

«Собрание постановляет: 1. Коммунистам в бою стоять насмерть. С оборонительных позиций никому не отходить. 2. Приказ командира выполнить до конца, выполнить любой ценой. 3. Если легко ранен, оставаться в строю. 4. После боя парторгу сделать информацию о том, как коммунисты выполнили данное постановление».

Опорой командиров и политорганов являлись агитаторы. В войсках фронта их число (в зависимости от количества армий) порой достигало 50 тысяч. Так, например, в 60-й армии перед началом Львовско-Сандомирской наступательной операции было 5266 агитаторов, в том числе 2732 коммуниста, 1375 комсомольцев и 1159 беспартийных воинов.

Политорганы учили агитаторов работать в сложных условиях войны, вооружали идеями, фактами, материалами, учили искусству агитации, ставили перед ними конкретные задачи.

А задачи у нас были большие и многогранные. Военный совет фронта рассмотрел также план партийно-политической работы, охватывавший все этапы наступления. Докладывал начальник политуправления генерал-лейтенант С. С. Шатилов.

В плане были изложены мероприятия в области пропаганды и агитации, намечалась конкретная организа-

торская работа по укреплению партийных и комсомольских организаций, пополнению рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, определялось содержание военных газет, листовок для наших войск и войск противника. Планировалось примерное распределение сил политуправления фронта и его резерва, указывалось, каким армиям, исходя из их боевых задач, уделить больше внимания.

Политуправление фронта располагало опытными кадрами политработников. Это был боевой сплоченный коллектив, пользовавшийся авторитетом среди командиров и политорганов фронта. Возглавлял его генерал С. С. Шатилов — энергичный, инициативный и опытный человек. Его заместителем являлся генерал-майор П. А. Усов, выдвинутый на эту должность из 38-й армии.

Оргинструкторским отделом политуправления фронта руководил полковник В. И. Суриков, отделом пропаганды и агитации ведал полковник А. А. Пирогов. Партийную комиссию возглавлял полковник И. И. Новиков, отдел по работе среди войск противника — подполковник Л. А. Дубровицкий, отдел кадров — полковник Г. Н. Любимов.

В штатах политуправления фронта имелась инспекторская группа, состоявшая из пяти человек. В нее входили полковник Г. М. Савенок, подполковники П. К. Козак, П. В. Тарасов, А. И. Капралов, Б. В. Ивахник.

Военный совет высоко ценил деятельность политуправления и всегда опирался на него. Забота о политическом и воинском воспитании солдатских масс и сплочении их вокруг ВКП(б), о создании полнокровных партийных и комсомольских организаций, повышении уровня и действенности партийно-политической работы всегда стояла у нас на первом плане.

Политработа, оказывавшая огромное воздействие на исход боев и сражений, по праву считается тем особым видом оружия нашей партии, которое неизмеримо умножает боевую мощь армий.

Направляя политорганы, оказывая им повседневную помощь, Военный совет на своих заседаниях и в рабочем порядке решал назревшие вопросы партийно-политической работы. Так, например, летом 1944 года Военный совет фронта обсудил и принял решения: «О воспитательной работе с пополнением из освобожденных западных областей Украины», «О пропаганде героизма во

фронтной и армейской печати», «О политической работе в бою» и многие другие.

Осуществляя руководство политуправлением фронта, Военный совет не опекал его по мелочам, а занимался важнейшими проблемами партийно-политической работы в войсках. Мы периодически обсуждали и утверждали планы партийно-политического обеспечения оборонительных и наступательных операций, а затем анализировали результаты этой работы и принимали все меры к тому, чтобы ее уровень неуклонно повышался. Начальник политуправления, как правило, присутствовал на заседаниях Военного совета и был всегда в курсе дела, зная цели и задачи операции, ее особенности и специфику. Это позволяло лучше планировать партийно-политическую работу, добиваясь ее целеустремленности, непрерывности и действенности.

Во время оперативной паузы, предшествовавшей новому большому наступлению, политорганы обобщали опыт минувших боев и разнообразными средствами и формами политработы оказывали командирам помощь в создании крепкой обороны.

Совещания, на которых подводились итоги мартовской операции, проходили в дивизиях, армиях и во фронте. Эти разборы были хорошей школой изучения деятельности политработников в различных условиях боевой обстановки. Здесь обсуждались такие вопросы, как планирование партийно-политической работы, организация информации в ходе операции и боя, пропаганда героизма и боевого опыта и другие. Анализировались действенность газет и листовок, обращенных к своим войскам и войскам противника, работа среди молодого пополнения, вопросы проведения партийных и комсомольских собраний перед боем и после него, приема в ряды партии и комсомола. Словом, все звенья партийно-политического аппарата постигали сложное искусство политработы в любой обстановке, учились вести широкую пропаганду великих идей ленинской партии, конкретных задач, поставленных ЦК ВКП(б), Государственным Комитетом Обороны, Ставкой Верховного Главнокомандования и Главным политическим управлением Красной Армии.

Памятуя важнейшее указание партии о том, что «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души», политуправление фронта с одобре-

ния Военного совета решило в канун наступательной операции во всех частях провести митинги, чтобы на новую ступень поднять жгучую ненависть советских воинов к фашизму. Митинги готовились тщательно. Агитаторы зачитывали документы о преступлениях гитлеровцев, опубликованные в печати, и акты о зверствах оккупантов, составленные местными властями, представителями общественности и воинских частей. Во всех подразделениях были опрошены солдаты, сержанты и офицеры и учтены все факты известных им преступлений, совершенных нацистскими палачами, записаны родственники и односельчане воинов, убитые или замученные фашистами.

Так, например, в 722-м стрелковом полку 15-й гвардейской стрелковой дивизии был объявлен грозный счет врагу. Политаппарат части оформил этот документ в виде плаката с текстом:

«Мы мстим гитлеровцам:

за 775 убитых ими наших родственников,

за 909 наших родных, угнанных на каторгу в Германию,

за 478 сожженных домов и 303 разрушенных хозяйств».

Такого рода счета мести велись повсюду. Некоторые из них публиковались в газетах, листовках, объявлялись на митингах и сообщались в докладах и беседах.

В июне 1944 года в войсках фронта прошло 1570 митингов, на которых выступило 7520 бойцов, командиров и политработников, а также советских граждан, бежавших из фашистских концлагерей, и местных жителей, освобожденных нашими войсками.

Митинг в 1-м батальоне 1077-го стрелкового полка открылся кратким, ярким выступлением заместителя командира по политической части старшего лейтенанта Бобкова. Затем слово попросил красноармеец Душевский, призванный в армию из района, недавно освобожденного от оккупации.

— Мне всего двадцать два года, а я уже поседел, — горестно произнес боец. — Вот до чего довели меня гитлеровцы — изверги рода человеческого. Мой хороший товарищ, в прошлом учитель, пытался бежать из фашистской неволи, но был пойман и затравлен собаками.

Чтобы устроить нас, узников, эсэсовцы заставили учителя бегать вокруг лагеря, а злобные овчарки яростно рвали его. Я буду беспощадно мстить палачам за их чудовищные преступления.

Гневом и негодованием, жгучей ненавистью к врагу были пронизаны и речи других ораторов. На митинге выступило девять бойцов, сержантов и офицеров. В заключение поднялся командир батальона капитан Моженко. Окинув взглядом суровые лица солдат, офицер сказал:

— Мне часто говорят, почему ты, комбат, все время рвешься вперед, лезешь в самое пекло? У меня, товарищи, особый счет к фашистам. Эсэсовцы и полиция, ворвавшись в мой родной дом, учинили обыск. Взбешенный неудачей, эсэсовский главарь схватил из колыбели моего двухмесячного сына и с размаху ударил об стену головой... Я ненавижу дегоубийц и буду уничтожать фашистскую погань при всякой возможности! К этому призываю и всех вас.

Личный состав батальона почтил вставанием память советских людей, павших от рук нацистов.

— Скорее бы в наступление! Мы отомстим врагу! — в один голос заявляли воины.

И так было повсеместно. Начальник политотдела 3-й гвардейской армии генерал-майор Г. А. Бойко докладывал, что в 236-м стрелковом полку заместитель командира по политчасти майор Суховой собрал митинг на лесной поляне, где гитлеровские убийцы расстреливали ни в чем не повинных советских людей, а подчас зарывали их в могилы живыми.

Первым выступил командир минометного взвода старшина Прядко.

— Вот здесь, на глухой лесной поляне, — дрогнувшим голосом произнес он, — погибли от руки гитлеровских убийц шестнадцать тысяч советских людей, среди них — моя жена, мои дети. Немецкие изверги не пощадили и моего восьмидесятилетнего отца. Его повесили за то, что он вступился за мою младшую сестру, на которую напал злодей-насилник.

Слушая рассказ старшины о жуткой трагедии, воины гневно сжимали оружие, готовые в любую минуту ринуться на врага и покарать преступников, мучителей женщин, детей и стариков. Смахнув набежавшую слезу, Прядко воскликнул:

— Перед братской могилой замученных людей клянусь люто мстить человеконенавистникам. Смерть презренным гитлеровским палачам и убийцам! В бой на врага, в победный бой!

Митинги оказали сильное политическое воздействие на воинов, вызвав новую волну жгучей ненависти к немецко-фашистским извергам и стремление как можно скорее ринуться в наступление.

Мне часто приходилось бывать на митингах, но никогда не забуду одного из них. Это было в конце января 1945 года. Войска 60-й армии под командованием генерала П. А. Курочкина стремительно продвигались на запад. Части 100-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Ф. М. Красавин, 322-й стрелковой дивизии, возглавляемой генерал-майором П. И. Zubовым, и 187-й легкоартиллерийской бригады полковника Р. П. Форбатoka освободили узников фашистского лагеря смерти Освенцим.

Когда мы с начальником политотдела 60-й армии И. М. Гришаевым прибыли в Освенцим, нас, как и всех, потрясла жуткая картина. Мы увидели трупы замученных фашистами жертв, пепел сожженных людей и огромнейшие склады одежды и обуви, оставшихся от уничтоженных узников. От крематория и газовых камер исходил трупный запах...

Случайно уцелевшие узники были крайне истощены. Многие из них не могли ходить. Останавливая советских воинов, люди многих национальностей на различных языках выражали благодарность Красной Армии, спасшей их от смерти.

Мы решили тут же, в Освенциме, провести короткий митинг. Поднявшись на грузовую машину, я сказал воинам:

— Вы своими глазами видели страшные зверства фашистов. К этому трудно что-либо добавить. Смерть — вот что принес народам кровавый нацизм!

Едва я закончил выступление, как на грузовик взобрался взволнованный и побледневший солдат и попросил разрешения сказать несколько слов.

— Нам не надо никаких пояснений, товарищ генерал, — заявил он. — Все ясно. Пусть гитлеровцы не ждут от нас пощады. Звери есть звери. Коричневых волков надо уничтожать!

Послышались крики одобрения.

После короткой остановки части 100-й стрелковой дивизии продолжали наступление. Нам с генералом И. М. Гришаевым и другим командирам и политработникам пришлось провести большую разъяснительную работу, чтобы солдатский гнев направить по правильному руслу, довести до сознания личного состава, что советский воин, призванный сокрушить и уничтожить гитлеровскую военную силу в бою, не трогает тех, кто сложил оружие и сдается в плен, он проявляет гуманное отношение и к мирному немецкому населению, не отождествляя его с преступной правящей кликой...

Летом 1944 года войска фронта вели боевые действия как раз в тех местах, где некогда русская армия осуществила знаменитый брусилковский прорыв. В политической работе учитывалось и это обстоятельство. Воспитывая воинов в духе уважения к героическому прошлому нашей Родины, мы отметили годовщину брусилковского прорыва. Большое впечатление на бойцов произвели беседы ветеранов — участников первой мировой войны.

— Эти места хорошо знакомы мне, — рассказывал однополчанам старый солдат Фома Шершун. — Здесь в шестнадцатом году я воевал. Наш 187-й Аварский полк шел в атаку под барабаны и полковую музыку. Когда мы дорвались до окопов и ударили в штыки, враг не выдержал и отступил. В тех боях я заслужил Георгиевский крест. Теперь война намного труднее, но мы стали несравнимо сильнее, крепче духом. Знаем, за что воюем, и знаем, что защищаем власть народную, дело Октября.

Командиры и политорганы стремились привести в действие все виды идеологического оружия, чтобы еще выше поднять боевую силу войск, подготовить их психологически к предстоящим испытаниям.

Военный совет и политическое управление фронта провели перед началом наступательной операции совещание писателей, работавших в красноармейских газетах. Началось оно докладом Героя Советского Союза Сергея Борзенко на тему «Советская литература в дни Отечественной войны». С речью о земле, которую мы освобождали, о Советской Украине выступил писатель Любомир Дмитерко. О боевой работе украинских литераторов говорил поэт Андрей Малышко.

Писатели справедливо подчеркивали, что в годы бое-

вых испытаний газета стала передним краем советской литературы и работа в ней являлась важным и почетным делом. Николай Грибачев свое страстное выступление завершил отрывком из написанной им на фронте поэмы «Россия». Выступления литераторов были проникнуты кровной заботой о том, чтобы слово писателя обрело могучую атакующую силу и вело солдат в бой.

Почти одновременно проходило и совещание военкомов и читателей национальных изданий фронтовой газеты «За честь Родины». Здесь выступили начальник отдела агитации и пропаганды политуправления полковник А. А. Пирогов и его заместитель по печати майор С. И. Дедов.

С военкорами и читателями обстоятельно беседовал и Борис Горбатов. Мы всегда высоко ценили его страстную, боевую публицистику, особенно его «Письма к товарищу». Писатель-правдист умел вторгаться в армейскую жизнь и поднимать большие вопросы.

Большое внимание уделялось индивидуальной работе с воинами. Командиры и политработники особенно пристально изучали молодых солдат, призванных из освобожденных районов, интересовались их запросами и настроениями, помогали лучше понять глубокий смысл происходящих событий, важнейших решений и политики партии и правительства.

В те дни в войсках усилился интерес и к международным проблемам. Отчасти это объяснялось тем, что англо-американские армии наконец-то открыли второй фронт. Но реакция советских солдат на это событие была довольно прохладная.

— Поздно, очень поздно расшенились союзники, — говорили они. — К шапочному разбору заявили в Европу. Мы сейчас и одни сумели бы справиться с фашистами.

Теперь, много лет спустя, фальсификаторы истории безуспешно тшятся преуменьшить роль и значение Советского Союза в разгроме немецко-фашистской Германии. Но ведь всему миру известно, что хребет гитлеровской военной машине перебила Красная Армия и что лучшие дивизии вермахта были перемолоты на советско-германском театре военных действий.

К началу открытия второго фронта в Европе немецкое командование держало на Западе 61 слабо укомп-

лектованную и оснащенную дивизию. Группа армий «Б» под командованием фельдмаршала Роммеля, на участке которой высадились англо-американские войска, обороняла Северную Францию, Голландию и Бельгию. Она насчитывала 36 дивизий, в том числе 3 танковые. А против 1-го Украинского фронта летом 1944 года гитлеровское руководство сосредоточило 42 дивизии, из них 8 танковых и моторизованную. Видно, один только наш фронт был для врага страшнее, чем все объединенные англо-американские армии.

Мы, признаться, надеялись, что второй фронт притянет к себе определенное количество дивизий противника. Но тщетны были ожидания. Правда, после поражения в Белоруссии немецко-фашистское командование перебросило из западных областей Украины несколько дивизий на прорывные участки, но ни одна из них не была отправлена на Запад, где высадились союзнические войска.

К началу нашего наступления группа неприятельских армий «Северная Украина» состояла из 34 пехотных, 5 танковых, 1 моторизованной дивизий и 2 пехотных бригад, насчитывавших с учетом тылов 900 тысяч человек, 900 танков и штурмовых орудий, 6300 орудий и минометов и 700 самолетов 4-го воздушного флота.

В СТАВКЕ

В первых числах июня 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования дала указание командованию фронта на разработку плана Львовской наступательной операции. Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев и недавно назначенный на должность начальника штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский вместе с узким кругом штабных генералов и офицеров, а также начальниками родов войск всецело отдались этой большой и напряженной работе. Они с особой тщательностью изучали данные о противнике, его силах и средствах, всесторонне оценивали наши боевые возможности, материально-техническую базу, планировали направления основных ударов и использование танковых армий в наступательной операции, занимались вопросами организации артподготовки и авиационной поддержки, определяли темпы наступления наших войск на различных этапах операции, изучали и другие вопросы.

И. С. Конев и В. Д. Соколовский, Военный совет фронта в целом продумали не один вариант плана предстоящего наступления, советовались с командующим артиллерией 1-го Украинского фронта генералом С. С. Варенцовым, начальником инженерных войск генерал-лейтенантом инженерных войск И. П. Галицким, командующим бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковником танковых войск Н. А. Новиковым, начальником тыла фронта генерал-

лейтенантом Н. П. Анисимовым. Не раз они беседовали и с командармами. Командармы, в свою очередь, детально рассматривали задачи корпусов, дивизий, полков по подготовке к предстоящей операции.

Мне, как первому члену Военного совета, пожалуй, больше, чем обычно, приходилось вникать в работу штаба фронта. В один из визитов к генералу армии В. Д. Соколовскому я спросил Василия Даниловича:

— Как сегодня работает главный мозг фронта?

— Нормально, в боевом ритме, — со вздохом ответил начальник штаба. — Дел более чем достаточно, а времени не хватает.

Затем он продолжал:

— Сейчас ломаем голову над вопросом: откуда, из какого района лучше всего нанести по врагу одновременные удары, где лучше всего взломать неприятельскую оборону и где сомкнуть наши танковые клещи, чтобы окружить бродскую группировку? Заманчивых мест много. Выбор большой. Линия фронта протянулась на четыреста сорок километров. Намеченные варианты надо обсудить, тщательно взвесить все «за» и «против» и найти наиболее правильное решение.

Генерал армии В. Д. Соколовский напомнил, что Ставка, предложившая нам разработать план Львовской операции, не сказала еще своего решающего слова и предоставила в этом деле командующему и штабу фронта полную инициативу.

Содержание разрабатываемого плана, как всегда, сохранялось в глубокой тайне. Когда должно начаться ожидаемое наступление, какими силами и резервами располагает фронт, где будут сосредоточены наши ударные группировки и на какие оперативные направления они нацелены, об этом знали лишь Военный совет и строго ограниченный круг должностных лиц. Однако все понимали, конечно, что фронт долго на месте стоять не будет, и настойчиво, изо дня в день готовились к большим сражениям.

Главные цели и задачи операции были положены и в основу плана партийно-политической работы. Этот документ тоже составлялся в одном экземпляре и не рассылался политотделам армий, а постепенно и поэтапно доводился до них. Лишь после того как план операции утверждался Ставкой, на совещании членов воен-

ных советов и начальников политотделов армий, в полном объеме рассматривался план политического обеспечения операции, с учетом конкретных задач каждого объединения.

Вскоре кропотливая работа над оперативным планом была завершена. После обсуждения на Военном совете мы представили его в Ставку. В двадцатых числах июня Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал в Москву Маршала Советского Союза И. С. Конева. Одновременно было приказано прибыть в Ставку и мне.

В самолете мы вели речь о главном предмете нашего визита в Ставку — плане наступательной операции. Еще и еще раз обменивались мнениями, волновались, ободряли друг друга. Но вот воздушный корабль опустился на аэродром, находившийся в центральной части столицы, возле станции метро «Аэропорт». Наготове стояли автомашины. Все оперативные документы были переправлены в Ставку.

Во второй половине дня 23 июня мы пошли в Кремль. Нас проводили в кабинет И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий подошел к нам, поздоровался и пригласил занять место за столом. Собрались члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны, представители Ставки и Генштаба. И. В. Сталин предлагает Маршалу Советского Союза И. С. Коневу кратко, в пределах 15—20 минут, изложить идею плана.

И. С. Конев объясняет замысел операции, показывает на карте, как наши войска двумя мощными ударами на львовском и рава-русском направлениях должны рассеять группу немецко-фашистских армий «Северная Украина», окружить и уничтожить противника в районе Броды.

— А почему два удара? — зажигая трубку и разгоняя рукой сизый дымок, спросил Сталин. — Может быть, два удара и не стоит наносить? Пусть вместо двух ударов будет один мощный, сокрушительный!

И. С. Конев убедительно и обоснованно доказывал, что конкретная обстановка настоятельно требует нанесения именно двух ударов. Он отметил, что один удар, пусть даже очень мощный, будет выталкивать противника, а не уничтожать его. В этом случае у немецко-фа-

шистского командования окажется больше возможностей для маневра резервами и парирования наших усилий.

— Прошу вас, товарищ Сталин, — заявил Конев, — взять за основу оперативный план фронта и утвердить его. Фронт — крупное войсковое объединение, и мы в силах самостоятельно решать большие задачи.

Мне казалось, что Сталин вот-вот возразит Коневу, пожурит его за напористость и поступит по-своему. Однако нет! И. В. Сталин по-прежнему размеренно ходил по кабинету, о чем-то раздумывая. Без тени раздражения он внимательно слушал доводы Конева, продолжавшего убеждать, что два концентрированных удара сулят нам больше оперативных выгод, нежели один. Потом вдруг Сталин остановился возле Ивана Степановича, пылливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил:

— Вы очень упрямы! — После некоторой паузы, пряча усмешку в усы, добавил: — Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте.

Верховный Главнокомандующий снова немного помолчал, затем сказал:

— Хорошо! Сегодня, видимо, ничего не решим, отложим на завтра и поручим Генштабу еще раз уточнить план и подготовить его на утверждение.

В связи с этим хочется сказать следующее. Некоторые товарищи высказывали мнение, что Сталин якобы проявлял несговорчивость и не прислушивался к предложениям командующих и военных советов, не терпел возражений. За годы войны мне пришлось трижды быть на приеме у И. В. Сталина, принимать участие в обсуждениях различных вопросов боевой деятельности войск. Из этих немногих, но хорошо запомнившихся встреч в моей памяти отложилось другое — Сталин внимательно и порой чрезвычайно терпеливо выслушивал мнения военных деятелей.

На другой день, при окончательном уточнении плана, Ставка и Генштаб обратили внимание Военного совета фронта на то, что запланированные темпы наступательной операции для пехоты (30—35 километров в сутки) чрезмерно завышены и нереальны и что пехоте следует поставить более посильные задачи. Позднее, когда подводились итоги Львовско-Сандомирской операции, мы

убедились, что Ставка и Генштаб были правы. Так, например, темп продвижения войск 3-й гвардейской и 60-й армий составлял 10 километров в сутки, 38-й армии — 8, и лишь 13-я армия продвигалась в сутки на 18 километров. Таким образом, следует признать, что командующий фронтом, штаб и Военный совет проявили излишний оптимизм, планируя столь высокие темпы наступления для пехоты.

Ставка усилила 1-й Украинский фронт 5-й гвардейской армией в составе девяти дивизий, а также четырьмя авиационными корпусами.

Утвердив план операции с сохранением двух ударов, Верховный Главнокомандующий пожелал 1-му Украинскому фронту ратных успехов, новых побед.

— Имейте в виду, Конев, — заметил И. В. Сталин, — операция должна пройти безупречно и принести желаемый результат. Нам нужен успех в этом районе, непременно нужен.

Сталин посмотрел на часы и неожиданно спросил нас:

— А вы когда-нибудь наблюдали победный салют Москвы?

— Еще не приходилось, товарищ Сталин, — признались мы с Коневым.

— Что ж, дело поправимое, — улыбнулся Верховный Главнокомандующий. — Как раз через десять минут начнется салют. Я вас приглашаю.

И Сталин повел нас во двор Кремля. Когда мы вышли на окаймленную деревьями кремлевскую площадь, вся округа огласилась грохотом орудийного салюта, а закатное небо расчертили вспышки разноцветных ракет. Это было поистине впечатляющее зрелище, особенно для тех, кто видел салют впервые. Я посмотрел на Сталина. Он был в приподнятом, как мне казалось, настроении.

— Это, товарищи, не просто иллюминация, — заметил он, — а воздание почестей массовому героизму воинов, отличившихся в боях. Москва-столица от имени Родины славит и благодарит войска за ратные подвиги, за одержанную победу. О большом смысле и значении этой меры надо рассказывать воинам.

Мы доложили Верховному Главнокомандующему, что фронтовики воспринимают каждый салют Москвы как

большое и радостное событие, как своеобразный праздник в боевой жизни войск. Они почитают за большую честь, когда их родная дивизия, корпус, армия и фронт упомянуты в приказе, объявляемом по всей стране. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы испытывают законное чувство военной гордости и благодарности за то, что партия и народ достойно отмечают их ратные подвиги. Это поднимает моральный дух войск, воодушевляет бойцов на новые подвиги.

Затем И. В. Сталин попрощался с нами, и мы поспешили в Генштаб, чтобы согласовать некоторые вопросы, связанные с предстоящей наступательной операцией.

Накануне отъезда из Москвы меня принял секретарь Центрального Комитета партии, начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А. С. Щербаков. Раньше мне с ним неоднократно приходилось беседовать по ВЧ, а лично встретиться довелось лишь в кабинете И. В. Сталина, когда обсуждался план Львовской операции.

Приглашая меня на беседу, Александр Сергеевич заранее предложил подготовить информацию о том, как Военный совет и политорганы фронта готовятся к новым боям и как мы намерены подкрепить партийно-политической работой план наступления.

— Это нам очень важно знать, — заметил Александр Сергеевич. — Ведь даже самый блестящий оперативный замысел не принесет желаемого успеха, если войска не воодушевлены и не мобилизованы на достижение победы.

Генерал-полковник А. С. Щербаков принял меня радушно, и беседа наша продолжалась примерно час-полтора. В те дни в газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро «Три года Отечественной войны Советского Союза». Главное политуправление обязывало политорганы довести содержание этого важного документа до каждого бойца, разъяснить воинам итоги трехлетней героической борьбы с фашистскими захватчиками, показать, какой большой путь прошли народ и армия.

— За три военных года командные и политические кадры, все наши воины закалились, обрели громадный боевой опыт, а Красная Армия одержала немало выда-

ющихся побед, — подчеркнул А. С. Щербаков. — Но вместе с ростом боевого мастерства и морального духа воинов у некоторой части офицеров появились зазнайство и беспечность. Это чрезвычайно опасно и может привести в конечном счете к серьезным промахам. Возьмите, к примеру, ваш горький опыт с Житомиром. Дело, конечно, прошлое, но напомнить об этом не мешает. В ноябре сорок третьего года вы сдали Житомир не потому, что не было сил и средств, а из-за беспечности. Так и запомните: зазнайство — враг победы!

А. С. Щербаков поинтересовался тем, как в войсках фронта выполняется директива Главного политического управления о воспитательной работе среди призывников из западных областей Украины. Я доложил, что наши командиры и политработники, партийные и комсомольские организации правильно поняли свои задачи и этой категории военнслужащих уделяют первостепенное внимание. Некоторые наши дивизии, понесшие потери в предыдущих операциях, пополнились призывниками из освобожденных областей УССР.

Западные области Украины, как известно, лишь в сентябре 1939 года были воссоединены с Советской страной и буквально через полтора года оккупированы немецко-фашистскими войсками. Это наложило свой отпечаток и на людей. Почти 40 процентов призывников из западных областей Украины были неграмотными или малограмотными. Большинство из них в армии не служили и военного дела не изучали. Они мало знали об Отечественной войне, о героической борьбе Красной Армии с фашистскими захватчиками, о трудовых подвигах народов многонационального Советского Союза.

Наша политико-воспитательная работа преследовала цель помочь этим людям полностью освободиться от последствий фашистской и буржуазно-националистической пропаганды и по-настоящему подготовиться к выполнению воинского долга. С этой целью мы увеличили тираж фронтовой газеты на украинском языке «За честь Батьківщини», усилив пропаганду боевых традиций. Каждый призывник получал текст присяги, листовки о законах советской гвардии. Агитаторы рассказывали новичкам о боевом пути частей и соединений, об успехах на фронтах Отечественной войны. Особый упор мы делали на индивидуальную работу. Бывалые

солдаты, ветераны боев брали под свое влияние молодых воинов. И это давало положительные результаты.

Затем я доложил товарищу Щербакову о мерах, принятых Военным советом фронта по повышению бдительности и боевой готовности войск, а также о политической работе среди местного населения прифронтовой полосы.

В ходе беседы у нас зашел разговор о стиле работы членов Военного совета и их месте во фронтовом органе.

— Считаю необходимым пожуричь вас, — неожиданно сказал Александр Сергеевич и, сняв очки, принялся протирать стекла. — До меня дошли сведения, что вы в районе Житомира ходили со стрелковым батальоном в атаку. Вы не знаете своего места как член Военного совета фронта. Так не годится.

— Александр Сергеевич! Вы получили не совсем точные сведения, — ответил я. — До участия в атаке дело не доходило, а в боевых порядках частей нам полезно бывать. Это помогает еще лучше изучить фронтовую жизнь, более правильно руководить политработой в различных условиях, различной боевой обстановке.

Александр Сергеевич с этим, разумеется, согласился, но все же порекомендовал не забывать функций члена Военного совета фронта.

Во время беседы А. С. Щербаков высказал мысль о том, что мы иногда строим политработу без учета новых явлений, новых обстоятельств, новых требований, продиктованных войной. Взять, например, такое качество, как советский героизм, принявший поистине массовый характер. Боец нашего времени стал более умным, смелым, спортивным. К отваге прибавилось возросшее мастерство, воинское умение, нравственное богатство. Гвардия стала символом героизма, ратного умения не отдельных храбрых одиночек, а спаянных полков, дивизий, корпусов и армий.

— Сколько у вас во фронте гвардейских дивизий? — спросил А. С. Щербаков.

Я ответил, что около 50 процентов. В предстоящей наступательной операции будут участвовать 5 гвардейских армий.

— Вот видите, — сказал Александр Сергеевич, — пятьдесят процентов дивизий стали гвардейскими. Это ли не качественное изменение войск фронта!

Я сообщил Александру Сергеевичу, что введение гвардии вызвало к жизни много новых замечательных явлений, способствующих воспитанию высоких боевых и моральных качеств воинов. Взять хотя бы гвардейские традиции, ее нерушимые законы — гвардия в обороне не отступает и стоит непоколебимо, а в наступлении не знает преград.

Как раз перед нашей поездкой в Москву некоторым частям и соединениям 1-го Украинского фронта вручались гвардейские Знамена. Торжественно проходила эта церемония в 7-м гвардейском танковом корпусе 3-й гвардейской танковой армии. В гости к воинам прибыла делегация трудящихся из освобожденных танкистами районов Житомирской области. На средства житомирцев была построена колонна боевых машин. Вручение экипажам новых танков, приобретенных на народные рубли, вылилось в патриотическую демонстрацию нерушимого единства армии и народа.

Необычно волнующим был и момент вручения гвардейских Знамен. Я много раз присутствовал на таких торжественных церемониях, и всегда воинский ритуал трогал меня до глубины души. Принимая гвардейские Знамена, командиры танковых бригад Д. А. Драгунский, З. К. Слюсаренко и командир мотострелковой бригады А. А. Головачев перед строем целовали боевые стяги с изображением великого Ленина. Воины, опустившись на правое колено, взволнованно произносили слова гвардейской клятвы:

«Мы, гвардии рядовые, сержанты и офицеры, в дыму и пламени грядущих решающих сражений с честью пронесем свой боевой стяг по полям битв до полного уничтожения немецкого зверя в его собственной берлоге. Мы с чувством законной гордости будем множить и совершенствовать гвардейские боевые традиции».

Речь зашла о командных кадрах. Я доложил товарищу Щербакову, что командир-единоначальник, являющийся организатором и руководителем боя, обязан быть и политическим воспитателем подчиненных. Его твердость, мужество, организаторские способности, знание военного искусства оказывают решающее влияние на

исход схватки с врагом. Личный пример командира, его ободряющее слово, своевременная помощь огнем, маневром, короткая боевая информация о достигнутых успехах благотворно влияют на укрепление морального духа войск, их уверенности в победе. Именно такими качествами обладают наши офицеры.

— Это хорошо, — одобрил начальник Главного политуправления. — А как вы воспитываете у воинов героизм? Как пропагандируете опыт самоотверженных бойцов, как поощряете их?

Александр Сергеевич заметил, что ему известны факты, когда некоторые красноармейцы, прошедшие сквозь огонь сражений и получившие ранения, не отмечены наградами.

— Проверьте, нет ли и на вашем фронте подобных случаев, — порекомендовал он мне. — Нельзя допускать неуважения к солдату-герою.

Генерал-полковник А. С. Щербаков поинтересовался и тем, как наши политработники изучают военное дело, насколько они знакомы с боевой техникой и оружием. На войне все надобно знать — и тактику, и оперативное искусство, и боевую технику. Тогда и политработа приобретет более конкретный и действенный характер.

Беседуя со мной, Александр Сергеевич как бы мимоходом задавал мне вопросы, прощупывая, насколько глубоко я постиг военное дело и как разбираюсь в нем.

Я доложил, что политработники всех родов войск, как правило, хорошо знают свою боевую специальность, оружие и технику. Большинство из них владеет вожделением танка, самолета, умеет руководить огнем артиллерии, а в критические минуты боя политработники не раз заменяли выбывших из строя командиров.

В конце беседы Александр Сергеевич спросил меня, намерен ли Военный совет 1-го Украинского фронта перед началом операции издать обращение к войскам. Я ответил утвердительно. У нас стало правилом, непреложным законом каждую операцию начинать с боевого напутствия войскам.

Генерал-полковник А. С. Щербаков положительно отозвался о мероприятиях, которые мы провели и которые намерены осуществить в канун наступления. Я пригласил Александра Сергеевича приехать к нам, навестить войска. Он устало улыбнулся и с искренним

сожалением сказал, что многочисленные дела в Центральном Комитете партии вряд ли позволят ему побывать у нас в ближайшее время.

— Впрочем, если удастся, непременно побываю у вас, — сказал Александр Сергеевич и, прощаясь, добавил: — А вы тоже не забывайте, своевременно информируйте обо всем важном, почаще звоните. Желаю Первому Украинскому успеха в предстоящей операции, новых славных побед в боях с врагом.

Весьма полезная и вместе с тем непринужденная беседа с Александром Сергеевичем Щербаковым оставила неизгладимое впечатление об этом замечательном деятеле нашей партии.

Мы постоянно ощущали руководство Главного политического управления Красной Армии. Помимо личных встреч и бесед с секретарем ЦК ВКП(б), начальником Главного политического управления Красной Армии генерал-полковником А. С. Щербаковым мне и начальнику политуправления фронта генералу С. С. Шатилову приходилось довольно часто разговаривать с ним по ВЧ. Александр Сергеевич сам неоднократно звонил нам, ставил в известность о решениях ЦК партии, давал указания, советы и рекомендации, интересовался положением дел в войсках. По его заданию в действующей армии постоянно бывали руководящие работники Главного политического управления. В частности, на 1-й Украинский фронт дважды приезжал заместитель начальника ГлавПУРа генерал И. В. Шикин.

Главное политическое управление Красной Армии, работающее на правах отдела ЦК ВКП(б), представляет собою орган, с помощью которого партия осуществляла и осуществляет ныне свое влияние на войска, руководит партийно-политической работой, мобилизуя коммунистов, комсомольцев и всех воинов на выполнение боевых задач.

БРОДЫ, ЛЬВОВ, ПЕРЕМЫШЛЬ

Утвердил представленный Военным советом оперативный план, Ставка Верховного Главнокомандования 24 июня 1944 года дала директиву 1-му Украинскому фронту, в которой предписывалось нанести два удара: один из района юго-западнее Луцка на Рава-Русскую, другой — из района Тернополя на Львов. Войскам ставилась задача разгромить рава-русскую и львовскую группировки противника и овладеть рубежом Грубешув, Томашув, Яворов, Галич. Глубина операции намечалась 100—130 километров.

Сразу же началась перегруппировка сил. С 25 июня и примерно по 7 июля значительная часть войск скрытно совершала трудные и длительные переходы в новые районы дислокации.

Немецко-фашистское командование заметно усилило разведывательную деятельность. Гитлеровцы, видимо, ожидали удара на львовском направлении и держали против нас очень крупные силы. Открытие второго фронта в Западной Европе не убавило количества противостоявших нам дивизий противника.

Стали поступать хорошие вести от соседей справа. Все три Белорусских и 1-й Прибалтийский фронты развернули грандиозное наступление. Это радовало сердца солдат. Про наш же участок фронта Совинформбюро лаконично сообщало: «без перемен», «без существенных изменений».

А между тем в войсках изменения происходили. И притом весьма существенные. К началу наступления 1-й Украинский фронт имел 1 200 тысяч бойцов и офи-

церов (с учетом тылов), 13 900 орудий и минометов, около 2200 танков и самоходно-артиллерийских установок.

2-я воздушная армия, усиленная Ставкой чуть ли не вдвое, насчитывала более 3000 самолетов. Пожалуй, в истории Отечественной войны впервые одному фронту была поставлена самостоятельная стратегическая задача по разгрому такой мощной и многочисленной группы немецких армий, как «Северная Украина».

Даже при наличии хорошо слаженного штаба, возглавляемого знатоком своего дела генералом армии В. Д. Соколовским, командующему фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу приходилось прилагать много усилий, энергии и труда, чтобы осуществлять непрерывное управление миллионной массой войск. На всем протяжении операции командующий получал поддержку и деловую помощь со стороны Военного совета, который не подменял штаб и не дублировал его работу, а последовательно и настойчиво решал возложенные на него военные, политические и административные задачи.

Задолго до начала операции Военный совет принял меры по активизации партизанского движения на западе Украины. Мы постоянно поддерживали тесную связь с Украинским штабом партизанского движения, возглавлявшимся Т. А. Строкачем, содействовали оснащению и вооружению партизанских соединений. Летом 1944 года народные мстители оказали существенную помощь войскам фронта, разгромив несколько немецких гарнизонов и парализовав на некоторое время железнодорожные участки Львов — Варшава, Рава-Русская — Ярослав.

Но, повторяю, основным в деятельности Военного совета было руководство войсками, претворение в жизнь указаний ЦК ВКП(б), Советского правительства, директивы Ставки Верховного Главнокомандования и утвержденною ею плана наступательной операции.

Нас настораживала возросшая активность немецкой разведки. Чувствовалось, что противник всячески пытается раскрыть наш замысел, районы сосредоточения ударных группировок и направление главных ударов. Наши воины и местные жители обнаружили и задержали десятка два парашютистов, сброшенных врагом в прифронтовой полосе с разведывательными заданиями. Да и бандеровцы и другие националисты усиленно занимались шпионажем, помогая гестаповским хозяевам. Вот

почему вопросы бдительности при приближении начала операции приобрели особую остроту.

Командиры и политорганы принимали все меры к тому, чтобы военная тайна была сохранена, ибо это являлось одним из главнейших условий успеха наступления. Планом оперативной маскировки, который разработал штаб фронта под руководством генерала В. Д. Соколовского, предусматривались меры дезинформации противника с помощью радио, а также переброска по железным дорогам эшелонов с макетами танков, орудий и автомобилей. На левом крыле фронта, в частности в районе Коломыя, Черновцы, имитировалось сосредоточение мощной танковой группировки и пехоты. Кроме макетов здесь были и реальные подразделения, массированно применялись дымовые завесы и т. д.

В этом же районе была развернута сеть ложных аэродромов с макетами самолетов и аэродромной техникой. Имелись даже и ночные ложные аэродромы. Район ложного сосредоточения войск прикрывался дежурными звеньями истребителей, которые не раз вступали в бой с вражеской авиацией. Словом, делалось все для того, чтобы привлечь внимание противника к нашему левому флангу. И надо сказать, это в какой-то мере удалось. Гитлеровцы не раз бомбили ложные скопления войск. Так, например, в июне и первой половине июля фашистская авиация 87 процентов налетов совершала на ложные аэродромы и лишь 13 процентов на действовавшие.

Для еще большей дезориентации противника в войсках левого фланга была выделена группа находчивых и смекалистых офицеров из числа политработников и разведчиков, которые довольно умело распространяли среди местных жителей ложные слухи о предстоящем наступлении на пассивных участках фронта. В ряде населенных пунктов побывали «квартирьеры», распределившие дома для штабов и частей и объявившие о скором прибытии сюда танкистов и артиллеристов. Бандеровская агентура, видимо, не замедлила передать гитлеровцам эти сведения.

Начальник штаба фронта В. Д. Соколовский многое сделал для того, чтобы успешно реализовать план оперативной маскировки, и придавал ему важное значение. Он просил помочь в этом и политическими средствами.

Как-то мы с генералом С. С. Шатиловым зашли к Василию Даниловичу. Он сказал:

— Говорят, что обмануть противника, ввести его в заблуждение — уже часть победы. Опыт войн подтверждает, что это именно так. Важно, чтобы враг не мог узнать и понять наших истинных намерений. А для этого нужны не только макеты танков, ложные огневые позиции и аэродромы, но и утроенная бдительность людей, строгое хранение военной тайны. Уметь молчать должен не только тот, кто знает план, но и каждый солдат.

И Василий Данилович подробно начал излагать эту проблему, подкрепляя свои доводы фактами из истории войн и изречениями многих прославленных полководцев. А военную историю он, надо заметить, знал превосходно и был интересным собеседником.

— Как вы сами понимаете, — обратился начальник штаба фронта к С. С. Шатилову, — одна из важных задач политработы в данный момент состоит в том, чтобы научить людей молчать и строго хранить военную тайну, не быть беспечными.

Военный совет обязал политуправление улучшить воспитание воинов в духе строгого хранения военной тайны. Мы потребовали запретить публикацию во фронтовой печати статей и заметок, в какой-либо степени освещающих вопросы непосредственной подготовки к наступлению.

Наши войска настороженно следили за противником. Военный совет и командиров всех степеней волновал один вопрос: не обманет ли нас противник, не попытается ли он в последний момент отвести свои части в глубь обороны, на вторую полосу? Если мы не заметим этого, то сосредоточенные 250—260 орудий на каждый километр прорыва изроют снарядами пустое место, и тогда мы, пожалуй, не сумеем прорвать вражескую оборону.

Опасения оказались не напрасными. В ночь на 13 июля командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов сообщил по ВЧ, что захваченный «язык» дал показания о возможном отходе немецко-фашистских войск за реку Западный Буг. В ту же ночь разведка боем подтвердила, что и на участке 3-й гвардейской армии гитлеровцы, прикрываясь заслонами, начали отходить на вторую оборонительную полосу.

Командующий войсками фронта приказал 3-й гвардейской и 13-й армиям немедленно перейти в наступление.

— Такой случай упускать нельзя, — говорил Маршал Советского Союза И. С. Конев по ВЧ генералам Н. П. Пухову и В. Н. Гордову. — Нужно на плечах отступающего врага ворваться в его укрепления на второй оборонительной полосе.

На рассвете я выехал в войска ударной группировки, действовавшей на рава-русском направлении. Наш правый фланг пришел в движение.

Противнику обмануть нас не удалось. Когда под покровом ночи немецкие войска начали преднамеренный отход, передовые батальоны 3-й гвардейской и 13-й армий, не теряя времени, без артиллерийской подготовки устремились за противником, сбивая его заслоны, ломая сопротивление арьергардных подразделений.

Момент как будто не был упущен, но смять отходившие гитлеровские войска и на их плечах ворваться во вторую полосу обороны нам не удалось. Перед штурмом второй оборонительной полосы пришлось провести артиллерийскую подготовку. Положение, однако, усложнилось. Поняв, что скрытно отойти не удалось, фашистское командование предпринимало лихорадочные меры, стремясь сдержать продвижение наших частей. Появились две резервные танковые дивизии противника. Напряжение боев возросло. Командующие 3-й гвардейской и 13-й армиями ввели в сражение вторые эшелоны стрелковых корпусов. Эта мера дала положительные результаты. Несмотря на яростное противодействие гитлеровцев, наши наступающие полки прорвали тактическую оборону врага, и войска правого крыла фронта продвинулись на глубину 15—30 километров.

На КП 13-й армии я встретился с генералом М. А. Козловым, который доложил о первых боевых успехах, тепло отозвался об инициативе, находчивости, решительности и отваге воинов. Марка Александровича Козлова я знал хорошо. 13-я армия, где М. А. Козлов являлся членом Военного совета, в составе 1-го Украинского фронта прошла большой и славный путь от Днепра до победного завершения войны. Марк Александрович горячо любил свою родную армию, был ее ветераном, гордился тем, что она выстояла в жесточайшей борьбе на

главном направлении северного фаса Курской дуги и одной из первых форсировала Днепр.

Военный совет и политуправление фронта высоко ценили боевую деятельность опытного политработника генерала М. А. Козлова. В одной из аттестаций так было написано о нем: «Грамотный, подготовленный пропагандист и агитатор. Знает военное дело, умеет политически обеспечивать операцию, бой. Стойкий и смелый политработник».

Вместе с Марком Александровичем Козловым мне довелось вступить в город Горохов, освобожденный 3-й гвардейской и частью сил 13-й армии. Взору предстали горящие дома с развороченными стенами, наваленные листы жести, сорванные с крыш. Вначале было тяжелое чувство: город казался мертвым. Но вот из развалин и подвалов начали выбираться жители. Они рассказали, что эсэсовцы провели поголовную эвакуацию населения. Дома тех, кто не хотел покидать родные места, фашисты взрывали, поджигали. Палачи бесчинствовали, истребляли мирных людей. Слушая торопливые рассказы плачущих женщин, советские воины гневно заявляли:

— Мы догоним эшелоны, в которых гитлеровцы увозят советских людей. Мы заставим эсэсовских бандитов кровью расплатиться за все их преступления.

Войска были накалены святой ненавистью к врагу. Вспоминается небольшой эпизод. Побывав в частях, освободивших Горохов, генерал Козлов и я вышли на западную окраину города и, немного уставшие, присели у дороги на обочине, возле огневой позиции батареи. Вдруг слышим команду:

— По двуногим зверям-захватчикам, душителям народа — три снаряда, беглый огонь!..

Расчеты у орудий повторяли это дружно, сильно и с какой-то неистовой злостью. Я подошел к офицеру-артиллеристу и с одобрением заметил:

— Хорошо командуете! Толково, с политическим смыслом.

— Когда я увидел разрушенный фашистами город, — пояснил офицер, — в моем сердце закипела ненависть к врагу, и я как-то невольно добавил к артиллерийской команде не предусмотренные уставом слова. Так даже

япростнее работается у орудий, да и снаряды вроде точнее летят.

Офицер внес в артиллерийскую команду дух ненависти к фашистам, и эта команда наполнилась политическим содержанием.

Во время продвижения войск вперед политическая работа не прекращалась ни на минуту. Очень много интересных ее форм рождалось в боях. Об этом, в частности, свидетельствует дневник агитатора полка капитана П. Рожко, с которым мне довелось познакомиться. Вот несколько его записей, относящихся к началу Львовско-Сандомирской операции.

«14 июля.

Объявлен приказ о наступлении. Я и группа автоматчиков взяли полковые знамена (их у нас три — одно с орденом Красного Знамени, второе — от ЦИК СССР, а третье — от ЦИК Узбекской ССР), развернули их и пошли по траншеям. Бойцы и офицеры группами по 8—10 человек собирались у знамен. Проводились короткие призывные беседы, провозглашались лозунги. По сигналу осененные знаменем воины двинулись в атаку.

15 июля.

Часть вышла на новый рубеж. Идут бои за первые населенные пункты. Агитаторы подразделений пишут листовки-молнии о товарищах, отличившихся в деле, и передают их по цепи. Агитаторы тт. Скурский, Стадник и Довгань не только проявляют личный пример в бою, но и используют любую возможность, чтобы побеседовать с однополчанами, воодушевить их, провести короткую политинформацию. Они помогают командирам своевременно оформлять материал для представления отличившихся к награждению».

Начальник политотдела 3-й гвардейской армии генерал-майор Г. А. Бойко ознакомил меня с первыми политдонесениями, поступившими из частей и соединений. В одном из этих документов рассказывалось, что в 270-м стрелковом полку командир расчета ПТР комсомолец Евгений Долгов, подавший перед боем заявление о приеме в партию, смело и решительно действовал в наступлении. Получив ранение в правую руку, он не покинул поля боя, хотя ему дважды предлагали идти в медсанбат. «Я вступил в ряды партии, — заявил Евгений

Долгов, — и свою принадлежность к ней готов доказать делами — буду сражаться с врагом до последней возможности. Я еще могу стрелять левой рукой и готов разить фашистов, пока хватит сил».

В том же полку сержант Дмитрий Полугодин заявил агитатору старшему лейтенанту Усманову:

— Вы на собрании говорили обо мне, что я самый храбрый боец в роте. Возможно, что я такой похвалы пока не заслужил, но думаю, что заслужу. Я хочу идти в бой коммунистом и никогда не опорочу этого высокого звания.

Когда в ходе наступления роту остановил сильный огонь вражеского дзота, младший сержант Полугодин ползком приблизился к огневой точке и забросал амбразуру гранатами. Фашистский дзот смолк, и бойцы снова поднялись в атаку. Но сержант Полугодин погиб, ценою своей жизни проложив дорогу к победе.

В дни пребывания в 3-й гвардейской армии я ознакомился с положением дел в партийной организации саперной роты из 106-й стрелковой дивизии. Когда парт-орг роты старшина В. А. Руденко принял партийную организацию, она насчитывала 5 членов и 3 кандидата в члены ВКП(б). Перед летним наступлением и в ходе напряженных боев парторганизация стала полнокровной — выросла до 22 коммунистов.

Перед началом атаки член партии Бывшовер под огнем противника быстро проделал в минном поле проход и дал возможность пехоте успешно продвинуться вперед и захватить вражескую траншею. Мужественно действовали в бою парторг Руденко, коммунисты Карташев, Челкин и другие.

Во время небольшой передышки в саперной роте на коротке прошло партийное собрание. Командир подразделения сделал доклад о личном примере коммунистов в бою. Воздав должное героям наступления, докладчик и выступавшие в прениях критиковали нерадивых. Так, например, член ВКП(б) Горбунов подверг резкой критике поведение коммуниста Сафонова, который небрежно отнесся к выполнению служебных обязанностей. При обезвреживании немецкой мины Сафонов по своей халатности и недисциплинированности получил легкое ранение. А мог даже поплатиться и жизнью. Этот факт послужил поводом для разговора о дисциплине и лич-

ной ответственности каждого члена и кандидата в члены ВКП(б) за общий успех.

Меня заинтересовала дальнейшая деятельность этой парторганизации. Я попросил начальника политотдела 106-й стрелковой дивизии снова побывать там. Он сообщил мне следующее. В саперной роте каждый член и кандидат ВКП(б) показывал пример отваги, дисциплинированности и трудолюбия. Все коммунисты подразделения отмечены правительственными наградами. Под воздействием партийной критики исправился и Сафонов. Впоследствии он хорошо и дисциплинированно выполнял все служебные обязанности и партийные поручения. За мужество, проявленное в боях, и самоотверженное выполнение заданий командования Сафонов в числе других коммунистов был награжден орденом. Авторитет партийной организации, ставшей подлинной опорой командира, еще более возрос, повысилось и ее политическое влияние на солдатские массы.

Таких полнокровных и жизнедеятельных ротных и батальонных партийных организаций на 1-м Украинском фронте были тысячи. Собрания, являвшиеся школой воспитания, проводились повсеместно. Порой коммунисты собирались накоротке, в перерывах между боями, а то и ночью, когда затихала перестрелка. Во время Львовско-Сандомирской операции в 3-й гвардейской армии на партийных собраниях обсуждались, например, такие вопросы: «Итоги боя и задачи коммунистов», «Об усилении агитационной работы в наступлении», «О росте партийных рядов», «Пропаганда героизма и боевого опыта», «Выпуск боевых листов и молний «Передай по цепи», «О выполнении коммунистами партийных поручений в бою» и другие.

Всюду на повестке дня стоял главный вопрос: об авангардной роли коммуниста в боевой обстановке. В ряде подразделений на партийных собраниях шел серьезный разговор о том, что некоторые солдаты пренебрегали самоокапыванием и маскировкой, что вело к излишним потерям. Известно, храбрость в бою является важнейшим, но не единственным показателем передовой роли члена и кандидата ВКП(б), а также комсомольца. Они призваны помогать командиру в поддержании дисциплины и порядка, показывать пример во всем, в том числе самоокапывании и маскировке, закреплении за-

воеванных позиций, выполнении боевых заданий с наименьшими потерями.

Любая операция, любой бой, будь то наступательный или оборонительный, — это ответственный экзамен как для командиров, так и для политработников. В труднейших условиях наступления партийно-политическая работа не затухала и велась непрерывно. А между тем известно, что при маневренных боях с преследованием, обходами и охватами, движением по тылам врага обстановка быстро менялась. Порой войска, преследовавшие гитлеровцев, встречались с контратакующими резервами противника и вынуждены были временно переходить к обороне, чтобы потом вновь наносить стремительные наступательные удары.

В зависимости от сложившейся обстановки строилась и политическая работа. Армейские коммунисты, обогащенные фронтовым опытом, умели быстро реагировать на перемены в обстановке и в решающие моменты боя словом и личным примером воодушевляли солдат.

В ходе операции наступающий 705-й стрелковый полк 121-й сд был контратакован крупными силами врага. Отразив натиск, наши воины по приказу командира быстро окопались, закрепляясь на завоеванном рубеже. Но по всему было видно, что противник готовит новую и довольно сильную контратаку, так как опять накапливалась немецкая пехота и подтягивались вражеские танки.

Агитатор взвода младший сержант Н. Шишкин немедленно довел до всех солдат боевой приказ командира: «Приготовиться к отражению контратаки противника!» Затем он подполз к молодому солдату Корнейчуку и спросил его:

— В первом бою трудно пришлось?

— Да, нелегко, — признался тот.

— А ведь будет еще труднее, когда на нас снова двинется враг, — сказал Шишкин и подбодрил новика: — Ты, однако, не робей. Мы успели хорошо окопаться, расставили огневые средства, в том числе и противотанковые. Враг не застанет нас врасплох. И как бы трудно нам ни пришлось, надо держаться стойко. Как двадцать восемь героев-панфиловцев. Они совершили подвиг в начале войны, в сорок первом году, а сейчас сорок четвертый! Теперь у нас и оружие лучше, и опыта больше, и моральный дух еще крепче.

Коммунист-агитатор переползал от бойца к бойцу, укрепляя в каждом из них уверенность в победе, вдохновляя на подвиги. А когда враг перешел в контратаку, младший сержант Шишкин меткими очередями косил гитлеровцев, подбадривая молодых солдат:

— Вот так надо разговаривать с фашистами! Держись уверенно, сражайся стойко, и враг не пройдет!

Личная стойкость и воодушевляющее слово коммуниста-агитатора помогли молодому солдату Корнейчуку и его товарищам с честью выдержать боевое испытание и отразить натиск врага.

В бою широкое хождение имели листовки «Передай по цепи», которые солдаты любовно называли самой маленькой газетой. Они писались под огнем противника, рассказывали о самом важном, самом главном, прославляя героев, помогая командиру доводить боевую задачу до каждого солдата. Вот одна из листовок, передававшихся в дни боев на львовском направлении по солдатской цепи:

«Равнение на тех, кто идет в атаку первым!

Увлекая за собой бойцов, лейтенант Мильзихов первым ворвался в расположение противника и в рукопашном бою истребил девять гитлеровцев, а троих взял в плен.

Героически сражался рядовой Бабун. Он получил пять ранений, но не покинул строя.

Сегодня командование наградило орденом Отечественной войны II степени рядового Чечко, отличившегося при прорыве обороны врага и во всех последующих боях.

Слава героям, равнение на них!»

Наряду с листовками-молниями, боевыми листками и многотиражными солдатскими газетами политорганы издавали плакаты-листовки, посвященные лучшим людям соединения, армии, а также почтовые открытки с портретами героев, кратким описанием их подвигов, стихотворными текстками.

Политработа в боевой обстановке принимала самые разнообразные формы. Многое зависело от инициативы, творчества, находчивости командиров, политработников и коммунистов, умевших воодушевить, увлечь за собой и поднять на борьбу с ненавистным врагом солдатскую массу.

В дни июльского наступления 1944 года крупные силы гитлеровцев контратаковали одну из наших частей. Когда натиск противника был особенно силен и создавалась тревожная обстановка, заместитель командира артполка по политической части майор Марченко взял знамя и, сопровождаемый автоматчиками, пошел по огненным позициям. Гордо развевался боевой стяг, ярко горели вышитые золотым шелком слова: «За нашу Советскую Родину!» Солдаты, сержанты и офицеры встретили появление знамени громовым «ура» и дружно ударили по врагу, защитив важный рубеж.

Гвардейские знамена с портретом В. И. Ленина провозжали на боевое задание экипажи самолетов. Они осеняли пехотинцев, идущих в бой, и танкистов, устремившихся в прорыв. Командиры и политорганы, агитаторы и фронтовая печать учили солдат почитать знамя как святыню и защищать его в бою.

Командующие фронтами, командармы, члены военных советов фронтов и армий, вручавшие от имени Президиума Верховного Совета СССР частям и соединениям боевые знамена, внушали командирам, политработникам и всем воинам, чтобы в войсках неукоснительно соблюдалось Положение о Знамени, а защита и охрана боевых стягов были надежными.

Если наступление на рава-русском направлении началось более или менее успешно и войска 3-й гвардейской и 13-й армий продвигались вперед, то на главном (львовском) направлении нашей ударной группировке не удалось быстро прорвать глубоко эшелонированную и сильно развитую оборону врага. Пленные сообщали, что Гитлер издал приказ, адресованный группе армий «Северная Украина», в котором требовал удержания позиций до последнего солдата.

Положение все более усложнялось. Немецко-фашистское командование ввело в бой не только тактические, но и оперативные резервы. 15 июля из района южнее Золочева противник нанес сильный контрудар и потеснил части 38-й армии.

Вернувшись из 3-й гвардейской и 13-й армий на командный пункт фронта, я застал маршала Конева чрезвычайно озабоченным. Его тревожило положение дел

в 38-й армии. Он несколько раз вызывал к аппарату ВЧ генерала К. С. Москаленко, уточняя последние данные, давал советы, рекомендации. Наконец Иван Степанович сказал:

— Поедем, Константин Васильевич, к генералу Москаленко и посмотрим, как воюет его армия. Если мы не двинем вперед 60-ю и особенно 38-ю армии, то операция может захлебнуться. Создался кризисный момент в полосе прорыва. Ты сам был на правом фланге фронта и своими глазами видел, что дела там идут вполне удовлетворительно, а на львовском направлении все еще нет желаемого успеха.

Сев в машину, маршал коротко бросил водителю:

— Гони!

К высотке, на которой разместился командно-наблюдательный пункт генерала К. С. Москаленко, Иван Степанович пошел быстрым шагом. Так же стремительно вошел он и в блиндаж. Те, кто находился там, поспешили удалиться. Остались лишь командарм и член Военного совета. Они и доложили обстановку.

Немецко-фашистское командование на участке 38-й армии нанесло контрудар, сосредоточив мощную группировку танков и введя в сражение оперативные резервы. Соотношение сил, разумеется, изменялось не в пользу 38-й армии. Именно в этом была одна из основных причин медленного продвижения войск армии вперед.

И. С. Конев, беспокоившийся за судьбу львовской операции, был резок с руководством 38-й армии и, пожалуй, не во всем прав.

— Все топчетесь на месте да жалуетесь на контратаки противника, — выговаривал он. — А ведь перед началом операции вы заявляли, что подготовлен сокрушительный удар по немецко-фашистским войскам и что на седьмой день операции 38-я армия будет у стен Львова.

Затем командующий фронтом прошел на наблюдательный пункт и, прильнув к стереотрубе, осмотрел поле боя. Тем временем подошли командующий 4-й танковой армией генерал Д. Д. Лелюшенко и член Военного совета армии генерал В. Г. Гуляев. Поздоровавшись с ними, маршал снова упрекнул руководство 38-й армии:

— Вот вы завязли в первой полосе вражеской обороны, а Лелюшенко со своей армадой ждет, когда пехота пробьет для танкистов брешь. Преждевременно вводить в сражение танковую армию тоже нельзя, ибо можем понапрасну погубить ее.

Выговорившись и поостыв, И. С. Конев тут же принял ряд срочных мер, усилив 38-ю армию своим резервом. Затем он приказал командующему 1-й гвардейской армией генерал-полковнику А. А. Гречко скрытно выдвинуть к участку прорыва один стрелковый и один танковый корпуса и из-за левого фланга 38-й армии нанести удар в направлении Красное, Бережаны с задачей разбить противника и, свертывая его оборону перед фронтом армии, прикрыть левый фланг войск 38-й армии. Далее маршал решил нанести по вражеской группировке массированный удар авиацией. Командующий 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский получил указание привлечь для массированного удара не только дивизии, действовавшие на львовском направлении, но и все соединения, составлявшие резерв командующего фронтом, и даже часть авиационных сил северной группы.

На другой день наша авиация начала боевую работу. Это было впечатляющее зрелище. Бомбардировочные полки шли, казалось, нескончаемой чередой. В воздухе пронеслись три пятерки пикировщиков.

— Полбинцы идут! — объявил кто-то из присутствовавших на КП.

Нам стало известно, что во главе 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса ведущим первой пятерки шел сам генерал-майор авиации И. С. Полбин, прославленный командир, известный точностью бомбовых ударов с пикирования, высоким летным мастерством и бесстрашием. Узнав о том, что Полбин все время летает ведущим, маршал Конев заметил, что, может быть, ему, комкору Полбину, и не следует всегда возглавлять группы бомбардировщиков. Позднее, в январе 1945 года, во время Висло-Одерской операции мне довелось беседовать с И. С. Полбиным на эту тему. В какой-то мере подобные предупреждения сдерживали генерала.

11 февраля 1945 года командир корпуса И. С. Полбин, вылетевший во главе группы бомбардировщиков,

над Бреслау (ныне Вроцлав) был сражен прямым попаданием зенитного снаряда. Генерал-коммунист, удостоенный в 1942 году за мужество и отвагу звания Героя Советского Союза, был посмертно награжден второй медалью «Золотая Звезда». Мы потеряли бесстрашного летчика, крупного авиационного начальника, любимца авиаторов и всех воинов фронта.

Но вернемся к июльским дням 1944 года. У населенного пункта Тустогловы, где наша разведка обнаружила особенно большое скопление фашистских танков, генерал Полбин первым пикировал на цель, нанеся по врагу уничтожающий удар. Вслед за командиром поочередно устремлялись на объект и вставшие в круг остальные экипажи. И вот в стремительном круговороте замелькала знаменитая «вертушка Полбина». Пикировщики заходили на цель с разных направлений, сбивая с толку вражеских зенитчиков, сводя на нет эффективность их огня.

Вслед за асами-пикировщиками к объекту подошли остальные экипажи бомбардировочного корпуса. В массированном ударе по танковой группировке врага участвовали и части 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса (командир генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов), 8-го штурмового авиакорпуса (командир генерал-майор авиации В. В. Нанейшвили), 10-й гвардейской штурмовой авиадивизии (командир полковник А. Н. Витрук). Несколько позднее на скопление гитлеровцев обрушились перенацеленные с рава-русского направления самолеты 5-го штурмового авиационного корпуса (командир генерал-майор авиации Н. П. Каманин).

Только за один день наша авиация, бомбившая и штурмовавшая немецкую танковую группировку, совершила 3288 самолето-вылетов. Причем плотность бомбового удара на квадратный километр площади составила более 100 тонн.

Гитлеровцы понесли большие потери. Один пленный офицер так, например, сообщал о судьбе 1-й немецкой танковой дивизии: «После второго массированного удара бомбардировщиков танковая дивизия потеряла приблизительно 75 процентов техники. До 60 танков сгорело в лесу, еще не сделав ни одного выстрела с момента прибытия на фронт».

Такая же судьба постигла и резервную танковую колонну, двигавшуюся из района Золочева. В своих воспоминаниях бывший гитлеровский генерал Ф. Меллентин писал:

«На марше 8-я танковая дивизия, двигавшаяся длинными колоннами, была атакована русской авиацией и понесла огромные потери. Много танков и грузовиков сгорело; все надежды на контратаку рухнули»¹.

Мощная авиационная поддержка заметно подняла моральный дух воинов 38-й и 60-й армий. Отразив контрудар танковой группировки гитлеровцев, наши войска продолжали наступление на львовском направлении. В результате напряженных боев на участке 60-й армии обозначился первый успех. 15-й стрелковый корпус генерал-майора П. В. Тертышного, поддержанный 69-й механизированной и 56-й танковой бригадами из 3-й гвардейской танковой армии, а также артиллерией и авиацией, прорвал вторую полосу обороны противника.

Помню, как все мы искренне обрадовались, получив донесение от командующего 60-й армией генерал-полковника П. А. Курочкина о том, что в районе Колтова во вражеской обороне пробита небольшая брешь. Вопрос стоял так: дожидаться ли, пока стрелковые части расширят прорыв до положенной нормы, или же немедленно вводить по узкому колтовскому коридору 3-ю гвардейскую танковую армию. Существовавшие в то время рекомендации, подкрепленные прежним боевым опытом, подчеркивали, что танковые армии целесообразно вводить в прорыв лишь тогда, когда брешь достигает хотя бы 10—12 километров по фронту. Ширина же колтовского коридора не превышала 4—6 километров. Как же быть?

Обсуждая создавшееся положение с начальником штаба генералом армии В. Д. Соколовским и начальником оперативного управления генерал-майором В. И. Костылевым, Маршал Советского Союза И. С. Конев решительно заявил:

— Мы не можем терять времени на расширение прорыва. Победу приносит смелый и глубокий маневр, а

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 237.

не топтание на месте и прогрызание вражеской обороны. Промедление пагубно для нас. Немецко-фашистское командование быстро подтянет резервы и постарается наглухо закрыть пробитую нами небольшую брешь.

Командующий войсками фронта проявил разумную смелость и пошел на риск, приказав генералу П. С. Рыбалко немедленно ввести в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию.

По размытой грозовым ливнем единственной дороге сплошной колонной ринулась танковая армада. Коридор между Колтовым и Тростянцем Малы не только простреливался противником, но и непрерывно контратаковался. Сосредоточив южнее Колтова крупные силы, враг пытался отрезать войска 3-й гвардейской танковой и 60-й армий, втянувшихся, как говорится, кишкой в узенький коридор. Порой складывалась тревожная обстановка. 6-му гвардейскому танковому корпусу, например, пришлось задержаться, отражая фланговые контратаки немцев. Но это вызвало резкое возражение со стороны И. С. Конева. Командующий войсками фронта приказал генералу П. С. Рыбалко решительно продвигаться вперед и, не заботясь о флангах, быстрее выходить на оперативный простор. Да это и понятно. Ведь замедление темпов нашего наступления играло лишь на руку врагу.

— О флангах я сам позабочусь, — сказал И. С. Конев генералу Рыбалко. — Отрезать вас противнику не удастся. Меры примем.

Для обеспечения флангов вводимых в прорыв танков маршал И. С. Конев перебросил некоторые части 60-й и 1-й гвардейской армий и арткорпуса РГК. В самом узком месте коридора, у деревни Нуше, разместился с оперативной группой и двумя рациями командир 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса генерал В. Г. Рязанов. Он лично руководил штурмовыми ударами по вражеским огневым точкам и контратакующим группам гитлеровцев. Летчики-гвардейцы помогли танкистам преодолеть узкое дефиле и выйти на оперативный простор.

Вслед за 3-й гвардейской танковой армией генерала П. С. Рыбалко пошла в прорыв и 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко, которая должна была охватить группировку противника, контратаковавшую

38-ю армию, и таким образом помочь войскам генерала К. С. Москаленко.

И. С. Конев предупредил командарма Д. Д. Лелюшенко:

— Во фронтальные бои не ввязывайтесь, обходите Львов с юга и отрезайте противнику все пути отхода на юго-запад и запад.

А тем временем 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, вырвавшаяся на оперативный простор, успешно развивала наступление.

15 июля 1944 года начальник разведотдела фронта генерал-майор И. Т. Ленчик доложил, что нашими войсками захвачен приказ Гитлера солдатам группы армий «Северная Украина». Привожу выдержки из него:

«Противник в настоящее время готов к наступлению. В связи с этим и на вашем участке следует ожидать тяжелых боевых действий.

Дивизия, которая в случае прорыва русских не предпринимает немедленных контратак с целью ликвидации бреши и удержания своих позиций до последнего солдата, подвергает тягчайшей опасности многие другие части, как это имело место в артиллерийской группе «Митте»...

Цель большевистского врага, — говорилось в приказе Гитлера, — заключается в том, чтобы всю Европу, а прежде всего Германию, подчинить своей власти. Что это означает, знаете вы сами. Вся Германия смотрит на вас в эти трудные дни и недели. Если вы исполните свой долг, большевистское наступление будет сломлено и потоплено в крови. Поэтому от каждого офицера и солдата я ожидаю таких подвигов, чтобы в сводке верховного командования я мог сообщить родине: «Фронт «Северной Украины» стоит непоколебимо, как скала!»¹

Но напрасны были заклинания фюрера. Фронт группы немецко-фашистских армий «Северная Украина» шатался и рушился под мощными ударами советских войск.

18 июля 1944 года части 3-й гвардейской танковой армии достигли района Деревляны. С ними соединились войска 13-й армии и конно-механизированной груп-

¹ Архив МО СССР, оп. 2673, д. 1033, лл. 283—284.

пы генерала В. К. Баранова, замкнув кольцо окружения. Так, под Бродами угодила в котел крупная группировка врага, насчитывавшая восемь дивизий.

Военный совет немедленно передал во все армии фронта сообщение: «В районе Броды противник окружен. Задача — быстрее ликвидировать окруженную группировку. Сообщите об этом войскам».

Весть о крупной победе, подхваченная командирами и политорганами, фронтовой, армейской и дивизионной печатью, всеми нашими агитаторами, еще выше подняла боевой дух войск.

Бои по уничтожению окруженного противника имеют свою специфику, свою особенность. Обстановка обычно требует ликвидации котла в максимально короткие сроки. Вот почему боевые действия войск носят быстрый, решительный характер с наиболее полным использованием всей мощи оружия и техники, преследуя цель как можно скорее расчленив противника и бить его затем по частям. Враг же стремится прорвать кольцо окружения изнутри и обычно действует с отчаянием обреченного, не считаясь с жертвами. По боевому опыту мы знали, что ожесточенные атаки противник организует и против войск внешнего фронта окружения, имея задачу деблокировать свои части. Все это требовало особой мобилизации советских войск, максимальной бдительности воинов.

Начальник политуправления фронта генерал С. С. Шатилов, начальники политотделов 60-й и 13-й армий генерал К. П. Исаев и полковник Н. Ф. Воронов срочно направили группу политработников в войска, ведущие бои с окруженными гитлеровцами. Эта группа оказала большую помощь в усилении политической работы среди воинов указанных соединений.

Немцы предпринимали отчаянные попытки вырваться из окружения. Но командиры всех степеней, от взводного до командующего фронтом, принимали все меры к тому, чтобы противник не ускользнул из кольца. Наши войска, участвовавшие в ликвидации окруженной группировки, были усилены 4-м гвардейским и 31-м танковыми корпусами. Массированно применялась авиация 2-й воздушной армии, наносившая с 18 по 20 июля мощные удары по котлу. За это время было совершено около 4500 самолето-вылетов.

Командующий и Военный совет принимали одновременно энергичные меры к тому, чтобы наступление на львовском и других направлениях продолжалось с неослабевающей силой. В частности, маршал очень торопил генерала В. К. Баранова и требовал, чтобы конно-механизированная группа не задерживалась возле бродского котла, а продолжала развивать наступление.

— Чтобы не дать противнику вырваться из кольца, — говорил Конев, — достаточно и кавдивизии Мансурова, а генерал Баранов держит на этом участке весь корпус, всю конно-механизированную группу, лишая ее маневра. Тем более сюда уже подходят стрелковые и артиллерийские части, усиливая внутренний и внешний обводы котла.

К исходу 19 июля 1944 года во что бы то ни стало требовалось овладеть Жолкевом и без промедления двигаться на польский город Ярослав, перерезая в ходе стремительного наступления коммуникации врага, громя его тылы и штабы. Но конники и танкисты генерала В. К. Баранова только к 20 июля подошли к Жолкеву и ввязались во фронтальные бои за город.

— Константин Васильевич, очень советую поехать в конно-механизированную группу, — сказал мне Конев. — Ты же старый кавалерист, да к тому же с Барановым и другими командирами вместе раньше воевал. Разберись на месте, воздействуй на соратников, объясни им, что они сбились с темпа, а противнику только того и надо.

И. С. Конев еще раз посмотрел на карту и подчеркнул:

— Нам маневр нужен, дерзкий и стремительный маневр, а не топтание на месте.

Я охотно согласился с его предложением и направился к конникам. Вначале попал в части 25-го танкового корпуса, которым командовал генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин. Противник крупными силами контратаковал подразделения и части танкового корпуса, пытаясь пробить кольцо бродского окружения. Гитлеровские автоматчики не раз просачивались даже к командному пункту генерала Аникушкина.

В этой трудной обстановке комкор проявил мужество и спокойствие, со знанием дела руководил боем. Начальник политотдела корпуса П. М. Елисеев личным

примером воодушевлял танкистов, поддерживая в них дух стойкости и уверенности в победе над врагом.

Некоторое время спустя разыскал я и генерала В. К. Баранова. Вместе с ним на КП находился начальник политотдела 1-го гвардейского кавалерийского корпуса гвардии полковник Ю. Д. Милославский.

Ознакомившись на месте с положением дел и видя, как захлебываются наши атаки, я изложил требования Военного совета о том, чтобы подвижная группа использовала силу маневра, не ввязывалась в затяжные фронтальные бои за город и другие населенные пункты, обходила опорные узлы и очаги сопротивления и пробивалась вперед, и только вперед.

— Совсем не обязательно выходить на дороги, на шоссе, на магистрали, за которые крепко держатся немцы, — сказал я. — Двигайте кавалерийские подразделения через леса, по бездорожью. Тем более местность вам хорошо знакома, в довоенные годы здесь учения не раз проводили. Нужны нарастающий темп, быстрота, дерзкий и внезапный маневр. Пусть враг трепещет и в панике кричит: «Красные казаки в тылу!»

Особый разговор был у меня с начальником политотдела Ю. Д. Милославским. Речь шла о том, чтобы политработники помогли командирам создать перелом в боевых действиях и успешно выполнить приказ. Моральный дух войск на войне не всегда одинаков. В трудные моменты у отдельных бойцов бывают и колебания, некоторая неустойчивость. Особенно среди молодых, необстрелянных воинов. Политработники должны помочь таким бойцам преодолеть колебания, ободрить их, вселить веру в свои силы. Здесь большое поле деятельности для коммунистов и комсомольцев, для бывалых солдат и сержантов, взводных агитаторов.

Бой изобилует всякого рода трудностями и неожиданностями. Смены форм боя внезапны, их не всегда можно предугадать. Противник то обороняется, опоясавшись множеством траншей, то бросается в яростные контратаки. Так было и под Жолкевом, где конники встретились со свежими неприятельскими частями, выдвинутыми из резерва, которые пытались извне деблокировать окруженную бродскую группировку.

Но несмотря на трудности и бешеное сопротивление врага, его разгром был неотвратим. Положение против-

ника еще более ухудшилось 18 июля, когда на соседнем (люблинском) направлении перешла в наступление мощная ударная группировка 1-го Белорусского фронта. Однако об этом, как я убедился, знали далеко не все. А ведь когда солдату хорошо известны боевые успехи части и соединения, успехи соседей и крупные победы, одержанные на фронтах Отечественной войны, когда он знает свои боевые задачи и хорошо понимает свой маневр, тогда и воюет лучше. Об этом я тоже напомнил гвардии полковнику Ю. Д. Милославскому.

Конно-механизированной группе генерала В. К. Баранова предстояло совершить рейд по тылам врага, вести маневренные бои с открытыми флангами, отличающиеся необычайной динамикой, быстрой сменой обстановки, внезапностью. Все это требовало предельного напряжения физических и моральных сил. И надо заметить, что командиры и политработники в кратчайший срок сумели вдохнуть бодрость в уставших конников и танкистов и на всем протяжении наступательных боев поддерживали в войсках победный дух.

Конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова успешно выполнила боевую задачу и стремительно продвинулась за реку Сан. Маршал Конев, высказывавший немало резких суждений о ее действиях, теперь с большим одобрением отзывался о конниках.

А уничтожение бродской группировки врага шло своим чередом. Мощные удары артиллерии, авиации, танков и пехоты по немцам подкреплялись и нашим пропагандистским воздействием. В ночь на 19 июля авиация генерала С. А. Красовского сбросила в районе бродского котла около 100 тысяч листовок на немецком языке, подготовленных политуправлением и одобренных Военным советом фронта.

«Солдаты и офицеры 13-го армейского корпуса! — говорилось в листовке. — Вы полностью окружены войсками Красной Армии. Прорваться вам не удастся. Со всех сторон вас ждут наготове советские войска с танками и могучей русской артиллерией. А сколько в небе русских самолетов, вы и сами видите. Все пути отступления для вас отрезаны. Гитлер вам помочь не может, так как ему и нечем уже помочь. Вы предоставлены са-

ми себе. Решайте немедленно, пока не поздно. Сдавайтесь в плен! Этим вы сохраните свою жизнь».

Почти одновременно была сброшена вторая листовка с выразительным заголовком: «Вы в котле!» Она начиналась с обращения к немецким солдатам:

«Посмотрите на карту! Со всех сторон вас окружают плотным кольцом войска Красной Армии. Вырваться вам не удастся. Окружившие вас войска намного превосходят численностью и техникой. Они будут бить вас до полного уничтожения. В аналогичном положении в Белоруссии оказалась и 4-я немецкая армия. 160 тысяч солдат и офицеров, 20 генералов во главе с командующим армией генерал-лейтенантом Мюллером приняли советский ультиматум и капитулировали. Единственный выход для вас — это плен.

Не медлите! Каждый день бессмысленного и бесполезного сопротивления приближает вас к неминуемой смерти».

Как потом заявляли сдавшиеся в плен немцы, эта листовка со схемой и пропуском оказала некоторое воздействие на окруженных солдат. Офицер из 454-й охранной дивизии, добровольно сдавшийся в плен вместе с 57 подчиненными, показал:

«Я читал листовки «Вы в котле!» и «Никакое чудо вас не спасет». В нашем батальоне побывали и два человека, которые несколько часов находились в советском плену, а затем были отпущены для переговоров с нами. Это тоже подействовало. Поразмыслив, я послал к русским человека с белым флагом, и мы сложили оружие».

«Листовки портят настроение, оказывают на солдат расслабляющее действие, — признался старший ефрейтор из 669-го пехотного полка 371-й немецкой пехотной дивизии. — Из-за них начинаешь колебаться».

Только за первые 18 дней Львовской операции политуправление фронта издало 64 листовки общим тиражом 4 325 тысяч экземпляров. Кроме того, 131 листовку большими тиражами издали политотделы армий.

Характер листовок был разнообразен. Помимо тех, что адресовались окруженным частям, выпускались листовки, информировавшие войска противника о положении на фронтах и победах Красной Армии. Листовка «Одна неделя» сообщала немецким солдатам правду о

крупнейшем наступлении Белорусских фронтов, разгромивших группу немецких армий «Центр». Оперативно издавались и небольшие по размеру листовки, посвященные взятию Красной Армией отдельных крупных городов и важных опорных пунктов обороны противника. В листовке «Гродно взято!» подчеркивалось, что нарастающее советское наступление неизбежно приведет к полному крушению немецкой обороны на Украине. Далее утверждалось: «Так было под Киевом и Житомиром, под Тернополем и Проскуровом, под Черкассами и Уманью. Так было под Минском и Ковелем, под Вильно и Гродно! Так будет и в Галиции!»

В 1944 году, вошедшем в историю Отечественной войны как год решающих побед Красной Армии, количество листовок, выпускаемых на войска противника, непрерывно возрастало. Так, например, на 1-м Украинском фронте только в феврале было издано 8 546 тысяч экземпляров листовок, в марте их тираж возрос до 11 908 тысяч, в июле он равнялся 12 150 тысячам, а в августе достиг 12 200 тысяч экземпляров. Заметно улучшились их содержание и действенность.

Листовки обычно дополнялись наглядной агитацией. Так, перед окруженными в районе Броды немцами выставлялись плакаты «Призрак Сталинграда», «За кого?», «Подумай о жизни» и другие.

Пропагандой среди немецких войск занимались и антифашисты из национального комитета «Свободная Германия». Уполномоченный комитета написал несколько личных писем командирам тех дивизий, которые были окружены западнее Броды. Авиация сбросила эти письма с вымпелами черно-красного цвета, являвшегося эмблемой национального комитета «Свободная Германия». Текст писем передавался также и по радио.

Четыре дня наши войска вели ожесточенные бои по разгрому немецких дивизий. По указанию командующего войсками фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева 2-я воздушная армия 20 и 21 июля совершила около 2500 боевых вылетов, нанося сосредоточенные удары по врагу в районе Белого Камня. Здесь действовали части 2-го гвардейского и 4-го бомбардировочных корпусов, 1-го гвардейского и 5-го штурмовых авиационных корпусов.

Мощными ударами бродская группировка немцев была рассечена на части и планомерно уничтожалась. 22 июля, после еще одной решительной, но неудачной попытки вырваться из окружения, началась массовая сдача гитлеровцев в плен.

Когда были суммированы донесения и составлена сводка захваченных советскими войсками трофеев и понесенных противником потерь, некоторые внушительные цифры и факты на первых порах вызывали сомнения. Военный совет решил еще раз уточнить данные, чтобы доложить в Ставку цифры и факты. Об этом напомнил мне по ВЧ начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А. С. Щербаков:

— Информация должна точно отображать боевые дела фронта, политическую обстановку, настроение армии и населения. Не следует преувеличивать наши победы, они и так колоссальны и величественны. Прошу лично уточнить количество взятых в районе Броды пленных немецких солдат и офицеров, а также потери противника на этом участке фронта.

Я тотчас выехал в Броды. При осмотре района недавних боев еще раз воочию убедился, что немецко-фашистские войска действительно понесли крупные потери. В некоторых местах прямо-таки невозможно было проехать на машине и приходилось пешком пробираться по огромному кладбищу разбитой и обгоревшей неприятельской техники. Советские артиллеристы и летчики, пехотинцы и танкисты крепко поработали, наголову разгромив окруженные фашистские дивизии. В плену оказалось 17 тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе командир 13-го армейского корпуса генерал Гауффе, командиры дивизий генералы Линденман и Нелтвиг, а также их штабы. Взяты трофеи. Захвачено 3500 автомашин, 500 орудий, десятки танков. В ходе боев наши войска уничтожили свыше 30 тысяч вражеских солдат и офицеров.

После восьми дней операции явственно обозначился перелом в нашу пользу. На самом трудном и решающем львовском направлении значительно продвинулись вперед 60-я и 38-я армии. На рава-русском направлении мы

имели еще больший успех. Три танковые армии и две конно-механизированные группы, введенные в прорыв, рассекли немецко-фашистские войска на части. Боевые действия характерны были не только большим размахом, но и широким применением самых различных форм оперативного маневра, полководческим искусством военачальников.

Когда 1-я гвардейская танковая армия вошла в прорыв на успешно действовавшем правом крыле фронта, маршал И. С. Конев круто повернул эту армию на юго-запад, приказав генерал-полковнику М. Е. Катукову стремительно продвигаться к реке Сан, с ходу форсировать ее и преградить отступавшему противнику путь к Перемышлю и Ярославу. Примерно в том же направлении действовала и конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова.

Другая же конно-механизированная группа, командиром которой был генерал С. В. Соколов, а начальником политотдела полковник Ф. С. Плантав, получила задачу из района южнее Сокаль нанести фланговый удар на Фрамполь, способствуя продвижению правофланговой 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова. Дерзкие и внезапные глубокие маневры наших подвижных войск ошеломили гитлеровцев, дезорганизовали их тылы.

В этих боях отличилась 1-я гвардейская танковая армия, особенно входившая в нее 1-я гвардейская танковая бригада. В соединении, богатом славными традициями, было много героических воинов. Гвардии старший лейтенант Михаил Демчук, заменив выбывшего из строя командира танковой роты, повел подразделение в стремительное наступление. Успешно форсировав реку Западный Буг, танковая рота под командованием офицера Демчука быстро вышла к реке Сан и прикрыла переправу наших автоматчиков. Под обстрелом врага танковые экипажи преодолели реку и продолжали наступление в возрастающем темпе. Перерезав вражеские коммуникации, подразделение Демчука вынудило противника поспешно оставить крупный населенный пункт и беспорядочно отступить. Гвардейская танковая рота, действовавшая в авангарде, первой ворвалась и в Баранув.

Наступательный порыв воинов был неукротим. В момент атаки вражеским снарядом заклинило башню «тридцатьчетверки». Но гвардейский экипаж не вышел из

боя. Несмотря на повреждение танка, механик-водитель из 1-й гвардейской танковой бригады гвардии старшина Капитон Рожин повел машину на врага, давя пехоту и орудийные расчеты гусеницами.

А вот далеко не полный перечень ратных дел ветерана 1-й гвардейской танковой бригады Алексея Духова. 14 июля 1944 года командир танковой роты Духов метким выстрелом уничтожил вражескую самоходку и на максимальной скорости ворвался в оборону противника. 15 июля он лично сжег «тигра» и двух «фердинандов». 16 июля рота гвардии старшего лейтенанта Духова захватила несколько населенных пунктов и перерезала важную коммуникацию врага. Отбивая сильные контратаки гитлеровцев, офицер Духов сжег два «тигра». 18 июля его подразделение, совершившее обходный маневр, внезапной атакой ликвидировало сильный опорный пункт врага и открыло наступающим войскам путь к Западному Бугу.

Успехи войск фронта были внушительными, хотя обстановка складывалась не всегда так, как бы хотелось. Попытки 3-й гвардейской и 4-й танковых армий ударом с востока овладеть Львовом с ходу успеха не имели. Это объяснялось тем, что противник успел сосредоточить здесь значительные силы, превратив город и прилегавшие к нему селения в сильный опорный пункт.

Командующий войсками фронта принял решение направить 3-ю гвардейскую танковую армию в обход Львова с северо-запада. Генерал П. С. Рыбалко и его штаб в трудных условиях быстро перегруппировали войска. С наступлением темноты 22 июля танковая армия двинулась в указанный район. Выйдя 24 июля к Яворову, армия развернула стремительное наступление по двум противоположным направлениям — на Львов и Перемышль.

Некоторые военные историки упрекали генерала П. С. Рыбалко в том, что он, дескать, погнался за двумя зайцами и распылил силы. Но, видимо, это не совсем так. Несомненно, что необычный маневр спутал противнику карты, внес во вражеский стан растерянность и способствовал оперативному успеху фронта.

Инициативно и находчиво действовал и член Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генерал С. И. Мельников. Руководя политической работой, он

вместе с тем неутомимо заботился о материальном обеспечении войск.

Танкисты Рыбалко, развивавшие наступление по тылам врага, испытывали острую нужду в горючем. Командарм уже собирался обратиться к руководству фронта с просьбой усилить снабжение танкистов по воздуху. Но неожиданно появилась колонна грузовых машин, доставившая войскам все необходимое. Павел Семенович Рыбалко глазам своим не поверил, когда из кабины головного грузовика неторопливо вышел член Военного совета генерал С. И. Мельников.

— Откуда ты, Семен Иванович, взялся со своей колонной? — удивился Рыбалко. — Не чудо ли это?

— Чудес, как известно, не бывает, — усмехнулся Мельников, — а вот маневр тыловыми средствами действительно предприняли.

Убедившись, что по «колтовскому коридору», забитому танками двух армий, невозможно доставить горючее и боеприпасы, генерал С. И. Мельников, как он потом мне рассказал, повел транспортные машины по колонным путям другой ударной группировки. Вслед за конниками генерала Баранова Семен Иванович с транспортной колонной пробился в район Яворова и соединился со своими гвардейцами-танкистами. Кроме грузов он сдал по назначению группу пленных гитлеровцев, взятых по пути следования после непродолжительной, но жаркой перестрелки.

Во время наступления начальник политуправления фронта генерал С. С. Шатилов неоднократно докладывал Военному совету о партийно-политической работе в войсках на различных этапах операции. Суммируя политдонесения из армий, отмечал, что в войсках фронта почти нет случаев танкобоязни. Это сообщение было отрядным и знаменательным. Оно свидетельствовало о том, что массовый героизм наших воинов имел не только идейную и моральную основу, но и прочный материальный фундамент. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, обеспечивал родную армию могучим и грозным оружием победы. Теперь уже танки врага перестали быть грозой для нашего солдата, как, скажем, в начале войны, когда мы еще не имели достаточного

боевого опыта и ощущали временный недостаток некоторых видов вооружения и противотанковых средств. Теперь уже советский воин знал, что в борьбе с немецкими танками его поддерживает масса артиллерийских стволов, авиация, самоходки и танки, а также другая техника, поступающая в возрастающих количествах в войска.

Во время наступления на львовском направлении наши воины успешно отражали контрудары и контратаки вражеских танков. Так, подразделениям 287-й стрелковой дивизии пришлось сражаться против численно превосходящих сил 17-й немецкой танковой дивизии. В ходе этих боев воины 287-й дивизии подбили и уничтожили 32 танка и самоходные установки, а 3 фашистские машины захватили в исправном состоянии.

Начальник политуправления сообщил Военному совету и о том, что донесения армий свидетельствуют о массовых случаях отказа раненых покинуть строй, свое подразделение, поле боя. Сделав наскоро перевязку, легко раненные солдаты, сержанты и офицеры продолжают сражаться с противником и совершают новые подвиги.

За десять дней Львовской операции в войсках фронта осталось в строю около 2500 легко раненных воинов. Кто участвовал непосредственно в бою, знает, какое сильное воздействие оказывало на психику и моральный дух молодого воина то, что рядом с ним продолжал сражаться солдат, офицер, наскоро перевязавший свою рану. Белая окровавленная повязка как бы символизировала стойкость раненого воина. Эти самоотверженные герои представлялись к правительственным наградам.

В ходе первых дней боев за Львов партийные организации фронта приняли в ряды ВКП(б) около 1600 человек, хотя заявлений было подано более 6 тысяч. Военный совет обратил внимание политуправления на ненормальное положение с оформлением партийных дел. Слов нет, в период наступления трудно выбрать время для заседания партийного бюро и рассмотреть все заявления. Но трехлетний опыт Отечественной войны убеждал нас в том, что политорганы, партийные комиссии соединений и партийные организации могут и должны более быстро и оперативно оформлять прием в ряды ВКП(б). Ведь лучшие люди армии, герои боев решили связать свою

жизнь и судьбу с Коммунистической партией. Случалось и так, что некоторые из них отдавали за Родину жизнь, не успев получить партийного документа. Но каждый написавший перед атакой проникновенные строки «Хочу идти в бой коммунистом» в душе считал себя таковым и сражался как коммунист.

Вспоминается случай, рассказанный мне начальником оргинструкторского отдела политического управления фронта полковником И. В. Суриковым. В напряженных многодневных боях одна из стрелковых рот понесла значительные потери, образцово выполнив трудное боевое задание. Когда в подразделение пришли представители политотдела дивизии и спросили, есть ли в роте парторг, последовал ответ:

— Пал в бою.

— А кто его заместители?

— Тоже погибли.

— Кто же остался за парторга?

И тогда после некоторой паузы подошел к представителю политотдела боец с перевязанной рукой и доложил:

— Я остался за парторга и за его заместителей. Из коммунистов в роте никого нет. Кто ранен, а кто убит. Остался я один, хотя и числюсь пока беспартийным. Но перед началом наступления я подал заявление в партийную организацию и просил считать меня коммунистом.

Бои за Львов вступали в решающую стадию. С востока к городу вплотную подошли 60-я и 38-я армии. 22 июля на южную окраину города ворвался передовой отряд 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Завязались тяжелые уличные бои. Гитлеровцам временно удалось отрезать прорвавшихся танкистов. Создалась сложная обстановка.

Под Львовом я встретил члена Военного совета 4-й танковой армии генерала В. Г. Гуляева. Этот веселый и подвижный, постоянно улыбающийся человек на сей раз был сумрачен. На традиционный вопрос как дела он уклончиво ответил:

— И хорошо, и плохо.

— Что-то, дорогой Василий Георгиевич, ты стал изъ-

ясняться половинчатыми формулировками, — удивился я. — Это на тебя никак не похоже.

— Хорошо, что продвинулись вперед, и притом основательно продвинулись, — пояснил Гуляев. — Наши бригады прорвались к стенам Львова, и появилась заманчивая перспектива двинуть танки на город. Так мы и поступили. Однако быстро задачу решить не удалось, с ходу городом овладеть не смогли. А танкам в уличных боях драться очень тяжело, им нужен оперативный простор. У нас заметно увеличились потери в технике...

— А зачем вы сами себя оперативного простора лишили? — спросил я. — Зачем лезли напролом и в лоб атаковали танками Львов? В приказе командующего фронтом весьма определенно указывалось: «Обходить город южнее, танкам в уличные бои не ввязываться».

— А мы все-таки ввязались. И выйти из уличных боев оказалось не так-то просто...

Вместе с тем решительность и героизм воинов 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса, возглавляемого генералом Е. Е. Беловым, сыграли немаловажную роль в освобождении Львова. Уральцы из 4-й танковой армии, первыми пробившиеся в город, сорвали злодейские планы гитлеровцев и помогли спасти древний Львов от разрушения.

Однако исход боев за этот важный политический и экономический центр Советской Украины во многом определялся глубокими обходными маневрами наших подвижных войск, прорвавшихся за реки Сан и Западный Буг. Маневры танковых армий и конно-механизированных групп были рассчитаны на то, чтобы внезапными сокрушительными ударами на всю оперативную глубину раскромсать оборону гитлеровцев и разгромить вражеские резервы еще на подходе, не дав им организоваться и привести в боевой порядок свои ряды.

Помню, как мы волновались, узнав, что некоторые бригады 3-й гвардейской танковой армии уперлись в обширное торфяное болото и, сбившись с заданного темпа, завязали затяжные бои. Командующий войсками фронта принимал все меры к тому, чтобы как можно быстрее сдвинуть танкистов с невыгодной местности и пустить их в обход. Он вручил начальнику штаба 3-й гвардейской танковой армии генерал-майору танковых войск Д. Д. Бахметьеву пакет с новыми боевыми распоряже-

ниями, адресованными командарму П. С. Рыбалко. Но самолет с генералом Бахметьевым совершил в пути вынужденную посадку, и передача пакета задержалась. Тогда были приняты другие срочные меры, и положение быстро выправилось. 3-я гвардейская танковая армия, набирая темпы, двинулась в новом направлении, громя и сокрушая врага.

Танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко своими главными силами обходила Львов с юга, а части 10-го танкового корпуса этой армии вели уличные бои внутри города. Тем временем 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, обошедшая город с северо-запада, создала для противника своего рода «оперативное удушьё». Для гитлеровского гарнизона во Львове создалось тяжелое положение.

В дни нашего наступления в войсках все большее распространение получал обычай при овладении населенными пунктами и важными высотами водружать красные флаги. Это не только утверждало и закрепляло нашу победу, но и воодушевляло воинов. Как бы ни были утомлены солдаты, но, когда их взору предстал полыхающий на ветру багряный стяг, у них будто сил прибавлялось, и они с еще большим порывом устремлялись на врага.

«Золочев наш! Над ним реет Красное знамя. Вперед, на Львов!» — призывала фронтовая газета.

Одному из лучших экипажей 63-й гвардейской танковой Челябинской бригады, которым командовал гвардии лейтенант А. Н. Додонов, была поставлена задача пробиться к львовской ратуше и поднять над ней красный флаг. Автоматчики, ворвавшиеся в город на броне танков, с боем брали каждый квартал и дом. На подступах к ратуше гвардейцы залегли, остановленные сильным огнем врага. А медлить нельзя. Надо быстрее уничтожить опасный очаг сопротивления и захватить центр города. И тогда из машины выпрыгнул радист гвардии старшина А. П. Марченко. В руках у него полыхал красный флаг.

— За мной, вперед! — крикнул танкист и устремился к ратуше.

Личный пример комсомольца воодушевил автоматчиков. Теперь и ружейно-пулеметный огонь не мог их сдержать. Солдаты поднялись в атаку, решительным бро-

ском достигли ратуши. Огнем и гранатами советские воины расчищали себе путь вперед, уничтожая гитлеровцев, оборонявших ратушу. Гвардии старшина Александр Марченко, хорошо знавший город и это старинное здание, взобрался по крутой лестнице на высокую башню и водрузил победный стяг, который был виден во многих районах города.

Но в бою знаменосец был смертельно ранен и скончался на руках товарищей. А его родной экипаж продолжал сражаться с противником.

Выдающийся подвиг совершил и близкий друг Александра Марченко — механик-водитель танка «Гвардия» Федор Сурков. В прошлом испытатель тракторов в Челябинске, большой знаток танковой техники коммунист Сурков добровольцем отправился на фронт. О подвиге гвардейца мне рассказывали танкисты. Позднее об этой волнующей истории я узнал из наградного листа, поступившего в Военный совет фронта. Вот что там написано о героизме Федора Суркова:

«На рассвете 21 июля 1944 года, ворвавшись первым на одну из окраин города Львов, товарищ Сурков был отрезан от наших частей. Смело повел он танк вперед, раздавив пушку и группу немецких солдат. Трое суток вел бой Сурков на улицах Львова, уничтожив 6 орудий противника и склад с боеприпасами. Танк «Гвардия» был подбит «пантерой», при этом погиб командир танка лейтенант А. Н. Додонов. Товарищ Сурков в горящей машине продолжал уничтожать пехоту... Танк взорвался. Сурков в тяжелом состоянии, обгорелый, был выброшен на землю и, подобранный местными жителями, передан нашим разведчикам и доставлен в госпиталь».

Врачам удалось спасти жизнь Федора Павловича Суркова. Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В дни празднования 25-летия со дня освобождения Львова мне пришлось встретиться с Ф. П. Сурковым. Он сейчас живет и работает во Львове. Земляки с любовью и уважением относятся к своему герою.

Золотой Звездой Героя отмечен и подвиг командира мотострелкового батальона Ахмадулы Ишмухаметова, проявившего отвагу в уличном бою за Львов. Действуя в составе 10-го гвардейского Уральского добровольче-

ского танкового корпуса (командир корпуса генерал Е. Е. Белов), батальон майора Ишмухаметова ворвался на южную окраину города. Три дня продолжались бои за каждый дом, каждую улицу. Воины батальона дрались героически. Ишмухаметов был ранен в голову, но не покинул строя. За три дня батальон уничтожил 900 вражеских солдат и офицеров, подбил 8 танков, 7 орудий, 12 пулеметов и освободил около 5 тысяч пленных.

Львов, являвшийся крупным хозяйственно-политическим центром и областным городом Украины, большим железнодорожным узлом и стратегически важным опорным пунктом обороны немцев, был освобожден частями 1-го Украинского фронта 27 июля 1944 года. В боях за овладение Львовом отличились войска 4-й танковой армии, 3-й гвардейской танковой армии, 60, 38 и 2-й воздушной армий.

Вместе с частями, освободившими Львов, вступил в город и первый секретарь Львовского обкома партии И. С. Грушецкий. Он сразу же занялся множеством неотложных дел по налаживанию нормальной жизни.

Я хорошо знал Ивана Самойловича Грушецкого по совместной работе в Военном совете 40-й армии. Перед Отечественной войной он был секретарем Черновицкого обкома партии. Иван Самойлович часто рассказывал мне об этом периоде жизни, с душевной теплотой и любовью вспоминая о славных тружениках Буковины, своеобразных обычаях и замечательной красоте края. Буковина, как известно, лишь в 1940 году стала советской. Под руководством партийной организации области люди строили новую жизнь. Но и года не прошло, как грянула война, и в Буковину вторглись немецко-фашистские орды.

По заданию ЦК КП(б)У Иван Самойлович принимал участие в формировании партизанских отрядов и партийного подполья, затем занимался демонтажем предприятий Киева и эвакуацией их в глубь страны. 16 сентября 1941 года И. С. Грушецкий был назначен членом Военного совета 40-й армии. Он быстро вошел в боевую обстановку и настойчиво познавал военное дело.

Вспоминается январь 1943 года. 40-я армия готовилась к наступательной операции со сторожевского плацдарма на Дону, что южнее Воронежа. Иван Самойлович,

часто бывая в войсках, вникал во все детали подготовки к наступлению. Однажды, вернувшись из частей, он поделился со мной своими думами и наблюдениями.

— При мне выдавали бойцам ручные гранаты, — рассказывал он. — Бывалые фронтовики рады тому, что запаслись «карманной артиллерией», а некоторые молодые солдаты боятся гранату в руки взять, опасаясь, что она сразу же взорвется. Эта боязнь происходит от неумения. Оказывается, молодежь не знает толком, как с гранатами обращаться. Решил вмешаться в это дело и организовал практические занятия. Бывалые солдаты показали, как граната ставится на предохранитель и на боевой взвод, как применяется она в ближнем бою.

В январе 1943 года на Верхнем Дону развернулось наступление советских войск, завершившееся сокрушительным разгромом крупной фашистской группировки. Развивая успех, соединения 40-й армии с боями продвигались к Белгороду.

Как это иногда бывает, в наиболее ответственный момент операции нарушилась связь штаба армии с передовыми частями. А тут как на грех разыгралась непогода и неистовый буран засыпал снегами все дороги — ни пройти, ни проехать. Генерал К. С. Москаленко, находившийся на КП 40-й армии, нервничал, томимый неизвестностью. Он решил послать на самолете По-2 офицера связи с пакетом. Но член Военного совета И. С. Грушецкий заявил, что он полетит сам и лично передаст войскам распоряжение командарма, выяснит обстановку и уточнит, как идут бои за Белгород.

Мы пробовали отговорить Ивана Самойловича от рискованного полета, но бесполезно. Быстро собравшись и получив от командующего и Военного совета последние рекомендации, И. С. Грушецкий улетел. В тот день мы изрядно поволновались за него. И вот уже когда начало темнеть, донесся рокот одиночного самолета. Затем из низко нависших снежных туч вынырнул По-2. С трудом отыскав возле селения пятачок, летчик искусно совершил посадку неподалеку от штаба армии. А через четверть часа Иван Самойлович оживленно рассказывал нам о своем необычном полете, о том, как пилот кружил над боевыми порядками, разыскивая наши войска, и совершил посадку вблизи передовой. И. С. Грушецкий проинформировал Военный совет о ходе наступления

и о том, что наши передовые отряды ворвались на окраину Белгорода и завязали бой.

Вскоре Иван Самойлович получил назначение членом Военного совета Степного округа, преобразованного затем во фронт.

Летом 1944 года генерал И. С. Грушецкий по решению Государственного Комитета Обороны и ЦК ВКП(б) сдал дела на 2-м Украинском фронте и вернулся на партийную работу в республике.

Как секретарь Львовского обкома КП(б)У, Иван Самойлович Грушецкий прибыл на наш КП и настойчиво просил Военный совет быстрее «прикомандировать» его к танковой части, нацеленной непосредственно на Львов. Просьба была удовлетворена, и секретарь обкома И. С. Грушецкий вместе с передовой бригадой 4-й танковой армии вступил в древний украинский город.

У меня хранится письмо И. С. Грушецкого, полученное в середине шестидесятых годов. Вспоминая о былых днях, он писал:

«Гитлеровцы намеревались полностью разрушить Львов, этот старинный, богатый архитектурными памятниками украинский город. Готовясь к отступлению, они заложили под общественные здания и предприятия до 50 тысяч мин, фугасов и других взрывных приспособлений. Танкисты, изгнав вражеский гарнизон, заняли круговую оборону и не пустили в город отступающих немцев, теснимых с юга соединениями Лелюшенко и с северо-запада — танковой армией Рыбалко. Таким образом, герои-танкисты спасли город от разрушения, а население от уничтожения.

Большую помощь нам в те дни оказало местное население, подпольная партизанская группа, отряд им. Ивана Франко.

Горожане с восторгом встретили своих освободителей. Горячая поддержка населения чувствовалась повсюду и во всем».

День 27 июля 1944 года был, пожалуй, одним из самых «урожайных» на победные салюты. Небо столицы нашей Родины не переставало играть зарницами. В 21 час Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта, освободившим Станислав — крупный железнодорожный узел и важный опорный пункт обороны противника в предгорьях Карпат. В приказе Верховного

Главкомандующего особо были отмечены войска 1-й гвардейской армии (командующий генерал-полковник А. А. Гречко, член Военного совета генерал-майор И. В. Васильев). В тот же вечер были даны победные салюты и в честь других фронтов, освободивших Белосток, Даугавпилс, Шяуляй. Всего, с учетом львовского, было пять салютов.

Попутно замечу, что за время Великой Отечественной войны 1-й Украинский фронт заслужил наибольшее количество салютов — 68 (плюс 4 по прежнему Воронежскому фронту).

27 июля мог прогреметь и еще один победный салют. В тот знаменательный день в основном уже был освобожден город-крепость Перемышль. Еще четыре дня назад 44-я гвардейская танковая бригада под командованием гвардии полковника И. И. Гусаковского в числе первых форсировала реку Сан и, сломив ожесточенное сопротивление гитлеровцев, вошла в северную часть Перемышля. Тем временем на юго-восточной окраине города завязали бои подразделения 53-й гвардейской танковой бригады гвардии полковника В. С. Архипова и другие части. Успеху танкистов способствовали просочившиеся в Перемышль вместе с партизанскими разведчиками наши автоматчики.

Одним из первых ворвался на железнодорожную станцию танковый экипаж гвардии лейтенанта В. И. Новикова. Вступив в неравный поединок с бронепоездом противника, отважный гвардейский экипаж заставил замолчать орудийные расчеты врага. Стальная громадина начала пятиться и поспешно отступать. Но саперы, пробравшиеся в тыл врагу, успели взорвать железнодорожное полотно. Путь бронепоезду был отрезан.

Храбро штурмовали город-крепость мотострелки, танкисты и артиллеристы. В результате напряженных уличных боев войска 1-й и 3-й гвардейских танковых армий к исходу 27 июля овладели Перемышлем. На другой день боевому успеху салютовала Москва.

28 июля соединения 1-го Украинского фронта освободили польский город Ярослав. Здесь, как и в боях за Перемышль, отличились войска 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова.

В районе Ярослава одним из первых к реке Сан вышел и затем форсировал ее помощник начальника штаба

по разведке 69-го гвардейского танкового полка гвардии старший лейтенант Андроник Манукян. Возглавляемые им разведчики уничтожили 4 фашистских танка, 2 бронетранспортера и до 80 гитлеровцев.

Бои за Ярослав протекали напряженно. Когда вражеский снаряд поджег советский танк, механик-водитель гвардии старшина Иван Кравченко из 1-й гвардейской танковой бригады на горящей машине продолжал атаку и, смяв пушку врага, открыл путь другим.

Противник, подтянув резервы, пытался контратакой выбить наши части. Некоторые подразделения временно попали в окружение. В критическую минуту боя заместитель командира батальона из 20-й гвардейской мехбригады офицер Иван Лапенков возглавил атаку, личным примером увлекая бойцов. Вражеское кольцо было разорвано. В бою Лапенков лично уничтожил до двух десятков фашистов.

Напряженнейшие бои разгорелись и на левом крыле фронта. Войска 1-й гвардейской и 18-й армий, наступавшие в направлении на Дрогобыч, встретили упорное сопротивление немцев, яростно оборонявших столь необходимый им нефтеносный район.

Уже на первом этапе Львовско-Сандомирской операции, имевшей большое военно-политическое значение, вся Советская Украина, за исключением Закарпатья, была полностью очищена от гитлеровских захватчиков. Выполняя интернациональный долг, Красная Армия приступила к освобождению юго-восточных областей Польши. Войска фронта нанесли сокрушительное поражение группе армий «Северная Украина». По нашим подсчетам, противник потерял убитыми и ранеными около 130 тысяч солдат и офицеров, а также 1500 орудий и минометов, около 500 танков. Войска фронта взяли в плен около 30 тысяч неприятельских солдат и офицеров.

18-я армия, например, только с 23 по 31 июля пленила 9600 солдат и офицеров противника.

Еще перед началом нашего наступления всеми видами разведки было установлено, что перед фронтом 18-й армии находятся соединения 1-й венгерской армии в составе шести дивизий и двух горнострелковых бригад. Показания пленных солдат и офицеров свидетельствовали о невысоком моральном состоянии этих войск.

Многие венгры не хотели воевать за чуждые им интересы.

Учитывая сложившуюся обстановку, Военный совет и политотдел 18-й армии усилили работу по разложению венгерских войск. Только в июле 1944 года политотдел армии распространил более 30 наименований листовок общим тиражом свыше 1,5 миллиона экземпляров. В том же месяце политработники провели около 900 передач на войска противника с помощью окопных и громкоговорящих установок. На переднем крае выставлялись и плакаты, призывавшие венгров не гибнуть ради Гитлера и думать о спасении своей родины.

При политотделе 18-й армии работала школа венгерских военнопленных. Занятия проводились по специальной программе. Слушателям читались лекции и доклады на темы: «Союз с гитлеровской Германией ведет Венгрию к катастрофе», «Красная Армия не угрожает независимости Венгрии», «Германия уже проиграла войну» и т. д.

Как только начались наступательные бои, выпускников школы забросили в расположение противника. Многие из них благополучно вернулись обратно и привели с собой несколько групп венгерских солдат, решивших по их совету добровольно сдаться в плен.

Член Военного совета 18-й армии генерал-майор С. Е. Колонин и начальник политотдела армии полковник Л. И. Брежнев доложили Военному совету и политуправлению фронта, что в конце июля число военнопленных венгров начало заметно возрастать, в ряде случаев в плен добровольно сдавались большие группы венгров. 28 июля остатки 4, 5, 10 и 11-го полков общей численностью полторы тысячи солдат при отходе из района Яблонки на запад были перехвачены нашими передовыми подразделениями. Советский офицер, знавший венгерский язык, обратился к ним с призывом: «Мадыяры, кончайте воевать, сдавайтесь в плен!» И все полторы тысячи венгерских солдат без сопротивления сложили оружие.

Днем раньше командир минометного расчета, заменивший сбежавшего взводного, приказал солдатам привязать к винтовкам белые платки. Под его командой взвод в полном составе добровольно и организованно перешел на советскую сторону. Одновременно сдался и венгерский рабочий батальон. Немало имелось и других

фактов, свидетельствовавших о действенности нашей пропаганды среди войск противника, о распаде фашистского блока и подспудных политических процессах, подтачивавших войска сателлитов гитлеровской Германии.

Пополнив свои ряды 50 тысячами солдат, главным образом призывниками из освобожденных западных областей Украины, прошедшими боевую подготовку в запасных частях, войска фронта вступили во второй этап Львовско-Сандомирской операции.

НА ЗЕМЛЕ ПОЛЬСКОЙ

Когда исход боев за Львов был предreshен, из Ставки позвонил генерал А. И. Антонов и сообщил, что Верховный Главнокомандующий утвердил представленный Военным советом 1-го Украинского фронта план дальнейшего хода операции. Затем мы получили директиву Ставки от 27 июля 1944 года, суть которой заключалась в следующем:

1. Силами 13-й армии Пухова и 1-й гвардейской танковой армии Катуква не позже 1—2 августа форсировать реку Висла и захватить плацдарм на западном берегу на участке Сандомир, устье реки Вислока. Захваченный плацдарм использовать для удара на север с целью помочь 3-й гвардейской армии Гордова форсировать Вислу и выйти на ее западный берег.

2. Центром фронта к тому же времени выйти на реку Вислока и овладеть Санок, Дрогобыч, Долина.

3. Силами 1-й гвардейской и 18-й армий захватить и прочно удерживать перевалы через Карпатский хребет на направлении Гуменне, Ужгород, Мукачево с целью последующего выхода в Венгерскую долину.

В дальнейшем войска фронта должны наступать в общем направлении на Ченстохов и Краков.

На другой же день, без какой-либо ощутимой паузы, начался второй этап операции.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, исходя из поставленных задач, решил основные усилия войск сосредоточить на сандомирском направлении, с ходу форсировать Вислу и захватить плацдармы на западном ее

берегу. На это направление нацеливались войска 5-й гвардейской армии и конно-механизированной группы. Сюда же перебрасывались из районов Львова и Перемышля части 3-й гвардейской танковой армии. Форсирование Вислы планировалось осуществить на широком фронте от Зембожина до устья реки Вислока. С целью успешного преодоления крупной водной преграды танковые армии усиливались понтонно-мостовыми бригадами.

Таким образом, основные усилия войск 1-го Украинского фронта были направлены на завершение разгрома группы немецких армий «Северная Украина», уничтожение оперативных и стратегических резервов и овладение плацдармами на западном берегу Вислы. Для участия в наступлении на сандомирском направлении были привлечены три общевойсковые армии, две танковые армии, все основные силы авиации, артиллерии и инженерных войск.

Политорганы, военные газеты, печатная и устная пропаганда несли в войска важнейший призыв партии, четко и ясно выражавший суть нашей освободительной миссии: «Воины Красной Армии! Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии, несите освобождение народам Польши и других стран Европы, стонущим под игом фашистской тирании!»

Уже на первом этапе наступательной операции наши войска в полосе правого крыла и центра фронта полностью восстановили государственную границу СССР и вступили на польскую землю, неся избавление братскому народу. Теперь мы все внимание сосредоточили на пропаганде призывов и исторических указаний партии о великой освободительной миссии Красной Армии.

Командиры и политработники, пропагандисты и агитаторы разъясняли воинам, что надо быстро и решительно преодолеть с ходу одну из крупнейших рек — Вислу, захватить значительный плацдарм, чтобы затем продолжать наступательные действия. Только в таком случае мы сможем успешно выполнить историческую задачу по освобождению братской Польши от фашистского ига. Призыв Военного совета, обращенный к войскам фронта, — «Вперед, на Вислу!» — вытекал из цели операции и вместе с тем выражал основную суть призывов ЦК партии.

Мы стремились учесть уроки и недостатки битвы за Днепр и принимали меры к тому, чтобы на Висле войска проявили больше организованности и умения, в широких масштабах применяли переправочную технику. Еще до подхода к Висле командующий создал оперативную группу по руководству переправами. Ее возглавил начальник инженерных войск фронта генерал-лейтенант И. П. Галицкий. Задача состояла в том, чтобы вместе с передовыми отрядами перебросить через многоводную реку танки и артиллерию, которые обеспечили бы надежное закрепление захваченных плацдармов.

Военный совет рекомендовал политуправлению и всем политорганам, а также фронтовой печати широко информировать войска о наших успехах, популяризировать имена тех, кто первым форсирует Вислу и захватит плацдарм на западном берегу. Добрые вести о победных делах фронта или успешном продвижении соседей, о захваченных пленных и трофеях, об освобожденных населенных пунктах вызывали у воинов прилив гордости, стремление равняться на героев, добиваться новых боевых успехов.

Пожалуй, ничто так не подымает моральный дух воинов, как сообщение о нашей победе. В моей памяти сохранился эпизод, связанный с освобождением 29 ноября 1941 года Ростова-на-Дону. В ознаменование одержанной победы Верховный Главнокомандующий издал приказ, адресованный командующему Юго-Западным направлением Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко и командующему Южным фронтом генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко. «Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков, — гласил приказ. — Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузивших над Ростовом наше славное советское Знамя. Сталин».

Это был, пожалуй, один из самых первых поздравительных приказов. Он зачитывался войскам и еще больше укрепил моральный дух воинов. Политотдел 9-й армии, возглавляемый полковым комиссаром Б. С. Мельниковым, издал листовку «Хваленому Клейсту сломали хребет».

Сколько было радости, ликования! И не только на Южном фронте. Радостная весть о крупной победе на-

ших войск под Ростовом-на-Дону облетела всю страну и обрадовала всех воинов Красной Армии, сражавшихся с фашистами. Военные советы и политорганы Западного, Калининского, Юго-Западного и других фронтов тоже выпустили листовки, посвященные славной победе на юге и освобождению нашими войсками Ростова-на-Дону. Так, например, в листовке, изданной политотделом 31-й армии Калининского фронта, говорилось:

«Поклянемся же, товарищи бойцы, командиры и политработники, отстоять Москву и похоронить на подступах к столице фашистские дивизии. Крепче удар, сильнее натиск на врага, и он побежит от Москвы так же, как он бежал от Ростова. Пусть героические успехи защитников Ростова вдохновят вас на священное сражение за Москву, за Родину»¹.

Наступательная операция развивалась стремительно. Особенно быстро продвигалась к берегам Вислы 13-я армия генерала Н. П. Пухова. Смело и решительно наступали подразделения 6-й гвардейской стрелковой дивизии и другие соединения. Под вечер 29 июля в районе Баранува вышла к реке 350-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Г. И. Вехин, начальник политотдела подполковник В. П. Якушкин). Осуществляя параллельное преследование противника и обгоняя отступавшие немецкие колонны, 1178-й стрелковый полк этой дивизии, возглавляемый подполковником Ф. А. Барбасовым, первым вырвался к Висле. Увидев у паромной переправы скопление гитлеровцев, командир стрелкового батальона капитан А. И. Якушев с ходу развернул подразделения и внезапно атаковал врага. Действия батальона поддерживали полковая артиллерия и подразделения противотанковых орудий. В стане врага поднялась паника. Советские воины захватили исправный паром, собрали на берегу лодки и приступили к переправе. В 18 часов 30 минут передовой десант двинулся в первый рейс.

Ведя борьбу за расширение захваченного плацдарма, части 350-й дивизии уже 30 июля расширили его до 12 километров по фронту и 8 километров в глубину.

¹ Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны, стр. 169.

Одновременно Вислу форсировали части 1-й гвардейской танковой армии. Первыми ступили на западный берег Вислы автоматчики мотострелкового батальона гвардии капитана Константина Усанова, поддержанные танкистами 44-й гвардейской танковой бригады гвардии полковника И. И. Гусаковского. На этом участке и было решено всемерно развивать успех. Сюда быстро выдвигались понтонные парки и другая инженерная техника. В районе Баранува начала действовать фронтовая переправа.

Контратаками частей 213-й охранный, 88-й и 72-й пехотных дивизий противник стремился ликвидировать захваченный в районе Баранува плацдарм, но успеха не имел, ибо мужество советских гвардейцев было беспредельным. Особенно отличились гвардии старшина Александр Образцов и гвардии старший сержант Николай Голомзник. Защищая плацдарм, они получили ранения, но остались в строю и прикрыли переправу товарищей.

Форсируя реку, наши войска широко применяли понтонные парки, переправочную технику, инженерные средства. Вместе с тем воины нередко использовали и подручные средства. Так, командир отделения разведчиков из 20-й гвардейской мехбригады гвардии старший сержант Сергей Нестеров первым на самодельном плотике переправился через Вислу и вместе с горсткой бойцов захватил плацдарм, удерживая его до подхода главных сил. Автоматчик той же части гвардии рядовой Маннула Гизатулин ночью поплыл через реку на бревне. Все вокруг кипело от разрывов снарядов и бомб. Взрывной волной от авиабомбы солдата сбросило в воду. Добравшись до западного берега вплавь, гвардии рядовой Гизатулин в ночной темноте подполз к траншее противника. Метнув гранату и стреляя из автомата, он создал панику и выбил врага из траншеи.

Вслед за соединениями 13-й и 1-й гвардейской танковой армий на западный берег Вислы в районе Баранува начали переправу и части 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко.

Польское население радостно встретило Красную Армию и оказывало войскам всяческую помощь и содействие. Викентий и Тадеуш Кнап и другие жители села Седлещаны помогали советским воинам конопатить лод-

ки, строить плоты. С риском для жизни они не раз сами переправляли бойцов на западный берег реки. Таких примеров было много.

Оперативность проявили и понтонеры. К утру 1 августа в районе Баранува на фронтовой переправе действовало 24 парома большой грузоподъемности, что позволяло быстро перебрасывать через реку танки, артиллерию и другую боевую технику, наращивать на плацдарме наши силы, прочнее закрепляться на западном берегу Вислы.

Форсирование одной из крупнейших рек в Европе проходило на многих участках на широком фронте. Сколько мужества, самоотверженности и отваги проявили наши воины на Висле! Лодка, на которой переправлялся через реку старший сержант Тихон Литвиненко, оказалась разбитой разорвавшейся поблизости миной. Коммунист Тихон Литвиненко, не выпуская из рук автомата, вплавь добрался до западного берега и прикрыл огнем переправу других. На узенькой полоске земли он с несколькими бойцами в течение двух суток отбивал атаки противника, пытавшегося уничтожить храбрецов и ликвидировать маленький плацдарм. Железную стойкость проявили при удержании плацдарма артиллерист офицер Олег Гончаренко, отбивший пятнадцать атак противника, и гвардии полковник Василий Ильич Баклаков, который, будучи тяжело ранен, продолжал командовать переправившимися через реку подразделениями, и многие другие.

Следует сказать, что наращивание наших сил на плацдармах за Вислой проходило значительно быстрее, чем на Днепре. Но и здесь на первых порах войска форсировали реку на паромах и десантных лодках, которые были менее уязвимы для артиллерийского огня и авиации противника, нежели мосты. Когда же плацдарм удалось немного расширить, а наши истребительные авиационные полки перебазировались ближе к Висле и получили возможность надежнее прикрывать войска и переправы, строительство мостов развернулось полным ходом. Очень быстро инженерные подразделения навели понтонный мост в районе Баранува. Ударными темпами строился 60-тонный низководный мост на свайных опорах в районе Седлещан. Сооружать его начали 31 июля

и, несмотря на частые налеты вражеской авиации, закончили к 7 августа 1944 года. К концу сентября войска фронта располагали на Висле 18 мостами.

И все же трудностей встречалось немало. Наши войска более полумесяца вели тяжелые наступательные бои и понесли потери в технике и людях. Коммуникации растянулись, а восстановление железных дорог шло медленно, да и колея в Польше была более узкой, чем в Советском Союзе. Это усложнило работу транспорта. Войска испытывали недостаток в горючем и боеприпасах.

Были и другие недостатки. Передовые отряды 3-й гвардейской армии замешкались и упустили выгодный момент для форсирования реки с ходу, дав возможность отступавшему противнику организовать и укрепиться на западном берегу Вислы. На некоторых переправах не было достаточной организованности, мало использовались дымовые завесы и прочие средства маскировки. Инженерные части 3-й гвардейской армии понесли ощутимый урон, потеряв четыре понтонных парка. Переправочной техники не хватало, поэтому и силы на плацдармах севернее и южнее Аннополя наращивались медленно. Этим воспользовался враг и ликвидировал один из плацдармов, отбросив за реку подразделения 76-го стрелкового корпуса.

Было ясно, что противник попытается сделать все возможное, чтобы удержать за собой вислинский водный рубеж. Это подтверждали и пленные. Захваченный в плен инженер-капитан 777-го артдивизиона показал: «От Вислы все пути ведут к центрам Германии». Он сообщил, что идет интенсивная переброска немецких дивизий на этот важный рубеж.

В те дни мне пришлось допрашивать одного немецкого офицера, захваченного на участке 13-й армии. Он высказался еще более определенно.

— Ваш плацдарм за Вислой, — заявил пленный, — это револьвер со взведенным курком, направленный нам в висок. Плацдарм за Вислой смертелен для нас. Мы не хотим проиграть битву за Вислу. Германская армия предпримет все для того, чтобы сбросить русских за реку...

Когда войска 1-го Украинского фронта начали форсировать реку, Военный совет потребовал, чтобы коман-

лиры всех степеней еще ближе стали к войскам и при первой же возможности переносили свои командные пункты на западный берег Вислы.

Мужественные и энергичные командиры и политработники, как правило, верно определяли свое место в бою, находясь на плацдармах за Вислой, и наравне с солдатами делили все военные тяготы. Командный состав умело использовал все имевшиеся в его распоряжении боевые средства и возможности для того, чтобы успешно выполнить поставленные задачи.

Нелегко было передовым отрядам, закрепившимся на простреливаемых врагом пятачках. Порой возникали и кризисные моменты. Но волевые командиры, умевшие сочетать боевую деятельность с политическим и воинским воспитанием, делали все возможное, чтобы укрепить моральную силу войск, выстоять в борьбе с превосходящим врагом, удержать и расширить плацдармы. Показателен в этом отношении приказ командира 479-го стрелкового полка подполковника П. К. Бабака. Объяснив, что вместе с передовыми подразделениями, форсировавшими Вислу, он перенес на западный берег реки и свой КП, командир полка указал в приказе:

«Немцы прилагают все силы, чтобы выбить нас с захваченного плацдарма. Этому не бывать! Наши задачи:

1. Вести неустанное наблюдение за противником.
2. Всегда быть готовыми к отражению любых контратак.
3. Экономить боеприпасы, каждую пулю — немцу в лоб.
4. Легко раненым оставаться в строю.
5. Офицерам, сержантам находиться в боевых порядках и обеспечить управление боем».

Этот приказ был зачитан во всех подразделениях части. Воины дрались героически и не только удержали, но и расширили плацдарм.

Вообще бои на западном берегу Вислы отличались большим ожесточением. Гитлеровцы норовили во что бы то ни стало сбросить наши передовые подразделения за реку. Плацдармы и районы переправ подвергались сильному артиллерийскому обстрелу и авиационному воздействию.

Маршал Советского Союза И. С. Конев передал в

войска, что он переносит командно-наблюдательный пункт фронта непосредственно в район боевых действий.

— Так сейчас нужно, — сказал мне маршал. — Это не показная храбрость, а необходимая целесообразность. Неудобно же командарму или командиру корпуса находиться позади командующего фронтом. Они сами продвигнутся вперед и в свою очередь подтолкнут подчиненных.

Так и случилось. Командный пункт Конева, вынесенный ближе к войскам, вызвал своеобразную цепную реакцию, последовательно приблизив все КП к сражающимся на плацдармах войскам. Это значительно улучшило руководство боевыми действиями, положительно сказалось на стойкости воинов.

С передовыми частями двинулись за Вислу и представители политотделов армий. Начальник политуправления фронта генерал С. С. Шатилов направил в войска, сражавшиеся на Висле, половину своего аппарата. Это свидетельствовало о том, что наши политорганы научились в ходе войны сосредоточивать силы и средства на решающих направлениях и в зависимости от задач и целей боя или операции, в зависимости от сложившейся обстановки целеустремленно организовывать свою деятельность.

Важным местом политработы стали районы переправ, где были созданы агитпункты и сосредоточены лучшие силы агитаторов. Перед форсированием реки солдатам раздавались листовки. «Сел в лодку, на паром — забудь про восточный берег, — гласила одна из листовок. — Пересек Вислу, зацепился за плацдарм — сразу же всемерно расширяй его, а завоеванное защищай стойко, держись до последней возможности. Сражайся, как повелевает присяга, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Ни шагу назад!»

Среди разнообразных агитационных средств впечатляющее политическое воздействие на бойцов оказывали плакаты. В одном из них были такие призывные слова. «Разобьем немцев на Висле — последнем крупном водном рубеже, уничтожим фашистского зверя! На бой, советские герои, вперед, к победе!»

Львовско-Сандомирская операция имела и свои политические особенности. 17—19 июля 1944 года войска фронта перешагнули через Западный Буг и вступили на территорию Польши, протянув братскую руку помощи свободолюбивому народу, попавшему под иго гитлеровской оккупации. Красная Армия оказалась за рубежами родной земли, с честью и славой выполняя почетную освободительную миссию, высокий интернациональный долг.

Исключительно большой размах приняла пропаганда интернациональных задач Красной Армии, разъяснение великой освободительной миссии советского воина. В частях и подразделениях проводились беседы и доклады о Польше, о только что созданном Польском комитете национального освобождения, о состоянии экономики и расстановке классовых сил в этой стране, о Войске Польском, сражавшемся совместно с Красной Армией против фашистских агрессоров.

Вступая в пределы Польши, мы, признаться, с некоторым волнением ожидали, как население соседней страны встретит Красную Армию. Много лет буржуазно-помещичья реакция, ослепленная антикоммунизмом и классовой ненавистью к Стране Советов, делала все для того, чтобы поссорить наши народы. Сколько лжи, клеветы и грязи вылила международная буржуазия и ее продажная печать на Советское государство, на наши социальные порядки, на Красную Армию. Теперь воинам-освободителям надлежало благородными делами, словом и поведением опровергнуть беспардонную ложь реакционеров. Выполняя освободительную миссию, ведя ожесточенные бои с фашистами, каждый советский воин, находившийся на территории Польши, олицетворял страну социализма, проявляя братское отношение к полякам, закладывая основы дружбы наших народов.

Несмотря на фашистскую клевету и происки буржуазно-помещичьей реакции, польские трудящиеся радостно встречали советских солдат. Об этом свидетельствовали сообщения, поступавшие из армий и соединений фронта. В этом убеждались и мы сами. На всем пути следования наших войск воздвигались арки, украшенные флагами Советского Союза и Польши. Всюду встречались радостные лица мужчин, женщин, детей. Каждый стремился подойти ближе к советскому бойцу,

обнять и поцеловать его. Местные жители угощали красноармейцев молоком, медом, хлебом, яблоками.

Помню, у въезда в одно село старик, возглавлявший местную делегацию, встретил нас церемонным поклоном. Все, и старые и молодые, дружно прокричали:

— Нех жие Червона Армия!

— Нех жие жечь Псполита Польска!

Восхищаясь могучими танками и тягачами с крупнокалиберными орудиями, крестьянин Станислав Космовский взволнованно сказал:

— Какая сила движется! — И, усмехнувшись, добавил: — А Геббельс лгал, что у русских не осталось ни танков, ни самолетов. Оказывается, оружия у вас более чем достаточно. Теперь мне понятно, почему гитлеровцы отступают.

— А еще какие небылицы Геббельс распространял? — поинтересовался я.

— Фашисты запугивали нас, что русские загонят всех поляков в Сибирь...

— И вы верили?

— Конечно нет. Но кое-кто с опаской ожидал прихода русских. Теперь убедились, что красных солдат бояться нечего, они наши друзья и братья.

В те дни была огромная нужда в печатных изданиях на польском языке. Стоило мне достать отпечатанные листовки на польском и русском языках, где излагалось содержание манифеста Польского комитета национального освобождения (ПНКО), как десятки рук потянулись к ней. Крестьянин, завладевший листовкой, стал вслух читать манифест. В нем говорилось:

«Соотечественники!

Чтобы ускорить освобождение родной страны и удовлетворить исконную тягу польского крестьянина к земле, Польский комитет национального освобождения немедленно приступит на освобожденной территории к осуществлению земельной реформы.

В этих целях будет создан земельный фонд в распоряжении управления сельского хозяйства и земельных реформ.

...Земли, объединяемые земельным фондом, за исключением предназначенных для создания образцовых хозяйств, будут распределены между крестьянами-бедня-

ками, середняками, многосемейными, мелкими арендаторами и сельскохозяйственными рабочими...»

Каждое слово манифеста встречалось общим одобрением собравшихся людей. Потом они заговорили — торопливо, взволнованно, перебивая друг друга. Фашистских оккупантов прогнали. Помещики бежали. Манифест дает большие права трудовому народу, дает землю в руки тем, кто ее обрабатывает. Наконец-то наступит новая жизнь!

И нам, воинам Страны Советов, отрадно было видеть, что на земле, освобожденной Красной Армией, начинаются важные социальные преобразования, осуществляются светлые мечты трудового народа. Но мы по собственному, выстраданному нами опыту знали, что крупные революционные преобразования легко не даются. Польская рабочая партия, возглавившая трудовой народ страны и все патриотические силы нации, с кипучей энергией приступила к восстановлению народного хозяйства. Надо было не только поднять из пепла разоренные фашистскими оккупантами фабрики и заводы, шахты и электростанции, не только возродить сельское хозяйство, но и победить капиталистов и помещиков, сокрушить сопротивление внутренней реакции, поддерживаемой международным империализмом.

В Жешовском воеводстве мне довелось присутствовать при торжественном акте, когда представитель ПКНО вручал безземельным крестьянам свидетельства на владение землей, национализированной у снятельных графов, светлейших князей и бежавших с гитлеровцами помещиков. Это было волнующее событие. Трудящиеся как подлинные хозяева начинали осуществлять демократические преобразования.

В том же Жешовском воеводстве каменной глыбой возвышался над живописным местечком Ланцут старинный дворец, принадлежавший ранее династии Потоцких — крупнейших магнатов и властителей Польши. Когда мы подъехали к замку, к нам подошел офицер А. П. Соин и доложил, что советские воины взяли под охрану и надежную защиту этот замок, чтобы затем передать его законному хозяину всех богатств — польскому народу и его демократическому правительству в лице Польского комитета национального освобождения.

— Я уверен, что в древнем замке будет создан народ-

ный музей, — предугадывая будущее, заявил старший лейтенант Сонн.

Уже при нас появились первые экскурсанты. Это были вчерашние батраки, которых, бывало, и близко не подпускали к графским хоромам. Они осторожно и бесшумно ходили по замку, рассматривая редкостные картины в золоченых рамах, охотничьи трофеи графа, изделия местных умельцев, богатую утварь...

В первые дни обстановка в Польше оставалась сложной. Донесения, поступающие от военных советов армий, от командиров, политорганов и комендатур, свидетельствовали о том, что так называемые «полномочные представители» польского эмигрантского правительства в Лондоне кое-где норовили самочинно захватить органы местного самоуправления, стремясь оттеснить подлинных представителей народной власти.

Имели место вылазки и провокации со стороны чуждых элементов. Буржуазно-помещичье реакционное отребье выступало со злобными нападками на Польский комитет национального освобождения, на изложенную в его манифесте программу демократических преобразований, и особенно земельную реформу. В одной из клеветнических листовок враги новой жизни распространяли провокационные вымыслы о том, что ПКНО и большевики якобы намерены превратить Польшу в придаток Советского Союза, что все поляки будут сосланы за Урал, в Сибирь, а на польской земле поселятся якуты. Распространялись и другие небылицы, почерпнутые из арсенала геббельсовской пропаганды.

Военный совет фронта учитывал сложность обстановки и делал необходимые выводы. Мы довольно четко представляли себе, каково должно быть наше отношение к польскому народу, к различным социальным группам и на каких вопросах следует сосредоточить внимание командиров и политорганов. Этому во многом способствовало проведенное ЦК ВКП(б) в мае 1944 года совещание членов Военных советов фронтов. Там, наряду с другими вопросами, были обсуждены и наши задачи, связанные с освободительной миссией Красной Армии в Европе.

В директиве Главного политического управления Красной Армии от 19 июля 1944 года указывалось, что продвижение советских войск за рубежи нашего госу-

дарства создало новую обстановку, требующую учитывать новые явления, освещать и изучать военно-политическое положение на территории, освобожденной Красной Армией. Главное политическое управление требовало перестроить содержание партийно-политической и всей воспитательной работы применительно к новой обстановке.

Прошло несколько дней, и начальник ГлавПУРа генерал-полковник А. С. Щербаков по телефону потребовал доложить, каковы взаимоотношения советских войск и населения освобожденных районов братской Польши. Я коротко информировал его.

— Нельзя забывать, — сказал А. С. Щербаков, — что сейчас каждый воин за рубежом становится советским агитатором. Польские трудящиеся должны на деле почувствовать, что мы их друзья, братья.

В конце июля мне снова позвонили из Москвы и попросили не отходить от аппарата. Вскоре я услышал голос И. В. Сталина. Он сказал, что Государственный Комитет Обороны намерен обсудить вопросы, связанные с пребыванием Красной Армии за рубежом.

— Вы можете, товарищ Крайнюков, прибыть в Москву?

Я ответил, что могу.

— Вот и хорошо. Если позволит погода, то завтра же утром вылетайте. До свидания!

Просмотрев еще раз донесения военных советов армий и политорганов, изучив незначительные пока материалы о первых днях пребывания советских войск в Ярославле и других освобожденных населенных пунктах Польши, суммировав личные записи и наблюдения, я посоветовался с командующим фронтом И. С. Коневым, начальником штаба В. Д. Соколовским и начальником политуправления С. С. Шатиловым. Они многое мне подсказали.

В первый же день нашего прибытия в Москву в Государственном Комитете Обороны состоялось совещание. Здесь я встретил членов военных советов фронтов генералов Л. Э. Мехлиса и Н. Е. Субботина. Когда мы кратко доложили о первом опыте работы в новых условиях, И. В. Сталин предложил нам подготовить проект постановления ГКО о нормах поведения Крас-

ной Армии за рубежом, где каждый боец призван высоко держать честь воина Страны Советов и уважать суверенитет и национальное достоинство освобождаемых народов Юго-Восточной Европы.

Перед тем как приступить к работе над документом, мы попросили Сталина дать указания о направленности документа и определить основные вопросы, которые следует включить в проект постановления.

— Вы только что прибыли из Польши, — сказал в ответ И. В. Сталин, — и лично ознакомились с обстановкой в освобожденных районах, сделали определенные выводы и обобщения. Для того вы, члены военных советов фронтов, и приглашены в Москву, чтобы своими рекомендациями и предложениями помочь ЦК партии и ГКО.

Прошло несколько часов коллективной работы над составлением документа, и в назначенное время мы снова прибыли к И. В. Сталину. Не спеша прохаживаясь по кабинету, он начал с нами беседу о Польше, ее настоящем и будущем. Сталин отметил, что поляки, испытывавшие в прошлом гнет самодержавной царской России, жестоко эксплуатировались не только местными помещиками и капиталистами, но и крупными буржуазными державами Запада. В руках империалистов Польша часто становилась камнем преткновения, очагом противоречий, конфликтов и военных столкновений. Сталин подчеркнул, что в эти исторические дни, когда Красная Армия освобождает польский народ от фашистского ига, закладываются основы братской, нерушимой дружбы советского народа с польским. Военные советы должны заботиться о том, чтобы эта дружба крепла, развивалась, утверждалась на века.

— Мы, большевики, — продолжал И. В. Сталин, — с первых дней Великой Отечественной войны заявили об исторической освободительной миссии Красной Армии. Теперь пришло время вызволить народы Европы из фашистской неволи. Наш интернациональный долг — содействовать польскому народу в возрождении сильной, независимой, демократической Польши.

Председатель ГКО заявил, что мы никакой своей администрации на территории Польши создавать не будем и своих порядков устанавливать тоже не станем. Нам

не следует вмешиваться во внутренние дела освобождаемой страны. Это суверенное право самих поляков. Образован Польский комитет национального освобождения. Он и создаст свою администрацию. С ПКНО следует поддерживать тесную связь, никакой иной власти не признавать.

— Повторяю, никакой другой власти, кроме Польского комитета национального освобождения, не признавать!

И. В. Сталин предложил военным советам фронтов, войска которых вступили на польскую землю, издать «Обращение к польскому народу». Он рекомендовал разработать этот важный документ на основе заявления Советского правительства и постановления ГКО, изложив в обращении освободительные цели и задачи пребывания Красной Армии на территории Польши.

На этом совещании закончилось. Сталин подошел к нам, пожал каждому руку и пожелал новых успехов.

После совещания в Государственном Комитете Обороны Л. З. Мехлиса, Н. Е. Субботина и меня принял секретарь ЦК ВКП(б), начальник Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаков.

Перед отъездом из Москвы нас ознакомили с постановлением ГКО от 31 июля 1944 года. В этом документе подчеркивалось, что, как только какая-либо часть польской территории перестанет быть зоной непосредственных военных действий, Польский комитет национального освобождения полностью возьмет на себя руководство всеми делами гражданского управления. В постановлении содержались многие положения, высказанные Сталиным в беседе с нами.

Поездка в Москву и обмен опытом оказались плодотворными. Совещание в ГКО и ЦК ВКП(б) помогло членам военных советов фронтов, действовавших за пределами Родины, лучше уяснить линию Коммунистической партии и наши интернациональные задачи, сущность великой освободительной миссии советского народа и его Вооруженных Сил. О многом говорит и тот факт, что только за время подготовки и проведения Львовско-Сандомирской операции мне, как члену Военного совета, довелось дважды бывать в ЦК ВКП(б) и ГКО и получать там важные указания.

Руководящую, организующую и направляющую роль Коммунистической партии мы ощущали ежедневно и ежечасно.

По указанию ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны Военный совет фронта принял обращение к польскому народу. В нем говорилось:

«Красная Армия не ставит себе задачи присоединить к Советскому Союзу какую-либо часть польской земли или вводить в Польшу свои советские порядки. Наступил исторический час, когда польский народ сам берет в свои руки решение своей судьбы. Создан Польский комитет национального освобождения — единственная правомочная власть на территории Польши, выражающая интересы польского народа. В этот час вы должны оказать всемерное содействие Красной Армии и тем самым ускорить разгром немецко-фашистских армий и установление нормальной жизни на свободной, независимой польской земле»¹.

Этот важный политический документ, изданный нами на польском языке, был размножен огромным тиражом в виде листовок, которые расклеивались на видных местах во всех городах и населенных пунктах, разбрасывались в полосе действий войск фронта с агитмашин, а также зачитывались населению через громкоговорящие установки и передавались по радио. Листовки сбрасывались с самолетов и в еще не освобожденных районах Польши.

Центральный Комитет партии разрешил Военному совету и политуправлению 1-го Украинского фронта издавать газету на польском языке «Нове жиче» («Новая жизнь»).

Она выходила 20-тысячным тиражом. На ее страницах широко пропагандировались цели и задачи Красной Армии на территории Польши, идеи дружбы советского и польского народов, другие важные проблемы. Словом, газета сыграла огромную роль и быстро завоевала популярность широких масс.

При политуправлении фронта и политотделах армий были созданы группы агитаторов, владеющих польским

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 6507, д. 8, л. 240.

языком, которые занялись массово-политической работой в освобожденных районах Польши.

Военные советы фронта и армий и политорганы совместно с представителями ПКНО проводили в городах и крупных населенных пунктах массовые митинги, являвшиеся мощным средством укрепления дружбы советского и польского народов. Для местного населения была организована широкая демонстрация советских кинокартин. На площадях выступали воинские духовые оркестры и коллективы солдатской самодеятельности. Особой популярностью пользовались наши ансамбли песни и пляски — два фронтовых и восемь армейских. Обладая высокой профессиональной подготовкой, они несли за рубежи нашей Родины советскую культуру.

В новых условиях еще более активизировалась политработа и в наших войсках. Перед началом второго этапа операции во всех частях прошли партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждался вопрос о задачах коммунистов и комсомольцев в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши. Среди личного состава проводились беседы на темы: «Советско-польские отношения», «Современная Польша», «Высоко держать честь и достоинство советского воина за рубежом родной страны», «О моральном облике воина Красной Армии». В ряде частей зачитывалась знаменитая ленинская речь о «человеке с ружьем». Политработники напоминали солдатам, сержантам и офицерам исторический наказ В. И. Ленина воинам, идущим в бой: «Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святыне идеи и... на деле осуществлять интернациональное братство народов»¹.

Мне не раз доводилось быть свидетелем оживленных бесед советских воинов с жителями освобожденных польских городов и сел, и я убеждался, сколь высока политическая подготовка, идейная закалка советского солдата — представителя страны социализма.

7 августа 1944 года Военный совет обсудил первые итоги боевой и политической деятельности войск 1-го Украинского фронта за рубежом. После краткого

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 26.

вступительного слова Маршала Советского Союза И. С. Конева я проинформировал собравшихся о совещании членов военных советов фронтов в Москве и, зачитав постановление ГКО о нормах поведения советских войск за границей, ознакомил с важнейшими требованиями партии и правительства.

О партийно-политической работе в новых условиях и расширяющихся связях с ПКНО и органами народной власти на местах говорили приглашенные на заседание члены военных советов армий: 5-й гвардейской — А. М. Кривулин, 13-й — М. А. Козлов, 3-й гвардейской танковой — С. И. Мельников и другие.

Член Военного совета 1-й гвардейской танковой армии Н. К. Попель поделился впечатлениями о восторженной встрече советских войск польским населением, которое оказывало помощь нашим частям в форсировании рек и строительстве переправ.

Во время напряженного боя за Ярослав гитлеровцам удалось потеснить ворвавшуюся на окраину города 20-ю гвардейскую мехбригаду. На улицах осталось несколько раненых бойцов. Поляки с риском для жизни подобрали и укрыли советских воинов, оказали им первую медицинскую помощь. Когда наши войска прочно овладели Ярославом, жители города передали спасенных бойцов в советский военный госпиталь.

С интересным сообщением о митингах в освобожденных городах и селениях Польши выступил член Военного совета 60-й армии В. М. Оленин. В Жешуве поляки, собравшиеся на общегородской митинг, засыпали живыми цветами трибуну, на которой находилось советское командование. Когда наш военный оркестр заиграл польский национальный гимн, запела вся площадь. У многих людей на глазах заблестели слезы. Пять лет польский национальный гимн находился под запретом.

А когда торжественно и величаво прозвучал Государственный гимн Советского Союза, отовсюду понеслись ликующие возгласы «Да здравствует наш великий друг и освободитель — Советский Союз!», «Слава Красной Армии!». На призыв всемерно помогать Красной Армии и крепить советско-польскую дружбу участники митинга единодушно ответили клятвой верности великой и нерушимой дружбе.

Активно помогали нам польские патриоты из Гвардии Людовой, вошедшей затем в Армию Людову. Они мужественно боролись с немецко-фашистскими оккупантами. Это были подлинно патриотические формирования, возглавляемые авангардом польского народа — партией рабочего класса.

В освобожденных нашими войсками районах Польши трудящиеся энергично восстанавливали разрушенное гитлеровскими варварами народное хозяйство, получая большую, разностороннюю и бескорыстную помощь Советского государства и его победоносной армии-освободительницы.

Осуществляя Львовско-Сандомирскую операцию, Военный совет 1-го Украинского фронта одновременно уделял много внимания восстановлению железнодорожного транспорта Польши. Помню, как все мы были озабочены тем, что из-за отсутствия угля на железных дорогах Польши создалось угрожаемое положение. Военный совет фронта в своем постановлении предусмотрел экстренные меры, обеспечивающие бесперебойную работу транспорта. Пришлось организовывать в широком масштабе заготовку дров для нужд мелких предприятий и местного населения.

По решению Военного совета в полосе фронта проводились большие работы по разминированию городов и сел, пахотных земель. Наши саперы-пиротехники обезвредили множество фугасов и мин замедленного действия, заложенных фашистами под железнодорожные станции и заводские корпуса, и спасли многие промышленные предприятия освобожденной страны.

В ходе Львовско-Сандомирской операции советские войска захватили эшелоны с награбленным гитлеровцами национальным достоянием Польши и оборудованием местных предприятий. По решению правительства СССР Военный совет фронта передал ценное имущество польскому народу.

Красная Армия спасла от нацистских извергов много исторических памятников Польши. Наши разведчики обозначали на картах не только расположение вражеских огневых точек, неприятельских штабов, наблюдательных пунктов, немецких батарей, складов боеприпасов и других военных объектов, подлежащих немедленному уничтожению. Они указывали на картах и

подлежащие спасению объекты культуры: исторические памятники, музеи, картинные галереи, лицеи, гимназии, больницы, творения архитектуры и т. д. В отличие от буржуазных армий, ставящих перед собой лишь разрушительные задачи, созданная партией Ленина армия нового типа, беспощадно сокрушавшая своих врагов, вместе с тем проявляла величайший гуманизм, снискав себе славу армии-освободительницы, защитницы свободы, демократии, социального прогресса.

Советские воины держали за рубежом экзамен, представ перед благодарными народами Европы во всем нравственном величии и чистоте. Можно привести сотни фактов теплого, дружеского отношения наших воинов к населению Польши, а равно и польского населения к советским воинам. Приведу лишь некоторые примеры.

При освобождении Дембицы рядовой Василий Колчинцев одним из первых пробился к центру населенного пункта. Взобравшись на крышу высокого здания, он водрузил алый стяг Страны Советов и польское красно-белое национальное знамя. Советский солдат, возвестивший жителям Дембицы об освобождении, стал уважаемым гражданином города.

Благородство души и высокие моральные качества проявил автоматчик Просаленко. Когда он ворвался в польское село, там еще бесчинствовали эсэсовцы, поджигая перед отступлением дома и убивая мирных жителей. Просаленко издали увидел, что один из гитлеровцев вскинул автомат и прицелился в молодую польку, метавшуюся перед горящим домом с криками: «Стасик, мой Стасик!» Советский солдат опередил фашиста и скосил бандита меткой очередью. Жизнь женщины была спасена. Но полька продолжала рваться к горящему дому, крича: «Там Стасик!» Ни минуты не медля, рядовой Просаленко бросился в огонь. Пробираясь сквозь дым и пламя, боец добрался до кровати, где задышался в дыму малютка. Завернув его в одеяло, солдат выскочил на улицу. Ребенок был спасен. Мать целовала опаленные руки советского автоматчика и со слезами радости и благодарности говорила: «Ты, русский, чудесный человек! Я никогда не забуду тебя».

Победа Советского Союза над фашизмом не только принесла Польше свободу. Она создала для польского рабочего класса, для польского трудового народа

историческую возможность завоевания власти и отпадения Польши от империалистической системы...

Нынешняя народная Польша, простирающаяся от Буга до Одера и Нейсе, является сильной и могучей, ее окружают границы дружбы и мира. Ее народная власть, все государства Варшавского договора во главе с Советским Союзом бдительно стоят на страже завоеваний социализма.

Но более четверти века назад Польша, освобожденная советскими войсками от гитлеровской оккупации, была совсем иной. Под руководством партии рабочего класса польские трудящиеся только что начинали социалистические преобразования, сбрасывая оковы капиталистического и помещичьего угнетения.

За рубежами нашей Родины советские воины столкнулись с буржуазной действительностью, полной контрастов и противоречий. Наши командиры и политорганы еще более усилили пропагандистскую работу.

В 13-й армии я как-то разговорился с агитаторами стрелкового полка. Они заявили, что за рубежом еще более обострились воспоминания фронтовиков о родном крае, отчем доме. Воины заявляли, что хотят видеть на страницах военных газет фотографии Красной площади, Мавзолея В. И. Ленина, древнего Кремля, памятных мест Москвы, Ленинграда, Киева и других городов нашей необъятной Отчизны, хотели бы полюбоваться живописными пейзажами родимой земли.

Редакция фронтовой газеты «За честь Родины» постаралась выполнить это пожелание, усилив пропаганду достижений страны, трудового героизма народа. На страницах газеты изо дня в день публиковались материалы «На земле, которую ты освободил», «По родной стране», «Цифры и факты», «Памятники русской славы», «На родине наших воинов», «Тыл кует победу».

Патриотическая переписка бойцов с трудящимися нашей страны всегда занимала важное место в политической работе, а в дни пребывания Красной Армии за рубежом она приобрела еще больший размах и служила важнейшим источником моральной поддержки воинов. Доставка газет и писем с Родины приравнивалась к доставке боеприпасов и пищи.

Тысячи писем получали от своих земляков воины 10-го гвардейского танкового Уральского добровольче-

ского корпуса, где все, начиная от могучей боевой машины и кончая пуговицей на комбинезоне и гимнастерке, было создано на средства патриотов Урала и Сибири. Земляки сообщали, что каждый боевой успех корпуса отмечается новыми трудовыми победами, увеличением выпуска вооружения, боевой техники и боеприпасов, что на уральских заводах развернулось соревнование за переходящее Красное знамя добровольческого танкового корпуса.

Восемь тысяч воинов — узбеков, казахов и татар, сражавшихся на 1-м Украинском фронте, подписали коллективные письма, адресованные трудящимся республик. Письмо наших бойцов-татар, в котором рассказывалось о славных делах Героев Советского Союза А. Х. Валиева, В. В. Альбеткова, Н. Х. Шарипова, А. Калиева, С. Х. Хасанова и других, в Казани издали брошюрой, тираж которой превышал 15 тысяч экземпляров. После этого на наш фронт пошел нескончаемый поток патриотических писем из Татарии.

Воины 1-го Украинского фронта в своем письме сообщали прославленному акыну Джамбулу и трудящимся Казахстана о подвигах отважного танкиста Кубиса Джумабекова.

«Дорогой Джамбул! — писали гвардейцы. — В почетном списке героев нашей гвардейской части одним из первых записано имя Вашего внука Кубиса Джумабекова. Получая партийный документ накануне жарких боев, Кубис дал слово, что будет сражаться с врагом, не жалея сил своих и жизни во имя победы. Свое слово Джумабеков выполнил с честью. Он подбил и уничтожил несколько фашистских танков, от гусениц его машины погибли десятки гитлеровцев».

В батальон, которым командовал гвардии майор Тонконога, поступил танк, изготовленный на средства комсомольцев Казахстана. На его броне было имя героини казахского народа Маншук Маметовой. Эту почетную боевую реликвию патриоты Казахстана вручили экипажу гвардии младшего лейтенанта Бегалы Асанова.

Примерно в то же время парторг подразделения старший сержант Алексей Куксов, агитатор старший сержант Христофор Бодольян и другие воины обратились в политорган с письмом. «Каждому бойцу и коман-

диру особенно близки и дороги города, за которые они воевали, — писали воины. — Там могилы боевых товарищей. Нам дорог и тысячами воспоминаний близок каждый камень мостовой, каждый дом, каждая улица. Мы не задерживаемся долго в освобожденных городах. Еще в прошлом году прошла наша часть Сумы, когда над городом стоял дым пожарищ. Что случилось теперь с Сумами? Как идет там жизнь? Как восстанавливаются фабрики и заводы? Нам, всем нашим товарищам очень хотелось бы об этом узнать».

Командование и политотдел соединения учли эти пожелания и направили небольшую делегацию в Сумы и другие города, освобожденные соединением. Впечатлениями о поездке воины поделились с личным составом и написали об этом в газету.

Фронтая и армейская печать публиковала на своих страницах письма-наказы воинам-украинцам от трудящихся УССР и воинам-белорусам от трудящихся БССР. С такими же патриотическими письмами, обсужденными в городах, селах, кишлаках и аулах, на предприятиях, в колхозах и совхозах и подписанными тысячами и десятками тысяч трудящихся, обращались к своим сынам-воинам народы Узбекистана, Казахстана, Татарии, Таджикистана, армянский, азербайджанский и другие народы великого и многонационального Советского Союза.

Широкий и массовый характер приняла переписка воинов фронта с трудящимися Москвы, Ленинграда, Горького, тружениками областей, городов и районов Российской Федерации. Эти письма помогали еще более крепить единство народа и армии, поднимали моральный дух воинов.

Весточка из дому от родных всегда была желанной и приносила солдату радость. Вместе с тем она содержала и благодатный материал для агитаторов. Красноармеец Оралов получил как-то письмо от жены со Смоленщины. Вначале он, как водится, читал и перечитывал сам, вздыхая и размышляя над каждой строкой. Потом решил поделиться новостями с товарищами по взводу. Жена писала о том, что в родном селе урожай уже убран и колхозницы занялись пахотой, готовятся к севу озимых.

«Все колхозные бабы в поле, — писала жена красноармейца Оралова. — Мужиков у нас почти нет. Разве

что пяток на село наберется, да и те старики. Все воюют на фронтах. Лошадей у нас тоже нет, а про трактора и говорить не приходится. Наш колхоз фашисты вконец разорили, разграбили. Теперь впрягаем корову в плуг и сами впрягаемся. Вот так и работаем. Нелегко, конечно, но знаем, что это дело временное. Когда вы, фронтовики, наголову разобьете врага и начнется мирная жизнь, мы все наладим и все наживем. А трудности военного времени нас не пугают. Хлебушек вырастим, обеспечим им детишек наших, государство и вас, фронтовиков».

— Да, много несчастий принесли народу фашистские оккупанты, — произнес кто-то из бойцов. — Все колхозы разорили и разграбили. Ни тракторов, ни лошадей не оставили...

— Эх, бабы многострадалыные, — сказал другой. — Хлебнули они горюшка! Я бы им, героическим женщинам, памятник поставил. А другой — рабочим нашим, что делают снаряды, пушки, минометы...

Когда в районе плацдарма бои немного утихли, несколько отличившихся летчиков фронта во главе с гвардии полковником А. И. Покрышкиным получили приглашение прибыть в Москву и встретиться с трудящимися столицы.

Прославленного летчика-истребителя полковника А. И. Покрышкина командование представило к награждению третьей медалью «Золотая Звезда». С 22 июня 1941 года по 20 декабря 1943 года он совершил 550 боевых вылетов, провел 137 воздушных боев и сбил 50 вражеских самолетов. Пока наградной лист рассматривался, Александр Покрышкин уничтожил еще 9 фашистских самолетов.

Под стать Покрышкину и его боевые соратники. Григорий Речкалов сбил над Вислой 57-й самолет врага. Летчик Александр Клубов имел на боевом счету 39 уничтоженных фашистских самолетов, Андрей Труд — 24, Аркадий Федоров — 22. В гвардейском соединении зародилась и умножилась боевая слава героев-братьев Глинки, сыновей криворожского шахтера.

Н. М. Шверник в Кремле торжественно вручил Александру Покрышкину третью медаль «Золотая Звезда».

Григорию Речкалову — вторую и Андрею Трудю — первую медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и орден Ленина. Отважные летчики побывали в гостях у москвичей, а затем отправились в свои родные места. Покрышкин — в Новосибирск, Речкалов — на Урал.

Трудящиеся Новосибирска собрали несколько миллионов рублей и приобрели новые скоростные самолеты-истребители для гвардейского авиасоединения, которым командовал их знатный земляк гвардии полковник А. И. Покрышкин.

Вернувшись во 2-ю воздушную армию, летчики рассказали фронтовикам о героическом тыле страны, о встречах с авиаконструктором С. А. Лавочкиным и рабочими оборонных заводов, с теми, кто в лютые холода и бураны монтировал и вводил в строй промышленные предприятия, эвакуированные на Урал и в Сибирь, кто самоотверженным трудом ковал победу.

Политорганы, партийные и комсомольские организации применяли самые разнообразные формы и методы патриотического воспитания воинов. Так, в газете 60-й армии «Армейская правда» было опубликовано открытое письмо, адресованное сержанту Я. Т. Костину, вся семья которого мужественно сражалась с врагом.

«Дорогой Яков Терентьевич! — говорилось в этом взволнованном и сердечном письме. — С первого дня войны вы встали на защиту Родины. Вы вырастили отважных и честных детей. История вашей семьи — это история России.

Ваша старшая дочь Нина Яковлевна была студенткой, перед ней открывалась большая и радостная жизнь. Фашисты напали на нашу страну, и Нина пошла защищать Родину. Она погибла у стен Ленинграда. Дочь сибиряка, она отдала свою жизнь за прекрасный город — колыбель Октябрьской революции. И когда страна радовалась освобождению Ленинграда от блокады, вы знали, что есть в этой победе и кровь Костиных, кровь Нины.

Ваш сын Борис Яковлевич погиб на Волге. Кто не знает, что там решался исход войны?..

Воюют ваши сыновья Иван и Николай, воюет ваша дочь Валя. Она пошла добровольно на фронт. Ваша супруга Ольга Ивановна, узнав о смерти дочери и сына, не пала духом. Она сказала: «Пусть знает фашист, что

есть еще войны в нашей семье». И Ольга Ивановна пошла работать в военную мастерскую, не покладая рук помогает фронту.

Нет, Костины не посрамят Родины! Вы, Яков Терентьевич, воюете уже четвертый год, все испытали: и отступление и победы. Были в самом сердце России, а теперь освобождаете Польшу».

Солдатам, сержантам и офицерам фронта была известна и артиллерийская династия Бабиных. Глава семьи Степан Ефимович Бабин партизанил в гражданскую войну, а затем прошел большой боевой путь в знаменитом полку червонного казачества. Он и в Отечественную войну в первые же дни встал в боевой строй. И притом не один, а вместе со старшим сыном Иваном. Воевали они храбро, стояли плечом к плечу. Даже и ранены были вместе, одной миной. Медали «За отвагу» им вручили одновременно. Сын получил медаль № 988461, а отец — 988462.

Но после госпиталя комиссия признала Степана Ефимовича Бабина непригодным к строевой службе. Однако ветеран двух войн не смирился с врачебным заключением. Он добился своего и вернулся в родную часть. Приехав домой на несколько дней в отпуск по ранению, он затем взял с собой на фронт и младшего сына Владимира. Так они и воевали на польской земле: старший сын Иван — наводчик, младший Владимир — замковый, Степан Ефимович Бабин — заряжающий, а вместе они составляли боевой расчет орудия.

И таких патриотических династий было немало. Всей семьей воевали Каманины, беззаветно сражались с врагом летчики братья Глинки, танкисты Бойко и Орловы, пехотинцы Гурные.

Воспитание любви к социалистическому Отечеству, к родной Коммунистической партии мы по праву считали главной идеологической задачей. Патриотизм советского воина органически сочетался с пролетарским интернационализмом, с глубокими чувствами уважения и братской дружбы к польскому народу и другим народам Европы, которым нес избавление от фашизма наш солдат-освободитель.

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Бои на Висле приняли особенно ожесточенный характер. Сосредоточив в районе Мелец и Тарнобжег несколько пехотных и танковых дивизий, немецко-фашистское командование 1 августа 1944 года предприняло вдоль восточного берега Вислы сильные контрудары по сходящимся направлениям, намереваясь захватить наши переправы и отрезать сосредоточенные на плацдарме советские войска.

Были моменты и критические. Гитлеровцам удалось захватить несколько населенных пунктов и к вечеру 2 августа 1944 года почти вплотную подойти к фронтовой баранувской переправе. Положение осложнялось тем, что все наши боевые части действовали на западном берегу реки, а на восточном оставались главным образом тыловые подразделения.

Начальник инженерных войск фронта генерал И. П. Галицкий поднял по тревоге понтонные и инженерные части и организовал оборону переправ. Их боевые действия надежно прикрывал огнем 1-я гвардейская артиллерийская дивизия РГК гвардии полковника В. Б. Хусида, расположенная в 5 километрах восточнее Баранува. Это оказалось как нельзя кстати, так как саперы были вооружены автоматами и небольшим количеством ручных пулеметов.

3 августа из района Мелец около 2 пехотных дивизий врага, поддержанных 100 танками, вновь ринулись к баранувской переправе. Встреченный массированным артиллерийским огнем, неприятель понес большие потери, но продолжал усиленно рваться к реке, стремясь во

что бы то ни стало ликвидировать нашу главную переправу.

К вечеру гитлеровцам удалось приблизиться к дамбе. Понтонеры и воины других специальных частей самоотверженно сражались с пехотой и танками врага. Но под покровом ночной темноты немецким автоматчикам, поддержанным танками, удалось прорваться в тыл понтонно-мостовому батальону, которым командовал подполковник И. Ф. Чабунин. Получив ранение, командир батальона продолжал руководить боем. Когда подошло подкрепление, понтонеры решительной контратакой отбросили противника.

Генерал И. П. Галицкий доложил Военному совету о тревожном положении в районе баранувской переправы, и командующий фронтом приказал двинуть на помощь 33-й стрелковый корпус 5-й гвардейской армии и некоторые части 3-й гвардейской танковой армии. Наши войска отбросили врага за реку Вислока и овладели населенным пунктом Мелец. Положение на этом участке было восстановлено.

Однако немецкое командование не отказалось от намерения ликвидировать наш плацдарм за Вислой. Довольно мощная группировка гитлеровцев, сосредоточившаяся севернее и западнее Сандомира, нанесла сильный контрудар.

Фашистская авиация неистовствовала, подвергая бомбовым ударам наши позиции и места переправ. На одном из участков плацдарма за Вислой гитлеровцам удалось немного потеснить измотанные многодневными боями и поредевшие части 13-й армии.

Узнав об этом, И. С. Конев резко упрекнул генерала Н. П. Пухова.

Конев мог под горячую руку прочитать суровую нотацию, но в то же время умел ценить людей. Вспылив, он быстро отходил, успокаивался.

— Крепко вы обидели Пухова, — сказал я потом Коневу.

— Армия — не институт благородных девиц, — насутился Иван Степанович. — Я не намерен рассыпаться в любезностях, когда ставится под удар судьба плацдарма.

Конев в возбуждении прошелся по комнате и продолжал:

— Нам никак нельзя ослаблять своей воли, своих

усилий. Враг без боя не сдастся. Надо вырывать у него победу, понимаешь, вырывать! А это достигается умением и настойчивостью командиров, стойкостью и решительностью воинов.

— У генерала Пухова умение есть, а воли тоже достаточно, — заметил я. — Только она не показная, а внутренне осознанная, выстраданная на войне, закаленная в боях. Тем и ценнее она.

Иван Степанович усмехнулся и махнул рукой:

— Ну, пошел философствовать — «внутренне осознанная»...

— Кстати, — продолжал я, — под Курском, в районе Поньрей, главный удар танковых полчищ врага приняла 13-я армия под командованием генерала Пухова. Выстояла и не дрогнула! Она же одной из первых форсировала Днепр. О Висле и говорить не буду...

Маршал Конев и без меня прекрасно знал, что на нашем фронте одной из первых форсировала Вислу армия Пухова. Командарм и Военный совет сделали все возможное для удержания захваченного плацдарма. И. С. Конев по достоинству оценил это. Впоследствии он дал генералу Н. П. Пухову следующую характеристику: «Пухов проявил себя в боях грамотным, энергичным, смелым и решительным генералом... Войска 13-й армии отличаются стойкостью и умелой организацией боя». Это была объективная и очень точная характеристика одного из замечательных военачальников времен Великой Отечественной войны.

Когда на Висле создалась кризисная обстановка, командующий фронтом И. С. Конев ввел в сражение находившуюся в резерве 5-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта А. С. Жадова. 4 августа ее войска решительно атаковали мелецкую группировку противника, обезопасив наши тылы и переправы. Разгромив гитлеровцев на восточном берегу реки, гвардейская армия быстро и организованно перешла на западный берег, своевременно оказав помощь сражавшимся на плацдарме войскам. Сосредоточение за Вислой 32, 33 и 34-го гвардейских корпусов армии Жадова, состоявших из 9 полнокровных дивизий, парализовало наступательные действия гитлеровцев и позволило не только удержать важнейший плацдарм, но и значительно расширить его.

Вспоминаю, как Конев оберегал резерв. В ходе Львовской операции не раз создавались трудные положения и находилось немало советчиков, которые уговаривали маршала ввести в бой 5-ю гвардейскую армию. Признаюсь, и мне не раз казалось, что это пора сделать. Однажды я заметил ему, что генерал Жадов настойчиво рвется в бой.

— Пусть не горячится, — ответил маршал. — Настанет время, и он получит боевой приказ. Испытаний хватит и на его долю.

Командующий фронтом не раз говорил, что надобно на время забыть о существовании 5-й гвардейской армии, которая крепко пригодится на заключительном этапе операции. Так оно и произошло. Объективно оценивая обстановку того периода, приходишь к выводу, что если бы 5-ю гвардейскую армию ввели в сражение на первом этапе операции, еще до подхода к Висле, то поредевшим и уставшим войскам было бы очень трудно расширить и удержать плацдарм при возраставших контрударах противника.

11 августа на долю защитников сандомирского плацдарма выпали, пожалуй, самые серьезные испытания. В этот день четыре танковые, одна моторизованная и несколько пехотных дивизий врага нанесли западнее и севернее Стопницы сильнейший контрудар, поддержанный массированными налетами авиации. Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало разорвать нашу оборону, опрокинуть советские войска в реку и ликвидировать плацдарм.

Однако немецко-фашистскому командованию не удалось застать наши войска врасплох, ибо о намерениях противника мы узнали из показаний пленных. Танковая лавина врага натолкнулась на мощную артиллерийскую группировку, сосредоточенную в полосе ожидаемого контрудара. Свою роль сыграл и подвижной противотанковый резерв.

Храбро сражались с превосходящими силами противника войска 5-й гвардейской армии. Политотдел, возглавляемый гвардии генерал-майором Ф. А. Катковым, многое сделал для пропаганды героизма и распространения опыта истребителей танков, морально подготовил войска к активной борьбе с «тиграми», к боям на западном берегу Вислы. Снова вступил в действие боевой ло-

зунг: «Стойко защищай плацдарм! Ни шагу назад! Только вперед!» В траншеях агитаторы передавали по солдатской цепи рукописные листовки с пламенным призывом: «Стоять насмерть!»

На плацдарме мне показывали плакат, выпущенный политотделом 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Он был посвящен героям первых боев на Висле и завершался стихотворной строфой:

Как Днепр и Буг,
Как Днестр и Волгу,
Так Вислы не видать врагам!

Эти слова звучали как нерушимая клятва гвардейцев.

Я не буду перечислять все формы и методы политического воздействия на массы. За годы войны наши командиры и политработники научились мастерски владеть идейным оружием, повышающим боевую силу войск.

Своеобразная идеологическая подготовка к битве за Вислу проводилась и в гитлеровском вермахте. Германское министерство пропаганды, возглавлявшееся Геббельсом, выпускало много газет, журналов, книг и плакатов, широко использовало кино, радио и другие средства психологической обработки немецкого народа и армии.

Офицеры по национал-социалистскому воспитанию разглагольствовали о немецкой расе господ, которой якобы угрожает «нашествие азнатов», а также о «коварных планах Кремля» и «русских варварах», замысливших стереть с лица земли арийскую расу. Гитлеровские генералы и офицеры из всех сил стремились подбодрить солдат, поднять падающий моральный дух армии. С этой целью они всячески расхваливали самолеты-снаряды Фау, новые типы немецких танков и другую боевую технику, усиленно муссировали слухи о том, что в германском рейхе куется невиданное по своей разрушительной силе оружие, которое сокрушит русские армии, повергнет весь мир.

В населенных пунктах Польши, освобожденных советскими войсками, мы видели немало расклеенных по стенам домов плакатов. «Немецкий солдат! — взывали они. — Закрой сердце Германии своим сердцем». Наши

разведчики ознакомили Военный совет с содержанием обращения командующего группой немецких армий «Северная Украина» генерал-полковника Гарпе. Адресуясь к немецким солдатам, оборонявшимся на Висле, нацистский генерал напыщенно восклицал: «Наш лозунг: «Стой! Здесь сражается группа армий «Северная Украина».

Но громкие и пышные слова, которыми жонглировали гитлеровцы, не могли спасти их от поражения.

Весь август прошел в ожесточенных боях. Противник усиливал свою группировку все новыми и новыми соединениями. На плацдарме наращивало силы и наше командование.

11 августа 1944 года, когда противник предпринял контрудар, командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев решил подкрепить нашу группировку на плацдарме 4-й танковой армией. Обстановка вынудила взять у 38-й и 60-й армий несколько артиллерийских и минометных частей и тоже перебросить их на плацдарм. Решено было создать мощный и неодолимый артиллерийский заслон, способный наглухо закрыть путь танковым дивизиям врага.

Переправы работали с предельной нагрузкой. На фронтовой переправе в районе Баранува политуправление фронта развернуло агитпункт. Остальные переправы обслуживались агитпунктами политотделов армий.

Войскам, направлявшимся на плацдармы, раздавались листовки о героях, текст военной присяги и памятки. Работники агитпунктов снабжали воинов газетами, проводили с ними беседы, знакомили со сводками Совинформбюро, принятыми по радио. На подступах к баранувской фронтовой переправе стоял привлекавший всеобщее внимание огромный щит с картой, на которой была нанесена обстановка на сандомирском участке фронта. На правой стороне щита было написано: «Что вчера произошло на плацдарме». Короткая сводка гласила: «Вчера наши войска отбили семь контратак противника. Враг подтягивает резервы и пытается сбросить нас в реку. Но тому не бывать! Спешите переправиться через Вислу, наращивайте удары по врагу, стойко удерживайте плацдарм!»

Поставив перед собой цель ликвидировать плацдарм, немецкое командование в районе Вислы впервые

применило новейшие для того времени тяжелые танки Т-VIB, так называемые «королевские тигры». Они имели более мощную броню, чем их предшественники. Если на тяжелых немецких танках «пантера» и «тигр» лобовая броня башни была толщиной 100 мм, то на «королевском тигре» она достигала уже 190 мм. Но борта башни и корпуса оставались такими же, как у обычного «тигра», и равнялись 80 мм. Словом, борта были наиболее уязвимыми. «Пантера» весила 44,8 тонны, «тигр» — 54 тонны, а «королевский тигр» — 68 тонн. На новом тяжелом танке был установлен двигатель в 600 лошадиных сил. Его экипаж состоял из 5 человек. На «королевском тигре» имелись 88-мм пушка с боекомплектom в 72 снаряда и 2 пулемета.

Сведения о появлении на нашем участке сверхтяжелых немецких танков очень насторожили всех нас. Из опыта войны мы знали, что появление на поле боя нового оружия, не известной доселе боевой техники в какой-то мере действует на психику и моральный дух войск, вызывает у солдат нервозность, а у отдельных воинов даже чувство страха.

Командиры и политработники много сделали для того, чтобы ликвидировать «тигробоязнь», укрепить веру в мощь нашего оружия, научить воинов способам борьбы с «королевскими тиграми». Гвардии полковник И. И. Якубовский — в то время заместитель командира 6-го гвардейского танкового корпуса — предупредил своих танкистов, что им придется встретиться с «королевскими тиграми». После обмена мнениями танкисты пришли к единодушному заключению: борта нового тяжелого немецкого танка, несомненно, менее защищены броней, чем лобовая часть. Стало быть, надо вести огонь из засад и укрытий, делающих наш танк или орудие неуязвимыми для врага. А стрелять, конечно, следует в борта или корму «королевского тигра».

Предположение о том, что фашистское командование постарается применить свою новинку как можно эффективнее, чтобы оказать психическое воздействие на наши войска, вскоре полностью подтвердилось. 11 августа северо-западнее Стопницы противник предпринял, как я уже отмечал, сильнейший контрудар. Немецкая авиация засыпала наши боевые порядки бомбами.

В этот момент гитлеровцы бросили в бой «королевские тигры», полагая, что они прорвут советскую оборону и проложат немецкой пехоте путь к Висле, способствуя ликвидации плацдарма.

Но враг просчитался. Внезапного удара у него не получилось. Наша разведка установила, что на окраине населенного пункта Оглендув сосредоточено большое количество немецких танков, в том числе и новых, сверхтяжелых. Командир 53-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник В. С. Архипов привел подразделения в боевую готовность. Экипажу гвардии младшего лейтенанта Александра Оськина было приказано под покровом темноты встать в засаду на танкоопасном направлении. Чтобы гитлеровцы не обнаружили советский танк по гулу двигателей и лязгу гусениц, артиллеристы открыли орудийный огонь, заглушив рокот машины.

Скрытно выдвинувшись на подступы к Оглендуву, гвардейцы укрыли танк снопями, искусно замаскировали его под копну. Рядом расположились автоматчики из танкового десанта.

И так было повсеместно. На танкоопасных направлениях стояли в засадах боевые машины, орудия. Саперы произвели дополнительное минирование местности. Войска приготовились дать отпор врагу.

Ночь прошла в ожидании. Но вот небо стало светлеть, послышался нарастающий гул неприятельских танков. Гвардейский экипаж Оськина изготовился к бою. Однако в рассветном молочном тумане, окутавшем все поле, ничего не было видно. Лишь огненные трассы пулеметных очередей, которыми ошетилилась танковая колонна, выдавали противника.

Александр Оськин впоследствии рассказывал о подробностях боя. Сквозь завесу тумана вскоре стали просматриваться неясные очертания стальных громадин. Гитлеровские танки двинулись по бугру, обходя овраг и подставляя под удар свои борта.

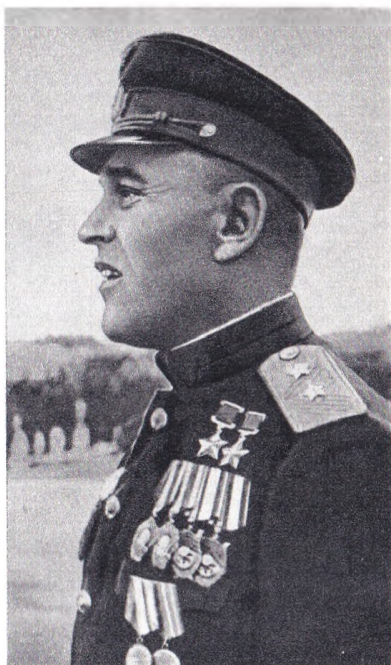
Все явственнее выделялся головной «королевский тигр». Земля сотрясалась под его тяжестью. До вражеского танка оставалось триста метров, двести, сто пятьдесят...

— Огоны! — скомандовал гвардии младший лейтенант Оськин.

П. А. Курочкин (справа) ставит задачу П. П. Полубоярову.
Слева — М. И. Озимин

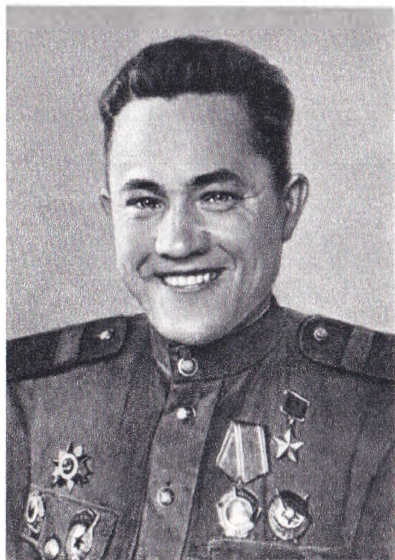
В. Г. Рязанов

**П. С. Рыбалко (в центре)
среди танкистов**

3. Асфандьяров

В. Курка

С. И. Жуков

**Парторг капитан И. С. Однолько (в центре) принимает
партийные взносы**

На переднем плане. Слева направо: К. П. Исаев,
А. А. Гречко, А. Г. Батюня

В. Г. Гуляев (в первом ряду третий слева) среди начальников политотделов соединений 4-й танковой армии

Не досуге

Кавалеры ордена Славы, отличившиеся в боях на сандомирском плацдарме. Слева направо: Ф. Юрченко, Л. Леганев, А. Виноградов

Г. В. Бакланов

А. И. Якушев

Командир части беседует с Ф. Д. Гурным (первый справа) и его сыном Василием (в центре)

А. И. Родимцев (на переднем плане)

А. И. Покрышкин

**Слева направо:
Л. Свобода, С. С. Шатилов**

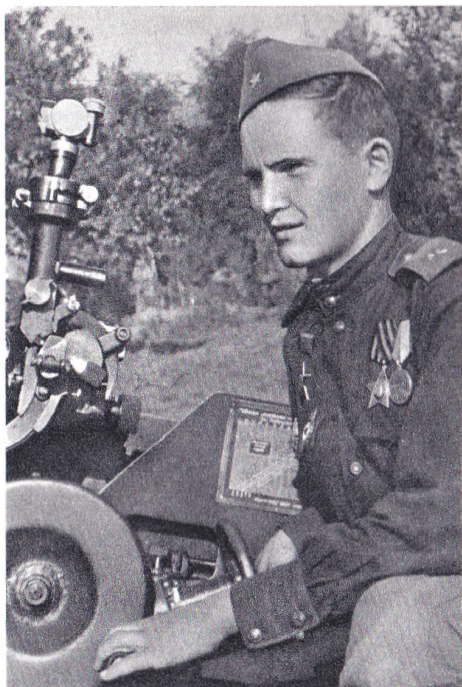

**Орудийный расчет. С. Е. Бабин (справа)
и его сыновья Иван и Владимир
Письмо из дома**

**Наводчик орудия
П. Карташев**

Слева направо: Г. Черный, К. Джамангареев, Г. Варава, С. Воликов

В. Лехницкий и И. Лихошерстов

Парторг И. Прач (слева) беседует с наводчиком С. Аллашевым

А. С. Жадов вручает боевую награду М. Бабаджанову

Советская военная делегация в посольстве ЧССР перед отъездом на празднование 20-летия Словацкого национального восстания. В центре — руководитель делегации маршал авиации С. А. Красовский

Первый же снаряд угодил точно в борт танка. Советские танкисты для верности послали еще три снаряда, и «королевский тигр» запылал.

С фашистских танков, двигавшихся колонной по дороге, посыпались десантники. Укрытые в засаде автоматчики из мотострелкового подразделения защитили «тридцатьчетверку», встретив солдат противника уничтожающим огнем.

А дуэль экипажа Оськина с «королевскими тиграми» продолжалась. Когда головной танк противника вспыхнул, следовавшая за ним машина угрожающе развернула башню в сторону советской «тридцатьчетверки». Как потом выяснилось, гитлеровцы даже дослали снаряд в ствол, но выстрелить так и не успели. Слаженно работавший гвардейский экипаж Оськина на какое-то мгновение упредил противника и первым же снарядом пробил борт второго «королевского тигра». Такая же участь постигла и третий тяжелый танк врага.

Увидев, как поспешно пятятся, удирают уцелевшие «королевские тигры», Оськин взглянул на часы и поразился: всего лишь три минуты длился скоротечный поединок. Миф о неуязвимости «королевских тигров» был развенчан.

Появление первой колонны «королевских тигров» носило, скорее всего, разведывательный характер. Позднее гитлеровцы провели интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку и на различных участках плацдарма нанесли мощный контрудар, массированно применив танки. И хотя натиск врага был невероятно силен, наши войска отстояли рубежи.

Буквально через несколько дней после первого боя с «королевскими тиграми» Военный совет 1-го Украинского фронта обсудил вопрос о способах борьбы с этими тяжелыми танками и разослал в войска необходимые рекомендации.

Практика показала, что даже наиболее прочная лобовая броня «королевского тигра» не выдерживала ударов подкалиберных и кумулятивных снарядов тяжелых советских танков ИС и самоходок СУ-100. Экипажам средних танков Т-34 и других машин, а также расчетам артиллерийских орудий рекомендовалось чаще практиковать засады, подпускать «королевские тигры» на ближние дистанции и открывать по ним огонь с 300—

400 метров, стреляя в борта, кормовую и ходовую часть. Эти и другие наиболее уязвимые места танка Т-VIB поражались даже снарядами 57- и 76-мм пушек. Лобовая же броня «королевских тигров» была доступна лишь снарядам 122- и 152-мм орудий. Поэтому танковым ротам, укомплектованным «тридцатьчетверками», а также стрелковым подразделениям было решено придавать 122- и 152-мм орудия. Широко применялось и минирование танкоопасных направлений и участков. По сосредоточениям танков врага советская авиация наносила бомбовые и штурмовые удары и причиняла противнику ощутимый урон.

На сандомирском плацдарме гитлеровцы несли большие потери. Только с 11 по 15 августа советские войска уничтожили здесь 214 фашистских танков. Нам удалось захватить и несколько исправных танков Т-VIB. Один «королевский тигр» впоследствии экспонировался на выставке трофейного оружия в Москве в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

В войсках фронта было организовано несколько учебных центров, где имелись подбитые или захваченные «королевские тигры» и другие трофейные машины. Герои Советского Союза Г. Черный, К. Джамангараев, Г. Варава и С. Воликов, бывалые воины М. Бабаджанов и В. Лехницкий объясняли молодым бойцам, как бороться с танками врага. Проводились и показательные боевые стрельбы по «королевским тиграм».

Словом, новая боевая техника, на которую так рассчитывало немецкое командование, не оказала психического воздействия на советских воинов и не вызвала паники в наших рядах. Гитлеровцы снова, в который уже раз, жестоко просчитались.

В то время как наша главная ударная группировка вела бои на сандомирском плацдарме, войска левого крыла фронта, вышедшие в предгорья Карпат, продолжали борьбу за овладение дрогобычским нефтеносным районом. Таким образом, боевые действия войск фронта имели два самостоятельных, удаленных друг от друга оперативных направления.

Создавшаяся обстановка необычайно усложнила управление войсками. Учитывая это и другие обстоя-

тельства, Ставка Верховного Главнокомандования 30 июля 1944 года образовала новый, 4-й Украинский фронт под командованием генерала армии И. Е. Петрова. В состав этого фронта вошли войска нашего левого крыла: 1-я гвардейская и 18-я армии.

Я побывал в уходящих от нас войсках, попрощался с боевыми товарищами, повидался с командующим 18-й армии генерал-лейтенантом Е. П. Журавлевым, членом Военного совета генерал-майором С. Е. Колониным и начальником политотдела полковником Л. И. Брежневым. Затем направился в 1-ю гвардейскую армию. В беседе с командармом генерал-полковником А. А. Гречко, членом Военного совета генерал-майором И. В. Васильевым и начальником политотдела полковником В. Г. Сорокиным я поделился впечатлениями о поездке в столицу, беседах в ГКО и сообщил о последних указаниях Центрального Комитета партии и Главного политического управления Красной Армии в связи с переходом войск за пределы нашей Родины.

Не думал я тогда, что вижу Ивана Васильевича Васильева в последний раз, что через несколько дней мы получим известие о его героической гибели. Участник гражданской войны, член партии с 1920 года, И. В. Васильев вступил в битву с немецко-фашистскими захватчиками в самом начале Отечественной войны. В дни боев на Волге он был начальником политотдела 62-й армии. Иван Васильевич неутомимо занимался организаторской и партийно-политической работой в солдатских массах, укрепляя моральный дух и стойкость защитников города-героя. Его хорошо знали в войсках и 1-й гвардейской армии, любили и уважали за общительный, уравновешенный и твердый характер и, конечно, за мужественное поведение в боевой обстановке.

Иван Васильевич Васильев погиб 11 августа 1944 года и похоронен с почестями в Дрогобыче. Ему, как видному политработнику, чья жизнь была подвигом, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Членом Военного совета 1-й гвардейской армии был назначен генерал-майор К. П. Исаев, являвшийся ранее начальником политотдела 60-й армии.

На сандомирском, главном для нас оперативном направлении наши войска вели тяжелые бои с против-

ником, наносившим контрудары. 17 августа части прославленной 13-й гвардейской стрелковой дивизии, возглавляемой генерал-майором Г. В. Баклановым, ставшим вскоре командиром 34-го гвардейского стрелкового корпуса, стойко встретили атаки 100 немецких танков и крупных сил пехоты. Усиливался натиск и на других участках обороны, занимаемой 5-й гвардейской армией генерала А. С. Жадова. Гвардейскую пехоту подкрепили своей мощью переправившиеся через Вислу части 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Храбро сражались с превосходящими силами противника войска 3-й гвардейской и 13-й армий, 1-й и 3-й гвардейских танковых армий.

После многочисленных ожесточенных боев танковая группировка врага, истекшая кровью и потерявшая много боевой техники, прекратила атаки. И тогда, не дав противнику опомниться, перешли в наступление советские войска.

Первыми ворвались в Сандомир стрелковые батальоны офицеров И. Г. Черткова и А. Г. Богазова. Завязались ожесточенные уличные бои. В районе этого важного опорного пункта обороны немцев на левом берегу Вислы были окружены части четырех дивизий 42-го армейского корпуса.

18 августа войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Сандомиром. В освобожденном древнем польском городе мы увидели следы чудовищных злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами, замышлявшими истребить, стереть с лица земли польскую нацию.

Бургомистр Сандомира сообщил нам:

— Гитлеровцы часто учиняли в городе кровавые расправы. Однажды днем около магистрата они собрали группу людей, поставили их на колени и расстреляли. Трупы расстрелянных долго лежали на центральной площади.

В одном только этом городе фашисты истребили 3 тысячи польских граждан. При отступлении они подожгли костел святого Якова, основанный еще в 1241 году. Жители и красноармейцы спасли этот драгоценный исторический памятник архитектуры.

При овладении городом Сандомир отличилась 350-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор

Г. И. Вехин, начальник политотдела гвардии подполковник В. П. Якушкин). Это была та самая дивизия, что первой форсировала Вислу. Командиру 1180-го стрелкового полка этой дивизии подполковнику Василию Федоровичу Скопенко, удостоенному высокого звания Героя Советского Союза, трудящиеся Сандомира (польски Сандомеж) вручили приветственный адрес. «Вы спасли наш город, спасли наши жизни, — говорилось в письме. — Мы всегда будем благодарны вам за это».

Василий Федорович Скопенко, ставший вскоре после этого события полковником, погиб смертью храбрых, освобождая польскую землю от немецко-фашистских захватчиков.

Есть трогательный документ, датированный 2 февраля 1945 года. Он гласит:

«Городской народный совет, собравшись сегодня на заседание, склоняет голову перед памятью Героя Советского Союза Василия Федоровича Скопенко, освободителя города Сандомежа от немецкой неволи, и, желая выразить ему свою сердечную благодарность и уважение к его памяти, единогласно постановляет:

Нынешнюю улицу Опатовскую города Сандомежа назвать улицей полковника Скопенко; похоронить прах полковника Скопенко в городе Сандомеже; на вечную память установить на его могиле памятник».

Как сына родного, оплакивали поляки и погибшего в районе села Руда командира 23-го арtpолка капитана Никонова. Он был погребен в центре Лежайска.

Во время похорон собралось много местных жителей. Стихийно возник митинг. Первым слово попросил поляк, бывший артиллерист польской армии. В своем выступлении он заявил:

— Наш дорогой Никонов, капитан освободительной Красной Армии, погиб в борьбе с немецкими оккупантами за освобождение Польши. Я прошу советское командование взять меня в вашу часть, чтобы я мог отомстить немцам за смерть советского офицера.

Поляки украсили могилу Никонова цветами и дали клятву вечно чтить память погибшего героя.

После войны мне пришлось возглавить поезд дружбы участников боев за освобождение Польши. И мы снова убедились, с какой теплотой относится польское население к памяти наших погибших воинов.

В одном из населенных пунктов нас сердечно встретили все местные жители. Затем школьники повели нас на кладбище, где похоронены советские воины. Ко мне подошла девочка и, старательно подбирая слова, тихо сказала на русском языке:

— Это могила, за которой я ухаживаю. Советский герой спас наше село, отдал жизнь за нашу свободу...

Но вернемся к боевым событиям августа 1944 года. Напряжение боев в районе Сандомира не уменьшалось. Вместе с другими соединениями 5-й гвардейской армии на плацдарме стойко и отважно сражались части 15-й гвардейской стрелковой дивизии (командир гвардии генерал-майор П. М. Чирков, начальник политотдела подполковник Д. Г. Муратов). В один из августовских дней 60 вражеских танков, сопровождаемых пехотой и поддерживаемых артиллерией и авиацией, обрушились на наш гвардейский полк. Воины не дрогнули и выстояли. Гитлеровцы, понесшие потери в живой силе и технике, откатились на исходные позиции.

— Молодцы мои однополчане! — не без гордости сказал И. С. Конев, прочитав оперативное донесение. — По-нашенски, по-боевому гвардейцы готовятся отметить юбилей соединения.

Иван Степанович намеревался навестить 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию, но экстренные дела, связанные с подготовкой операции в Карпатах, не позволили ему побывать у сослуживцев. А слова приветя, которые он написал гвардейцам, были пронизаны душевной теплотой и сердечностью:

«Дивизия прошла героический боевой путь и покрыла себя неувядаемой славой в боях с врагами нашего Отечества, — говорилось в поздравительной телеграмме командующего войсками 1-го Украинского фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева. — Ваша дивизия сформировалась из 50-го Краснознаменного имени Ворошилова стрелкового полка. Кадры дивизии в двух войнах — с финнами и немецкими захватчиками — показали стойкость и мужество, умение и выучку, что обеспечило боевые успехи дивизии.

Лично я, как бывший командир 50-го Краснознаменного имени Ворошилова стрелкового полка, горжусь вашими успехами и подвигами, шлю искренний привет своим сослуживцам и ветеранам дивизии.

Убежден, что в боях за окончательный разгром немецко-фашистской армии гвардейцы покажут новые образцы воинской доблести, умения и прославят себя новыми боевыми делами.

Слава воинам трижды орденоносной дивизии!
Ваш Конев».

Это соединение было хорошо знакомо и мне. Когда зашла речь о нем, невольно вспомнилась тревожная осень сорок первого года и подернутая инеем донецкая степь. 136-я стрелковая дивизия (тогда она так именовалась) после форсированного марша поспешно заняла позиции в районе Дьяково, чтобы прикрыть подступы к Ростову-на-Дону и преградить путь танковой армии генерала фон Клейста.

С наблюдательного пункта командира дивизии отчетливо было видно, как немецкие танки устремились на позиции 733-го стрелкового полка. От прямых попаданий нашей артиллерии несколько вражеских машин загорелось. Но противник усиливал натиск. Немецкие танки ворвались на рубеж, обороняемый советскими воинами. Казалось, что полк не выдержит и оставит позиции. Я заметил, как подполковник Е. И. Василенко, командовавший в то время дивизией, тревожно переглянулся с комиссаром соединения И. Ф. Абаулиным.

Полковой комиссар Абаулин двинулся к выходу, доложив мне, что направляется в боевые порядки, ибо обстановка требует быть там.

— Правильно, — одобрил я. — Пошли вместе.

Где скорым шагом, а где и перебежками мы пробрались к оборонительному рубежу, на котором сосредоточивался переброшенный из резерва отряд истребителей танков. Противник предпринял атаку.

Наша артиллерия усилила огонь. Строй атакующих нарушился. Но несколько вражеских танков все же прорвались сквозь зону огня и приблизились к первой траншее. И тут в танки полетели связки гранат и бутылки с горючей смесью. Почти одновременно вспыхнули 4 неприятельские машины. В течение короткого времени враг потерял 20 танков и отступил.

Бессмертный подвиг в бою под Дьяково совершил младший политрук Хусен Андрухаев. Окруженный озверевшими эсэсовцами из дивизии «Викинг», он отстреливался до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Но

вот у советского воина не осталось ни одного патрона. Гитлеровцы с криками «Рус, сдавайся!» ринулись к нему, намереваясь захватить в плен раненого политрука. Но напрасно враги торжествовали. Грозен и страшен был в своем гневе советский воин, схвативший в руки гранаты. Коммунист Андрухаев предпочел смерть плену. Он подорвал себя и окруживших его эсэсовцев. Младшему политруку Хусену Бережевичу Андрухаеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И вот три года спустя после того памятного боя под Дьяково я вновь встретился с воинами 15-й гвардейской стрелковой дивизии и убедился, что здесь свято чтут память героев и традиции хранить умеют. В соединении была учреждена снайперская винтовка имени Героя Советского Союза Х. Андрухаева. Приняв почетное оружие как боевую эстафету, гвардии старшина Николай Ильин уничтожил 494 фашиста и создал подразделение снайперов, наводившее ужас на врага.

Совсем недавно в новом здании Центрального музея Советской Армии я увидел посеченную осколками знаменитую винтовку № КЕ-1729. На потемневшем ее прикладе тускло поблескивала металлическая пластинка с выгравированной надписью: «Имени Героев Советского Союза Х. Андрухаева и Н. Ильина». Так воин, принявший оружие героя, сам стал героем.

В 15-й гвардейской стрелковой дивизии была и гаубица № 8437, носившая имя Героя Советского Союза Михаила Хвостанцева. Этот отважный артиллерист вступил в единоборство с 20 фашистскими танками и погиб, защищая родной Сталинград. От берегов Волги до Вислы прошло с боями прославленное орудие. Расчет гаубицы, носящей имя героя, проявил на плацдарме железную стойкость, отражая многочисленные контратаки врага.

Когда прославленная дивизия прибыла на сандомирский плацдарм, в ее рядах осталось не так уж много ветеранов. Но о боях под Дьяково и Сталинградом, о первых героях соединения знали все молодые солдаты. Знали и подражали им.

Львовско-Сандомирская операция, продолжавшаяся полтора месяца, отличалась исключительным напряже-

нием боев, большим размахом, искусным маневром подвижными соединениями и значительными результатами. Войска фронта нанесли сокрушительное поражение группе немецких армий «Северная Украина», разгромив 32 дивизии и полностью уничтожив 8 дивизий противника.

Подводя итоги многодневных боев, Военный совет 1-го Украинского фронта 23 августа 1944 года направил донесение Верховному Главнокомандующему. Мы доложили, что противник за период 5—22 августа, создав группировку на западном берегу Вислы в составе 6 танковых дивизий, 1 мотодивизии и 7 пехотных дивизий, нанес 4 серьезных контрудара по нашим войскам, ставя себе задачей, как установлено пленными и захваченными документами, разбить и отбросить наши войска на восточный берег реки.

Наши войска отбили все атаки. Убито — 40 тысяч, подбито танков — около 300. Наша разведка установила, что противник будет продолжать контратаки.

Дальнейшие события подтвердили предположение фронтовой разведки. Гитлеровцы многократно пытались потеснить советские войска и на различных участках предпринимали довольно сильные контратаки. Впрочем, они носили местный характер, ибо обескровленный противник на большее не был способен.

23 августа 60-я армия во взаимодействии с частями 5-й гвардейской армии штурмом овладела городом Дембица — крупным центром авиационной промышленности и важным узлом коммуникаций на краковском направлении.

Салют Москвы в честь освободителей Дембицы как бы подводил итоговую черту наступательной операции. Наши войска, продвинувшиеся на львовско-сандомирском направлении до 350 километров, нуждались в отдыхе. Требовалось принять пополнение, доукомплектовать части боевой техникой, подтянуть резервы и тылы, привести в порядок войсковое хозяйство.

В ходе Львовско-Сандомирской операции войска фронта завершили освобождение западных районов Украины, за исключением Закарпатья, восстановили государственную границу СССР на широком фронте и приступили к изгнанию фашистских оккупантов из юго-восточных областей братской Польши.

Мы нанесли противнику огромнейшие потери. Из 56 противостоявших нам немецких дивизий 8 были уничтожены полностью, а 32 потеряли 50 и более процентов личного состава.

Отчизна высоко оценила массовый героизм воинов 1-го Украинского фронта. 325 частей и соединений были награждены орденами, а 228 получили почетные наименования Львовских, Станиславских, Владимир-Волинских, Рава-Русских, Дрогобычских, Сандомирских, Висленских. Более 123 тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов фронта были отмечены орденами и медалями, а 160 человек удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе — полковники А. А. Головачев, Д. А. Драгунский, З. К. Слюсаренко, капитан А. И. Якушев, старший сержант С. П. Горбунов, младший сержант А. М. Чупин и другие. Полковники В. С. Архипов и И. И. Якубовский удостоены второй медали «Золотая Звезда», а храбрейший и искуснейший сокол нашей страны полковник А. И. Покрышкин — третьей медали «Золотая Звезда».

Битва на Висле завершилась захватом сандомирского плацдарма, который в ходе ожесточеннейших боев был расширен до 75 километров по фронту и 50—60 километров в глубину и приобрел оперативное значение. Он сыграл затем огромную роль при проведении крупнейшей наступательной Висло-Одерской операции, завершившейся перенесением боевых действий на территорию Германии.

НА ПОМОЩЬ ВОССТАВШЕЙ СЛОВАКИИ

Из-за Карпатских гор к нам проникали вести о том, что в Словакии усиливается антифашистская борьба трудящихся масс, руководимых находившейся в подполье Коммунистической партией Чехословакии, что в стране назревает революционный взрыв.

В конце августа 1944 года события в Словакии развивались с невероятной быстротой. Напуганный размахом партизанского движения, марионеточный президент Тисо запросил у Гитлера помощи. 29 августа в Словакию вступили немецко-фашистские войска, начав открытую оккупацию страны. По призыву Коммунистической партии словацкие партизаны, поддержанные советскими партизанскими соединениями, и вооруженные отряды рабочих поднялись на борьбу за свободу и независимость страны. Эти выступления переросли в общенародную борьбу с иноземными поработителями.

Из района восстания в штаб 1-го Украинского фронта прибыл партизанский командир В. И. Ягупов и подробно информировал Военный совет о положении дел в Словакии.

Кажется, в тот же вечер 29 августа фронтовые радисты поймали первое сообщение повстанческой радиостанции о том, что вооруженное восстание в Словакии разрастается и приняло общенародный характер. Сообщалось о боях в Банска-Бистрице, о первых успехах, первых победах.

С тех пор наши радисты постоянно дежурили на этой волне, записывая все сообщения. В одной из передач говорилось, что Словацкий национальный совет взял в свои руки законодательную и исполнительную власть. С городом Банска-Бистрица, ставшим политическим центром восстания, была установлена постоянная связь.

Рано утром 31 августа меня разбудил дежурный офицер штаба фронта и доложил, что на один из наших аэродромов совершили посадку три самолета с офицерами словацкой армии и в ближайшее время ожидается прибытие еще нескольких экипажей. Командующий распорядился доставить в штаб фронта перелетевших на нашу сторону старших офицеров.

Вечером в кабинет Маршала Советского Союза И. С. Конева вошел словацкий полковник Тальский, заместитель командира Восточнословацкого корпуса. Он сообщил, что офицеры и солдаты 1-й и 2-й словацких дивизий, недовольные гитлеровской оккупацией страны, готовы выступить против немецко-фашистских войск. Эти соединения могут поддержать боевые действия Красной Армии ударом по врагу с тыла, чтобы затем соединиться с советскими войсками.

И. С. Конев заявил от имени Военного совета, что наши войска полны решимости оказать братскую помощь восставшему народу Словакии. Мы с одобрением отнеслись к патриотическим намерениям словацких военнослужащих, пожелавших встать на сторону народа, порвать с предательской кликой Тисо и внести свой вклад в благородное дело борьбы с фашистскими оккупантами.

Большого доверия словацкий полковник не вызывал, но мы не вправе были отклонять заманчивое предложение о совместных боевых действиях. После консультации с Москвой переговоры с полковником В. Тальским приняли более конкретный характер. Был намечен предварительный план. Предполагалось, что 1-я и 2-я пехотные дивизии Восточнословацкого корпуса, расположенные вдоль границы, захватят перевалы через Карпатский хребет и помогут советским войскам выйти на оперативный простор.

Мы, разумеется, не довольствовались сведениями, полученными от офицеров словацкой буржуазной армии. Информация о событиях в Словакии поступала к

нам из разных источников. В район восстания был командирован представитель штаба партизанского движения при 1-м Украинском фронте В. Н. Кокин, который подробно и объективно докладывал нам о событиях в Словакии.

Военный совет и политуправление фронта непрерывно докладывали ЦК ВКП(б), Ставке Верховного Главнокомандования и начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову о положении дел в повстанческом районе Средней Словакии.

В наших политдонесениях говорилось, что вместе с повстанцами действуют советские и смешанные словацко-советские партизанские соединения и отряды, что в повстанческом движении участвуют не только наши боевые группы, инструкторы, подрывники и другие специалисты, переброшенные воздушным путем, но и многие военнопленные, бежавшие из фашистских концлагерей, что симпатии населения повстанческого района Словакии к Советскому Союзу огромны.

Мы сообщали ЦК ВКП(б) и Главному политическому управлению Красной Армии о движущих силах восстания, об организаторской деятельности Коммунистической партии Чехословакии. В руководстве Словацким национальным восстанием самое непосредственное и активное участие принимали Г. Гусак, К. Шмидке, Я. Шверма, Л. Новомеский и другие видные деятели.

В своей книге «Свидетельство о Словацком национальном восстании» первый секретарь ЦК КПЧ доктор Густав Гусак вспоминает:

«Когда восстание началось, советская помощь была оказана немедленно, и она являлась единственным и решающим фактором того, что в течение двух месяцев выдерживалась открытая вооруженная борьба против нацистских дивизий. Нужно высоко оценить советскую помощь оружием, переправлявшимся по воздуху. Первая крупная партия была доставлена на аэродром «Три дуба» в ночь на 5 сентября — главным образом противотанковые ружья и боеприпасы, которые немедленно были отправлены на фронт, прежде всего в район Врутека. Эти воздушные поставки продолжались, если позволяла погода, почти каждую ночь.

С первых сентябрьских дней советское командование приступило к подготовке самого важного средства по-

мощи Словацкому национальному восстанию — к удару на Карпаты...»¹

Докладывая Ставке Верховного Главнокомандования о перелете на нашу сторону группы словацких самолетов, Военный совет изложил и свои соображения о проведении наступательной операции.

«Наш фронт, — доносил Военный совет И. В. Сталину, — в районе Кросно находится от словацкой границы на удалении 30—40 км. Для соединения со словацкими частями и партизанским движением Словакии, если будет Ваше решение, целесообразно было бы провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта для выхода на словацкую территорию в район Стропков, Медзилабарце.

Для операции 1-й Украинский фронт может привлечь четыре стрелковые дивизии 38-й армии и 1-й гв. кавалерийский корпус. Направление удара — Кросно, Дукля, Тылява. На это же направление желательно привлечь 1-й чехословацкий корпус. Операцию можно начать через 7 дней. Прошу Ваших указаний по этому вопросу».

Ставка Верховного Главнокомандования своей директивой от 2 сентября 1944 года обязала 1-й Украинский фронт начать подготовку к наступлению, чтобы оказать помощь словацким патриотам. Воины горели желанием быстрее вступить в бой и выволить братьев-словаков из фашистской неволи.

Войска фронта, прошедшие тысячи километров по степям и равнинам, не имели опыта ведения боевых действий в горах. А этот вид боя, как известно, изобилует многими особенностями. Резко пересеченная местность усложняла применение танков, ограничивала маневр войск. Неустойчивая погода и низкая облачность, довольно часто окутывавшая высоты, затрудняли действия авиации. Даже стрельба из минометов в горах требовала особого навыка, ибо прозрачность воздуха скрадывала расстояние. А вождение автомашин по крутым спускам и подъемам, а форсирование горных рек и ручьев, бурлящих в глубоких ущельях, — да разве перечислить все трудности и особенности боевых действий в условиях горного театра войны!

¹ «За рубежом», 1969, № 38 (483), стр. 25.

Перед командирами и политорганами соединений, сосредоточенных в предгорьях Карпат, встала задача быстрее перестроить свою боевую деятельность, научить солдат, сержантов и офицеров воевать в горах, ознакомить войска с основными принципами горной тактики, когда обход и охват являются главным видом маневра, а роль мелких подразделений необычайно возрастает.

Военный совет и политическое управление фронта обратились к войскам нашего левого крыла с призывом: «Вперед, на помощь братьям-словакам!»

Развернув деятельную подготовку к наступательной операции, Военный совет и политотдел 38-й армии обязали командиров и политорганы разъяснить всем воинам, что Чехословакия является нашей союзницей, дружественной страной, что чехи и словаки, подпавшие под иго фашизма, ждут советских воинов как освободителей и наше отношение к ним должно быть самым теплым, дружественным. Политработники проинформировали личный состав о том, что вместе с советскими войсками в Карпатах будет наступать 1-й чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Л. Свободы, который примет активное участие в освобождении своей родной страны.

За день до начала Карпатско-Дуклинской наступательной операции, подготовленной в чрезвычайно сжатые сроки, из района восстания поступили тревожные сообщения о натиске эсэсовских дивизий, о зверствах и терроре гитлеровцев в Словакии, об измене некоторых высших словацких офицеров, заверявших, что они выступят против гитлеровцев и помогут своему народу и Красной Армии. В последний момент часть офицеров словацкой буржуазной армии заколебалась, а некоторые опять переметнулись на сторону фашистской марионетки Тисо.

Положение усложняли интриги эмигрантского буржуазного правительства в Лондоне и его эмиссаров, которые всячески норовили изолировать словацкую армию от народа, от партизанского движения. Дело кончилось тем, что гитлеровцы ко 2 сентября разоружили 1-ю и 2-ю дивизии Восточнословацкого корпуса. А ведь именно эти дивизии, как предполагалось, должны были помочь советским войскам преодолеть Карпаты. Теперь же

все перевалы и горные дороги оседлали гитлеровские части. Такова была обстановка.

В труднейших условиях, встречая сильнейшее противодействие врага, войска левого крыла 1-го Украинского фронта и правого крыла 4-го Украинского фронта (1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко) 8 сентября начали наступательную операцию в Карпатах. На нашем участке из района Кросно наступала 38-я армия под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко (член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев, начальник штаба генерал-майор В. Ф. Воробьев). Она усиливалась 1-м гвардейским кавалерийским и 25-м танковым корпусами. В составе этой армии действовал и 1-й чехословацкий армейский корпус.

Наши войска прорвали вражеские укрепления в первый же день, но наступление развивалось медленно. Немецко-фашистское командование подбрасывало к месту прорыва новые соединения. Частям 38-й армии противостояло семь вражеских дивизий, из них две танковые.

Бои в Карпатах шли за каждую высоту. Штурмовые группы обходили опорные пункты, стремясь проникнуть в самое сердце вражеской обороны.

Советским воинам помогали местные жители. Искусный охотник-следопыт Андрей Бобак скрытыми горными тропами провел к тылу врагу батальон майора Федорченко.

На привале в минуту затишья Андрей Бобак по просьбе политработника поделился опытом, рассказал бойцам, как в горной местности отыскать путь, найти не обозначенную на карте тропу.

Вызвавшись быть проводником у наших разведчиков, Андрей Бобак заметил возле ручья свежие следы.

— Стоп, — сказал он. — Здесь были фашисты.

Следы вели в двух направлениях: на высотку, где располагался неприятельский секрет, и к населенному пункту, где находился штаб. Внезапное нападение советских воинов обеспечило боевой успех.

Наши части смело предпринимали обходные маневры, уничтожая очаги сопротивления. Солдатам порой приходилось быть скалолазами. Вооружившись самодельными альпенштоками, канатами и веревками, они взбирались на горные кручи, на выюках и вручную доставляли на новые позиции оружие и боеприпасы. Положение

осложнили дожди, испортившие и без того малочисленные и плохие дороги. И все же бои в Карпатах не утихали ни днем, ни ночью.

Выполняя интернациональный долг и спеша спасти восставших братьев-словаков, советские воины неутомимо и настойчиво пробивались к перевалам, штурмуя скалистые горы и долговременные укрепления гитлеровцев.

В результате наступления нам удалось пробить 2-километровую брешь в обороне противника.

И. С. Конев не замедлил бросить в прорыв 1-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал гвардии генерал-лейтенант В. К. Баранов. Сбивая заслоны врага и ломая его яростное сопротивление, кавалеристы темной ночью устремились в пробитую брешь и к утру 13 сентября по горно-лесистой местности продвинулись на 18—20 километров, вступив на территорию Словакии.

Однако наступление кавалерийского корпуса не принесло желаемого перелома. Немецко-фашистским войскам удалось перекрыть брешь в своей обороне и отрезать прорвавшихся к ним в тыл конников. Пришлось с помощью авиации снабжать их продовольствием, фуражом и боеприпасами.

Начальник разведотдела штаба фронта генерал-майор Ленчик докладывал о противостоявшей нам в районе Карпат армейской группе «Хейнрици» и появлении перед 38-й армией новых немецких танковых дивизий. Это, разумеется, беспокоило нас, но вместе с тем мы понимали, что концентрация здесь противника заметно облегчает участь повстанцев. Ведь некоторые фашистские части были переброшены к Дукле из глубинных районов Словакии. Я не говорю уже о том, что на нашем участке гитлеровцы несли огромные, невосполнимые потери в живой силе и технике.

Военный совет фронта активно оказывал помощь словацкому народу, восставшему против немецких оккупантов. Так, например, в сентябре 1944 года советское командование перебросило в район восстания сформированные на территории СССР 2-ю чехословацкую парашютнодесантную бригаду, 1-й чехословацкий авиаполк, а также советских офицеров-инструкторов и партизанских командиров.

16 сентября был образован Главный штаб партизанского движения Словакии. Начальником этого штаба был назначен К. Шмидке, а его заместителями — Р. Сланский и советский партизанский командир полковник А. Н. Асмолов. Одним из руководителей партизанского центра стал прибывший в конце сентября в район словацкого восстания Ян Шверма.

Военный совет 1-го Украинского фронта поддерживал связь с Главным штабом партизанского движения Словакии и оказывал посильную помощь. Только с 5 по 18 сентября наши летчики доставили словацким повстанцам на аэродром «Три дуба» 1,5 миллиона патронов, 580 автоматов, 250 ручных и 74 станковых пулемета, а также противотанковые ружья и противотанковые пушки.

Экипажи транспортных самолетов 2-й воздушной армии работали с предельной нагрузкой, но не могли обеспечить всем необходимым повстанцев. Мы вынуждены были обратиться в Москву за помощью. Телеграмма, отправленная в Ставку 17 сентября, гласила:

«Для доставки боеприпасов, вооружения, авиационного бензина и бомб чехословацкому авиаполку, бригаде и повстанческой армии в Средней Словакии необходимо ежедневно 60—80 транспортных самолетов. Конев, Крайнюков, Соколовский».

Ставка выделила некоторое число транспортных самолетов, и «воздушный мост», проложенный в повстанческий район, сыграл весьма положительную роль.

После семидневных боев И. С. Конев, находившийся на наблюдательном пункте 38-й армии, проанализировал создавшееся положение и пришел к выводу, что фронтальные атаки вдоль шоссе Кросно — Дукля успеха не принесут, так как противник подтянул резервные соединения и наше временное превосходство в силах и средствах уже утрачено. Он приказал генералу К. С. Москаленко перенести главные усилия с правого фланга армии на левый и передал из своего резерва в его распоряжение 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова.

15 сентября на левом фланге 38-й армии возобновились наступательные действия. Но и атаки кантемировцев желаемого результата не принесли. Тогда был введен в сражение 31-й танковый корпус, возглавляемый

генералом В. Е. Григорьевым. Мощный массированный удар двух танковых корпусов в районе Сенявы принес успех. Взаимодействуя с пехотинцами, артиллеристами и авиацией, наши танкисты прорвались по узкому горному проходу в глубь вражеской обороны и заставили противника отойти с рубежа Дукля, Рыманув.

В наступательных боях отличился экипаж самоходной артиллерийской установки, возглавляемый коммунистом Цимакуридзе. Когда началась Отечественная война, отец пяти детей Еремия Цимакуридзе добровольно пошел на фронт. В тяжелом бою под Керчью он был ранен, под Сталинградом — вторично. Воин-коммунист не покинул боевого строя. Он учился, овладевал самоходной артиллерией. Форсируя Сан, Еремия Цимакуридзе поджег первую фашистскую «пантеру». В дни боев в Восточных Бескидах кандидатами в члены партии были приняты его соратники — Федор Сухоруков и Борис Кузнецов. Экипаж, ставший коммунистическим, уничтожил еще семь немецких танков.

При штурме Гировой горы, являвшейся важным опорным пунктом гитлеровцев на подступах к Дуклинскому перевалу, наступательный порыв и отвагу проявили воины 1-го чехословацкого армейского корпуса.

В ходе тяжелых боев, продолжавшихся с 15 по 24 сентября, наши войска соединились с находившимся в тылу врага 1-м гвардейским кавалерийским корпусом и продвинулись еще на два десятка километров вперед, подойдя вплотную к Главному Карпатскому хребту.

Командование 38-й армии энергично и неукротимо готовило войска к решающему штурму Дуклинского перевала, сосредоточивало части, подтягивало растянувшиеся по раскисшим из-за осенних дождей горным дорогам войсковые тылы.

В те дни мы с начальником политуправления фронта генерал-лейтенантом С. С. Шатиловым побывали в частях 1-го чехословацкого корпуса, не раз встречались и беседовали с генералом Людвигом Свободой и руководящими работниками отдела просвещения (орган, во многом равнозначный нашему политотделу). Отдел просвещения корпуса возглавлял замечательный политработник и бесстрашный офицер, член Коммунистической партии Чехословакии Я. Прохазка, оказывавший вместе со своим аппаратом огромное партийное влияние на

все стороны боевой деятельности соединения. Встретились мы и со многими солдатами, унтер-офицерами и офицерами корпуса. Все они горели желанием ринуться в бой с ненавистным врагом, быстрее прийти на родную землю.

— Вот и к родному дому подошли, — не скрывая радостного волнения, сказал генерал Свобода. — Еще в далеком Бузулуке, где в сорок втором году формировался наш первый батальон, мы мечтали об этом дне. И вот она, отчая земля, совсем рядом и ждет нас, сыновей своих.

Запел зуммер полевого телефона. Генерал взял трубку и нахмурился. Командир одной из бригад сообщал, что гитлеровцы предприняли контратаку. Подразделение отразило врага, удержало рубеж, но понесло потери. Выбыло из строя около 10 процентов личного состава.

Приказав своему резерву атаковать гитлеровцев, Людвик Свобода положил трубку и сумрачно проговорил:

— Да, некоторые не дошли на родину. В нескольких шагах от чехословацкой границы погибли...

Потом мы поехали по подразделениям. В частях корпуса офицеры зачитывали обращение генерала Свободы.

«Не забывайте никогда, кто нам помог, чтобы мы могли стоять здесь с оружием в руках на пороге своей родины, — говорилось в обращении, — чтобы уже завтра начать ее освобождение от ненавистных поработителей... Это великий Советский Союз, это славная Красная Армия... Мы являемся поэтому должниками благородного союзника. Верность за верностью! Мы вместе переживаем трудности и горе, мы вместе в бою, мы будем навсегда вместе в вечной дружбе и союзе. Это обеспечит нашей родине постоянную безопасность, свободную и счастливую жизнь».

На митинге в одном из чехословацких батальонов, который находился в резерве, довелось выступить и мне. Даже и переводчика не потребовалось. Братья по оружию хорошо понимают друг друга.

— Да, мы вечные друзья, и у нас единая цель, — сказал я. — Мы совместно разгромим гитлеровцев, которые пытались потопить в крови славянские и другие народы, поставить их на колени и сделать рабами. Тот

народ, который борется за свободу, никогда не будет побежден. Победа близка, перед вами родная чехословацкая земля. Она еще стонет под пятою фашизма и призывает к освобождению. Завтра мы вместе пойдем в бой. Советские воины будут самоотверженно драться за освобождение Чехословакии и сокрушат фашизм.

Беседуя с чехословацкими воинами, мы повсюду слышали настоятельные просьбы предоставить им честь пойти в бой и первыми вступить на территорию своей страны.

В ночь на 5 октября 1-й чехословацкий армейский корпус занял позиции перед Дуклинским перевалом. Наше командование обеспечило корпусу мощную артиллерийскую и авиационную поддержку. Чехословацкой пехотной бригаде, штурмовавшей важную высоту, были приданы советский минометный полк, два стрелковых батальона, батарея 76-мм пушек и другие подразделения.

Войска 38-й армии вместе с боевыми друзьями — чехословацкими воинами начали штурм Дуклинского перевала. Еще не рассеялся утренний туман, как грохот многих сотен артиллерийских орудий и минометов возвестил о начале решающего наступления.

С передового наблюдательного пункта были видны позиции немецко-фашистских войск, покрытые дымками разрывов снарядов и мин. Но вот огонь перенесен в глубину вражеской обороны, и долго в горах не умолкало эхо от прокатившегося русского «ура». В атаку поднялась пехота.

Воины 70-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор И. А. Гусев, и 1-го чехословацкого корпуса под командованием генерала бригады Л. Свободы утром 6 октября овладели Дуклинским перевалом и вступили на территорию Чехословакии.

Гитлеровцы, выбитые с Главного Карпатского хребта, начали отступать, преследуемые нашими войсками. Сбылась заветная мечта чехословацких воинов-патриотов. Они вступили в пределы отечества. Это было трогательное зрелище. Поднявшись на высоту и перешагнув за полосатые столбы, обозначающие границу, командир корпуса генерал Людвик Свобода, Ян Прохазка и другие офицеры, словно сговорившись, опустились на колени и поцеловали родную землю, по которой так

долго тосковали. Здесь, на Главном Карпатском хребте, под самыми облаками советские и чехословацкие воины обнимали друг друга, закрепляя на веки вечные нерушимое братство народов.

Я видел, как на пограничном столбе устанавливался чехословацкий герб, который был сорван фашистскими оккупантами. На границе у дороги кто-то вывесил государственные флаги СССР и Чехословакии. На полотнище было написано по-русски и по-чешски: «Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей. Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!» За этим полотнищем виднелось другое, на нем была надпись на словацком языке: «Красной Армии — освободительнице — наздар!»

Население горных словацких деревушек восторженно встречало советских воинов. Начальник политотдела 38-й армии генерал-майор Д. И. Ортенберг рассказал мне такой эпизод. В одном из пограничных сел в Карпатах он зашел в хату старика Гулика. Со слезами радости на глазах Гулик с женой, его дочь и зять благодарили Красную Армию за освобождение. А когда они узнали, что перед ними стоит генерал Красной Армии и беседует с селянами дружески и просто и что его можно называть товарищем, они были растроганы и потрясены. Старый Гулик несколько раз с удивлением повторял:

— Товарищ генерал, товарищ генерал... Как же это так? Генерал и вместе с тем товарищ!..

Во многих освобожденных населенных пунктах стихийно возникали митинги. Здесь, на Дукле, родился лозунг чехословацких патриотов: «С Советским Союзом на вечные времена!»

6 октября генерал Л. Свобода писал командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза И. С. Коневу:

«В исторический момент перехода границы Чехословацкой республики примите, господин маршал, пламенный боевой привет от всех офицеров, унтер-офицеров и солдат 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР.

Мы счастливы, что в составе войск 1-го Украинского фронта под вашим командованием мы первые из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю.

Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига...

Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов».

Военный совет фронта также тепло поздравил личный состав 1-го чехословацкого армейского корпуса со вступлением в пределы родины и пожелал боевых успехов в окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков и изгнании их с территории Чехословакии.

Овладев Дуклинским перевалом, 38-я армия и 1-й чехословацкий армейский корпус продолжали наступление. На оперативной карте штаба фронта отмечалось не только продвижение наших войск, но и успехи словацких повстанцев, контролировавших значительную территорию. Нас радовали сообщения о боевой активности партизан, наносивших врагу огромный урон. Партизанские соединения и отряды, возглавляемые коммунистами, множили свои ряды за счет местных рабочих и деревенской бедноты, пополнялись опытными советскими партизанами, переброшенными по воздуху, а также советскими гражданами, бежавшими из фашистских концлагерей.

Словацкое народное восстание, переросшее в национально-демократическую революцию, сыграло важную роль в борьбе за социальные преобразования, за свободу и независимость народов страны, за новую единую Чехословацкую республику. Большой размах и ярко выраженный политический характер восстания напугал не только Гитлера и его националистических лакеев, но и эмигрантское буржуазное правительство в Лондоне, выражавшее интересы имущих классов.

Нас, например, удивляла и возмущала инертность, непоследовательность и нерешительность ставленника лондонского правительства Я. Голиана и других буржуазных военных специалистов. Он и подобные ему деятели придерживались выработанной Западом тактики «винтовки, приставленной к ноге». Словацкие воинские части, возглавляемые реакционным генералом Внестом, проявляли пассивность. Этим не замедлили воспользоваться гитлеровцы.

Перегруппировав и подтянув войска, фашисты во второй половине октября обрушились на повстанческий район.

В тот трудный час главную тяжесть борьбы с гитлеровцами приняли на себя партизанские отряды. Руководимый Коммунистической партией Чехословакии, народ не склонил головы перед поработителями. В тяжелой боевой обстановке Главный штаб партизанского движения осуществил реорганизацию соединений и отрядов и их планомерный отход в горы. Активный участник Словацкого восстания генерал-майор А. Н. Асмолов рассказывал мне о мужественном борце за народное дело Яне Шверме. Видный деятель Коммунистической партии, товарищ Шверма, будучи больным, возглавил организованный отход партизан в горы. Ему предлагали эвакуироваться на самолете, но партийный руководитель наотрез отказался покинуть партизан. 10 ноября в неистовую метель при переходе через Хабенецкий перевал Ян Шверма скончался. Он стал национальным героем страны, символом мужества и стойкости.

После Карпатско-Дуклинской операции эмигрантское правительство Бенеша предприняло попытку ликвидировать чехословацкие части в СССР. Руководству фронта стало известно довольно странное предложение министра обороны буржуазного правительства Ингра, переданное через главу чехословацкой военной миссии в СССР генерала Пика. Предлагалось распустить танковые, артиллерийские и авиационные части 1-го чехословацкого армейского корпуса, превратив его в пехотную бригаду. Мотивировалось это тем, что танковая бригада и другие специальные части понесли в горах потери в технике, что пополнить их трудно и т. п. Но мы в этом предложении видели стремление ликвидировать вооруженные силы чехословацкого народа. Нам и раньше было известно, что реакционеры из Лондона мешали организации в 1942 году первого чехословацкого батальона, противились назначению Людвика Свободы, отказывались присваивать офицерские звания закаленным в боях коммунистам, которые приобрели военный опыт еще в интернациональных бригадах в Испании, а затем на территории нашей страны сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Буржуазные военспецы требовали поставить чехословацкие части «вне

политики», даже объявили запрет антифашистской агитации.

Обсуждая на Военном совете фронта вопрос о чехословацком корпусе, мы считали, что у этого соединения большие перспективы и хорошая база роста. Ведь корпус достиг родной земли, и люди труда добровольно вступают в него, в том числе партизаны, участники Словацкого народного восстания. Свертывать это соединение, когда впереди решающие бои за освобождение Чехословакии, никак нельзя.

Заручившись согласием Ставки Верховного Главнокомандования, Военный совет фронта пополнил чехословацкую танковую бригаду новыми боевыми машинами, усилил части артиллерией и другой техникой, восстановил боевую мощь корпуса.

Вскоре 1-й чехословацкий армейский корпус был передан в состав 4-го Украинского фронта и принял участие в боях за полное освобождение своей страны.

Так вопреки проискам эмигрантского буржуазного правительства Бенеша чехословацкий корпус был не только сохранен, но и стал базой для развертывания национальных вооруженных сил. День 6 октября 1944 года стал Днем чехословацкой Народной армии.

В послевоенное время мне неоднократно приходилось бывать в братской Чехословакии. Большое впечатление произвела поездка на празднование 20-й годовщины Словацкого народного восстания. Наша военная делегация летела в Прагу на воздушном лайнере, пилотируемом дважды Героем Советского Союза Дмитрием Глинкой, прославленным асом нашего фронта. В Банска-Бистрице, украшенной красными знаменами и национальными флагами, нас встретили очень радушно. Побывали мы и на знаменитом аэродроме «Три дуба», посидели, вспоминая былое, у традиционного партизанского костра дружбы.

Потом, в 1968 году, мне пришлось снова побывать в Чехословакии. По приглашению министерства обороны ЧССР я находился там в дни празднования 50-летия Советских Вооруженных Сил и выступал с докладом о полувековом героическом пути Советской Армии.

В мае того же года мне, в составе делегации, опять довелось посетить эту страну. Отмечался праздник победы над фашизмом и годовщина освобождения Праги от

гитлеровских захватчиков. В Чехословакию тогда прибыли Маршалы Советского Союза И. С. Конев и К. С. Москаленко, генералы армии А. С. Жадов и Д. Д. Лелюшенко, генерал-полковник А. И. Родимцев, генерал-полковник авиации А. И. Покрышкин и другие участники освобождения Чехословакии от фашистских оккупантов.

По приезде наша делегация была принята в Пражском Граде президентом республики Людвиком Свободой. Встреча с ним была сердечной и задушевной. Вспомнили мы Киевское сражение, бои под Соколов, Белой Церковью и в Карпатах, бои, за которые Советское государство наградило чехословацкого генерала орденом Ленина и орденом Суворова I и II степени. На груди у президента ныне сверкают три Золотые Звезды. Дважды Герой ЧССР в день семидесятилетия был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Президент ЧССР Л. Свобода в газете «Правда» писал:

«Нам никогда не забыть советских людей, отдавших свою жизнь за нашу свободу. Только на нашей территории пало более 140 тысяч воинов Советской Армии. Боевым подвигам советских войск и всего советского народа мы прежде всего обязаны за то, что были сорваны планы гитлеровцев, направленные на физическое уничтожение наших народов, и за то, что была восстановлена независимость чехословацкого государства»¹.

¹ «Правда», 28 октября 1968 г.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Однажды порученец майор В. А. Иванов пришел из штаба взволнованный и положил на мой стол ворох новых карт.

— Посмотрите, товарищ генерал, что прислали! — радостно воскликнул он, поспешно развертывая новые хрустящие листы. — Вы видите, что на них написано: «Краков», «Бреслау»... И берлинский лист выдали!

Что ж, на повестку дня война поставила и эти листы.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, начальник штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский, начальник оперативного управления генерал-майор В. И. Костылев, Военный совет уже занимались первоначальными наметками и прикидками, вынашивая предварительный замысел большой наступательной операции, которая вошла в историю Великой Отечественной войны под названием Висло-Одерской.

Войска неутомимо готовились к новым боям.

Командиры и политработники изучали опыт наступления. Рекомендовав творчески осмыслить итоги минувшей операции, командующий, Военный совет и штаб фронта разработали для командирских занятий и военно-научных теоретических конференций примерную тематику, включив в нее такие вопросы: как достичь внезапности при подготовке операции; построение войск при прорыве обороны противника; ввод танковых армий в прорыв; взаимодействие войск при ведении боя в оперативной глубине; опыт окружения бродской группировки противника и ее ликвидация; боевые действия войск при форсировании Вислы, захвате и удержании плац-

дарма; о повышении эффективности огня всех видов оружия в наступлении, а также другие вопросы.

Усиленно обучались и политорганы. Они за годы войны, можно сказать, по-настоящему военизировались. Стали глубже, полнее, со знанием дела вникать в боевую деятельность войск, лучше понимать оперативное искусство и тактику. А это, несомненно, повышало действенность политработы, помогало нашим боевым успехам.

В эти дни мы ближе познакомились с прибывшими в состав фронта 21, 52, 6 и 59-й армиями и установили деловые отношения с командующими армий генералами Д. Н. Гусевым, К. А. Коротеевым, В. А. Глуздовским, И. Т. Коровниковым, членами военных советов генералами В. П. Мжаванадзе, А. Ф. Бобровым, В. Я. Клоковым, П. С. Лебедевым, начальниками политотделов генерал-майором Х. С. Надоршиным, полковниками А. А. Быстрым, А. Г. Королевым, П. Н. Михайловым. Все они прошли суровую школу войны и обладали богатым боевым опытом. Военный совет и политическое управление фронта стремились извлечь из их боевой практики все ценное в организации партийно-политической работы и одновременно поделиться своими достижениями в этой области. Требовалось ознакомить военные советы и политорганы вновь прибывших армий с особенностями боевой деятельности в новых условиях — за рубежами родной земли. Теперь роль военных советов еще более возросла. Они призваны были успешно осуществлять политику Коммунистической партии и Советского правительства в решении благородных целей освобождения народов Европы от фашистских захватчиков.

Решая множество задач, политорганы занимались и воспитанием у воинов ненависти к фашистам. Мы получали сводки и донесения о злодеяниях захватчиков на территории Польши и использовали эти данные в своей пропагандистской работе. Гитлеровская оккупация сопровождалась кровавым террором. Страна покрылась густой сетью концентрационных лагерей, где погибло множество советских патриотов и польских антифашистов, а также граждан других стран Европы. В Жешуве, например, эсэсовские палачи расстреляли 20 тысяч польских граждан, в Лежайске — 2500 человек.

Когда войска 1-го Белорусского фронта освободили город Люблин, весь мир содрогнулся, узнав о чудовищных преступлениях фашистских палачей в концлагере Майданек. Командиры и политорганы большинства соединений фронта по рекомендации Военного совета направили в Майданек делегации. Воины, побывавшие там, рассказывали потом бойцам о крематориях и газовых камерах, в которых были сожжены и отравлены миллионы людей, о глубоких рвах, заполненных трупами, об изуверских методах, с помощью которых нацистские палачи осуществляли «расовую теорию» Гитлера, замыслившего стереть с лица земли многие страны и народы.

«Какой ужас! — писал в своем дневнике агитатор батареи из 29-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии старшина Качан. — Кровь стынет в жилах, когда читаешь статью Константина Симонова о лагере смерти вблизи Люблина. Смотрю на фотографии казненных и решаю: сегодня же надо рассказать об этом всей батарее. Минуты затишья. Собрался весь состав батареи. Читаю статью Симонова. На лицах воинов боль за страдания людей, а в глазах — решимость беспощадно мстить врагу.

Чтение окончилось. Коммунист Гуров произнес:

— Для фашистских варваров трудно придумать наказание, которое они заслужили.

А Грайворонский добавил:

— За совершенные преступления должны сполна ответить все прямые и косвенные исполнители приказов гитлеровских извергов.

Больше никому не удалось высказаться. Раздалась громкая команда «К бою!».

После первых наших залпов противник открывает из шестиствольных минометов ответный огонь. А когда фрицы пошли в контратаку, командир батареи Быбко поддал с НП команду:

— За жертвы Майданека по фашистским палачам — огонь!

Мы отомстили врагу. Противник недосчитался двухсот солдат, бронетранспортера и батареи шестиствольных минометов».

В суровой школе войны советский солдат учился понимать свою высочайшую ответственность за судьбы

человечества. Он шел на бой ради того, чтобы навсегда развеять фашистскую тьму и чтобы над многострадальной Европой засияло солнце свободы.

Бойцы живо интересовались международными вопросами, событиями, происходившими на освобождаемых землях.

Высокое морально-боевое состояние войск подкреплялось материальной силой. Если под Киевом в составе фронта мы имели 684 самолета, то на Висле их насчитывалось уже 2582, если на Днестре в войсках фронта было 675 танков и САУ, то к началу Висло-Одерской операции мы располагали 2255 танками и 989 самоходно-артиллерийскими установками. Более чем в два раза увеличилось в войсках фронта количество артиллерийских и минометных стволов, почти в десять раз возрос автомобильный парк.

Наши резервные части, находившиеся на восточном берегу Вислы и Вислоки, использовали в учебных целях немецкие военные городки и огромный полигон, расположенный возле Дембицкого леса. Оборудованы они были добротно. Здесь в свое время готовились к вторжению в Советский Союз отборные войска фашистского вермахта.

Когда мы прибыли на полигон в 4-ю танковую армию, нас окружили воины. Посыпались вопросы:

— Скоро ли наступление?

— А попадем ли мы в Берлин?

Я порекомендовал солдатам упорнее учиться, готовиться к победным боям, чтобы наголову разбить врага на Висле, а затем идти и до Берлина.

Войскам 1-го Украинского фронта ставилась задача совместно с 1-м Белорусским фронтом разгромить в Висло-Одерской операции группу немецко-фашистских армий «А», полностью освободить Польшу и восстановить историческую справедливость, вернув братскому польскому народу его исконные западные земли.

Подготовка к операции шла в невиданных доселе темпах. Поскольку немецкое наступление в Арденнах поставило англо-американские армии в катастрофическое положение, объятый тревогой У. Черчилль просил И. В. Сталина ускорить начало советского наступления. По приказу Ставки войска 1-го Украинского фронта, выполняя союзнический долг, на восемь дней раньше ус-

тановленного срока начали Висло-Одерскую наступательную операцию, отличавшуюся большим размахом, глубоким и широким маневром, быстрыми темпами, массированным применением артиллерии, авиации, танков. Недаром она вошла в историю военного искусства как классическая военная операция.

12 января 1945 года, перейдя в наступление, войска 1-го Украинского фронта положили начало завершающей кампании Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Она, как известно, состояла из целого ряда наступательных операций многих фронтов. После Висло-Одерской, Нижне-Силезской и Верхне-Силезской операций была знаменитая Берлинская битва. И наконец — освобождение войсками 1-го Украинского фронта столицы Чехословакии Праги, которым был ознаменован исторический День Победы — 9 мая 1945 года.

Но эти заключительные сражения заслуживают особого разговора. Я же ставил себе более скромную задачу.

Более четверти века прошло с тех пор, как отгремели победные залпы. Поседевших в сражениях ветеранов сменила замечательная, всесторонне развитая, энергичная молодежь. Вместе с боевой эстафетой нам полезно передать молодым командирам и политработникам богатый опыт минувших дней, доставшийся ценой огромных усилий, испытаний, жертв и имеющий непреходящую ценность. Повествуя о некоторых событиях Отечественной войны, я одновременно решил рассказать о практике партийно-политической работы в боевой обстановке.

Если это в какой-то мере мне удалось, буду считать, что я выполнил свой долг.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дорога к Диспру	3
Дашь правый берег!	17
Новое назначение	35
Накануне Киевской операции	44
Крепла партийная сила	55
В наступление!	71
Замысел врага сорван	91
Житомирско-Бердичевская операция	113
Корсунь-шевиченковский котел	133
И снова вперед	171
Выход на государственную границу	194
Политработники готовятся к наступлению	217
В Ставке	227
Броды, Львов, Перемышль	238
На земле польской	278
Сандомирский плацдарм	305
На помощь восставшей Словакии	323
Вместо заключения	339

Константин Васильевич Крайнюков

ОТ ДНЕПРА ДО ВИСЛЫ

Редакторы *Н. М. Борискин* и *И. И. Свиридошкин*

Художник *Б. С. Иванов*

Художественный редактор *А. М. Голакова*

Технический редактор *Н. Я. Макарова*

Корректор *Л. В. Чалак*

Г-83671. Сдано в набор 23.10.70 г.

Подписано в печать 7.4.71 г.

Формат бумаги 84×108¹/₂. Печ. л. 10¹/₄. Усл. печ. л. 18,060 +

+ 4 вкл. — 1¹/₁₆ печ. л. — 2,205 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 20,109. Бумага № 1. Тираж 100000 экз.

Изд. № 3/5458.

Цена 1 р. 00 к.

Зак. 309.

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство

Министерства обороны СССР, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3